Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт славяноведения РАН

На правах рукописи

Гусев Никита Сергеевич

БОЛГАРИЯ И СЕРБИЯ В РУССКОМ ОБЩЕСТВЕННОМ МНЕНИИ В ПЕРИОД БАЛКАНСКИХ ВОЙН 1912–1913 ГГ.

Специальность 07.00.03 – всеобщая история

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук
Шемякин А.Л.

Москва 2015

Введение. 4

Глава I. Первая балканская война и русское общество. 83

§ 1. Реакция русского общества на начало Первой балканской войны . 83

§ 2. Отличия в отношении к Первой балканской войне среди разных слоев общества и политических сил 108

§ 3. Падение Адрианополя, население и полиция 127

§ 4. Причины симпатий к Балканскому союзу 149

Глава II. Борьба болгар и сербов за русские симпатии в 1912–1913 гг. 170

§ 1. Осознание Софией и Белградом необходимости поддержки со стороны русского общественного мнения. 170

§ 2. Создание «нужного» восприятия войны на Балканах 177

§§ 2.1. Построение образов жестокого «чужого» и благородного «своего» 178

§§ 2.2. Конструирование справедливого и народного характера войны. 189

§ 3. Борьба за Адриатику при помощи русского общества. 199

§§ 3.1. Черногорский «фронт» 200

§§ 3.2. Сербский «фронт» 208

§ 4. Информационная битва за Македонию 221

§§ 4.1. Подготовка 224

§§ 4.2. «Сражение» 236

§ 5. Эффективность воздействия общественного мнения на политику.261

Глава III. Болгария и Сербия в восприятии русского общества во время Балканских войн 267

§ 1. Военно-политическое руководство обеих стран глазами русских. 267

§ 2. Города и столицы союзных государств 296

§ 3. Нравы и характеры народов 304

§ 4. Вооруженные силы. 310

§ 5. Отношение к войне в Болгарии и Сербии в представлении русских. 341

§§ 5.1. Реакция на объявление Первой балканской войны 341

§§ 5.2. Мотивы поведения болгар и сербов в ходе Балканских войн . 350

§ 6. Вторая балканская война и ее виновники, по мнению русского общества 374

Заключение. 392

Источники и литература 398

Введение

Акутальность исследования. Прошло более ста лет с окончания Балканских войн 1912–1913 гг., но их последствия сказываются до сих пор. В результате вооруженного столкновения лета 1913 г. Вардарская Македония оказалась в составе Сербии, что привело Болгарию в стан ее противников, а вместе с тем – и противников России (СССР) в обеих Мировых войнах. Влияние указанного конфликта можно заметить и в событиях, связанных с распадом СФРЮ, и в Косовском кризисе.

Россия традиционно имела особое отношение к славянским государствам Балкан. «Дежурное» чувство этноконфессионального родства, романтическое восприятие сербов и болгар сохраняются у русских и поныне, в то же время отсутствует реальное знание этих народов: они часто представляют их при помощи набора стереотипов и штампов, практически неизменных с XIX в. При этом по-прежнему существуют настроения, согласно которым большинство балканских государств, в частности Болгария и Сербия, самим своим существованием обязаны России. В связи с чем имеет место непонимание (или нежелание понять) действий Белграда и Софии, когда они идут вразрез с интересами Москвы, попытки объяснить это наличием в болгарском и сербском руководстве марионеток и агентов, действующих в интересах других государств, и противопоставляемых основной массе населения.

В связи с этим обращение к периоду Балканских войн 1912–1913 гг. представляется крайне актуальным. Они являются важным узловым этапом в развитии взаимоотношений России и южнославянских народов. Первая из них стала последним моментом, когда все еще теплилась идея славянской взаимности, надежды на единение родственных

народов, вторая же доказала несостоятельность подобных настроений. В последовавших затем мировых войнах славянские народы находились по разные стороны линии фронта.

Важность изучения русского общественного мнения [1] именно в связи с событиями 1912–1913 гг. на Балканах дополнительно обуславливается следующими факторами. Во-первых, за короткий промежуток времени произошло резкое изменение настроения общества от восторга и радости до разочарования, что дает возможность оценить адекватность восприятия славянских народов полуострова в России и то, насколько интерес к ним определялся ходом событий. Во-вторых, странам-участницам конфликта уделялось значительное внимание. Казалось, что недавние подданные Османской империи оказались способны к построению собственного государства, номинально вполне европейского и передового. Когда же они поднялись на борьбу против Турции, то это показалось русскому обществу экзаменом на их зрелость и самостоятельность. На Балканы отправились русские корреспонденты, чтобы воочию наблюдать этот знаменательный процесс и рассказать о нем обществу. Внимание в основном уделялось двум крупнейшим государствам полуострова – Болгарии и Сербии, причем первой из них ощутимо больше. Это объясняется не только размерами стран, но и их географическим положением. Для современников являлось очевидным, что, как выразился писатель Вас.И. Немирович-Данченко «разрешится освободительная война между Адрианополем и Чаталджой» [2] – решающие события в борьбе с Османской империей будут проходить на восточном театре действий, а не в Македонии, и даже несмотря на преимущество Сербии в созданных для представителей печати условиях, они стреми-

---

[1] О подразумеваемом под русским обществом см. на с. 36.
[2] *Немирович-Данченко Вас.И.* Собрание сочинений. Т. XIV. СПб., 1913. С. 23.

лись на восток. В итоге присутствие болгар в публикациях оказалось значительнее по своим масштабам. Такой дисбаланс в соотношении источников относительно этих стран вынужденно переносится и в нашу работу. Корреспонденты меньше наблюдали сербов, а потому и рассказывали о болгарах больше. Подтверждение тому – хотя бы количество описаний городов одного и другого государства: из сербских встречается лишь Белград, Ниш корреспонденты проезжали, не видя ничего, кроме вокзала. В Болгарии же описаны София, дважды – Пловдив и Старая Загора, а также Русе, Свиштов и Ямбол. Другое очевидное доказательство информационного дисбаланса – иллюстративный материал на страницах печати. В исследуемое время на страницах журнала «Нива» появилось три изображения, связанных с турецкой армией, три – с греческой, по одному – с армиями Черногории и Сербии, и тринадцать иллюстраций, касающихся болгарской армии.

Создаваемая картина во многом определялась тем, как корреспонденты подавали информацию, однако они редко могли избавиться от стереотипов, изображая болгар и сербов, что позволяет проследить этот набор штампов. Но одновременно журналисты смотрели на происходящее со стороны, их взгляд подмечал те детали, которые могли местному населению казаться извечными, само собой разумеющимися, потому и неважным для упоминания. По этим причинам с высоты сегодняшнего дня важно оценить адекватность восприятия русским обществом балканских государств, а также попытаться ответить на вопрос: почему они поднялись сначала на одну, а затем и вторую войну, и какую роль в их дальнейшем развитии сыграли вооруженные конфликты 1912–1913 гг.?

Таким образом, изучение отношения русского общества к Болгарии и Сербии во время Балканских войн, т.е. на примере событий сто-

летней давности, позволяет расширить наши представления о процессах и явлениях, имеющих место и в современном мире.

Степень разработанности проблемы. Количество исследований, посвященных Балканским войнам, поражает. Как справедливо и точно выразилась отечественный историк Р.П. Гришина, эта литература «страстная, противоречивая, обвиняющая; объективная, по мнению почти каждого автора, или специально запутывающая» [3].

Большая часть работ рассматривает эти события в качестве международного конфликта, соответственно, освещая прежде всего дипломатические комбинации и политику великих держав. Традиционно советскую историографию проблемы возводят к статьям В.И. Ленина, начиная с которых и заканчивая новейшими работами, можно составить внушительный каталог трудов.

Естественно, анализируя международные отношения накануне Первой мировой войны авторы не могли обойти тему событий 1912–1913 гг. [4], как не избежать ее было и при составлении обзорных историй Балканских народов [5].

---

[3] *Гришина Р.П.* Власть и общество. Болгария, 1912–1913 гг. // Человек на Балканах: Власть и общество: опыт взаимодействия (конец XIX – начало XX в.). СПб., 2009. С. 146.

[4] *Helmreich E.K.* The Diplomacy of the Balkan Wars 1912–1913. Cambridge, 1938; *Могилевич А.А., Айрапетян М.Э.* На путях к мировой войне 1914–1918. М., 1940; *Jelavich B.* A Century of Russian Foreign Policy 1814–1914. Philadelphia, 1964; *Rossos A.* Russia and the Balkans. Inter-Balkan Rivalries and Russian Foreign Policy 1908–1914. Toronto, 1981; *Писарев Ю.А.* Великие державы и Балканы накануне Первой Мировой войны. М., 1985; История внешней политики России. Конец XIX – начало XX века (От русско-французского союза до Октябрьской революции). М., 1997; *Bobroff R.P.* Roads to Glory: Late Imperial Russia and the Turkish Straits. London, 2000; *Лунева Ю.В.* Балканские войны 1912–1913 годов и европейские державы // Новая и новейшая история. 2013. № 1; *Петровская О.В.* Россия и Болгария в балканской увертюре Первой мировой войны: диссонанс современной болгарской историографии // Накануне Великой войны: Россия и мир. М., 2014 и др.

[5] *Petrovich M.B.* A History of Modern Serbia. Vol. 2. New York, 1976; *Crampton R.J.* Bulgaria 1878–1918. A History. New York, 1983; На путях к Югославии*:* за и против. Очерки истории национальных идеологий югославских народов. Конец XVIII – на-

Однако, специального труда на русском языке, раскрывающего историю этих событий так и не создано. В первой половине 1943 г. Д.С. Густинчич защитил кандидатскую диссертацию на тему «Балканский союз» [6]. Затем ему в секторе славяноведения Института истории АН СССР была поручена разработка истории Балканских войн, которым руководитель сектора В.И. Пичета придавал большое значение. Однако в дальнейшем эти планы реализованы не были [7].

Уже значительно позже, в 1960 г. была опубликована книга советского исследователя В.А. Жебокрицкого «Болгария накануне Балканских войн 1912–1913 гг.» [8], а в следующем году вышла в свет его же «Болгария в период Балканских войн 1912–1913 гг.» [9]. Автор в данных работах не отходил от традиционных точек зрения о реакционности политики болгарского правительства и верности курса «тесняков», при этом впервые на русском языке было приведено значительное количество фактического материала. В первой из книг В.А. Жебокрицкий подробно рассмотрел экономику Болгарии накануне событий 1912–1913 гг., темпы ее развития и пришел к выводам о том, что буржуазии как торговой, так промышленной и аграрной война была выгодна, почему она и поддерживала правительственную политику. Вторая же книга до сих пор является самым обстоятельным и масштабным трудом о Болгарии во время Балканских войн, написанном на русском языке, комплексно рас-

---

чало XX вв. М., 1997; *Гришина Р.П.* Лики модернизации в Болгарии в конце XIX – начале XX века (бег трусцой по пересеченной местности). М., 2008; Югославия в XX веке: Очерки политической истории. М., 2011; *Hall R.C.* The Modern Balkans: A History. London, 2011; *Косик В.И.* Балканы: «Порвалась цепь великая…» (середина XIX – начало XXI вв.) М., 2014.

[6] Найти ни ее текста, ни библиографических ссылок на нее не удалось. Балканский союз – условное обозначение связанных системой взаимных договоров Болгарии, Сербии, Греции и Черногории, начавших в 1912 г. войну против Турции.

[7] *Досталь М.Ю.* Сектор славяноведения Института истории АН СССР // Славянский альманах 2002. М., 2003. С. 280.

[8] *Жебокрицкий В.А.* Болгария накануне Балканских войн 1912–1913 гг. Киев, 1960.

[9] *Он же.* Болгария в период Балканских войн 1912–1913 гг. Киев, 1961.

сматривающим экономические, политические, дипломатические и военно-стратегические аспекты. Заметим, что исследователь не был уже столь ангажирован, как при написании им соответствующего раздела «Истории Болгарии», изданной в 1954 г.[10], где наибольшее внимание уделил тяготам, выпавшим на долю народа, а не собственно событиям. В последние годы значение Балканских войн для Болгарии, подготовленность страны к ней, специально разрабатывались Р.П. Гришиной[11]. Она пришла к выводу, что события 1912–1913 гг. оказали пагубное влияние на развитие страны, прервав модернизацию экономики и общества, стали «точкой невозврата в деле реализации национального идеала»[12]. Сравнительный анализ этого вопроса в отношении Болгарии и Сербии осуществлялся совместно Р.П. Гришиной и А.Л. Шемякиным[13], однако лишь в рамках статей, что не позволяло подробно осветить проблематику. Подобных исследований, касающихся других участников конфликта, к сожалению, пока нет. Стоит отметить сборник статей по результатам научной конференции, проведенной в Институте славяноведения РАН в

---

[10] История Болгарии. М., 1954.

[11] *Гришина Р.П.* Модернизация по-балкански: диктует матрица (конец Х1Х – середина ХХ века) // Славяноведение. 2004. № 3; *Она же.* Конституционная монархия в Болгарии и ее подданные // Человек на Балканах. Государство и его институты. СПб., 2006; *Она же.* Лики модернизации...; *Она же.* Власть и общество. Болгария, 1912–1913 гг...; *Она же.* Между Болгарией и Македонией: идеи и практика Тодора Александрова (миф о легендарном болгарском патриоте) // До и после Версаля. Политические лидеры. М., 2009; *Она же.* Война или модернизация: Балканские войны 1912–1913 гг. в истории Болгарии // Дриновски сборник / Дриновський збірник. Т. IV. Харьков–София, 2011; *Она же.* Россия и Балканский союз 1912 года // Славянство, растворенное в крови… В честь 80-летия члена-корреспондента Российской академии наук Владимира Константиновича Волкова. Сб. статей. М., 2011; *Она же.* Болгария и македонские болгары. 1878–1913 гг. // Дриновски сборник / Дриновський збірник. Т. VII. Харьков–София, 2014.

[12] *Она же.* Власть и общество. Болгария, 1912–1913 гг... С. 161.

[13] *Гришина Р.П., Шемякин А.Л.* Судьба "балканских союзников" 1912–1913 годов. Взгляд из XXI столетия // Новая и новейшая история. 2013. № 4. С. 125; *Они же.* Трудный путь к европейской цивилизации: Сербия и Болгария в конце XIX – начале XX в. Приоритеты развития // Из истории Сербии и русско-сербских связей. 1812–1912–2012. М., 2014.

преддверии 100-летия Балканских войн. Но сам формат не позволяет этому коллективному труду претендовать на всеобъемлющее раскрытие всех аспектов тех событий.

В американской исторической науке попытка написания обобщающей работы принадлежит Р. Холлу [14]. Однако стоит отметить, что он – едва ли не единственный специалист в США по этой теме.

В национальных болгарской и сербской историографиях уровень разработанности военного аспекта конфликта 1912–1913 гг. поражает. К примеру, согласно библиографическому сборнику, посвященному истории болгарской армии, только об этой стороне событий к 1989 г. существовало 575 работ [15]. В 1928–1937 гг. в Болгарии была подготовлена и осуществлена публикация семитомной истории Балканских войн [16]. К тому же регулярно в странах-участницах проводятся конференции с последующей публикацией сборников трудов [17]. Недавнее столетие событий также увеличило число историографических единиц, посвященных этой теме [18]. Однако в Болгарии и Сербии историческая наука настолько все более и более углубляется в такие аспекты, как действия отдельных войсковых соединений или судьба небольших населенных пунктов, что, кажется, скоро будет известен поминутно путь каждого солдата, при-

---

[14] *Hall R.C.* Bulgaria's Road to the First World War.New York, 1996; *Он же.* The Balkan Wars 1912–1913: Prelude to the First World War. London, 2000; *Он же*. Balkan Wars // History Today. Vol. 62. Issue 11. November 2012.

[15] См.: Българската армия 1877–1944. Библиография. Т. 1 (1877–1918). София, 1989. С. 318–405.

[16] Войната между България и Турция 1912–1913 г. Т. 1–7. София, 1928–1937.

[17] Напр.: Prvi balkanski rat. Okrugli sto povodom 75. Beograd, 1991; Балканските войни 1912–1913 (сборник стати от научна конференция, проведена през октомври 1992 г.) Велико Тырново, 1995; Дванадесета международна научна конференция по военна история на тема: Военни съюзи и коалиции през XX век. Посветена на 95 годишнината от началото на Балканската война 1912–1913. София, 2007 и др.

[18] Балкански ратови 1912/1913: Нова виђења и тумачења. Београд, 2013; България – извори и документи. 100 години от Балканские войны 1912–1913. София, 2013 и др.

нявшего участие в войнах [19]. При этом, отметим, что внимание концентрируется на Первой балканской войне, Вторая исследуется реже, что и понятно – гордиться успехами оружия своего народа в борьбе против вчерашних угнетателей приятнее, чем говорить о причинах конфликта при разделе приобретенных территорий. В болгарской историографии редко можно встретить и понятие «Вторая балканская», там конфликт лета 1913 г. традиционно именуется Межсоюзнической войной.

* * *

Тема *отношения русского общества к Балканским войнам* остается неизученной. В 1979 г. в Львове была защищена диссертация И.А. Гличева на тему «Борьба общественного мнения в России по Балканскому вопросу (1908–1913 гг.)». Автор работы в постановке вопроса заявил, что деятельность партий в Государственной Думе была ограничена, «собрания, манифестации, обсуждения и другие формы проявления общественного мнения были сведены на нет», поэтому он использовал «именно анализ публикаций печати» [20]. Далее он, следуя принятым в советской исторической науке установкам, пошел по пути отождествления мнения партийных изданий с мнением всей той категории населения, интересы которой, как считалось, выражала данная политическая сила. В итоге И.А. Гличеву не хватило глубины изучения, а выводы получились не объективными. Советский историк В.А. Дьяков, рассматривая славянскую идею в России в дореволюционный период, и вовсе не

---

[19] Напр.: *Радославов Г.* Бойните действия на седма рилска пехотна дивизия по време на Балканската война през погледа на военния корреспондент Георги Таков Пеев // 110 години от Илинденско-Преображенското въстание и българската национална идея от Сан Стефано до Букурещ (1878–1913). София, 2014.

[20] *Гличев И.А.* Борьба общественного мнения в России по Балканскому вопросу (1908–1913 гг.). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Львов, 1979. С. 4.

уделил внимание событиям 1912–1913 гг., ограничившись лишь указанием оценок, данных В.И. Лениным [21].

В современной России отражение Балканских войн в центральных периодических печатных изданиях было специально рассмотрено в статье Н.А. Учаевой [22], полагавшей, что печать была всецело в плену иллюзий панславистского толка [23], автором исследования [24], на примере региональной прессы – К.Н. Смирновым [25] и Л.М. Артамоновой [26]. Оценки событий 1912–1913 г., высказанные некоторыми газетами, приведены российским историком П.А. Искендеровым [27]. Конфликт в европейских отношениях, вызванный событиями на полуострове, и критику действий союзников России по Антанте в основных периодических изданиях рассмотрел белорусский исследователь Ю.М. Мороз, правда, не всегда уме-

---

[21] *Дьяков В.А.* Славянская идея в России в период империализма // Вопросы истории. 1987. № 3.

[22] *Учаева Н.А.* Мифы и реалии Балканских войн 1912–1913 гг. на страницах русской периодической печати // Славянский сборник. Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 7. Саратов, 2009.

[23] Там же. С. 125.

[24] *Гусев Н.С.* Тема славянского единства в русской периодической печати во время Балканских войн 1912–1913 годов // Историки-слависты МГУ: Кн. 8: Славянский мир: в поисках идентичности. М., 2011. С. 458–469; *Он же*. К вопросу об отношении русского общества к Балканским войнам 1912–1913 гг. // Сборник тезисов Международной молодежной межвузовской конференции: Роль славянской молодежи в процессе устойчивого цивилизационного развития. Сб. тезисов. М., 2012. С. 39–44; *Он же.* «Прогрессивные общественные деятели» о Первой Балканской войне // Материалы XX международной молодежной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов». URL: http://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2013/2184/29634_c34b.pdf (Дата обращения: 22.09.2015); *Он же.* Актуализация образа врага в русском обществе в период Балканских войн: цели и приемы // Роль славянской молодежи в процессе устойчивого цивилизационного развития. Сб. тезисов. М., 2014. С. 32–35.

[25] *Смирнов К.Н.* Особенности восприятия Первой Балканской войны в провинциальном обществе (по материалам либеральной самарской прессы) // Наука и культура России. Международная науч.-практ. конф. Т. 1. Самара, 2013.

[26] *Артамонова Л.М.* Критика внешней политики правительства на Балканах и антивоенные выступления в самарской печати 1912–1913 годов // Внешнеполитические интересы России: история и современность. Самара, 2014. С. 13–17.

[27] *Искендеров П.А.* Балканские войны 1912–1913 гг. // В «пороховом погребе Европы». 1878–1914. М., 2003. С. 500.

стно и органично используя клише «царизм», «межимпериалистические противоречия», в силу чего они выглядят идеологическими архаизмами [28]. Лингвист Л.П. Рупосова проанализировала средства оценивания событий и их участников на материале журнала «Родина» [29]. Исследователь, однако, по всей видимости, затронула проблему, не ставя себе задачей целенаправленное изучение периода 1912–1913 гг. В статье она указывает: «В нашей личной библиотеке полная подшивка журнала “Родина” за 1913 г. и несколько номеров за октябрь ноябрь 1912 г.» [30]. Указанные работы не могут претендовать на полный ответ на вопрос об отношении русского общества к событиям на полуострове, поскольку изначально опираются в основе своей на данные прессы, впрочем, как правило, авторы это оговаривают уже в названиях.

Проявлениями отношения русского общества к Балканским войнам являются отправка добровольцев и отрядов Красного Креста, сбор пожертвований в пользу воюющих сторон. Одной из первых работ на эту тему является статья В.А. Жебокрицкого и И. Кулинича, вышедшая в Болгарии в 1962 г., где на материалах архивов Ленинграда показана благотворительная помощь русского общества [31]. В течение длительного времени данный аспект не затрагивался, а затем был подробно изучен Г.И. Шевцовой в ее специальной монографии [32]. Она рассмотрела публичное обсуждение проблем гуманитарной помощи славянским наро-

---

[28] *Мороз Ю.М.* Русское общество и Антанта в период Балканских войн 1912–1913 гг. // Белорусский журнал международного права и международных отношений. 2004. № 4.

[29] *Рупосова Л.П.* Лингвистические средства оценивания события и его участников (на материале публицистических источников периода первой и второй Балканских войн (1912–1913 гг.) // Русский язык в славянской межкультурной коммуникации: история и современность. Вып. 3. М., 2015. С. 250–263.

[30] Там же. С. 254.

[31] *Жебокрицки В., Кулинич И.,* Из историята на руско-българските отношения по време на Първата балканска война // Исторически преглед. 1962. Кн. 3.

[32] *Шевцова Г.И.* Русский гуманный поход на Балканы (1912–1913). М., 2012.

дам, активность различных славянских обществ в этом направлении и деятельность отрядов Русского общества Красного Креста (РОКК). Несмотря на значительный объем проделанной автором работы, придающей ей огромную значимость, необходимо указать на ряд недостатков исследования: недостаточно четкую внутреннюю логику повествования, встречающиеся фактические ошибки и неверные написания. При этом рассматривается лишь помощь Сербии, хотя куда большие масштабы она имела по отношению к Болгарии. В 2013 г. А.А. Поповкин защитил кандидатскую диссертацию «Славянские благотворительные общества в Москве и Санкт-Петербурге (1858–1921 гг.)» [33], в которой подробно рассмотрел различные аспекты их деятельности до Балканских войн и во время Первой мировой войны. К сожалению, по каким-то соображениям мероприятия этих организаций в связи с событиями 1912–1913 гг. пропущены как в диссертации, так и в статье автора [34].

Организацию помощи жертвам Балканских войн в Самарской губернии изучила в своей статье Л.М. Артамонова [35]. Деятельность русского Красного Креста и поведение его сотрудников в Болгарии рассматривались автором данной диссертации [36], в Болгарии и Сербии –

---

[33] *Поповкин А.А.* Славянские благотворительные общества в Москве и Санкт-Петербурге (1858–1921 гг.). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Воронеж, 2013.

[34] *Он же.* Деятельность славянских обществ России в контексте социального развития славянских народов (1858–1917 гг.) // Вестник Томского государственного университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2012. Вып. 6 (110). С. 234–247.

[35] *Артамонова Л.М.* Организация в Самарской губернии помощи жертвам войны 1912–1913 годов на Балканах // Наука и культура России: междунар. науч.-практ. конф. Т. 1. Самара, 2013.

[36] *Гусев Н.С.* Негероическое в поведении русских добровольцев и сотрудников Красного Креста в Болгарии во время Балканских войн // Материалы XIX международной молодежной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов». URL: http://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2012/1787/29634_6212.pdf (Дата обращения: 22.09.2015); *Он же*. Помощь русского Красного креста в Болгарии в восприятии болгарского общества // Историки-слависты МГУ: Кн. 9: В.А.Тесемников: Исследования и материалы, посвященные 75-летию со дня рождения В.А. Тесемникова. М., 2013. С. 77–94.

Е.Н. Козловцевой [37], работа которой отмечается восторженным восприятием поведения сестер милосердия и основывается лишь на российских источниках (прежде всего, на данных самих общин РОКК), в силу чего ей недостает критического анализа.

Болгарская историческая наука достаточно подробно осветила эту проблему. С. Кутинчев в книге «Санитарная служба, Красный Крест и Балканская война. Замечания, впечатления» [38] попытался в одной из глав непредвзято рассмотреть действия русского Красного Креста, его сотрудников. Однако то, что книга вышла в 1914 г., не могло не сказаться на объективности автора. Он приводит положительные и отрицательные примеры деятельности сотрудников РОКК. При этом С. Кутинчев старается защитить честь болгарской санитарной службы, указывая, что иностранные миссии Красного Креста были в лучших условиях, поскольку им предоставлялся транспорт, дрова, солома и т.п. в первую очередь. Другим исследованием, затрагивающим эту тему, является труд Х. Григорова и В. Топузова «Балканская война и болгарский Красный Крест (1912–1913 гг.)» [39], вышедший уже в современной Болгарии. В ней существуют отдельные главы «Помощь Русского общества Красного Креста» и «Временный русский транспорт». Опираясь на архивные материалы, авторы показывают деятельность прибывших из России медицинских сотрудников. Материал во многом пересекается с книгой С. Кутинчева, хотя в нем отсутствуют отрицательные отзывы о русских врачах, но впервые столь подробно описана деятельность транспорта

---

[37] *Козловцева Е.Н.* Русские сестры милосердия в Сербии и Болгарии (вторая половина XIX – начало XX в.) // Славянский альманах 2009. М., 2010. С. 188–195.

[38] *Кутинчев С.* Санитарна служба, Червеният кръст и Балканската война. Бележки и впечатления. София, 1914.

[39] *Григоров Х., Топузов В.* Балканската война и Българският Червен Кръст (1912–1913 г.). София, 2005.

под руководством доктора Гинтилло. К сожалению, книга страдает большим количеством ошибок в написании русских фамилий.

Другим исследованием на эту тему является выпущенная в конце 1960-х гг. в Болгарии книга Б. Куюмджиева «Дипломатическая и материальная поддержка со стороны России Болгарии во время Балканской войны – 1912–1913 г. Русские добровольцы и проявленная ими храбрость» [40]. В ней весьма подробно изложена деятельность РОКК, собраны и впечатления очевидцев о ней. Также автор приводит списки прибывших русских добровольцев и воспоминания, встречавшихся с ними болгар. Важность работы в том, что приводятся не только опубликованные материалы, но и рукописи из личных коллекций. Б. Куюмджиев составил и крайне полезное приложение, в котором, опираясь на архивные документы, сформировал списки сотрудников миссий Красного Креста, награжденных медицинских работников и добровольцев, привел количественные данные об оказанной материальной помощи.

Присутствие добровольцев рассмотрено в статье исследователей М. Петковой и М. Геновской «Иностранцы–добровольцы, участники Балканской войны» [41]. В этой работе больше всего внимания уделено русским, прибывшим как в роли военных, так и медицинского персонала. На материалах болгарских архивов авторы показывают выдающиеся моральные качества врачей, фельдшеров, офицеров и летчиков, их высокий профессионализм. Затрагивалась эта тема Г. Гинчевым [42], об авиаторах писали Е. Королева и М. Черкезова-Савова [43].

---

[40] *Куюмджиев Б.П.* Дипломатическа и материална подкрепа от Русия на България по време на Балканската война 1912–1913 г. Руски доброволци и проявена храброст от тях. София, 1968.

[41] *Петкова М., Геновска М.* Чужденци доброволци, участници в Балканската война // Исторически преглед. 1962. № 5.

[42] *Гинчев Г.* Чужденците в Българската армия през Балканската война (1912–1913 г.) // Военноисторически сборник (далее – ВИС). 1982. № 4.

[43] *Королева Е., Черкезова-Савова М.* На помощ братята българи // ВИС. 1983. № 6.

Как видим, гуманитарный аспект помощи Болгарии и Сербии довольно хорошо изучен в исторической науке. Остается неисследованным лишь добровольческое движение среди подданных Российской империи.

Стоит отметить, что намного большее внимание уделено отношению русского общества к другому конфликту на Балканах – Восточному кризису 1875–1878 гг. Лишь за последние годы по этой проблематике было защищено несколько диссертаций [44]. Особо следует отметить работы С.А. Кочукова. В 2011 и 2012 гг. в Саратове вышли две его книги[45], была защищена докторская диссертация [46]. На материале обширного круга источников историк рассмотрел отношение русского общества как к самой войне, так и к балканским государствам. В 2013 г. в том же Саратове защитил диссертацию по специальности «Теория и история культуры» Ю.В. Ромашов, озаглавив работу «Образ южных славян и идея славянского единства в панславистских концепциях России второй половины XIX – начала XX вв.» [47]. На деле работа ограничивается временем русско-турецкой войны. Автор проследил формирование образов «своих» и «чужих» в сознании русского общества. Однако сомнительной кажется заявленная новизна следующего утверждения: «Впервые

---

[44] *Власова Ю.В.* Сербо-турецкая война 1876 г. и общественное мнение России: Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Воронеж, 2003; *Прокудин Б.А.* Идея славянского единства в политической мысли России XIX века: генезис, основные направления и этапы развития: Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 2007; *Сучалкин Е.А.* Русско-турецкая война 1877–1878 гг. в оценках российских современников: Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Белгород, 2013.

[45] *Кочуков С.А.* Русско–турецкая война 1877–1878 гг. в освещении периодической печати России. Саратов, 2011; *Он же.* «За братьев-славян»: Русско-турецкая война 1877–1878 гг. в восприятии общества, власти и армии Российской империи. Саратов, 2012.

[46] *Он же.* Общество, правящая элита, армия Российской империи и Русско-турецкая война 1877–1878 гг.: Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. Саратов, 2012.

[47] *Ромашов Ю.В.* Образ южных славян и идея славянского единства в панславистских концепциях России второй половины XIX – начала XX вв.: Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Саратов, 2013.

выявлено, что взаимовосприятие русских и южных славян отличалось глубокой стереотипизированностью, что было обусловлено незнакомством русских с культурой и бытом балканских славян и той ролью, которую сыграли русские войска в освобождении Балкан от турецкого гнета»[48].

Разница в интересе исследователей к событиям 1877–1878 гг. и 1912–1913 гг. объясняется, прежде всего, официальным участием страны в русско-турецкой войне, что произвело на общество большее впечатление, нежели Балканские войны. Второе объяснение – источниковая база. Личные архивы многих современников 1912–1913 гг. исчезли в результате Первой мировой и Гражданской войн, репрессий 1930-х гг., в воспоминаниях интересующие нас события оказались заслонены более масштабными потрясениями последующих лет.

Балканские войны являются важной вехой на пути к Первой мировой войне, они оказали серьезное воздействие на русское общество, исследователи которого не могли обойти этот вопрос в своих работах Однако долгое время данная тема не изучалась специально, лишь в 1965 г. вышла статья И.В. Бестужева «Борьба в России по вопросам внешней политики накануне Первой мировой войны (1910–1914 гг.)» [49]. Круг источников автора был ограничен, а формат статьи не позволил затронуть некоторые сюжеты вовсе. К сожалению, и Балканские войны в том числе. Сербскому направлению внешней политики России и его восприятию в обществе в 1908–1914 гг. посвятил статью американский исследователь Э. Таден. По его мнению, длительное время официальная и неофициальная России симпатизировали сербам больше, чем болгарам, но окончательный выбор главной опоры на полуострове не делался из опа-

---

[48] Там же. С. 7.

[49] *Бестужев И.В*. Борьба в России по вопросам внешней политики накануне Первой мировой войны (1910–1914 гг.) // Исторические записки. Т. 75. 1965. С. 44–85.

сений, что это толкнет одну из сторон в распростертые руки Австро-Венгрии. В итоге более слабое положение Сербии вынудило МИД склониться на ее сторону [50]. Однако статья вышла в свет в Югославии и отечественной науке практически не известна. В 1980 г. советский историк Э. Урибес рассмотрела отношение представителей различных политических групп к балканской политике России во время итало-турецкой войны, ставшей толчком к созданию Балканского союза и последовавшим Балканским войнам [51]. Затем она кратко осветила отношение различных политических сил к вооруженному конфликту 1912-1913 гг. в разделе «Российское общество и внешняя политика» коллективного исследования, посвященного отечественной дипломатии [52].

В современной исторической науке подробно эта тема разрабатывается Е.Г. Костриковой, начинавшей с изучения источников внешнеполитической информации русских газет [53]. В 1997 г. вышла ее небольшая монография, рассматривавшая отношение русской прессы к дипломатии страны в 1907–1914 гг. [54], затем расширенная в следующей книге [55], где активно привлекались уже не только периодические издания, но и об-

---

[50] *Thaden E.* Public Opinion and Russian Foreign Police toward Serbia, 1908–1914 // Велике силе и Србија пред Први светски рат. Зборник радова приказаних на међународном научном скупу Српске академије наука и уметности, одржаном од 13–15. септембра 1974. године у Београду. Београд, 1975.

[51] *Урибес Э.* «Правящие круги России и балканский кризис 1911 г.» // Исторические записки. Т. 105. 1980. С. 72–104.

[52] *Она же.* Российское общество и внешняя политика // История внешней политики России. Конец XIX – начало XX века (От русско-французского союза до Октябрьской революции). М., 1997. С. 396, 399–400, 406.

[53] *Кострикова Е.Г.* Источники внешнеполитической информации русских буржуазных газет (на материалах архивных фондов «Речи» и «Русского слова» // Исторические записки. 1979 Т. 103. С. 275–298; *Она же.* Организация службы зарубежной информации С.-Петербургского телеграфного агентства // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 1981. N 4. С. 47–59.

[54] *Она же.* Русская пресса и дипломатия накануне Первой мировой войны. 1907–1914 гг. М., 1997.

[55] *Она же.* Российское общество и внешняя политика накануне Первой мировой войны. 1908–1914. М., 2007.

ширный круг мемуаров, архивных материалов личного происхождения, фондов газет и документов МИД. В 2011 г. исследователь защитила докторскую диссертацию по этой теме [56], и продолжает развивать ее в статьях [57] и разделах коллективных трудов [58]. В работе значительное внимание уделяется Балканским войнам. Автор справедливо отмечает расхождение во взглядах на события между правительством и обществом, где первое занимало осторожную позицию, второе же требовало поддержки славян и раздела «турецкого наследства». По мнению Е.Г. Костриковой, в итоге в 1912–1913 гг. определенной категорией населения России была пройдена черта, за которой угроза общеевропейской войны перестала восприниматься как катастрофа. Исследователь отметила, что воинственная позиция была занята отдельной частью общества, но именно ее она преимущественно рассматривает, в результате чего создается впечатление, что вся страна требовала у императора начала войны с Австро-Венгрией. Указанный крен обусловлен объективными причинами – в публичном пространстве такая позиция звучала чаще. Это могло бы исправить использование фондов Департамента полиции МВД и охранного отделения.

---

[56] *Она же.* Внешняя политика в общественном мнении России накануне Первой мировой войны 1908–1914 гг.: Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 2011.

[57] *Она же.* Структура внешнеполитической информации в крупнейших газетах России начала XX века. (На примере Балканского кризиса конца 1912 года) // Внешняя политика России. Источники и историография. М., 1991. С. 170–181; *Она же.* Первая Балканская война и российское общество // Вестник Университета дружбы народов. Серия «История России». 2009. № 4. С. 97–110; *Она же.* Первая Балканская война и российское общество. Корреспонденты русских газет на театре военных действий // Први балкански рат 1912/1913. године: Друштвени и цивилизацијски смисао (поводом стогодишњице ослобођења Старе Србије и Македоније 1912). Књ. I. Ниш, 2013. С. 473–484.

[58] *Игнатьев А.В., Кострикова Е.Г.* Дипломатия и деятельность МИД России от окончания войны с Японией до Февральской революции // Очерки истории Министерства иностранных дел России. В 3-х тт. Т. 1. М., 2002. С. 515–582.

Интересным аспектом рассмотрения проблемы является изучение освещения Балканских войн в сатирической периодике. В 2010 г. вышла в свет книга А.Г. Голикова и И.С. Рыбаченок, в которой они представили отражение некоторых важнейших событий в России и в мире в политической карикатуре [59]. К сожалению, исследуемая нами тема ими не затронута. Но позже ей внимание уделила Т.А. Филиппова, рассматривая отношение сатирической журналистики к Турции во время конфликта 1912–1913 гг. [60]. Автор не только проанализировала складывание «образа врага» в лице Османской империи, но и привела большое количество иллюстративного материала, что повышает значимость работы.

Представляется важной, хотя и выходящей за рамки нашего исследования, тема восприятия внешнеполитических событий в российской провинции, в том числе и на национальных окраинах. Однако она по-прежнему остается на периферии научного исследования. К уже указанным выше работам, касающимся самарской прессы, стоит добавить довольно неожиданную статью – «Восприятие международной обстановки начала XX в. А. Букейханом и его современниками», принадлежащую перу японского исследователя Уямы Томохико, где затрагиваются публикации газеты «Казах» («Қазақ»), касающиеся Балканских войн [61].

Ощутимое влияние на общественные настроения оказывали занятые партиями и их лидерами публичные позиции. Специалисты по данному вопросу подробно изучили составы, программы и действия политических объединений, масштабное обобщение чего было сделано в

---

[59] *Голиков А.Г., Рыбаченок И.С.* Смех – дело серьезное. Россия и мир на рубеже XIX XX веков в политической карикатуре. М., 2010.

[60] *Филиппова Т.А.* «Враг с востока». Образы и риторики вражды в русской сатирической журналистике начала XX века. М., 2012.

[61] *Томохико У.* Восприятие международной обстановки начала XX в. А Букейханом и его современниками // Алаш мҰраты және тәуелсіз Қазақстан. Астана, 2011.

коллективном труде «История политических партий в России» [62]. Но исследователи практически не касаются внешнеполитических вопросов. Возможно, это объясняется тем, что в силу закона такие вопросы находились вне ведения Государственной Думы.

Исключением является партия кадетов [63]. Наиболее значимыми работами являются труды В.В. Шелохаева и И.Е. Воронковой следующие. В.В. Шелохаев в своем монографическом исследовании уделил внимание данному вопросу. На основании документов руководящих органов партии он проанализировал ее внешнеполитическую концепцию [64]. Подробно эту тему разрабатывала И.Е. Воронкова [65], результатом чего стала ее докторская диссертация [66] и монография [67], где специальный раздел посвящен взглядам кадетов на события и последствия Балканских войн, в которой автор рассматривает сложную позицию (поддержка славян, но опасения вовлечения России в войну), занятую

---

[62] История политических партий в России. М., 1994.

[63] *Гришина М.И.* Империалистические планы кадетской партии по вопросам внешней политики России. (1907–1914 гг.) // МГПИ им. В.И. Ленина. Ученые записки. № 286. Некоторые вопросы истории СССР. М., 1967; *Шелохаев В.В.* Идеология и политическая организация российской либеральной буржуазии. 1907–1914 гг. М., 1991; *Шабанов С.И.* Внешнеполитическая концепция партии кадетов (1905–1917): Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1994; *Кустов В.А.* Конституционно-демократическая партия (партия Народной Свободы): разработка и реализация внешнеполитической доктрины. (1905–1920 гг.): Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Саратов, 2004; *Арсланов Т.Р.* Внешнеполитические взгляды русских либералов начала и конца XX века. Сравнительный анализ. М., 2005.

[64] *Шелохаев В.В.* Либеральная модель переустройства России. М., 1996.

[65] *Воронкова И.Е.* Балканы и Ближний Восток накануне Первой мировой войны в оценках официальной дипломатии и кадетской оппозиции // Вестник ОрелГИЭТ. 2008. № 3 (5). С. 125–130; *Она же*. Партия конституционных демократов о целях и текущих задачах балканской политики Российской империи начала XX века // Славяноведение. 2009. № 5. С. 18–28; *Она же*. Доктрина внешней политики партии конституционных демократов (историографический аспект) // Вестник ОрелГИЭТ. 2009. № 3 (9). С. 112–130.

[66] *Она же.* Внешнеполитическая доктрина конституционно-демократической партии: Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 2010.

[67] *Она же.* Доктрина внешней политики партии конституционных демократов. М., 2010.

партией. Обедняет работу неиспользование архивного фонда газеты «Речь» и архивных материалов личного происхождения, которые могли бы помочь подробнее осветить разногласия внутри ЦК кадетов, касающиеся отношения к победам и спорам балканских славян. Остается «белым пятном» в науке взаимодействие с болгарским руководством лидера этого объединения, П.Н. Милюкова, ставящее вопрос об объективности его публичной позиции в споре о разделе Македонии. Обзор деятельности политика в период Балканских войн дан в недавней его биографии серии «ЖЗЛ», написанной Г. Чернявским и Л. Дубовой [68]. Кажется довольно категоричным следующее утверждение авторов: «Безусловно, в то время он был самым крупным русским специалистом по истории, культуре, внутриполитической жизни, международным отношениям Балканских стран» [69]. Согласиться с ним все же можно лишь добавив уточнение «в Государственной думе» или «среди политиков», иначе получается, что П.Н. Милюков являлся фигурой, затмевающей всю дореволюционную школу славистики. Тем не менее, книга является новейшим и полнейшим исследованием жизни лидера кадетов, основанном на широком круге источников российского и иностранного происхождения.

В 1913 г. Фонд Карнеги за Международный мир организовал комиссию по расследованию преступлений против мирного населения, совершенных участниками Балканских войн, членом которой был избран П.Н. Милюков. Его деятельности в этом качестве посвящена статья

---

[68] *Чернявский Г., Дубова Л.* Милюков. М., 2015.
[69] Там же. С. 229.

М.А. Бирмана [70], этот вопрос затронут в статье болгарского историка И. Илчева [71].

Внешнеполитические взгляды «правых» были проанализированы в диссертации В.Ю. Белянкиной [72]. Исследователь подробно рассмотрела отношение этого сегмента политического поля к кризису 1908 г., но Балканские войны в работе представлены лишь как повод к возобновлению публичного обсуждения вопроса Черноморских проливов.

Возникшие во время Балканских войн международные осложнения, связанные с созданием Албании, превратили конфликт из регионального в общеевропейский, повлияли на отношение русского общества к Центральным державам. Этот сюжет на страницах периодической печати Дона и Северного Кавказа затронул в своей книге И.В. Крючков, констатировав, что рассмотренные издания, симпатизируя славянам, все же довольно объективно освещали позицию империи Габсбургов [73]. Эволюцию образов Германии и Австро-Венгрии в связи с проблемой будущего Адриатического побережья весьма подробно исследовал в своей диссертации Б.С. Котов [74], придя к выводам, что общественное мнение России всецело находилось на стороне Сербии, а занятая Веной позиция представлялась циничной и коварной, а это в итоге привело к активной антиавстрийской и антигерманской риторике.

---

[70] *Бирман М.А.* Звездный час П.Н. Милюкова – балканиста (П.Н. Милюков – член Международной комиссии Карнеги по изучению причин и последствий Балканских войн 1912–1913 гг.) // Балканские исследования. Вып. 15: Россия и славяне: Политика и дипломатия. М., 1992. С. 181–187.

[71] *Илчев И.* Карнегиевата анкета през 1913 г. // Исторически преглед. 1989. № 10.

[72] *Белянкина В.Ю.* Внешнеполитические взгляды русских правых в начале XX века (1905–1914 гг.): Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Кострома, 2005.

[73] *Крючков И.В.* Образ Австро-Венгрии на страницах периодической печати Дона и Северного Кавказа в начале XX в (1900–1917). Ставрополь – Пятигорск, 2003.

[74] *Котов Б.С.* Образы Германии и Австро-Венгрии в российской прессе накануне Первой мировой войны. 1912–1914 гг. (по материалам либеральной и консервативной печати): Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 2014.

В целом, надо признать, отношение русского общества к Балканским войнам до сих пор целостно и системно не изучено. Исследователи, как правило, описывали проявлявшиеся симпатии русских к славянам, но не ставили важнейший вопрос: как далеко русское общество было готово зайти в своей поддержке болгар, сербов и черногорцев.

Борьба болгар и сербов за русские симпатии. Болгарские и сербские усилия по привлечению русского общественного мнения на свою сторону остаются практически неизученными ни в отечественной, ни в зарубежной науке. Исследователи подробно рассмотрели дипломатические действия как балканских государств, так и великих держав в албанском вопросе, в конфликте между Софией и Белградом относительно раздела Македонии. Затрагивалось и проявление симпатий или антипатий русского общества к участникам событий, но не задавался вопрос об усилиях самих сербов и болгар в формировании нужных настроений.

В 1915 г. на волне попыток привлечения Болгарии в Первую мировую войну, в Софии вышла книга Хр. Силянова «Сербо-болгарский спор и Россия» [75]. Автор, защищая позицию своей страны, повествовал в том числе и об усилиях Белграда по созданию антиболгарских настроений в 1912–1913 гг. Однако Хр. Силянов сам являлся современником и участником событий, что не давало ему возможности взглянуть на проблему объективно, а отсутствие источников – осветить вопрос комплексно. Одновременно вышла книга Г. Ценова [76], по своему содержанию и недостаткам в целом идентичная работе Хр. Силянова. В 1928 г.

---

[75] *Силянов Х.* Сръбско-българският спор и Русия. София, 1915.
[76] *Ценов Г.* Русия и завоевателните стремежи на сърбите. Историко-политическо издирване. София, 1915.

было опубликовано «военно-политическое исследование» спора 1912–1913 гг. сербского автора В. Максимовича [77].

Позднее, после Второй мировой войны указанная тема являлась политически неудобной, прежде всего, Москве, неприятной для идеологии социалистического «братства» народов, поэтому ее избегали, стараясь не осложнять взаимоотношений внутри социалистического лагеря. В 1982 г. вышла статья болгарского историка И. Илчева, касающаяся внешнеполитической пропаганды Болгарии во время Балканских войн [78], затем ставшая составной частью его более обширной по хронологическим и географическим рамкам книги. Но, наш взгляд, монография обладает неудачной структурой, что во многом обусловлено слишком широким временным периодом изучения [79]. Автор констатировал, что в Софии поздно осознали необходимость защиты своих интересов в публичном пространстве европейских стран, для этого выделили недостаточное финансирование. Однако каких-то конкретных механизмов осуществления внешнеполитической пропаганды в работе не вскрыто, не приведено примеров ее ведения в российском обществе.

В сербской историографии сходный и параллельный сюжет – пропаганду во Франции и Англии – затронул Л. Алексич-Пейкович в своей книге [80], Б. Стоич осветила деятельность агента Белграда в Париже, ис-

---

[77] *Максимовић В.* Српско-бугарски спор из 1912–1913. године за Вардарску област (војно-политичка студија). Београд, 1928.

[78] *Илчев И.* Външнополитическа пропаганда на българската национална кауза през Балканските войни (1912–1913 г.) // ВИС. 1982. № 4.

[79] *Он же*. Родината ми – права или не! Външнополитическа пропаганада на балкаканските страни 1821–1923. София, 1995.

[80] *Алексић-Пейковић Л.* Односи Србије са Француском и Енглеском, 1903—1914. Београд, 1965.

торика и общественного деятеля Г. Якшича, его связи с представителями французского общества [81].

В 1913 г. ученые Болгарии и Сербии старались обосновать претензии своих стран на территорию Македонии. Этот вопрос в своей недавней статье осветила сербский исследователь С. Божич [82]. Однако она использовала источники сугубо сербского происхождения, что привело к недостаточной глубине исследования и необъективности выводов.

Больший интерес у сербских историков вызывали действия ученых, отстаивавших интересы своей страны в европейских столицах уже в годы Первой мировой войны [83].

В то же время рассматривались даже действиям македонцев в России, защищавших право населения спорного региона на самостоятельную национальную идентичность и государственность. Хотя в общественном мнении их позиция оказалась практически незамеченной, эта тема затронута как в македонской, так и в отечественной науке [84]. Югославский исследователь П. Стоянов выделил ее даже в отдельный раздел своей монографии, посвященной Македонии в 1912–1918 гг., – «Дея-

---

[81] *Стојић Б.* Први балкански рат у очима француског јавног мњења // Први балкански рат 1912/1913. године: Друштвени и цивилизацијски смисао (поводом стогодишњице ослобођења Старе Србије и Македоније 1912). Књ. I. Ниш, 2013.

[82] *Божић С.* Македонија као спорно питање између Српске Краљевске Академије и Бугарске Академије Наука 1913. године // Балкански ратови 1912/1913: Нова виђења и тумачења. Београд, 2014.

[83] *Екмечић М.* Ратни циљеви Србије 1914. Београд, 1973; *Лаиновић А.* Мисија Јована Цвијића у Лондону 1915, године // Врањски гласник. 1971. № VII; *Трговчевић Љ.* Јован Цвијић у Првом светском рату // Историјски часопис. Књ. 22. 1975; *Она же*. Научници Србије u стварање југословенске државе 1914–1920. Београд, 1986; *Она же*. Jovan Cvijić o ujedinjenju Jugoslovena (1914-1915), Naučno delo Jovana Cvijića // Povodom pedesetogodišnjice njegove smrti. Zbornik radova, Beograd 1982; *Она же*. Културни одбор у Паризу // Србија 1918 године и стварање југословенске државе. Београд, 1989.

[84] *Струкова К.Л.* К вопросу о деятельности македонской интеллигенции в России в начале XX в. // Славянский архив. М., 1963. С. 184; *Терзиоски Р.* Некои активности на македонски дејци во Русија за решавање на македонското прашање (1914–1918) // Македонија: Прашања од историјата и културата. Скопје, 1999. С. 287–301.

тельность македонской колонии в Петрограде и других групп и личностей для независимого македонского государства» [85].

Действия черногорского короля и его дочерей по вопросу о будущем Скутари рассматривала в своих статьях отечественный историк В.Б. Хлебникова [86]. Важны для нашей проблемы имеющиеся сведения не только о деятельности великой княгини Милицы Николаевны при дворе, но и отмеченная активность газеты «Новое время» по созданию нужных Цетинье настроений.

Таким образом, болгарская и сербская пропаганда в России, элемент нового для начала XX в. феномена – информационной войны, остаются почти неизученной темой в науке.

Образы Болгарии и Сербии в русском общественном мнении в период Балканских войн. Данная тема долгое время в науке являлась tabula rasa, ее изучение началось относительно недавно. Если складывавшийся в русском обществе образ болгарского руководства и солдат, оценки русскими военными агентами болгарского генералитета исследовались в рамках статей [87], то в отношении сербов такой работы проведено не было.

---

[85] *Стојанов П.* Македонија во времето на Балканските и Првата световна војна (1912–1918). Скопје, 1969. С. 117–130.

[86] *Хлебникова В.Б.* К вопросу о месте династических связей России и Черногории во внутренней и внешней политике на рубеже XIX–XX вв. // Императорский дом Романовых и Балканы. М., 2014. С. 281–302; *Она же.* Роль династических связей России и Черногории в выстраивании политического сотрудничества на рубеже XIX–XX веков // Славяноведение. 2015. № 1. С. 32–41.

[87] *Каширин В.Б.* Высший командный состав армий стран Балканского полуострова в оценках и суждениях русских военных специалистов в начале XX века // Человек на Балканах глазами русских. СПб., 2011; *Гусев Н.С.* Болгарское военное руководство в оценках русских журналистов в период Балканских войн // Российско-болгарские научные дискуссии. Российская и болгарская государственность: проблемы взаимодействия. XIX–XXI вв. М., 2014. С. 126–141; *Он же*. Болгарские солдаты во время Балканских войн глазами русских очевидцев // Дриновски сборник / Дриновський збірник. Т. VII. Харьков–София, 2014. С. 270–275.

Впечатления, формировавшиеся у русских наблюдателей от Сербии, отечественные историки рассматривали в рамках различных проблем, но, как правило, в период, предшествующий Балканским войнам. Здесь стоит отметить ряд статей А.Л. Шемякина, в которых на основании опубликованных и архивных источников личного происхождения осуществляется попытка изучения сербской политической культуры, государственного устройства, системы образования и др. [88]. В итоге Сербия глазами русских, по мнению исследователя, предстает государством достаточно патриархальным. Этот же вопрос затрагивался в рамках небольших статей Р.С. Селезнева и Ю.В. Ромашова, но эвристическая функция данных работ стремится к нулю, поскольку они основаны на уже опубликованных, к тому же не в полном объеме, источниках [89]. Увиденное русскими наблюдателями в Македонии проанализировал М.Л. Ямбаев [90].

---

[88] *Шемякин А.Л.* Сербское общество последней трети XIX – начала XX века глазами русских наблюдателей // Славяноведение. 2004. № 3; *Он же*. Традиционное общество и вызовы модернизации. Сербия последней трети XIX – начала XX в. глазами русских // Человек на Балканах и процессы модернизации. Синдром отягощенной наследственности (последняя треть XIX – первая половина XX в.). СПб., 2004; *Он же.* В плену у традиции: русские путешественники о Сербии и сербах (вторая половина XIX – начало XX в.) // Политическая культура и международные отношения в новое и новейшее время. Нижний Новгород, 2009; *Он же.* Особенности политического процесса в Сербии глазами русских (последняя треть XIX – начало XX века) // Славяноведение. 2010. № 5; *Он же.* Сербия и сербы накануне Балканских войн глазами русских (к дискуссии о «современном» государстве) // Модернизация vs. война. Человек на Балканах накануне и во время Балканских войн (1912–1913). М., 2012.

[89] *Селезенев Р.С.* «Нет, ты Сербин, ты этого сам не знаешь…» – сербская национальная идентичность накануне и после освобождения (вторая половина XIX века) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2012. Т. 11. Вып. 8. С. 55–58; *Ромашов Ю.В.* Сербы в восприятии русских в последней четверти XIX в. // Приволжский научный вестник. 2013. № 8 (24). С. 54–57; *Ромашов Ю.В.* Впечатления русских путешественников от Сербии и ее городской жизни // Альманах современной науки и образования. 2013. № 10 (77). С. 152–154.

[90] *Ямбаев М.Л.* Российские наблюдатели об этнической принадлежности населения Македонии в конце XIX – начале XX вв. // Человек на Балканах глазами русских. СПб., 2011.

В Болгарии отображению собственной страны в мировой прессе в 1912–1913 гг. уделяли значительно большее внимание. Историк журналистики И. Шипчанов в монографии «Глашатаи воинской славы» рассмотрел деятельность корреспондентов мировых печатных изданий в Болгарии во время Балканских войн, созданные ими картины увиденного [91]. М. Петкова показала отклик на Балканскую войну в европейской общественности [92]. В последние годы внимание к этой теме усилилось. Ст. Райчевски подготовил и опубликовал двухтомную хрестоматию «Болгары в мировых хрониках» [93], в связи со 100-летием событий в Софии вышли две книги-альбома, посвященных этой теме [94]. Из них стоит особо отметить «Война такая, какой была» не только по качеству полиграфии, но и собранным сотрудниками Софийского университета фотографиям, карикатурам, картинам, свидетельствам очевидцев-иностранцев.

Сербский историк Л. Алексич-Пейкович в своей монографии 60-х гг. уделила небольшое место отношению английского и французского общества к Сербии во время Балканских войн [95], в последнее время, как правило, ученые этой страны также концентрируют внимание на европейском общественном мнении [96].

---

[91] *Шипчанов И.* Вестители на бойна слава (военните кореспонденти през Балканската война от 1912–1913 г.). София, 1983.

[92] *Петкова М.* Отзвукът на Балканската война сред европейска общественност // ВИС. 1963. № 1.

[93] *Райчевский Ст.* Българите в световните хроники. Т. 1. 1912–1925. София, 2004.

[94] Балканската война 1912–1913. Илюстрована хроника. София, б.д.; Войната такава, каквато беше. България в Първата балканска война 1912–1913 г. София, 2012.

[95] *Алексић-Пейковић Л.* Односи Србије са Француском и Енглеском, 1903—1914. Београд, 1965.

[96] *Растович А.* Британская пресса о Балканских войнах // Модернизация vs. война... С. 421–430; *Растовић А.* Британска штампа о успесима српске војске у Првом балканском рату // Балкански ратови 1912/1913: Нова виђења и тумачења. Београд, 2013; *Вучетић Б.* Американци о Србији у Балканским ратовима // Там же; *Шер Т.* Први балкански рат у виђењима аустроугарске штампе на немачком језику // Там же; *Колаковић А.М.* Француски интелектуалци и Балкански ратови (1912–1913) //

Польский исследователь А. Малиновски рассматривал отношение польских газет к Балканским войнам и их участникам [97]. Но, к сожалению для нас, он задействовал издания, выходившие не в Царстве Польском. Отношение хорватского общества к этим событиям анализировались И. Деспотом [98] и И. Звонаром [99].

Неизученными остаются статьи и книги русских корреспондентов, посетивших Балканы в 1912–1913 гг. Тексты, принадлежащие перу писателя Е.Н. Чирикова, исследовались А.В. Назаровой и М.В. Михайловой [100]. Но для специалистов-филологов, которыми являются авторы, данный материал больший интерес представил в литературоведческом плане, позволяя рассмотреть воздействие увиденного на Балканах на эволюцию творчества писателя. В 2013 г. на конференции в Болгарии [101] они были заявлены с докладом «Первая Балканская война в “отчетах” военного корреспондента (книга Е.Н. Чирикова “Поездка на Балканы”)»,

---

Први балкански рат 1912/1913. године: Друштвени и цивилизацијски смисао (поводом стогодишњице ослобођења Старе Србије и Македоније 1912). Књ. I. Ниш, 2013.

[97] *Малиновски А.* България по време на Втората Балканска война според репортажите на вестник «Познански дневник» (юни–август 1913 година) // 110 години от Илинденско-Преображенското въстание и българската национална идея от Сан Стефано до Букурещ (1878–1913). София, 2014; *Malinowski A.J.* Operation of the Serbian army during the First Balkan War (October–November 1912) in the Polish daily press // Први балкански рат 1912/1913. године...

[98] *Despot I.* Croatian public opinion toward bulgaria during the balkan wars // Études balkaniques. XLVI, 2010. No 4.

[99] *Zvonar I.* Obzor o Prvom balkanskom ratu // Hrvati i bugari kroz stoljeća. Povijest, kultura, umjetnost i jezik. Zagreb, 2013.

[100] *Михайлова М., Назарова А.* Война как пространство «антижизни» и «антикультуры» (военные корреспонденции Е.Н. Чирикова с фронтов Первой Балканской и Первой мировой войн) // Журналистика в 2011 году: Ценности современного общества и средства массовой информации. М., 2012. С. 130–131; *Они же.* Война как пространство антижизни и антикультуры (военные корреспонденции Е.Н. Чирикова с фронтов Первой Балканской и Первой мировой войн) // Русская литература и журналистика в движении времени. Ежегодник кафедры истории русской литературы и журналистики факультета журналистики МГУ. М., 2013. С. 233–245; *Они же.* Голос Е.Н. Чирикова-пацифиста // Великая война. Последние годы империи. Сборник научных статей XX Царскосельской конференции. СПб., 2014. С. 367–375.

[101] 135 години по-късно: България – Русия – Евразия (27 февруари – 1 март 2013).

однако, по каким-то причинам выступить не смогли, найти хотя бы упоминание о статье этих авторов на данную тему нам не удалось.

Большее внимание в науке уделено будущему известному политику и лидеру большевиков, а тогда – яркому публицисту и деятелю социалистического движения Л.Д. Троцкому. Долгие годы его статьи, написанные в качестве корреспондента на Балканах, объединенные в отдельном томе собрания сочинений, игнорировались советской наукой, впрочем, как и сама фигура автора. В 1994 г. вышло первое исследование этого корпуса источников – небольшая книга А.З. Нюркаевой «Балканы во взглядах Троцкого» [102]. Но эту работу стоит отнести к неудачным попыткам изучения наследия одного из лидеров Октября. Во-первых, книга явно принадлежит перу специалиста по истории Сербии, поскольку иностранные работы приводятся лишь на сербо-хорватском языке, присутствует большое количество ссылок на архив КПЮ, на основании которых описываются сюжеты, отсутствующие у объекта исследования. Во-вторых, автор не сумела избавиться от традиционных для советской науки клише как «захватнические устремления Сербии» [103], «антинациональная политика болгарской буржуазии» [104], используя их зачастую как идеологическую, недоказанную догму, при этом считая, что после 1903 г. в Сербии «был воплощен классический вариант конституционной монархии» [105], и прибегая к аналогиям в современном написанию книги Югославском кризисе (1994 г.). В-третьих, довольно неуместными кажутся такие категоричные заявления А.З. Нюркаевой, как: «в подходе к указанным аспектам балканской проблемы Троцкий проявлял политическую зрелость, понимание сущности

---

[102] *Нюркаева А.З.* Балканы во взглядах Троцкого. Пермь, 1994.
[103] Там же. С. 39.
[104] Там же. С. 59.
[105] Там же. С. 17.

явлений» [106], мнение Л.Д. Троцкого о Бухарестском мире «выявляет, таким образом, его эрудицию, понимание сущности политических вопросов и последствий их решения» [107], «налет компилятивности прослеживается и в оценке Троцким болгаро-румынских отношений по поводу Южной Добруджи» [108]. Неправомерность таких менторских оценок Л.Д. Троцкого А.З. Нюркаевой подчеркивает четвертый недостаток ее работы – большое количество фактических ошибок и неверных написаний («Кавалла», «Шкодор», «Г. Гартвиг»), логичным завершением которых является следующее утверждение: «Национально-территориальная справедливость была восстановлена только в 1940 г., когда при поддержке СССР Болгария возвратила Добруджу» [109].

Основательнее анализ украинского историка М.Г. Станчева и американского исследователя украинского происхождения Г.И. Чернявского[110], первый из которых является с недавних пор академиком Болгарской академии наук, а второй – признанным специалистом по изучению жизненного пути Л.Д. Троцкого, о котором он написал несколько книг [111] и очерк в серии «Жизнь замечательных людей» [112], а также издал архив политика [113]. В одной из глав их труда, посвященного связям этой неординарной личности с Болгарией и болгарами, они подробно рассмотрели его деятельность в качестве корреспондента во время Балканских войн. Исследователи заметили ускользающие при первом взгляде неточности Л.Д. Троцкого. К примеру, описывая болгарскую

---

[106] Там же. С. 38.
[107] Там же. С. 59.
[108] Там же. С. 72.
[109] Там же. С. 60.
[110] *Станчев М., Чернявский Г.* Л.Д. Троцкий, Болгария и болгары. София, 2008.
[111] *Фельштинский Ю.Г., Чернявский Г.И.* Лев Троцкий. Революционер. М., 2012; *Они же.* Лев Троцкий. Большевик. М., 2012; *Они же.* Лев Троцкий. Оппозиционер. М., 2012; *Они же.* Лев Троцкий. Враг № 1. М., 2013.
[112] *Чернявский Г.И.* Лев Троцкий. М., 2010.
[113] Архив Троцкого. Т. 1–2. Харьков, 1999, 2001.

политическую систему он упустил определенные ее особенности, не упомянул о существовании партии БЗНС [114], которой вскоре было суждено установить на некоторое время фактически собственную диктатуру. В то же время он сознательно преувеличивал бедственное положение еврейского квартала Юч-Бунар [115]. В целом авторы указывают на справедливость суждений Л.Д. Троцкого, его стремление понять сущность порядков Болгарии, но не идеализируют объект исследования, в частности подчеркивая, что будущий один из самых жестких и деспотичных лидеров Октября в статьях 1912–1913 гг. яро отстаивал демократию и свободу слова. На это же указывает и американский исследователь болгарского происхождения М. Тодорова. Уделяет она внимание и тому, что Л.Д. Троцкий негативно относился к крестьянскому движению, знал о нем довольно мало, однако считал полностью соответствующим его российскому аналогу [116]. Статьи политика и болгарского социалиста В. Коларова, выходившие в 1912–1913 гг. сравнила Р.П. Гришина [117]В 2009 г. на историческом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова А.В. Ромадиной (Мотовиловой) был защищен диплом на тему «Л.Д.Троцкий о Болгарии в период Балканских войн». Но он не был введен в научный оборот, автор не продолжила изучение темы.

Взгляды будущего наркомвоенмора на Сербию в ряде статей рассмотрел отечественный исследователь А.Л. Шемякин [118]. Сравнивая

---

[114] *Станчев М., Чернявский Г.* Л.Д. Троцкий, Болгария и болгары... С. 67.
[115] Там же. С. 82.
[116] *Todorova M.* War and Memory: Trotsky's War Correspondence from the Balkan Wars // Perceptions: Journal of International Affairs. Vol. XVIII. № 2 (Summer 2013). P. 10–13, 17.
[117] *Гришина Р.П.* Военные корреспонденты Васил Коларов и Лев Троцкий о Балканских войнах 1912–1913 гг. // Славяне и Россия: славянские и балканские народы в периодической печати. К 90-летию со дня рождения А.А. Улуняна. М., 2014.
[118] *Шемякин А.Л.* Л.Д. Троцкий о Сербии и сербах (военные впечатления 1912–1913 гг.) // Историки-слависты МГУ: Кн. 9: В.А. Тесемников: Исследования и материалы, посвященные 75-летию со дня рождения В.А. Тесемникова. М., 2013; *Шемјакин А.Л.*

корреспонденцию и свидетельства как самих сербов, так и русских, он пришел к выводу о проницательности и точности суждений Л.Д. Троцкого. Хотя, на наш взгляд, политик и публицист в некоторых вопросах на существующее положение дел мог сознательно искажать или умалчивать факты, что показали М.Г. Станчев и Г.И. Чернявский на примере его статей о Болгарии.

Как видим, об отношении русского общества к Балканским войнам существует довольно значительное количество литературы, рассматривающей проблему в ее конкретных проявлениях или же косвенно, как составляющую более глобальных процессов. Комплексно и подробно тема до сих остается неисследованной.

Борьба болгар и сербов за русские симпатии в 1912–1913 гг. и вовсе обойдена вниманием историков. Отдельные попытки иностранных авторов изучить вопрос в рамках статей сложно назвать исчерпывающими. Однако в отечественной исторической науке не сделано и этого.

Тема образов Болгарии и Сербии в представлении русского общества также не изучалась в интересующем нас ракурсе. Затрагивались различные ее грани, но не создана цельная картина, способная выявить целый ряд закономерностей. К тому же не проведен до сих пор сравнительный анализ взгляда общества на эти две балканские страны, что особо важно, учитывая их близость и одновременно значительную разницу между ними.

В целом заявленная тема исследована отрывочно и бессистемно. Несмотря на кажущееся обилие литературы, пока никто не пытался обобщить отдельные наработки, а некоторые ее важные аспекты и вовсе пока не раскрыты.

Лав Троцки о Србији и србима током Балканских ратова (1912–1913) // Балкански ратови 1912/1913: Нова виђења и тумачења...

Объект исследования. Объектом исследования в данной диссертационной работе является совокупность проявлений отношения русского общества к Болгарии и Сербии во время Балканских войн 1912–1913 гг., как то: деятельность отдельных его представителей, публикации в печатных изданиях, записи и оценки в дневниках, чтение публичных лекций, массовые манифестации и другие мероприятия, и, прежде всего, участие в них сторонников Софии и Белграда. Под русскими понимается население Российской империи, независимо от этнического происхождения, объединяемое общностью языка и культуры. Поскольку время массового распространения радио и телевидения тогда еще не наступило, то единственным фактором, объединяющим и задающим повестку информационного обмена, являлась печать, поэтому в качестве общества рассматривается читающая часть русских.

Предмет исследования. Предмет исследования – влияние болгар и сербов на отношение русского общественного мнения к Болгарии и Сербии в период Балканских войн.

Цели и задачи исследования. Целью работы является реконструкция действий Софии и Белграда в отношении складывавших в русском общественном мнении в период Балканских войн 1912–1913 гг. образов Болгарии и Сербии, анализ изменений указанных образов и интереса к этим странам со стороны русского общества. Последнее находится в тесной связи с плотностью информационного потока и его восприятием в России. В исследовании мы сознательно не претендуем на имагологический анализ, поскольку он предполагает раскрытие образа «чужого», который является структурой большой длительности, поэтому требует других источниковых баз и инструментариев. Нас больше занимает не складывавшееся веками восприятие Болгарии и Сербии в сознании русских, а именно та изменчивость образов и оценок, которая имела

место в условиях вооруженных конфликтов на Балканах в 1912–1913 гг. и информационного противостояния сторонников Софии и Белграда в России.

Для выполнения поставленной цели были определены следующие задачи:

1. Выявить степень интереса русского общества к Балканским войнам 1912–1913 гг., показать какие события влияли на нее, чем это было обусловлено;
2. Показать систему действий Болгарии и Сербии по завоеванию расположения к себе русского общества с целью давления на официальный Петербург ради приобретения желаемых территорий;
3. Выявить сторонников Софии и Белграда, активно защищавших в России интересы соответствующих государств, указать на методы их деятельности;
4. Воссоздать образы Болгарии и болгар, Сербии и сербов, существовавшие в русском общественном мнении в это время;
5. Определить соответствие бытовавших образов и стереотипов действительности, а также причины ее искажений.

Хронологические рамки. Хронологическими рамками исследования являются лето 1912 г. – первые недели 1914 г. Нижняя граница обуславливается тем, что опасность войны на Балканах осознавалась еще до ее объявления – нагнетание обстановки вокруг терактов сначала в Штипе, затем получившее еще больший масштаб после трагических событий в Кочанах, затронуло и русское общество. Выбор верхней планки хронологии объясняется тем, что к концу 1913 г. интерес к Балканским войнам иссякает, на повестку дня выходят новые проблемы, меняющие само восприятие минувших событий, а в начале 1914 г. в прессе публикуются статьи, подводящие итог минувшему году. Тем са-

мым в сюжете фактически ставится точка, и начинается новый исторический период. По этой причине из корпуса источников, которые были направлены на разъяснение сути происходящего современникам, для воссоздания образов Болгарии и Сербии нами полноценно задействуются лишь опубликованные в указанный период, даже если, как может показаться, в них повествуется о более ранних событий. В изданных позже текстах [119] замечается влияние начала Первой мировой войны, а после того, как в нее на стороне Центральных держав вступила Болгария, ее образ активно начал превращаться в «образ врага», и уже невозможно отделить черты, приданные в 1912–1913 гг. и добавленные позже.

Научная новизна. Впервые в отечественной науке комплексно и систематично рассматривается отношение русского общества к родственным народам Балкан (болгарам и сербам) в ходе войн 1912–1913 гг., фиксируется динамика изменения, конкретные его проявления, а также их причины. Ставится вопрос о попытках Болгарии и Сербии повлиять на общественные настроения в России, выявляются проводники такой политики. Осуществляется комплексный компаративный анализ различных сторон жизни и аспектов государственного устройства названных стран. В работе задействуются многие документы, до того практически неизвестные исследователям, в научный оборот вводится ряд архивных материалов, на основе которых осуществляется попытка скорректировать ряд существующих оценок, имевшихся прежде, и реконструировать события, до сих пор изученные крайне слабо.

Практическая значимость. Материалы и выводы диссертации могут быть использованы при подготовке обобщающих работ как по ис-

---

[119] Напр.: *Veritas, Семенова Е.П.* Предательство Болгарии. Документальная история Болгаро-Сербской войны 1913 г и вступление Болгарии в лоно германизма (1914-1915). Пг., 1916; *Владимиров Л.* Война на Балканах. Пг., 1918 и др., а также результаты расследования упомянутой комиссии Фонда Карнеги.

тории России и русского общественного мнения накануне Первой мировой войны, так и истории Болгарии и Сербии начала XX в., создании учебных курсов и пособий.

Методология. Данная работа носит междисциплинарный характер, в ней применяются специальные методы исторической науки, политологии и социологии, а также общенаучные: анализ, синтез и компаративизм.

Базовым принципом является принцип историзма – рассматривание событий и явлений в их динамике и развитии и в неотъемлемой связи с более широким историческим контекстом. Таким образом изменение настроений русского общества и трансформация образов Болгарии и Сербии исследуются в тесной взаимосвязи с происходившими событиями в общественно-политической и военной сферах. Среди специальных исторических методов также использовались историко-генетический, историко-сравнительный, историко-типологический, дескриптивный, а также просопографический анализ. Применялся принцип истории ментальностей, заложенный школой «Анналов» – поиск в источниках не только непосредственно выраженных в них идей, но и «невольных свидетельств», помогающих воссоздать реальные мысли и мнение автора.

Теоретическая основа исследования. Для раскрытия отношения общественного мнения к какому-либо объекту необходимо изначально определиться, что понимать под обществом.

Нам близко определение, данное современником изучаемого объекта русским социологом Н.И. Кареевым: «Личность есть единственное реальное существо, с которым имеет дело социология. Народы или отдельные классы одного и того же народа суть собирательные единицы,

состоящие из отдельных личностей» [120]. Однако и собирательные единицы влияют на личность. Русское общество с XIX в. было заражено идеями славянофильства, панславизма, неославизма, и на отношение его к Балканским войнам серьезно влияла эта традиция, поскольку оказавшиеся под ее воздействием личности впитывали идею славянской взаимности и схожие ей, далее продолжая транслировать их в обществе.

Согласны мы и с пониманием общества, высказанным филологом Н. Поселягиным в рамках дискуссии об антропологическом повороте, развернувшейся в журнале «Новое литературное обозрение». Он предложил рассматривать социум как совокупность вступающих в отношения коммуникативного и культурного обмена индивидуумов, а человека (вслед за Т.Д. Венедиктовой) – как фокус социальности. При этом он подчеркивал неотделимость индивида и социума: «Человек взаимодействует с человеком постольку, поскольку индивидуум конструирует социум, а социум конструирует индивидуума» [121].

Таким образом, под обществом в данном случае мы будем понимать совокупность людей, объединенных общностью языка и культуры, находящихся в одном информационном поле, постоянном опосредованном взаимодействии. Поскольку в начале века единственным средством массового обмена мнениями и информацией являлось печатное слово, то рассматриваться нами будет прежде всего читающая часть населения.

Далее встает вопрос об одном из самых спорных понятий – «общественном мнении» (public opinion). Оно возникает в Англии XVII–XVIII вв., как общественное обсуждение, в противовес закрытым парла-

---

[120] Цит. по: *Семенов Ю.И.* Общество как целостная система // Социальная философия. Курс лекций. Под ред. И.А. Гобозова. М., 2003. С. 62.

[121] *Поселягин Н.* Антропологический поворот в российских гуманитарных науках // Новое литературное обозрение. № 113. (01.2012). URL: http://www.nlobooks.ru/node/1739 (Дата обращения: 22.09.2015).

ментским прениям. С конца XVIII в. термин становится общераспространенным [122].

Изучение общественного мнения в рамках психологического направления в социологии началось с конца XIX в. В начале следующего столетия исследование этого предмета вышло на серьезный уровень. За рубежом были опубликованы книги Г. Тарда «Общественное мнение и толпа» (1902 г.), В. Бауэра «Общественное мнение и его основы» (1914 г.), Ф. Тонниса «Критика общественного мнения» (1922 г.), У. Липпмана «Общественное мнение» (1922 г.). В Советском Союзе изучение общественного мнения в принятом за границей понимании не считалось научным, интерес к нему возобновился лишь после распада СССР. Так, к примеру, ставшая классической книга У. Липпмана впервые опубликована на русском языке была в 2004 г. Связано это с идеологическими вопросами. В статье советского социолога А.К. Уледова, вышедшей в свет в 1959 г., указывается, что истинное проявление общественного мнения существует лишь в странах социалистического лагеря, где оно выявляется всенародным обсуждением жизненно важных вопросов. Этого капиталистические страны позволить себе не могут, «поскольку интересы и цели буржуазии не совпадают с интересами и целями народных масс. Буржуазия боится подлинного общественного мнения масс, поэтому и идеологи ее в разработке методов исследования общественного мнения не идут далее выборочных опросов» [123]. К сожалению, в 1912–1913 гг. всенародного обсуждения балканских проблем не происходило, поэтому данная методология не может нам помочь в исследовании.

---

[122] *Уледов А.К.* Общественное мнение как предмет социологического исследования // Вопросы философии. 1959. № 3. С. 43.
[123] Там же. С. 44.

Общепринятого определения общественного мнения не существует. Уже в 1965 г. г. Чайлдс во второй главе книги «Общественное мнение: природа, формирование, роль» приводит пятьдесят определений общественного мнения. У.Ф. Дэвисон в статье об общественном мнении (1968 г.) для «Международной энциклопедии социальных наук» признает честно: «Не существует общепринятого определения “общественного мнения”» [124].

Французский социолог А. Сови в книге «Общественное мнение» (1956 г.) писал: «Это иногда узкие группы или даже заурядные личности, которые располагают рупорами более или менее мощными: газетами, особенно в некоторых странах, радиопередатчиками и т.д.». Ансамбль этих голосов, по его мнению, и является общественным мнением [125].

В нашем случае принятие данной позиции значило бы анализ газет и журналов периода Балканских войн. Но, представляется, нельзя отождествлять мнение общества и мнение печати (в англоязычной традиции «public opinion» и «published opinion»), хотя, бесспорно, они находятся в тесной взаимосвязи, влияют друг на друга. «Не всегда *опубликованное* мнение становится *общественным,* но без лидерства этой формы элитарного мнения новое общественное мнение не сможет реализоваться», – справедливо утверждала немецкий социолог Э. Ноэль-Нойман [126].

Вышеупомянутые «рупоры» фактически становятся средствами манипуляции и изменения общественного мнения. Ф. Бэкон заметил, что и ложные суждения могут влиять на общественные умозаключения, что

---

[124] *Вейт С.М.* Сущность и структура общественного мнения // Вестник Томского Государственного университета. 2009. Вып. 7 (75). С. 240.
[125] *Уледов А.К.* Указ. соч. С. 48.
[126] *Ноэль-Нойман Э.* Общественное мнение. Открытие спирали молчания. М., 1996. С. 377.

может использоваться обладающими властью [127]. Более четко и в свойственной ему манере высказался на эту тему В.И. Ленин: «Свобода печати во всем мире, где есть капиталисты, есть свобода покупать газеты, покупать писателей, подкупать и покупать и фабриковать „общественное мнение“ в пользу буржуазии» [128]. В морализирующе-нормативной концепции общественного мнения Ю. Хабермаса, оно является инструментом в руках правящих слоев и тождественно позиции, представленной в средствах массовой информации [129]. Американский исследователь Д. Трумэн предположил, что социум, даже самый примитивный, состоит из групп различного рода. Их он разделял на группы интересов, политические группы интересов и группы давления. Согласно его теории, группами интересов являются любые группы, объединенные на основе общих целей и предъявляющие требования другим группам. В случае, если политическая группа интересов использует давление на государственную власть, она становится группой давления. Французский ученый-государствовед М. Дюверже выделил методы этого давления. Одним из них является непрямое воздействие на общество, дабы изменить общественное мнение, которое в свою очередь будет оказывать давление на правительство [130]. Подобные группы давления мы будем рассматривать во второй главе исследования.

В итоге подобные «рупоры» могли создавать свою собственную реальность, виртуальный мир, сотканный прессой [131]. Но нас больше интересует та реальность, которая складывалась в головах, а не на страницах газет. Эта задача крайне неблагодарна, в силу недостатка дошедших

---

[127] *Вейт С.М.* Указ. соч. С. 238.
[128] *Уледов А.К.* Указ. соч. С. 49.
[129] Новейший философский словарь. Сост. Грицанов А.А. Минск, 1998.
[130] *Толстых П.А.* Теория групп и теория лоббизма: соотношение научных концепций // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2013. № 2. Ч. 1. С. 190.
[131] Подробнее см.: *Луман Н.* Реальность массмедиа. М., 2005.

до нас источников, что объясняется следующим свойством общественного мнения. Человек подсознательно старается избежать изоляции и потому склонен умалчивать свою точку зрения, если она расходится с доминирующей в обществе. Указанный феномен Э. Ноэль-Нойман называет спиралью молчания: «Спираль молчания закручивается тогда, когда люди, не желая оказаться в изоляции, постоянно наблюдают за своим окружением, подробно регистрируя, какое мнение убывает, какое распространяется, усиливается. Кто видит, что его мнение находит все большую поддержку, тот высказывается прилюдно, забывая об осторожности. Кто видит, что его позиция теряет свою опору – поддержку других, – погружается в молчание. Кто открыто, не таясь, на виду у публики декларирует свою точку зрения, тот производит о себе впечатление более сильного человека, чем он есть на самом деле, а другие – промолчавшие, – наоборот, кажутся слабее. Возникает оптический или акустический обман, маскирующий действительное большинство или действительную силу; так одни побуждают других говорить или молчать до тех пор, пока одна из позиций не исчезнет» [132].

Прекрасно иллюстрирует эту спираль проведенный в середине XX в. более 50 раз американским социальным психологом С. Эшем эксперимент. Суть его в следующем. Испытуемым, расположенным в ряд по 12, поочередно предлагали оценить длину различных линий по сравнению с образцом. После первых двух повторений эксперимента в каждой группе менялись условия. Помощники исследователя (бывшие 11 из 12 членов группы) согласованно давали неверный ответ, а ничего не знавший испытуемый, сидевший в конце ряда, и оказывался объектом изучения. В итоге большинство повторяло явно неверное доминирующее

[132] *Ноэль-Нойман Э.* Указ. соч. С. 381–382.

мнение в группе [133]. Человек даже в такой безобидной ситуации старался не остаться в изоляции. В нашем случае иллюстрацией этого феномена станет моментальное и всеобщее изменение риторики по отношению к Болгарии летом 1913 г. Насколько это переключение режима восприятия произошло в сознании жителей России судить сложно в силу недостатка источников. Но, как кажется, оно состоялось. Балканские события и международные отношения для большинства оставались вне реального взаимодействия и практики, здесь доверяли печати. В таких случаях, как правило, люди полагаются на намеки на то, как нужно отнестись к новостям. По мнению У. Липпмана, «этот намек нам совершенно необходим» [134]. На это же указывал его коллега Дж. Цаллер, разделяя сообщения прессы на убеждающие и подсказывающие [135].

Итак, суммируя вышесказанное, укажем, что под общественным мнением, на наш взгляд, стоит понимать совокупность точек зрения, в которой необходимо разделять суждения на различные потоки и направления. В силу отсутствия такого инструмента как социологический опрос, мы вынуждены следовать в большинстве вопросов за высказанным мнением. Однако тут важно подчеркнуть, что и печать обязана учитывать настроения общества, идти в чем-то у него на поводу. В итоге исследуемый предмет замыкается в некий уроборос, где в бесконечном взаимовлиянии складывается картина мира глазами социума. И она, как представляется, не может быть тождественна реальности. Это связано с тем, что действительность, как луч света через многогранную призму, несколько раз преломляется, доходя до нас. Выглядит это так. Событие происходит и это – реальность. Его увидел индивид – первое преломление, поскольку он видел то, что смог или хотел увидеть. Далее он ос-

---

[133] Там же. С. 87–88.
[134] *Липпман У.* Общественное мнение. М., 2004. С. 224–225.
[135] *Цаллер Дж.* Происхождение и природа общественного мнения. М., 2004. С. 91.

мысливает полученную информацию – второе преломление. Затем он передает информацию такой, какой ему хочется или какой он может ее передать – третье преломление. И это в случае изучения нами свидетельств очевидцев событий. Если же они опубликованы в газете, и их прочел следующий индивид, отразил в своем дневнике, то количество преломлений общественного мнения по дороге к исследователю увеличивается пропорционально.

Остановимся на первых преломлениях, которые, собственно, и формировали образ Болгарии и Сербии в русском обществе. Отправившиеся на Балканы представители прессы не были некими идеальными как математическая модель корреспондентами, а обладали общими для всех людей свойствами восприятия, искажавшими картину: избирательность восприятия (внимание обращается не на все сразу, а на отдельные проявления материальной или духовной культуры), глобализация (рассмотрение черт в целостной системе, что приводит к их искажению) и проективность (проекция особенностей своей культуры на иную, что влечет за собой видение не реальной, а желаемой картины) [136]. В итоге, по словам российского историка А.В. Голубева, «восприятие может быть разной степени адекватности, но в любом случае опирается на стереотипы, составляющие основу менталитета» [137].

Последняя особенность подробно разрабатывалась У. Липпманом. «В огромном шумном многоцветии внешнего мира мы вычленяем то, что уже было определено нашей культурой», – писал он [138]. Связывал это американский социолог с экономией усилий: «Ведь попытка увидеть все вещи заново и в подробностях, а не как типы и способы обобщения,

---

[136] Россия и Запад. Формирование внешнеполитических стереотипов в сознании российского общества первой половины XX века. М., 1998. С. 3.
[137] Там же. С. 4.
[138] *Липпман У.* Указ. соч. С. 97.

утомительна, а если вы очень заняты, то она практически обречена на провал» [139]. Добавим, что корреспонденты на Балканах пребывали далеко не в кабинетных условиях, располагающих к вдумчивым размышлениям. Постоянное передвижение, бытовая неустроенность, война и холера приводили к подавлению мыслительных способностей. Как выразился тот же У. Липпман, «именно тогда возникает “невыносимая тяжесть мысли”, хотя думать – это так же легко и естественно, как и танцевать» [140]. Отправляясь на Балканы представители печати уже несли в себе сформировавшиеся стереотипы – мало кто из них знал жителей полуострова, понимал специфику региона. В таких случаях, утверждал У. Липпман, появляется привычка «втискивать в узкие рамки стереотипа то, что в него может быть втиснуто, и отбрасывать то, что в него не помещается» [141]. По словам отечественных исследователей А.С. и Е.С. Сенявских, в случаях, когда увиденное противоречит стереотипу, большинство предпочитает этого и не замечать, сохранять свои взгляды неизменными [142]. Причем в нашем случае это касалось даже не только восприятия болгар и сербов, но и социально-политических реалий Болгарии и Сербии. Увидев маркеры какого-то явления, представители печати моментально писали о его наличии (например, демократии), игнорируя очевидные противоречия или искажения образца. К этому вопросу мы будем еще вынуждены возвращаться по мере повествования.

После дополнительного преломления, вызванного цензурой и самоцензурой, мы получаем мнение печати. Затем наступает черед еще одного искажения – восприятия читателя. Степень его разнится.

---

[139] Там же. С. 103.
[140] Там же. С. 89.
[141] Там же. С. 126.
[142] *Сенявский А.С., Сенявская Е.С.* Историческая имагология и проблема формирования «образа врага» (на материалах российской истории XX в.) // Вестник РУДН. Сер. История России. 2006. № 2 (6). С. 58.

Дж. Цаллер на примере воздействия предвыборных обещаний делит общество по качеству восприятия пропаганды на три категории. Первая – менее подвержена воздействию влиянию чужой точки зрения, поскольку заинтересованность вопросом сопровождается достаточным знанием и способностью к критическому осмыслению. Вторая, средне осведомленная часть публики, «подвержена влиянию в наибольшей степени: она уделяет достаточно внимания политике, чтобы узнавать о предвыборных обещаниях кандидата, но обладает недостаточными когнитивными ресурсами, чтобы сопротивляться пропаганде». Третья группа населения никак не реагирует на воздействие, поскольку лишена интереса к теме [143].

Таким образом, в нашем случае печатное мнение, скорее, будет меньше преломляться именно во второй категории, среди широких городских слоев, где Балканские войны становились модным поводом для разговора, а не размышлений в силу отсутствия реального знания и понимания вопроса.

Общественное мнение сложно для изучения, в особенности, если речь идет об обществе, канувшем в Лету. Понимая под обществом совокупность вступающих в коммуникативный обмен индивидов, которые влияют на социум, и сами находятся под его влиянием, мы получаем возможность решить поставленную задачу. В таком случае следует изучить мнение каждого представителя общества, для чего необходимо использовать все возможные источники, найти каждую часть этой мозаики.

При этом важно понимать различную ценность этих деталей для создания обобщений: точки зрения упоминавшихся «рупоров» более широко отображают мнения, поскольку сами их и конструируют. Но и

[143] *Цаллер Дж.* Указ. соч. С. 59.

нельзя утверждать, что они целиком отображают всю широту спектра настроений, поскольку есть пределы манипулирования общественным мнением. Прежде всего, ему подвергается среднезаинтересованная часть общества, поэтому мнение «рупоров» стоит относить в большей мере к ней. При этом нельзя, по примеру отдельных исследователей, несмотря на наличие таких больших частей мозаики, пренебрегать малыми деталями, дабы не оставлять на картину полной пробелов, лишенной целостности и невозможной для понимания.

Во время Балканских войн сербы и болгары пытались воздействовать на настроения русского общества в свою пользу, в этом вопросе победителем вышли сербы, что было обусловлено значительным количеством просербских «рупоров» или групп давления, их большей активностью. Этот факт также доказывает, что общественное мнение отнюдь не является точным отражением реального положения вещей, а конструирует свой собственный мир.

Источниковая база исследования. Используемые в работе источники целесообразно разделить по их типу и свойствам на группы. К первой, вызывающей наибольшее доверие, отнесем архивные и опубликованные ***документы органов власти***. В рамках данного исследования задействовано несколько фондов Государственного архива Российской Федерации (далее – ГАРФ): прежде всего фонды Охранных отделений Петербурга [144] и Москвы [145]. В первом из названных фондов находится дело «Приложение к расследованию по делу о действиях чинов полиции на манифестациях 17 и 18-ого марта 1913» [146], содержащее докладные записки их свидетелей и участников на имя заместителя министра внут-

[144] Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 111.
[145] ГАРФ. Ф. 63.
[146] ГАРФ. Ф. 111. Оп. 5. Ед. хр. 451. В эти дни состоялись в Петербурге демонстрации, вызванные падением турецкой крепости Адрианополь, которые полиция довольно жестко разогнала.

ренних дел. В фонде московской «охранки» в списке разрешенных публичных мероприятий были обнаружены упоминания лекций о балканских событиях. Но более важным является другая единица хранения того же фонда – «Об отношении населения к Балканским событиям» [147]. Причиной создания этого документа является телеграмма главы Министерства внутренних дел руководителю Московского охранного отделения от 1 ноября 1912 г., где говорится о необходимости для доклада императору сообщить, «замечается ли, и в каких слоях сочувствие которой-либо из воюющих сторон и в чем оно выражается, второе [–] какие вообще высказываются соображения по вопросу желательности вмешательства России в славянский вопрос, и третье – не основывают ли левые оппозиционные партии на таком вмешательстве своих планов» [148]. В ведении Московской охранки находились отделения и жандармские части не только в столице, но и на обширной территории от Смоленска до Нижнего Новгорода. Соответствующие распоряжения были направлены в эти губернии. Ответ на запрос найден и в Государственном архиве Волгоградской области в фонде помощника начальника Саратовского губернского жандармского управления в Царицынском уезде [149], документы соседнего Камышинского уезда не сохранились. Благодаря этому мы имеем донесения жандармов, записки тайных агентов по интересующей проблематике, достоверность этого источника представляется довольно высокой в связи со спецификой его происхождения.

Публичные стенограммы Государственной Думы дополняются изданными донесениями из ее Министерского павильона. Заведующий им Л.К. Куманин выполнял не только хозяйственные функции по обеспечению комфорта министров в Таврическом дворце, но и являлся агентом

---

[147] ГАРФ. Ф. 63. Оп. 32. Ед. хр. 1346.
[148] Там же. Л.1.
[149] Государственный архив Волгоградской области. Ф. 6.

правительства за кулисами парламента, с 1911 по 1917 гг. сообщая председателю Совета министров секретную информацию относительно жизни думских фракций, настроений и мнений депутатов, не попадавшую в официальные стенограммы. Публикацию источника в журнале «Вопросы истории» подготовили Б.Д. Гальперина, З.И. Перегудова, В.И. Старцев. Хронологически нас интересует 7 частей этого документа [150].

Расширяют картину российские дипломатические документы, изданные в серии «Международные отношения в эпоху империализма» [151] и журнале «Красный архив» [152]. Сюда же стоит отнести болгарский сборник «Сербские интриги и коварства против Болгарии» [153]. Несмотря на претенциозное название, в нем опубликованы дипломатические донесения, в том числе и за период Балканских войн. В книге практически отсутствуют новые источники, она является компиляцией уже существующих изданий. Но большую ценность ей придает то, что включены и переведены документы с разных языков.

Следующей группой источников является ***пресса***. Важно понимать, что печать всегда является субъективной, это необходимо учитывать, и нельзя не согласиться с знаменитым историком Э. Хобсбаумом, что она не полностью отражает настроения общества, и нельзя приравнивать передовицы газет к мнению населения [154]. Тем не менее, этот тип источника позволяет нам представить существовавшие настроения, по-

---

[150] *Гальперина Б.Д., Перегудова З.И., Старцев В.И.* Донесения Л.К. Куманина из Министерского павильона Государственной думы, декабрь 1911 – февраль 1917 года // Вопросы истории. 1999. № 1–7.

[151] Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и временного правительств. 1878–1917. Сер. вторая. 1900–1913. Т. 20. Ч. II. 14 августа – 17 октября 1912 г. Л., 1940.

[152] *Попов А.* Первая балканская война // Красный архив. Т. 2. (15). М.–Л., 1926. С. 1–29; *Семенников В.* Эпизод из истории балканской войны // Красный архив. Т. 6 (25). М.–Л., 1927. С. 184–188.

[153] Сръбските интриги и коварства срещу България (1804–1914). София, 2009.

[154] *Хобсбаум Э.* Нации и национализм после 1870 г. СПб., 1998. С. 21.

смотреть, как освещались различные события, ведь помимо своей функции источника информации пресса является и инструментом пропаганды.

Больший интерес для нас представляли развернутые аналитические статьи, где авторы могли подробно изложить свою точку зрения, что возможно было, скорее, в журналах, нежели в газетах. По этой причине предпочтение при определении круга источников отдавалось первому из названных типов изданий.

Как правило, в каждой газете существовал раздел, озаглавленный в духе «Война на Балканах». В связи с начавшимся зимой 1912 г. перемирием, затуханием активных действий весной 1913 г. название раздела часто менялось, но потом вновь возвращалось. Помимо центральных изданий использовались провинциальные печатные органы. Их важность заключается не в сообщениях с Балкан, которые они были вынуждены заимствовать у информационных агентств (хотя их преломление иногда оказывается интересным), а в новостях из этих городов о проявлении поддержки воюющим славянам (сбор пожертвований, отправка добровольцев и т.д.). Некоторые газетные свидетельства такого взаимодействия сербского и русского обществ, конкретно – жителей Москвы, были переизданы в 3 томе серии сборников документов «Москва – Сербия, Белград – Россия» [155].

Газеты создавали информационный фон, влиявший на настроения населения, но отнюдь не отражали реального общественного мнения, поскольку зачастую сами старались его сформировать. К примеру, газе-

[155] Москва – Сербия, Белград – Россия. Сборник документов и материалов. Т. 3. Общественно-политические и культурные связи. 1878–1917. М.–Београд, 2012.

та «Новое время» сознательно завышала масштабы демонстраций в поддержку притязаний Черногории на Скутари [156].

Активно использовались журналы различных типов. Первые – издания «для всех», ориентированные на широкий круг читателей. К таким относится «Нива», «иллюстрированный журнал литературы, политики и современной жизни», выходившая еженедельно. Издателем журнала являлся А.Ф. Маркс, имевший книжные магазины и отделения в Петербурге, Варшаве, Екатеринбурге, Иркутске, Киеве, Одессе, Ростове-на-Дону, Самаре, Саратове и на Нижегородской ярмарке [157]. В начале века тираж «Нивы» составлял около 200 тыс. экземпляров. Успехом своим она была обязана энциклопедическому характеру и приложениям, в которые входили 12 номеров модного журнала, от 20 до 40 книг известных писателей. «Чтобы отметить роль “Нивы” в истории русской журналистики, достаточно сказать, что она познакомила русского массового читателя с Чеховым, Горьким, Достоевским, Гамсуном, Куприным, Андреевым», – указывает отечественный исследователь истории журналистики С.Я. Махонина [158]. Для нас особенно важно, что издание не было политически ангажировано, скорее само попадало под мнение широких слоев городского населения, чем навязывало свое.

Схож с ним журнал «Родина», издававшийся А.А. Каспари. Он не обладал какой-либо политической направленностью и имел множество приложений, одним из которых было «Иллюстрированное всемирное обозрение». Анализировавшая этот орган печати в период Балканских войн отечественный лингвист Л.П. Рупосова пишет, что он соответство-

---

[156] *Хлебникова В.Б.* К вопросу о месте династических связей России и Черногории во внутренней и внешней политике на рубеже XIX–XX вв. // Императорский дом Романовых и Балканы. М., 2014. С. 296; *Она же.* Роль династических связей России и Черногории в выстраивании политического сотрудничества на рубеже XIX–XX веков // Славяноведение. 2015. № 1. С. 38–39.
[157] *Махонина С.Я.* Русская дореволюционная печать (1905–1914). М., 1991. С. 53.
[158] Там же. С. 125.

вал критериям публицистического текста: «доступность для обыденного сознания, логичность, эмоциональную выразительность (“живость”, по определению редакции) и непротиворечивость жизненному опыту, что способствует принципам социальной информации как оценочного, директивного, развивающего явления» [159].

К другой категории относятся т.н. толстые журналы, направленные в меньшей степени на атрактивность.

К таким относился старейший русский журнал «Вестник Европы». В 1866 г. М.М. Стасюлевич, отставной профессор истории Петербургского университета, основал «преимущественно исторический журнал» [160]. Первое время он издавался раз в три месяца, а с 1868 г. стал ежемесячным. В нем работали такие известные историки, как Н.И. Костомаров и С.М. Соловьев [161]. Изначально издание было «исключительно для образованных и развитых читателей», как его характеризовали в Главном управлении по делам печати в 1879 г. Оттуда сообщали Санкт-Петербургскому генерал-губернатору: «”Вестник Европы” – ежемесячный журнал, при обилии статей, касающихся вопросов общественных, а также внутренней и внешней политики, всегда отличался сдержанным и строго приличным тоном, не допускающим грубых или чрезмерно резких выражений» [162]. В сентябре 1908 г. М.М. Стасюлевич «вследствие слабости здоровья и значительного утомления» [163] передал издание журнала М.М. Ковалевскому, а пост редактора – К.К. Арсеньеву. Они попытались оживить беллетристику, расширили

---

[159] *Рупосова Л.П.* Лингвистические средства оценивания событий и его участников (на материале публицистических источников периода Первой и Второй балканских войн (1912–1913 гг.)) // Русский язык в славянской межкультурной коммуникации: история и современность. сборник научных трудов. М., 2015. С. 252–253.
[160] *Есин Б.И.* История русской журналистики. М., 2000. С. 55.
[161] *Он же.* История русской журналистики XIX века. М., 2008. С. 223.
[162] Там же. С. 226.
[163] Цит. по: *Махонина С.Я.* Указ.соч. С. 101.

круг печатаемых писателей. Но даже такому солидному изданию пришлось меняться под действием рынка и расширить отдел рекламы [164]. В лучшие годы тираж составлял 14 тыс. экземпляров. Редакция сочувствовала кадетам, но расходилась с ними в вопросах партийной дисциплины и даже была инициатором создания «партии демократических реформ». В 1910–1914 гг. в журналах стали появляться статьи социал-демократов, например, А. Дивильковского, Вл. Бонч-Бруевича, публиковался М. Горький [165].

В данной работе привлекались и материалы либерального журнала «Русская мысль», редактором которого в то время был П.Б. Струве, а отделом беллетристики заведовал В.Я. Брюсов. Количество подписчиков журнала достигало 14 000 человек, и с 1907 г. в нем активно печатались «веховцы».

Интересные аналитические мнения высказывались в изданиях, близких к социалистам. С января 1911 г. в России начал выходить журнал «Современник», одним из основателей и духовных руководителей которого был М. Горький. Печатный орган ставил задачей просвещение и преображение общества, выступал за равенство как социальное, так и национальное. Согласно документам Департамента полиции, «в статьях упорно и систематически проводится самая глубокая ненависть к России и ее государственному строю и наряду с этим оказывается милость инородцам, особенно евреям и всем революционным партиям» [166]. В 1912 г. в «Современнике» вышла статья К. Крыстева-Миролюбова о болгарской литературе, что произошло во многом благодаря М. Горькому, который был вынужден приложить немало усилий к созданию итогового текста.

---

[164] *Махонина С.Я.* Указ.соч. С. 101.
[165] Там же. С. 122.
[166] Литературное наследство. Т. 95: Горький и русская журналистика начала XX века. Неизданная переписка. М., 1998. URL: http://az.lib.ru/g/gorxkij_m/text_0460.shtml (Дата обращения: 22.09.2015).

Он писал одному из руководителей журнала Е.А. Ляцкому, что рукопись оказалась небрежной, грязной и исчерканной, «статья же – по форме – написана плохо». Писатель прекрасно осознавал своевременность появления подобного обзора. 10 октября 1912 г. он писал болгарскому литератору П. Тодорову, что ввиду событий на Балканах «было бы очень полезно поместить статью Кристева (так в тексте. – *Н.Г.*) в русской прессе возможно скорее, – она может повысить внимание русского общества к судьбе Болгарии» [167].

По своей направленности схож с «Современником» был недолго существовавший журнал «Заветы», созданный благодаря энергии лидера эсеров В.М. Чернова [168]. У этого издания на Балканах имелся свой корреспондент –большевик Андрей Владимирович Соколов, публиковавшийся под псевдонимом Ст. Вольский. Его статьи выходили под общим заголовком «Письма с Балкан», частично они переизданы в сборнике «Русские о Сербии и сербах» [169]. Ценность его наблюдений заключалась в том, что он сообщал читателям не ход военных действий, а царившие в славянских странах порядки и настроения.

В эту же группу источников стоит отнести и ряд статей В.И. Ленина, касавшихся Балканских войн, где внимание уделялось значению происходящих событий [170]. Его будущий соратник по Октябрю,

---

[167] Там же.

[168] *Новикова Н.В.* Первоэлементы эстетической программы журнала «Заветы» // Известия Саратовского университета. 2009. Т. 9. Сер. Социология. Политология. Вып. 1. С. 72.

[169] *Вольский Ст.* Письма с Балкан // Русские о Сербии и сербах. Т. 1: Письма, статьи, мемуары. СПб., 2006. С. 535–543.

[170] *Ленин В.И.* Балканские народы и Европейская дипломатия // *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. Изд. 5. Т. 22. М., 1968; *Он же.* О лисе и курятнике // Там же; *Он же*. Позорная резолюция // Там же; *Он же*. Новая глава всемирной истории // Там же; *Он же.* Кадеты и националисты // Там же; *Он же.* Ужасы войны // Там же; *Он же.* Социальное значение сербско-болгарских побед // Там же; *Он же.* О лисе и курятнике; *Он же.* Балканская война и буржуазный шовинизм // Там же. Т. 23. М., 1973; *Он же.* Международная политика буржуазии // Там же.

Л.Д. Троцкий, в это время являлся корреспондентом нескольких газет на Балканах. Он разительно отличался от других представителей русской печати, к примеру, не пил ракию, а «хлебал с утра до вечера» чай [171]. Близко к фронту он допущен не был и довольствовался рассказами раненых или описанием тыла. Особо его занимала политическая система и уровень социально-политического развития страны, которые он оценивал весьма критично, иногда и сгущая краски. Позже Л.Д. Троцкий вспоминал: «Разумеется, я не мог сказать в легальной непартийной газете всего, что хотел сказать. Но я никогда не писал того, что не хотел сказать» [172]. Однако то, что он публиковал, болгарам крайне не нравилось, и местная пресса была благодарна ротмистру Богаевскому за то, что он в «Русском инвалиде» парировал «нападки… корреспондента “Киев. мысли”» [173]. Лев Давидович довольно значительное внимание уделил политическим системам Болгарии и Сербии. Журналистов, посвящавших строки этой теме практически не было, поскольку читателя занимало больше другое – война, ведь именно она была информационным поводом, и она же намного интереснее обывателю, нежели анализ функционирования демократии. Обильная корреспонденция Л.Д. Троцкого, касавшаяся политического устройства балканских стран, объясняется несколькими факторами. Прежде всего, конечно, это его собственные «увлечения». Корреспонденты «в погонах» подробно анализировали передвижение войск, их профессиональную подготовленность, а бывший председатель Петросовета обращал внимание на интересное ему, более важное, на его взгляд. Другая причина – необходимость отрабатывать деньги редакций, пославших его на Балканы. Этому сотруднику печати не удалось получить разрешение на выезд в армию. Большинство его

---

[171] *Станчев М., Чернявский Г.* Л.Д.Троцкий, Болгария и болгары. София, 2008. С. 88.
[172] Там же. С. 61.
[173] Мир. 1912. 23 дек.

коллег в этой ситуации приступило к сочинению новостей, но данный представитель русской прессы оказался честнее и описывал политических деятелей стран, демократию и городские окраины до тех пор, пока не смог встретиться с ранеными и пленными и у них получить необходимый материал. Один из будущих вождей русской революции отдельной книги не написал, но все его статьи с бушующего полуострова были опубликованы в 1926 г. в одном из томов собрания сочинений [174], а затем отдельно – в 2011 г. [175], несколько раз переиздавались на английском и итальянском языках [176].

В целом, необходимо отметить, что деятельность корреспондентов затруднялась политикой властей балканских государств. «Нива» писала, подразумевая печать: «И турки, и союзники заключили между собой оборонительный союз против седьмой великой державы» [177]. При помощи цензуры на Балканах старались всячески избежать рассекречивания своих планов и лицезрения европейской общественностью неблагородной изнанки войны. Прежде всего на этом настаивали военачальники. К примеру, после возобновления боевых действий в январе 1913 г. руководство болгарской армии приняло решение не подпускать корреспондентов и близко к войскам. Начальник Тайной канцелярии царя Фердинанда С. Добрович писал заместителю главнокомандующего М. Савову о необходимости удовлетворить просьбы нескольких проверенных, в том числе и европейских, журналистов. С этим был согласен и кабинет министров. Но генерал недальновидно отказал: «Не печать принесет нам победы, а мораль армии и сохранение в тайне всех наших соображений

---

[174] *Троцкий Л.Д.* Сочинения. Т.6. М.–Л., 1926.
[175] *Троцкий Л.* Перед историческим рубежом. Балканы и Балканская война. СПб., 2011.
[176] The War Correspondence of Leon Trotsky. The Balkan Wars 1912–13. New York, 1980, 1993; *Trotsky L.* Le guerre balcaniche 1912–1913. Milano, 1999.
[177] Нива. 1913. 16 февраля. С. 140б.

о проведении операций»[178]. Глава парламента С. Данев просил М. Савова допустить хотя бы писателя Вас.И. Немировича-Данченко как известного болгарофила, человека талантливого и проверенного, но получил ответ: «Неудобно делать исключения для кого бы то ни было. С сожалением вынужден отказать на этом основании и Немировичу-Данченко»[179].

В результате отсутствие достоверной информации приводило к ее выдумыванию. «Описывались подвиги авиаторш, хотя пока здесь нет и авиаторов. Трогательна была дочь генерала Попова, но такой генерал нашелся – в отставке, и никакой дочери у него не оказалось... Выигрывались и проигрывались сражения, сдавались и брались крепости и города, когда армии еще только перешли границу», – писал упомянутый Вас.И. Немирович-Данченко[180]. Другой корреспондент рассказывал, как появлялись новости: «Сидит человек в комнатке около цензурного бюро и строчит описание того, как осаждают Адрианополь. С подробностями, с техническими выражениями, номерами дивизий и с описаниями геройских поступков»[181]. Такая же история произошла и с взятием Лозенграда. Турецкие войска отступили из него, оставив небольшой отряд арьергарда. Тем не менее, пресса рисовала картины ожесточенного сражения, а перечень трофеев просто захватывал дух. Софийские газеты приводили следующие данные: 40 тысяч пленных, 40 тысяч ружей, сотни пушек, миллионы килограммов провизии; среди пленников – принцы, министры, паши. «Только принцесс и павлинов не хватало», – иронизировал

---

[178] *Шипчанов И.* Вестители на бойна слава (военните кореспонденти през Балканската война от 1912–1913 г.). София, 1983. С. 57.
[179] Там же.
[180] *Немирович-Данченко Вас.И.* Собрание сочинений. Т. XIV. СПб., 1913. С. 22.
[181] *Пиленко А.А.* Около Болгарской войны. Дневник и сорок девять любительских фотографий. СПб., 1913. С. 17–18.

Л.Д.Троцкий [182]. А представитель «Утра России», по всей видимости, попал под влияние этой информации. Вот его список трофеев Лозенграда: «забраны были миллионы патронов, тысячи винтовок, автомобили, коляски, даже два аэроплана… Пальто, эполеты Хильми-паши, часы, усыпанная алмазами табакерка и сабля Махмуд-Мухтара, вся канцелярия штаба армии, около ста орудий и две сотни зарядных ящиков» [183].

В журнале «Военный сборник» выходили по «горячим следам» ***воспоминания участников*** боевых действий, уже вернувшихся в Россию, поэтому тексты не были изменены болгарской цензурой. Поскольку статьи писались специально для периодического издания, сразу по возвращению, то эту категорию источников не стоит относить к мемуарной литературе, они ближе именно к статьям журналистов.

Первыми вышли воспоминания И.Д. Чинтулова [184]. Он родился в семье болгарского офицера, детство провел в Одесском кадетском корпусе, где учился за счет славянского благотворительного общества, затем закончил Михайловское артиллерийское училище, принял русское подданство и поступил на службу. Во время Первой балканской войны, взяв отпуск, он отправился в болгарскую армию, офицером которой попрежнему являлся его отец, и служил там командиром взвода в войсках Р. Димитриева [185], с чьим сыном вместе учился и потому был знаком с детства [186]. Когда в декабре 1912 г. наступило перемирие, он вернулся в свою часть в Тамбов. И.Д. Чинтулов планировал принять участие и во

---

[182] *Троцкий Л.Д.* Сочинения. Т.6... С. 149, 167; *Он же.* Перед историческим рубежом... С. 113–114, 127.
[183] *Мамонтов Н.П.* С болгарскими войсками от Балкан до Чаталджи. М., 1913. С. 101.
[184] *Чинтулов И.* Воспоминания добровольца // Военный сборник. 1913. № 5–9.
[185] *Ганин А.В.* Болгары – выпускники Николаевской военной академии в Гражданской войне в России // Славянский альманах 2012. М., 2013. С. 459–460.
[186] *Чинтулов И.* Воспоминания добровольца // Военный сборник. 1913. № 5. С. 173.

Второй балканской войне, но был посажен под арест с целью воспрепятствовать его отъезду [187].

В 1914 г. в этом же журнале вышло разбитое на несколько частей произведение «Энвер-бей под Шаркиоем» В.С. Везенкова [188]. В журнале стояло указание, что автор – «участник последних Балканских войн, пленения Явер-Паши и сражения десанта Энвер-бея (у Шаркиоя)… Он командовал 5 ½ месяцев 10-й пехотной Прилепской дружиной» [189]. В воспоминаниях болгарина К. Станчева мы встречаем капитана Везенкова из «Крушово», что в России [190]. Видим капитана Владимира Стояновича Везенкова, служившего в Македонско-Одринском ополчении (куда и входила Прилепская дружина), и в списке русских офицеров-добровольцев, поступивших во время Балканских войн на болгарскую службу, составленном болгарским исследователем Б.П. Куюмджиевым [191]. Сам В.С. Везенков являлся уроженцем Македонии, считал себя болгарином, проживая в России. Он активно принимал участие в болгаро-сербской полемике в 1913 г., что будет показано ниже.

В аннотированном указателе по истории России в дневниках и воспоминаниях под редакцией П.А. Зайончковского в разделе «Участие добровольцев из России в I Балканской войне» указывается еще несколько источников [192]. Среди них рассказ летчика Н.Д. Костина [193]. Од-

---

[187] *Ганин А.В.* Указ. соч. С. 459–460.
[188] *Везенков* Энвер-бей под Шаркиоем // Военный сборник. 1914. № 6–7.
[189] *Везенков.* Указ. соч. // Военный сборник. 1914. № 6. С. 87.
[190] *Станчев К.* 1912–1913. (из записките ми като македонско-одрински опълченец) // Камбана. 1927. 24 януар.
[191] *Куюмджиев Б.П.* Дипломатическа и материална подкрепа от Русия на България по време на Балканската война 1912–1913 г. Руски доброволци и проявена храброст от тях. София, 1968. С. 74.
[192] История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях. Т. 4. Ч. 1. М., 1983. С. 333–334.

нако там повествуется лишь о его неудачном перелете в тыл турок. Его действия – тема отдельного увлекательного произведения [194]. Ошибочно в эту категорию в указателе записаны произведения Н.И. Гасфельда, Н.П. Мамонтова, И.П. Табурно, которые присутствовали на Балканах в качестве корреспондентов печатных изданий.

Не внесены в данный список статьи болгарина на русской службе И.Г. Пехливанова, выходившие в «Известиях Императорской Николаевской военной академии» в 1912–1914 гг. Однако статьи носят аналитический характер, и в них не говорится о его непосредственном присутствии на театре военных действий. Тем не менее, он указан Б. Куюмджиевым в качестве офицера для поручений при Штабе 1-й армии [195]. Эти данные подтверждаются отечественным военным историком А.В. Ганиным. И.Г. Пехливанов, согласно его послужному списку, пребывал в отпуске с 2 октября до 20 декабря 1912 г. [196]. 27 октября он был зачислен в штаб 1-й болгарской армии, 3 ноября отправлен в штаб 6-й пехотной дивизии, а 4 декабря уволен по собственному желанию [197].

Подчеркнем, что И.Д. Чинтулов, В.С. Везенков и И.Г. Пехливанов являлись болгарами по своему происхождению, сербов, находившихся на русской военной службе, отправившихся добровольцами на родину в

---

[193] *М–в И.* Рассказ русского летчика Н.Д. Костина // Пограничник. 1913. № 91/92. С. 3054–3056.

[194] Подробнее см.: *Гусев Н.С.* Негероическое в поведении русских добровольцев и сотрудников Красного Креста в Болгарии во время Балканских войн // Материалы XIX международной молодежной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов». URL: http://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2012/1787/29634_6212.pdf (Дата обращения: 22.09.2015); *Он же*. Конфуз русского летчика в Болгарии. URL: http://warspot.ru/35-konfuz-russkogo-letchika-v-bolgarii (Дата обращения: 22.09.2015).

[195] *Куюмджиев Б.П.* Указ. соч. С. 74.

[196] *Ганин А.В.* И.Г. Пехливанов – один из первых историографов Первой балканской войны // Модернизация vs. война... С. 397; *Он же.* Българинът защитил Русия. Съдбата на Йордан Пехливанов. София, 2014. С. 20.

[197] Там же.

1912–1913 гг. и оставивших свои воспоминания на русском языке нами не обнаружено.

Остается неизданным «Очерк вооруженных сил Болгарии и заметки по поводу войны на Балканах», составленный капитаном Самосеевым. Этот труд находится в архивном фонде А.И. Гучкова [198], которому, видимо, был прислан для публикации. Из текста следует, что офицер являлся добровольцем в Болгарии, Б.П. Куюмджиев указывает на его место службы – 2-й артиллерийский полк [199]. Однако нигде не указаны его инициалы. Из косвенных свидетельств можно с большой долей вероятности предположить, что автор – штабс-капитан 45 артбригады Николай Карпович Самосеев. В рукописи дается характеристика частям болгарской армии, ее вооружению, основным боевым операциям. Но ценно в ней другое – Н.К. Самосеев тесно общался с офицерами и добровольцами, постарался понять их и их страну.

Близок к прессе и воспоминаниям добровольцев другой тип источников – ***книги корреспондентов*** различных изданий, посетивших Балканы во время войн 1912–1913 гг. Этот тип источников интересен по нескольким причинам. Во-первых, в них были помещены статьи, как правило, уже опубликованные в прессе, во-вторых, издавались они сразу же – в 1913 г., поэтому продолжали создавать образ Балканской войны, пока та еще не закончилась. В-третьих, в отличие от корреспонденции с театра военных действий эти тексты не подвергались цензурированию, в-четвертых, являлись не сугубо новостным повествованием, а развернутым описанием увиденного.

Первым среди авторов подобных источников назовем Василия Ивановича Немировича-Данченко. Родился он в 1848 (по новому стилю

---

[198] ГАРФ. Ф. 555. Оп. 1. Ед. хр. 473.
[199] *Куюмджиев Б.П.* Указ. соч. С. 76.

– 1849) г. в Тифлисе. С 1860-х гг. начал печатать в «Отечественных записках», «Вестнике Европы» и других изданиях художественно-этнографические очерки, среди них и рассказы о Русском Севере, Кавказе, загранице и о многом ином. В 1877–1878 гг. Вас.И. Немирович-Данченко сопровождал русскую армию в Болгарии, был награжден солдатским Георгиевским крестом, оставил о войне воспоминания [200], впечатления от этой кампании послужили основой для художественных произведений [201]. Поэтому писатель не мог упустить возможность увидеть изганание Турции из Европы силами недавно освобожденных и в 1912 г., несмотря на солидный возраст, отправился в статусе корреспондента газеты «Русская мысль» в Софию. Там он был известен как «большой болгарофил», обладал связями с болгарской интеллигенцией, Петко Славейкова называл своим другом [202]. Сотрудник местного издания «Вечерна пошта» («Вечерна поща») писал о Вас.И. Немировиче-Данченко как о человеке, который «никак не чужд нам, который очень любим нами, который в свои 64 года сохраняет юношеский восторг и веру настоящего нашего брата в успех нашего оружия» [203]. Поэтому неудивителен факт, что перед его отъездом на родину был дан званый обед, где писателя чествовали как представителя России и русского общества. Газета «Мир» уделила этому мероприятию заметное место на своих страницах [204].

Вернувшись с Балкан, Вас.И. Немирович-Данченко опубликовал в 1913 г. двухтомную книгу впечатлений от Балканской войны «С воору-

---

[200] *Немирович-Данченко Вас.И.* Год войны 1877–1878. Дневник русского корреспондента. Т. 1–3. СПб., 1878–1879.
[201] Среди них «Гроза» (1880), «Плевна и Шипка» (1881), «Вперед» (1883).
[202] *Немирович-Данченко Вас.И.* Собрание сочинений. Т. XV. СПб., 1913. С. 266–267.
[203] Вечерна поща. 1912. 17 окт.
[204] Мир. 1912. 21 дек.

женным народом» [205]. Автор весьма живописно и красочно описал увиденное, но нельзя полностью и безоговорочно доверять этому источнику в связи с большими сомнениями в беспристрастности его творца. Юмористический журнал «Сатирикон» довольно едко высмеял стиль писателя. Там поместили текст с пародией на сообщения Вас.И. Немировича-Данченко: «Задержаны сербами восемь товарных поездов с австрийскими иголками, которые предназначены для выкалывания глаз сербам. Отрезанными ногами гяуров засыпают горные пропасти и провозят артиллерию. У убитых турок находят комплекты “Русского слова”, переплетенные в обложки из христианской кожи» [206]. Другой представитель русской печати, Е.Н. Чириков, удивлялся, увидев своими глазами населенный пункт, который Вас.И. Немирович-Данченко описывал [207]. Еще один корреспондент, В.Н. фон Дрейер, вспоминал, что за глаза писателя называли «Немирович-Вральченко». Он описал его следующим образом: «Крепыш, библейского вида со своими седыми волосами и бородой, среднего роста, очень плотный, он целые сутки, несмотря на свои 60 лет, мог сидеть на лошади, и после этого еще строчить свои фельетоны». Патриарх русской военной журналистики «с гордостью таскал своего солдатского Георгия», но в военном деле не разбирался, а рядом с Чаталджой панически опасался холеры и все обрызгивал известью [208].

Своим специфическим, оторванным от реальности взглядом на географию Балкан запомнился он секретарю русской дипломатической миссии в Белграде В.Н. Штрандтману. Вас.И. Немирович-Данченко в

---

[205] *Немирович-Данченко Вас.И.* Собрание сочинений. Т. XIV–XV. СПб., 1913.
[206] Сатирикон. 1912. 19 окт. Там же размещены пародии на Ф. Купчинского, Н.Н. Брешко-Брешковского и некого «Нововременникова», являвшегося, видимо, собирательным образом газеты «Новое время», поскольку высмеивалось корыстолюбие при одновременном яром антисемитизме.
[207] *Чириков Е.Н.* Поездка на Балканы. Заметки военного корреспондента. М., 1913. С. 99.
[208] *Дрейер В.Н.* На закате империи. Мадрид, 1965. С. 129–130.

разговоре с посланником Н.Г. Гартвигом обвинял главу МИД С.Д. Сазонова в невежестве, поскольку тот считал город Пирот сербским. Дипломаты не стали развеивать иллюзий писателя, дабы тот по дороге в Софию был еще более поражен открывшимися ему неожиданными фактами. По словам В.Н. Штрандтмана, «очевидно было, что Немирович-Данченко продолжал жить по тексту Сан-Стефанского договора» [209].

От «Нового времени» отправился постоянный сотрудник этого издания Александр Александрович Пиленко. Родился он в Гатчине в 1873 г., закончив в 1896 г. юридический факультет Санкт-Петербургского университета, ученик Ф.Ф. Мартенса, он занялся изучением патентного и международного права, стал преподавателем своей alma mater и Александровского лицея, а в 1911 г. защитил докторскую диссертацию. Оставив жену и трехмесячного ребенка [210], он отправился в 1912 г. в Болгарию. Будучи более беспристрастным, нежели Вас.И. Немирович-Данченко, А.А. Пиленко увидел не только парадную сторону «справедливой» войны. Автор немало места уделил описанию состояния дорог и служб обеспечения, заметил не только совершенные турками жестокости по отношению к местному населению, но и то, что болгары это старались как можно шире осветить. Симпатии его были явно на стороне воюющих славян, подтверждение чему – следующий эпизод: после падения Лозенграда и разрешения цензуры на публикацию этого, корреспондент вскочил в фаэтон, отправился на почту, желая телеграфировать первым, ехал по улице и «кричал, сколько позволял ему голос»: «Лозенград взят!» [211].

---

[209] *Штрандтман В.Н.* Балканские воспоминания. М., 2014. С. 184.
[210] *Пиленко А.А.* Указ. соч. С. 8.
[211] Вечерна поща. 1912. 19 окт.

От того же «Нового времени» в Сербии присутствовал Иероним Павлович Табурно. В ноябре 1912 г. он собрал свои впечатления в книгу, которая вышла уже в следующем году [212]. Его биография и деятельность во время Балканских войн сами являются важной частью нашего исследования, к ним мы вернемся позже.

На полуострове присутствовал в качестве представителя «Киевской мысли» писатель Евгений Николаевич Чириков. Он в родился в 1864 г. в Казани, где поступил в университет, но в 1887 г. за участие в беспорядках был отчислен (отметим, что вместе с В.И. Лениным). Затем ему было суждено долго искать средства к существованию, работая в различных местах, дважды попасть под арест, жить под надзором полиции. В начале XX в. он получил признание как писатель. С Первой балканской войной, читая газеты, он пришел к мысли: «Ба! Немирович-Данченко [213] уже под турецкими пулями!.. Даже Брешко-Брешковский! А я-то, я-то... Хорошо бы поехать посмотреть, что там делается! Как-никак, а ведь во всемирную историю вписывается совершенно новая “история с географией”» [214]. Но тут его ждали бюрократические препоны, поскольку выявилась необходимость заполнить графу о роде его занятий, получить справку с последнего места работы в лесном департаменте, что он уже не служит [215]. После всех мытарств он очутился в Болгарии. Его корреспонденция выходила в газете «Киевская мысль» обычно через номер, иногда в каждом номере [216]. Вернувшись с фронта, он

---

[212] *Табурно И.П.* О сербских битвах (впечатления очевидца войны сербов с турками 1912 г.). СПб., 1913.

[213] Отметим, что между ними существовали теплые отношения. В 1927 г. Вас.И. Немирович-Данченко поздравлял Е.Н. Чирикова с 40-летием его творческой деятельности, и называл его «редким по душе товарищу» (Российский государственный архив литературы и искусств (далее – РГАЛИ). Ф. 355. Оп. 2. Ед. хр. 125. Л. 1).

[214] *Чириков Е.Н.* Указ. соч. С. 3.

[215] Там же. С. 7.

[216] *Михайлова М., Назарова А.* Война как пространство антижизни и антикультуры (военные корреспонденции Е.Н. Чирикова с фронтов Первой Балканской и Первой

опубликовал книгу о поездке на Балканы [217]. Она представляет большой интерес в связи с тем, что автора интересовали люди, а не военачальники, не дороги, не собственные пространные рассуждения. Е.Н. Чириков довольно значительное внимание уделил царящим на Балканах нравам, передал свои диалоги с местными жителями. Правда, иногда он ударялся и в поэтические размышления, глядя, к примеру, на локон женских волос, перевязанных белой шелковой ленточкой, который он нашел в пустом окопе [218], или же говоря о таящей «какой-то особый, затаенный смысл» кошке, оставшейся в пустой турецкой деревне [219].

Среди корреспондентов, опубликовавших свои впечатления отдельной типографской единицей, присутствовал и ряд военных. Причем, как правило, они видели уже не первую войну в своей жизни, и не впервые становились авторами книг. В силу своего профессионального интереса они акцентировали внимание на сюжетах, связанных с армией.

От «Утра России» в Болгарию был отправлен штабс-капитан Николай Петрович Мамонтов. В чине прапорщика он участвовал в русско-японской войне, был ранен. В 1907 г. опубликовал свой походный дневник [220]. Во время Первой балканской войны он и лишь еще 2 русских корреспондента (Вас.И. Немирович-Данченко и В.Н. фон Дрейер) были допущены до линии фронта. По прибытии в Москву он опубликовал свои путевые заметки [221], где придерживался достаточно болгарофильских позиций. От него мы получаем немало информации о состоянии

мировой войн) // Русская литература и журналистика в движении времени. Ежегодник кафедры истории русской литературы и журналистики факультета журналистики МГУ. М., 2013. С. 233–245.

[217] *Чириков Е.Н.* Поездка на Балканы. Заметки военного корреспондента. М., 1913.

[218] Там же. С. 83.

[219] Там же. С. 72.

[220] *Мамонтов Н.П.* Смерть странного человека: (Листки поход. дневника) // Война и Мир. 1907. № 5. С. 72–100; Там же. № 7. С. 90–103.

[221] *Он же.* С болгарскими войсками от Балкан до Чаталджи. М., 1913.

санитарной службы в Болгарии, деятельности Русского Красного Креста.

Другим русским военным, находившимся на Балканах в статусе журналиста, был Николай Исидорович Гасфельд. В молодости он недолго учился на философском факультете Берлинского университета, затем стал офицером одного из Восточно-Сибирских стрелковых полков и принял участие в русско-японской войне, воспоминания о которой опубликовал [222]. К этому моменту у него уже был опыт журналистской деятельности. В 1902 г. он составил сборник статей о творчестве М. Горького, завершив его собственным очерком, ранее опубликованным в газете «Варшавский дневник». Н.И. Гасфельд крайне отрицательно отнесся к произведениями писателя, раскритиковав его романтическое изображение обитателей социального дна, полностью не соответсвующее реальности. По его мнению, «правдив же только их протест против общества... трезвости, общественной тишины и порядка, да еще против чужой собственности». Далее он был еше более резок: «И если герои Горького спиваются и гибнут, то виной этому служат не узкие рамки жизни, в которых будто бы тесно широким и мощным натурам босяков, а то обстоятельство, что, выражаясь словами самого Горького, “рожденный ползать летать не может”» [223]. В годы Первой русской революции Н.И. Гасфельд принял участие в работе газеты «Военный голос», неоднозначно воспринимавшейся в офицерской среде. В 1913 г. этот факт стал причиной того, что «рыцари чести», как он сам их называл, настаивали на его удалении из издания «День» [224]. После всех бур-

---

[222] *Гасфельд Н.И.* На походе и в бою: Отрывки из воспоминаний. Варшава, 1906.
[223] *Он же.* Критический очерк о М. Горьком // *Порицкий Е.И.* Максим Горький и его произведения. С прибавлением отзывов о Горьком Михайловского, Меньшикова, Скабичевского, Минского и др. и избранных из его произведений афоризмов. Составил и перевел с немецкого Н.И. Гасфельд. Варшава, 1903. С. 62.
[224] РГАЛИ. Ф. 1694. Оп. 1. Ед. хр. 157. Л. 1.

ных событий он жил в Варшаве и Петербурге, писал очерки в газеты. Во время Первой мировой поступил в Гусарский полк французской армии, а затем вновь оказался на Балканах, но уже в составе Экспедиционного корпуса. С 1920 г. Н.И. Гасфельд находился в эмиграции, там выпустил книгу воспоминаний «Пол века» [225]. Но пока вернемся в 1912 г.

Н.И. Гасфельд отправлялся на Балканы, не питая никаких иллюзий относительно всех, в том числе и нелицеприятных, сторон войны. Автор старался быть объективным, о чем заявил и во введении, и самим названием книги – «Правда о войне на Балканах»[226]. Нам неизвестно, почему он скрылся под псевдонимом Шевалье, на обложке добавив в скобках «Н. Г-д». Возможно, это связано с тем, что он представил сербов не в самом блестящем виде, говоря и об их тяжелой цензуре, отсутствии настоящего интереса к России во всех сферах, кроме экономической и военной. Его оценки вызвали негодование у автора рецензии на эту книгу в журнале «Исторический вестник». Н.И. Гасфельда обвиняли в том, что он, увидев сравнительно мало, но сделал заключения, требующие глубокого знания дела. «Вообще из краткого обозрения содержания брошюры видно, что взгляды автора не составляют результата его поверхностных наблюдений, а привезены им на театр войны из редакции пославшей его газеты и явно критически относятся к действиям балканских славян, заливающих в настоящее время своею кровью поля своих предков... Едва ли теперь время односторонним суждениям придавать значение беспристрастных заключений» [227]. Критический взгляд оказался не по нраву защитникам славянства. Указывал на долю вымысла в книге Н.И. Гасфельда и другой корреспондент – Е.И. Мартынов. Он спраши-

---

[225] *Гасфельд Н.* Пол века. Воспоминания бывшего офицера французской службы. Париж, 1950.
[226] *Шевалье Н.* Правда о войне на Балканах. СПб., 1913.
[227] Исторический вестник. 1913. № 5. С. 686–687.

вал русского консула в Скопье С.В. Тухолку о том, «насколько верны, помещенные в брошюре Шевалье “Правда о войне на Балканах” крайне резкие обвинения сербских войск в насилиях и жестокости при занятии Скопье». Дипломат ничего конкретного не ответил, лишь указав на корректность поведения сербов по сравнению с болгарами. «Любопытно, что Шевалье упоминает о поджогах и пожарах в турецкой части Скопье. Между тем за две недели моего пребывания в этом городе я почти ежедневно гулял именно по турецкому кварталу и нигде не видел ни одного сгоревшего здания», – закончил свои обвинения автор [228].

Сам генерал-лейтенант Евгений Иванович Мартынов во время Второй балканской войны находился в Сербии в качестве корреспондента «Утра России». В русско-японской войне он командовал пехотным полком, о чем оставил воспоминания [229], с 1910 г. являлся начальником Заамурского округа пограничной стражи. Но в начале 1913 г. в связи с конфликтом с руководством подал прошение об отставке, которое было удовлетворено. Затем Е.И. Мартынов опубликовал брошюры, в которых рассказал о хищениях на КВЖД и среди снабженцев пограничной стражи, за что был осужден по причине публикации в открытой печати служебных документов, не подлежащих огласке, и лишен пенсии. В 1914 г. он в отдельной книге рассказал об этом суде [230]. С началом Первой мировой войны подал прошение о восстановлении на службе, которое было удовлетворено, но вскоре Е.И. Мартынов попал в плен. После революции генерал-лейтенант остался в России, работал военным историком до

---

[228] *Мартынов Е.И.* Сербы в войне с царем Фердинандом. Заметки очевидца. М., 1913. С. 72.
[229] *Он же.* Воспоминания о японской войне командира пехотного полка. Плоцк, 1910.
[230] *Он же.* За что я был предан суду и осужден. М., 1914.

1937 г., когда попал под каток репрессий и был расстрелян[231]. В период между увольнением и судом в 1913 г. генерал-лейтенант в отставке отправился в Сербию, из которой наблюдал уже лишь завершение Межсоюзнической войны. В Белграде он встречался с первыми лицами государства, наблюдал за жизнью местного населения, о котором оставил крайне лестные отзывы в своей книге [232]. Данный источник сложно называть объективным, но симпатию к сербам и антипатию к болгарам автора можно объяснять не только его взглядами. В тот момент, когда писалась книга, в русском обществе уже доминировали антиболгарские настроения, поэтому, возможно, в угоду читателю, чтобы не идти «против течения», Е.И. Мартынов расставил просербские акценты.

В 1996 г. И.А. Калашников опубликовал выдержки из книги в «Военно-историческом журнале», сделав это, однако, с опечатками и ошибками в фамилиях [233]. Более качественное частичное переиздание было выполнено А.Л. Шемякиным в сборнике «Русские о Сербии и сербах» [234].

В качестве сотрудника «Нового времени» в Болгарии находился полковник Владимир Николаевич фон Дрейер. Потомственный офицер, выпускник Академии Генштаба, он служил в Варшавском военном округе. В 1911 г. В.Н. фон Дрейер работал корреспондентом на итало-турецкой войне. Разрешение отправиться на Первую балканскую он получил лично у министра В.А. Сухомлинова [235]. По возвращении в Россию его вызвал в Люблин для доклада находившийся там император. О

---

[231] Подробнее см.: *Мартынова-Савченко М.С.* Наше наследие // Военно-исторический журнал. 1989. № 8.
[232] *Мартынов Е.И.* Сербы в войне с царем Фердинандом...
[233] *Он же.* «Сербы удивлялись русской политике...» // Военно-исторический журнал. 1996. № 1.
[234] *Он же.* Сербы в войне с царем Фердинандом. Заметки очевидца // Русские о Сербии и сербах. Т. 1: Письма, статьи, мемуары. СПб., 2006.
[235] *Дрейер В.Н.* На закате империи... С. 126.

корреспонденции полковника лестно отзывался бывший военный министр А.Н. Куропаткин, случайно с ним познакомившийся: «Так это вам мы обязаны интересными корреспонденциями с войны?». На Вторую балканскую войну В.Н. фон Дрейер сам выразил желание отправиться [236]. Впечатления от конфликта лета 1913 г. он объединил в книге [237], которая, возможно, в силу личной обиды автора (о ней ниже), возможно, по той же причине, что и труд Е.И. Мартынова, получилась достаточно антиболгарской.

Частично некоторые личные впечатления посетивших Балканы русских журналистов, писателей, врачей, дипломатов и др. опубликованы в двух томах антологии «Русские о Сербии и сербах» [238], второму из которых придает особую ценность издание в нем архивных источников.

Сходна с этой группой источников книга А.В. Амфитеатрова «Славянское горе» [239], написанная по его «политическому путешествию» 1909 г. [240]. Данный писатель был частым гостем на Балканах и знал полуостров. Ему предлагали отправиться туда вновь в качестве корреспондента, но останавливало то, что сотрудников прессы не подпускали к местам событий. Он писал М. Горькому: «Меня-то, положим, пустили бы ввиду личных отношений к Фердинанду, которому я уже приготовил, было, телеграмму, да – как раздумался над нею, что это значит фрак, звезда, “ваше величество”, “благоволите” и пр., – тошно... Не пошлю и не поеду. Сидеть в Софии или Белграде и пить шампанское с героями тыла, слушая вранье поворотников, нет никакой охоты» [241]. Но во второй половине 1912 г. А.В. Амфитеатров написал книгу о положении дел

---

[236] Там же. С. 132–135.
[237] *Дрейер В.* Разгром Болгарии. Вторая Балканская война 1913 г. СПб., 1914.
[238] Русские о Сербии и сербах. Т. 1: Письма, статьи, мемуары. СПб., 2006; Русские о Сербии и сербах. Т. II (архивные свидетельства). М., 2014.
[239] *Амфитеатров А.* Славянское горе. М., 1912.
[240] Там же. С. I.
[241] Литературное наследство. Т. 95: Горький и русская журналистика...

на Балканах, об антагонизме великих держав в этом регионе. Когда труд вышел в свет, война уже шла, поэтому он стал одним из источников складывания образа происходящего в сознании русского общества.

На основании газетных статей в России писались и публиковались книги с обзором ведения боевых действий [242]. В силу вторичности информации они представляют значительно меньший интерес. Укажем лишь на неопубликованный труд генерал-майора Владимира Николаевича Акимова. В 1912–1913 гг. он в Лозанне методично собирал материал, но по какой-то причине так и не закончил работу. Несколько тетрадей представляют собой склеенные подборки вырезок из газет, ряд довольно аккуратных нарисованных от руки карт. Лишь в некоторых местах встречаются записи от руки. Генерал скончался в 1924 г. в Тифлисе, но его жена Мария Антоновна эмигрировала. В 1931 г. она отправила рукопись мужа и вырезки из газет в дар Русскому заграничному архиву в Праге. Ныне этот документ, почтовая карточка и фотография генерала хранятся в ГАРФ [243].

С началом Первой балканской войны в России для разъяснения общественности сути происходящего, для донесения до нее своих позиций создавались различные общества, издававшие произнесенные на заседаниях речи, выходили ***книги публицистов***. Из этой группы стоит выделить произведения сербов, переведенные на русский язык. К подробной характеристике этого корпуса источников мы перейдем в соответствующих главах.

---

[242] *Дорошкевич А.* Война на Балканском полуострове (От открытия военных действий до перемирия). СПб., 1913; *Желтышев, Родендорф, Шевченко*. Очерки войны Балканского союза с Турцией. Варшава, 1913; *Махров П.* Балканская война 1912–13 года. (общий очерк от начала войны до перерыва мирных переговоров с 10-ю схемами). Севастополь, 1913; *Рябинин А.А.* Балканская война. СПб., 1913; Балканская война 1912–1913 гг. М., 1914 и др.

[243] ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Ед. хр. 101–105, 816, 1005.

Следующей группой являются ***источники личного происхождения***. Хотя номинально к ним относятся и книги корреспондентов, побывавших на Балканах, стоит их разделять, поскольку последние выходили «на злобу дня», в связи с событиями, поэтому более близки к прессе, нежели к мемуарам или дневникам.

Традиционно источники личного происхождения делят на две категории: документы для личного пользования или адресованные узкому кругу лиц и произведения, подразумевающие стороннего читателя. Каждая из групп обладает своей спецификой. В рамках нашего исследования этот корпус источников целесообразно дополнительно делить еще на два вида, но уже по содержащейся в них информации.

Первый – источники, позволяющие проследить событийную канву времени Балканских войн. Наиболее ценны для этого документы, создававшиеся для личного пользования, поскольку в них информация не подвергалась цензурированию и ретушированию. Но таких, к сожалению, довольно мало. Сюда стоит отнести неопубликованные письма И.П. Табурно Н. Пашичу [244] и Р. Одавичу [245], И. Шишманова – З.К. Арборе-Ралли [246], В. Богучарскому и Б. Кистяковскому [247], изданные переписки Л. Милетича с В. Ягичем [248], Н.С. Державина с его болгарскими коллегами [249], несколько документов из сборника «Москва – Сербия, Белград – Россия» [250], дневник русского журналиста болгарского

[244] Архив Србије (далее – АС). Заоставштина Николе Пашића. (Несређена грађа). Фасцикла 6.
[245] Там же. Фонд Ристе Одавића. Фасцикла III. А.е. 367.
[246] РГАЛИ. Ф. 1019. Оп. 1. Ед. хр. 121.
[247] Там же. Ф. 1065. Оп. 5. Ед. хр. 1.
[248] Любомир Милетич до Ватрослав Ягич. Писма 1896–1913. София, 1996.
[249] Българо руски научни връзки XIX–XX век. Документи. София, 1968.
[250] Москва – Сербия, Белград – Россия. Сборник документов и материалов. Т. 3. Общественно-политические и культурные связи. 1878–1917. М.–Београд, 2012.

происхождения К. Мисиркова, написанный летом 1913 г. [251], дневниковые записи Николая II [252], которые, однако, представляют для нас довольно малый интерес в силу своей лаконичности. Мемуарной литературы здесь намного более. Но стоит учитывать особенность жанра – авторы, как правило, редко бывают искренни до конца, умалчивают некоторые действия, которые могли быть расценены как порочащие их. К тому же значимую роль играет фактор памяти. Мало кто писал воспоминания на основании дневников, как секретарь русской дипмиссии в Белграде В.Н. Штрандтман, или же располагал собственным архивом, как глава Совета министров В.Н. Коковцов, в силу чего некоторые события просто-напросто исчезали из памяти. В то же время прибавлялось желание придать себе большую значимость или выставить свою роль в наиболее выгодном свете. И чем длительней был период между временем написания мемуаров и событиями, тем сильнее эта особенность человеческой натуры проявлялась. В итоге, как афористично выразился историк В.В. Кабанов, «и ты уже с маршалом Жуковым воевал бок о бок. Ну, не то, чтобы вместе из одного ружья палили, а за папиросами для него бегал» [253]. Мы располагаем воспоминаниями российских политиков [254], должностных лиц [255] , дипломатов [256] и общественных деяте-

---

[251] *Мисирков К.П.* Дневник. София–Скопје, 2008. С. 10. URL: http://www.promacedonia.org/km_dn/index.html (Дата обращения: 22.09.2015).

[252] Дневник императора Николая II. М., 1991.

[253] *Кабанов В.В.* Между правдой и ложью. Отечественные мемуары XX века. М., 2004. С. 15.

[254] *Родзянко М.В.*Крушение империи. Л., 1929; *Савич Н.В.* Воспоминания. СПб., 1993 и др.

[255] *Коковцов В.Н.* Из моего прошлого. Воспоминания 1911–1919. М., 1991; *Лопухин В.Б.* Записки бывшего директора департамента Министерства иностранных дел. СПб., 2008; *Сазонов С.Д.* Воспоминания. Минск, 2002. URL: http://dugward.ru/library/xxvek/sazonov_vospominaniya.html (Дата обращения: 22.09.2015) и др.

[256] *Nekludoff A.* Diplomatic Reminiscences Before and During the World War, 1911–1917. London, 1920; *Штрандтман В.Н.* Балканские воспоминания. М., 2014.

лей [257]. Оставили свои мемуары и посланники Болгарии и Сербии в Петербурге – С. Бобчев [258] и Д. Попович [259]. Особо стоит отметить книгу официально уполномоченного представителя Софии в российской столице, где он подробно изложил царившую в России атмосферу в связи с Балканскими войнами, рассказал о своих дружеских и деловых связях с представителями русского общества.

Вторая категория – источники, на основании которых можно восстановить отношение к Балканским войнам, восприятие этих событий. Документы для личного пользования в данном вопросе часто не несут в себе никаких данных, что и понятно. Письма содержат либо личную информацию, либо деловую, поэтому если вооруженный конфликт на далеком полуострове напрямую не затрагивал авторов источника, то он и не находил отражения в переписке. Но все же есть упоминания об интересующих нас событиях. В письмах А. Белого А.А. Блоку за этот период события на Балканах фигурируют в контексте прокладки Черноморской железной дороги, которая приостановилась в связи с началом войны, отчего участок земли поэта, недавно взлетевший в цене вновь обесценился [260]. Меньшевик Ю.О. Мартов писал А.Н. Потресову о необходимости ускорения создания собственного журнала [261], а А.С. Мартынову, что Л.Д. Троцкий проспал «на Балканах эволюцию всего блока» [262]. М. Горький обсуждал с адресатами политику журнала «Современник» в отношении происходящего в «пороховом погребе Европы», опасался перерастания этого в европейское столкновение [263]. Но в данных случаях

---

[257] *Ковалевский М.М.* Моя жизнь: воспоминания. М., 2005.
[258] *Бобчев С.* Страници из моята дипломатическа мисия в Петроград 1912–1913. София, 1940.
[259] *Поповић Д.* Балкански ратови: 1912–1913. Београд, 1993.
[260] Андрей Белый и Александр Блок. Переписка 1903–1919. М., 2001. С. 471.
[261] Ю.О. Мартов и А.Н. Потресов. Письма. 1898–1913. М., 2007. С. 433.
[262] Письма П.Б. Аксельрода и Ю.О. Мартова. Берлин, 1924. С. 261.
[263] Литературное наследство. Т. 95: Горький и русская журналистика...

война на далеком полуострове являлась лишь фоном, на котором протекала собственная жизнь авторов документов. Пожалуй, лишь для великого князя Константина Константиновича и А.Ф. Кони, конфликт стал самостоятельным поводом для общения [264].

В дневниковых записях картина абсолютно аналогичная. Немало места Балканским войнам уделил либерально настроенный, вскоре ставший петербургским городским головой И.И. Толстой [265], он активно общался с власть имущими, давал интервью для газет на интересующую нас тему. В дневнике А.А. Блока косвенные упоминания о войне связаны с опасностью открытого столкновения с Австрией [266], для М.М. Пришвина война христиан с турками стала поводом для случившегося с ним конфуза. «В Ялте я зашел в лавочку купить себе апельсин, молодой человек в феске продавал фрукты. Я подумал, что он грек, и, желая завести с ним политический разговор, говорю, что греки взяли новый город.

– Греки? – повторил торговец.

– Да, греки, – ответил я.

– Греки? – опять повторил он и посмотрел на меня широко раскрытыми глазами. Я понял, что со мной разговор вел турок». Затем он указал М.М.Пришвину на книгу и сказал:

«– Мулла говорит, что в ней написано: греки возьмут Адрианополь и Константинополь возьмут, только через двадцать [суток] турки опять отнимут Константинополь. Но они будут стрелять не пушками. И не ружьями… Мулла говорит, они будут резать ножами. – Отмерив от кисти до плеча, он сказал:

---

[264] *Романов К.К.* Дневники. Воспоминания. Стихи. Письма. М., 1998. URL: http://az.lib.ru/k/kr_k_k/text_1915_letters_to_koni.shtml (Дата обращения: 22.09.2015).
[265] *Толстой И.И.* Дневник. 1906–1916. СПб., 1997.
[266] *Блок А.* Дневник. М., 1989. С. 151, 394.

– Вот такими большими» [267].

По всей видимости, необходимо согласиться с исследователем А.М. Новожиловой, что в начале XX века в России дневники часто писались для обсуждения в близком кругу с целью самопознания, а не только для осмысления происходящих событий [268]. Примером эмоционального восприятия балканских событий являются записи писательницы Р.М. Хин, где она патетически разочаровывается в человечестве [269].

Особняком стоит дневник А.А. Замараева, крестьянина из деревни Тотьма (ныне – районный центр Вологодской области) [270]. Не самый зажиточный сельский житель (лошадь, две коровы, шесть овец и два поросенка) [271] интересовался политикой, отражая ее в дневнике наряду с хозяйственными записями. Например, запись от 8 октября о начале войны: «ездил с сеном от Пашки Пинаева в город. Погода холодная, мерзло. В городе кто бывал на дровнях, кто на телегах. Подковал лошадь. Из газет. Турки заключили мир с Италией. Начинают войну с Черногорией, Сербией и Болгарией. 9 и 19 числа холодные, ясные дни. Земля, как железная, замерзла» [272]. Информация о Балканских и Первой мировой войне представлена в форме газетных клише. Можно предположить, крестьянин гордился своей грамотностью и широким кругом интересов, записывал события внешней политики отнюдь не потому, что всерьез заду-

---

[267] *Пришвин М.М.* Ранний дневник. 1905–1913 гг. СПб., 2007. С. 653.

[268] *Новожилова А.М.* К вопросу о специфике дневникового жанра в России // Восток–Запад: пространство русской литературы и фольклор: Материалы Второй Международной научной конференции (заочной), посвященной 80-летию профессора кафедры литературы Давида Наумовича Медриша. Волгоград, 2006. С. 590.

[269] *Хин-Гольдовская Р.М.* Из дневников. 1913–1917 // Минувшее. Вып. 21. М., 1997. С. 524–525.

[270] Крестьянских дневников начала века известно всего два. Второй –жителя С. Яшкино Каширского уезда Тульской губернии Петра Ермакова, нерегулярный за 1880–1937 гг., хранится в В Серпуховском историко-художественном музее (Дневник Тотемского крестьянина А.А. Замараева. 1906–1922 год. М., 1995. С. 18).

[271] Дневник Тотемского крестьянина А.А. Замараева. 1906–1922 год. М., 1995. С. 58.

[272] Там же. С. 53.

мывался о них, а с целью запечатлеть себя в желаемом образе. Схожий феномен описывает американский социолог Дж. Цаллер. Редкие люди привыкли к тому, что их мнение важно и сохраняется на века. Многим такая ситуация кажется лестной и дабы «не ударить в грязь лицом», они начинают вещать авторитетно о вопросах, о которых, весьма возможно, даже не задумывались [273].

С мемуарными источниками сложнее. Балканским войнам «не повезло» – сразу после них последовала Первая мировая война, революция, Гражданская война, для многих и эмиграция. В связи с этим в памяти большинства людей противостояние православных народов и Турции на далеком полуострове оказалось заслонено более поздними событиями. Да и происходившее в собственной жизни казалось более значимым, к тому же авторы, вероятно, могли считать, что рассказ об общеизвестных фактах не заинтересует читателей. Приведем примеры. Юным А.Н. Мишагину-Скрыдлову и Б.Н Пуришеву 1913 г. запомнился празднованием юбилея дома Романовых [274]. Великий князь Александр Михайлович в то время создавал российскую военную авиацию, а на Балканах присутствовали русские летчики, это механическое новшество второй раз в истории применялось для уничтожения и принесло первые свои жертвы. Тем не менее, в его мемуарах за этот период нет ни слова о войне, речь идет лишь о поездках по Европе [275]. Для физика С.Т. Тимошенко те годы запомнились обретением профессорского звания [276], историка С.Г. Пушкарева – началом его политической деятельности и жандармскими проверками [277]. Выдающийся военный хирург

---

[273] *Цаллер Дж.* Указ. соч. С. 72.
[274] *Мишагин-Скрыдлов А.Н.* Россия белая, Россия красная. 1903–1927. М., 2007; *Пуришев Б.И.* Воспоминания старого москвича. М., 1998.
[275] Александр Михайлович. Мемуары Великого князя. М., 2001.
[276] *Тимошенко С.* Воспоминания. Киев, 1993.
[277] *Пушкарев С.Г.* Воспоминания историка. 1905–1945. М., 1999.

В.А. Оппель в своих мемуарах в период с русско-японской войны и до Первой Мировой рассказывает исключительно о друзьях и преподавании медицины [278]. Аналогична ситуация и с людьми высшего света. Фрейлина А.А. Вырубова (Танеева) отметила это время болезнью наследника престола и празднованием юбилея дома Романовых [279]. Будущий организатор заговора против Распутина Ф.Ф. Юсупов повествовал больше о светской жизни в Англии и о грядущей своей помолвке [280]. Продолжать подобное перечисление можно на многих страницах.

Но все же в некоторых воспоминаниях запечатлелись следы Балканских войн, часто случайные следы царивших настроений [281]. И в воссоздании картины отношения русского общества к Болгарии и Сербии во время Балканских войн эти крупицы играют значимую роль.

Таким образом, источниковая база обеспечивает необходимую достоверность научных положений и выводов, позволяет реализовать поставленные задачи и достигнуть цели исследования.

Апробация результатов исследования. Материалы диссертации легли в основу докладов на XX конференции «Ломоносов» (апр. 2013), круглом столе «Балканские войны 1912–1913 г. в региональном и глобальном контексте» (апр. 2013) в МГУ им. М.В. Ломоносова, III международном конгрессе по болгаристике (май 2013 г.) и конференции «Бол-

---

[278] *Оппель В.А.*Мое жизнеописание. СПб., 2002.
[279] *Танеева (Вырубова) А.А.* Страницы из моей жизни. М., 2000.
[280] *Юсупов Ф.* Перед изгнанием: 1887–1919. М., 1993.
[281] *Джунковский В.Ф.* Воспоминания. Т. 2. М., 1997; *Игнатьев А.А.* Пятьдесят лет в строю. М., 1986. URL: http://militera.lib.ru/memo/russian/ignatyev_aa/27.html (Дата обращения: 22.09.2015); *Ольденбург С.С.* Царствование Императора Николая II. Т. 2. Мюнхен, 1949; *Полетика Н.П.* Виденное и пережитое. (Из воспоминаний). Тель-Авив, 1982; *Поливанов А.А.* Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника. 1907–1916. М., 1924; *Соловьев Ю.А.* Воспоминания дипломата. 1893–1922. URL: http://dugward.ru/library/solovyev_diplomat/solovyev_vosp_diplomata.html#madrid (Дата обращения: 22.09.2015); *Таубе М.А.* «Зарницы»: воспоминания о трагической судьбе предреволюционной России (1900–1917). М., 2007 и др.

гария–Россия. 135 лет со дня установления дипломатических отношений: прошлое, настоящее и будущее» (июль 2014 г.) в Софии, VII Дриновских чтениях (окт. 2013 г., Харьков), конференциях «Роль славянской молодежи в процессе устойчивого цивилизационного развития» (май 2014), «Славянский мир: общность и многообразие» (май 2015), «Россия, Болгария и Балканы в Первую мировую войну» (окт. 2015) в Москве. По теме диссертации опубликовано 3 работы в сборниках тезисов, 7 – в научных журналах и сборниках статей, из которых 3 – в ведущих изданиях, рекомендованных ВАК.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованных источников и литературы. Она построена по проблемно-хронологическому принципу.

Г Л А В А I

Первая балканская война и русское общество

§ 1. Реакция русского общества на начало Первой балканской войны

Летом 1912 г. дипломаты Великих держав пребывали в беспокойстве. Османская империя находилась в состоянии войны с Италией, и на ее территории уже бушевало восстание албанцев. Ситуация усложнилась, когда сначала осенью 1911 г. произошел теракт в македонском городе Штипе, повлекший за собой резню местного христианского населения, а затем 19 июля 1912 г. аналогичная трагедия случилась в г. Кочани. Это вызвало бурную реакцию в столицах соседних балканских стран. Жители требовали войны, а правительства, по всей видимости, были готовы ее начать. Европейский концерт постарался предотвратить вооруженное столкновение, самостоятельный передел карты небольшими балканскими государствами. Последней попыткой дипломатического нажима стало совместное заявление, сообщенное от имени шести великих держав российскими и австро-венгерскими представителями властям в Софии, Белграде, Цетинье и Афинах. Бурлящим странам в очередной раз обещали реализацию 23-й статьи Берлинского договора 1878 г. о проведении реформ в Македонии и предупреждали, что изменение территориального status quo Европейской Турции не будет допущено. Но не для того раскручивался маховик военной машины на Бал-

канах. Направляя в Константинополь ноту с требованием скорейших реформ в Македонии под их контролем, страны-участницы Балканского союза не ожидали иного ответа, кроме отказа, и уже проводили мобилизацию войск. 5 октября[282] Болгария и Сербия, на следующий день – Греция присоединились к уже воюющей с Османской империей с 25 сентября Черногории. Началась Первая балканская война.

Для русской дипломатии все это представляло большие неудобства. К разделу Турции страна была не готова, да и главный враг виделся не на Босфоре, а на Дунае. В Петербурге давно вынашивали планы создания Балканского союза, но его копье нацеливали на Австро-Венгрию, и изначально хотели в него привлечь даже Османскую империю. К тому же царила уверенность, что войска султана разгромят противника в считанные недели. Русское общество войну против «векового угнетателя христиан» в целом приветствовало.

События развивались стремительно. Болгарская армия взяла Кирк-Килиссе (болг. Лозенград, ныне – Кыркларели) и быстрым темпом наступала на восток. 16 октября состоялась битва на линии Бунар-Хиссар – Люле-Бургас, после которой войска султана уже только бежали в сторону Константинополя. 27 октября укрепленный Адрианополь был осажден 2-й армией генерала Н. Иванова, а 1-я и 3-я под командованием В. Кутинчева и Р. Димитриева вскоре вышли к Чаталджинской линии укреплений – последнему препятствию перед столицей империи. Параллельно болгары успели освободить Родопские горы и на день позже греков войти в Салоники.

Тем временем сербская армия в соответствии с планом наступала по нескольким направлениям. 10 – 11 октября была одержана победа над турками в сражении при Куманово, 13 – сербы вошли в Скопье, 17 – в

[282] Здесь и далее даты приводятся по юлианскому календарю (старому стилю).

Призрен. После началось продвижение вглубь Албании для того, чтобы «явочным» порядком снять вопросы о выходе Сербии к Адриатическому морю. К тому времени великими державами уже практически было принято решение о создании независимой Албании, и успехи сербских войск на территории этого будущего государства вызвали жесткую реакцию в Вене. В Австро-Венгрии объявили частичную мобилизацию, военные суда барражировали по Дунаю, издевательски освещая прожекторами Белград. Однако страны Антанты не были готовы к столкновению, их программы перевооружения требовали еще нескольких лет, поэтому они оказали давление на сербов, в итоге вынужденных отступить. Как справедливо отметил болгарский историк И. Илчев, «уступки ускорили распад Балканского союза, но отсрочили четко вырисовывавшийся в некоторые моменты серьезный международный кризис, могущий перерасти и в европейскую войну» [283].

Еще 31 октября болгарский царь Фердинанд получил телеграмму от турецкого великого визиря с предложением о начале мирных переговоров. Вероятно, это был идеальный момент для победоносного завершения войны. Но он был упущен. В силу отсутствия понимания реального состояния армии и затуманившего разум желания обрести лавры освободителя Св. Софии от мусульман Фердинанд отверг приглашение сесть за стол переговоров. Вскоре заместитель главнокомандующего генерал М. Савов приказал атаковать неприступную Чаталджу. Без достаточной подготовки вымотанные и обескровленные болгарские части не сумели прорвать оборону турок. Ситуацию усугубила начавшаяся в войсках эпидемия холеры. Положение дел изменилось, и уже в новых условиях монарх согласился на перемирие. 3 декабря в Лондоне открылась мирная конференция, где отдельно заседали представители воюющих

[283] *Илчев И.* България и Антантата през Първата световна война. София, 1990. С. 20.

сторон и послы великих держав. К этому моменту весь Балканский полуостров вплоть до Чаталджи был освобожден от турок за исключением трех осажденных крепостей: Адрианополя – болгарами, Янины – греками и Скутари – черногорцами и сербами.

В британской столице переговоры затягивались, турки отказывались принять предложенное разграничение, к тому же добавилась новая проблема в международных отношениях. Румыния потребовала соблюдения принципа равновесия сил на Балканском полуострове, поэтому стала настаивать на территориальных изменениях и в ее пользу, указывая в качестве искомого на северо-восточные земли Болгарии. Гордиев узел переговоров был разрублен в Константинополе. 10 января 1913 г. в запруженной беженцами столице Османской империи произошел младотурецкий переворот, один из лидеров которого, Энвер-паша, ворвался в канцелярию визиря, убил военного министра и «выбросил в окно текст с условиями перемирия, а заодно и нескольких упрямцев» [284]. Вскорости боевые действия возобновились.

Надежды турок на перелом в войне не оправдались. Попытки прорыва и высадки десанта у Шаркёя были отбиты, 20 февраля пала Янина, а 13 марта болгарские войска при поддержке сербских частей штурмом взяли Адрианополь. Оставалась лишь Скутарийская крепость. Однако в ее судьбе сплелись не только военные, но и политические мотивы. Великие державы не собирались отдавать город под скипетр черногорского короля Николы даже в случае успеха осаждавших его черногорско-сербских войск. Очередная атака на укрепления оказалась безрезультатной, европейский концерт предпринял дипломатические демарши в адрес Белграда и Цетинье, настаивая на освобождении албанской территории, но требование было отклонено. Тогда на рейде черногорского порта

[284] Цит. по: *Жевахов А*. Кемаль Ататюрк. М., 2008. С. 25.

Бар появилась объединенная военно-морская эскадра великих держав. Тем не менее своенравный Никола не уступал, и вскоре начальник гарнизона Скутари Эссад-паша предложил переговоры о капитуляции. 11 апреля черногорцы вошли в город. Уже 19 апреля Австро-Венгрия предъявила Цетинье ультиматум, который через день был выполнен – спорный населенный пункт был очищен от войск. 17 мая в Лондоне был подписан мирный договор.

* * *

Для русского общества начало боевых действий на Балканах не явилось неожиданностью, поскольку уже до официального объявления войны пресса значительное внимание уделяла известиям с полуострова. В 1912–1913 гг. практически в каждой газете существовал раздел, посвященный событиям на Балканах, притом не только в столичных, но и в провинциальных. Правда, они состояли из сообщений телеграфных агентств. Часть газет, как, например, издания Дона и Северного Кавказа к комментированию происходящего и не стремились, лишь излагая факты, но, как отмечает ставропольский исследователь И.В. Крючков, «безусловно, симпатии редакций были на стороне славян» [285]. Согласно донесению начальника Московского губернского жандармского управления, «газетные статьи читаются с жадностью, победы союзных балканских государств вызывают восторг» [286]. «Все симпатии были, конечно, на стороне Сербии и Болгарии, все с тревогой следили по газетам за военными действиями и радовались успехам родных нам славянских наро-

[285] *Крючков И.В.* Образ Австро-Венгрии на страницах периодической печати Дона и Северного Кавказа в начале XX в. (1900–1917). Ставрополь – Пятигорск, 2003. С. 40.
[286] Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 63. Оп. 32. Ед. хр. 1346. Л. 15.

дов», – вспоминал московский губернатор, а затем и командующий Отдельным корпусом жандармов В.Ф. Джунковский [287]. Меньшевики даже хотели воспользоваться интересом русского общества к войне на Балканах, чтобы ускорить создание собственного журнала. Ю.О. Мартов писал А.Н. Потресову 18 октября: «Наступление балканс[кого] кризиса делает появление журнала очень важным. Публика начнет интересовать[ся] “большими” вопросами политики и экономики, трактовка которых лишь в газетной форме будет недостаточной» [288]. «Я уверен, что вы с болью в сердце и с затаенным восторгом следите за успехами оружия союзных балканских государств. Не решается ли на наших глазах пресловутый Восточный вопрос?», – писал великий князь Константин Константинович А.Ф. Кони [289]. Согласно мемуарам С.С. Ольденбурга, «ликование и сочувствие в широких русских кругах» были даже настолько велики, что «на задний план отступили вопросы внутренней политики» [290].

Болгарский посланник Стефан Бобчев вспоминал про это время в Петербурге: «В салонах, даже высшего общества, не было других предметов разговора; не говоря о русских интеллигентских кругах и широких массах... Во всяком доме, который мне удавалось посетить, я узнавал, что карта Балканского полуострова лежит на столе, и болгарские флажки отмечают всякое продвижение вперед» [291]. В ресторанах с живой музыкой болгарский гимн «Шуми Марица» стал пользоваться такой популярностью, что правительство, с большой опаской относившееся к симпатиям к южным славянам, даже запретило его исполнение. Журнал

---

[287] *Джунковский В.Ф.* Воспоминания. Т. 2. М., 1997. С. 71.
[288] Ю.О. Мартов и А.Н. Потресов. Письма. 1898–1913. М., 2007. С. 433.
[289] *Романов К.К.* Дневники. Воспоминания. Стихи. Письма. М., 1998. http://az.lib.ru/k/kr_k_k/text_1915_letters_to_koni.shtml (Дата обращения: 22.09.2015).
[290] *Ольденбург С.С.* Царствование Императора Николая II. Т. 2. Мюнхен, 1949. С. 96.
[291] *Бобчев С.* Страници из моята дипломатическа мисия в Петроград 1912–1913. София, 1940.

«Сатирикон» на это язвительно отреагировал: «Сделано это потому, что этот марш постоянно требовала публика и долго ему аплодировала. В ресторанах, кроме того, постоянно требуются и пользуются большим успехом черноморские устрицы. Почему бы и их не запретить?» [292].

Воюющим народам отправлялись поздравительные и ободрительные телеграммы, к чему власти относились с опаской. Представителям союзников гласный Московской городской думы П.П. Дурново послание вручил лично, поскольку градоначальник не позволял ее отправить телеграфом, усмотрев в ней некоторую «опасность в дипломатическом отношении» [293]. Самарская городская дума подготовила свое обращение к союзным главам правительств, однако до разрешения губернатора на его отправку ушло 5 дней [294]. Иногда срабатывала и «самоцензура». В ноябре 1912 г. фракция прогрессистов в Государственной Думе намеревалась предложить отправить от имени всей нижней палаты парламента «сочувственные телеграммы». В виду близких отношений с кадетами, им было сообщено об этой инициативе. Решительно выступил против их лидер П.Н. Милюков. Он указал, что Дума «есть прежде всего учреждение государственное», и ее слова имеют соответствующее значение, поэтому обращение к одной из сторон конфликта «нарушило бы международные правила о нейтралитете». Следующий его аргумент заключался

---

[292] Сатирикон. 1912. 26 окт. Сила общественных симпатий к славянам, выступившим против турок, была столь велика, что подхватывала неокрепшие детские умы, сподвигая их на подвиги. В декабре 1912 г. Павел Вражебский двенадцати и его двоюродный брат Анатолий Перлман шести лет двинулись из Петербурга по железной дороге помогать братьям-славянам. С собой они имели 38 копеек, большой гвоздь в качестве кинжала и старый пистолет без курка. Но прошли они всего 4 версты, причем в ином направлении, замерзли и спрятались в будке смотрителя, где были найдены. Когда их спросили, почему же они не направились сразу на Балканы, младший ответил воинственно: «Наша кормилица живет на станции Вруда, мы с Павлом пошли с ней проститься, потому что нас могут убить на войне» (*Петкова М.* Отзвукът на Балканската война сред европейска общественност // Военно-исторически сборник (далее – ВИС). 1963. № 1. С. 121).

[293] Городской вестник. 1912. 15 окт.

[294] Там же. 1912. 2 нояб.; Там же. 1912. 7 нояб.

в отсутствии адресата – парламенты воюющих сторон во время войны не проводили заседания, а послание на имя монарха «было бы прецедентом, совершенно неизвестным парламентскому праву». Ну и, наконец, отметил он, в компетенцию Думы не входили вопросы внешней политики [295].

Части интеллигенции казалось, что после бурных событий 1905–1907 гг. наступило «скучное» время, реакция, что оцепенение охватило русское общество. Начавшиеся Балканские войны, которые не могли не интересовать население, представлялись им той необходимой «встряской», должной разбудить страну. Как говорил в декабре 1912 г. либеральный адвокат и депутат А.М. Александров, они «вытащили нас из бездны отчаяния, самоковыряния, самоанализа» [296]. Известный российский и в будущем советский ученый Н.С. Державин писал в своем письме болгарскому коллеге Василу Златарскому незадолго до начала боевых действий: «Чувствую, что ваша война вызовет у нас взрыв братских славянских чувств, в котором найдет свой выход наш придавленный запас духа и потребность выразить наружу свое настроение» [297]. Член Государственной Думы А.И. Савенко утверждал с трибуны: «Русское общество уже давно не переживало минут радости и восторга, ибо густые сумерки тяжкого безвременья окутали нас. Но вот судьба улыбнулась нам и дала нам возможность порадоваться радостью и счастьем наших забалканских братьев, наших славянских, единокровных, единоплеменных братьев» [298]. Профессор П.А. Лавров в публичной лекции заявлял,

---

[295] *Гальперина Б.Д., Перегудова З.И., Старцев В.И.* Донесения Л.К.Куманина из Министерского павильона Государственной думы, декабрь 1911 – февраль 1917 года // Вопросы истории. 1999. № 1. С. 13.

[296] *Александров А.М.* Влияние Балканских событий на русское общественное сознание // Славянский вопрос в его современном значении. СПб., 1913. С. 127.

[297] Българо руски научни връзки XIX–XX век. Документи. София, 1968. С. 95.

[298] Стенографические отчеты / Гос. дума, четвертый созыв, сессия первая. Заседания 1–30: (с 15 ноября 1912 г. по 20 марта 1913 г.). СПб., 1913. Стб. 2402.

что славянский вопрос объединил «людей разных партий и взглядов, конечно, не устраняя известного различия в оттенках, силе и характере выражения симпатий союзникам» [299]. И эти «различия», как мы увидим ниже, были довольно значительны.

Н.С. Державин писал своему болгарскому коллеге: «В том, что русская интеллигенция в подавляющем большинстве сочувствует вам, нет никаких сомнений» [300]. Причем агент охранного отделения под кодовым именем «Пушкарев» сообщал, что «идет даже борьба, кто больше сочувствует» [301].

Своим сочувствием интеллигенция старалась заразить общество.

Для популяризации и объяснения сути происходящего (а заодно и сбора средств в помощь пострадавшим славянам) осенью 1912 г. представители российских научных кругов приняли решение устроить публичные лекции по истории балканских стран. Н.С. Державин собирался в Петербурге прочесть ряд сообщений о событиях на Балканах [302]. В Самаре в обществе книгопечатников планировалось при «световых картинках» прочесть лекцию «Славяне и современная война их за освобождение». Она была посвящена в основном болгарам, посетило ее 80 человек, но из-за отсутствия электричества «волшебный фонарь» не работал [303]. В Москве одна из первых лекций состоялась 11 октября 1912 г. в Политехническом музее, темой была обозначена «Война балканских государств с Турцией», а докладчиками выступили академик Ф.Е. Корш, В.Т. Михайловский, К.С. Кузьминский, Ч.И. Йоксимович и другие. Мероприятие позволило собрать 300 рублей чистого дохода, переданного в

---

[299] *Лавров П.А.* Балканский союз и переживаемый им кризис. Петрозаводск, 1914. С. 3.
[300] Българо руски научни връзки XIX–XX век. Документи. София, 1968. С. 237.
[301] ГАРФ. Ф. 63. Оп. 32. Ед. хр. 1346. Л. 18.
[302] Българо руски научни връзки... С. 95.
[303] Самарский городской вестник. 1912. 25 нояб.; Там же. 1912. 26 нояб.

распоряжение Московского славянского комитета [304]. На последующих лекциях слово было доверено уже довольно молодым ученым, все из них заканчивали Московский университет, хотя и разные факультеты. 25 ноября 1912 г. в Москве в Введенском народном доме Г.В. Вернадский выступил на тему «Русско-турецкие отношения и Балканский полуостров» [305], 27 ноября географы С.Г. Григорьев и Б.Ф. Добрынин в Политехническом музее прочли лекции с одним и тем же названием – «Балканский полуостров»[306], в этот же день в консерватории предметом рассказа В.И. Пичеты явился «Восточный вопрос в XIX веке», а журналиста А.Н. Брянчанинова – «Восточный вопрос и международное положение Европы» [307]. 9 декабря в Польской библиотеке состоялась лекция Я.Я. Длугокенацкого (?) «Жители Балкан» [308]. О политических взглядах выступавших свидетельствует тот факт, что В.И. Пичета и С.Г. Григорьев в 1911 г. покинули должности преподавателей Московского университета в знак протеста против деятельности министра просвещения Л.А. Кассо. По стране с публичными лекциями для сбора пожертвований в пользу раненых и сирот ездил член Петербургского славянского благотворительного комитета профессор П.А. Лавров [309]. На протяжении 1912 и 1913 гг. выступал в различных городах страны П.Н. Милюков, рассказывая слушателям о сущности Балканского союза, многочисленных войнах и конфликтах в «пороховом погребе» континента. Судя по афишам и программам мероприятий, он посетил Петер-

---

[304] *Шевцова Г.И.* Русский гуманный поход на Балканы (1912–1913). М., 2012. С. 79.
[305] ГАРФ. Ф. 63. Оп. 32. Ед. хр. 31. Т. 2. Л. 77.
[306] Там же. Л. 81–82.
[307] Там же. Л. 88.
[308] Там же. Л. 112.
[309] Городской вестник. 1913. 6 янв.

бург, Москву, Киев, Баку, Самару, Саратов, Царицын, Астрахань, Пинск и другие города [310].

Утверждать, что лекции, касающиеся Балкан, были единственными, мы не можем, поскольку общество интересовалось не только бушующим полуостровом. К примеру, 27 ноября в Политехническом музее помимо выступлений С.Г. Григорьева и Б.Ф. Добрынина состоялось и общение с аудиторией Н.М. Кулагина на тему «Современные взгляды естествоиспытателей на старость и смерть» [311].

Для того, чтобы проходили публичные чтения на темы, сопряженные с Балканской войной, запрашивалось согласие министра внутренних дел. В начале ноября он шифрованной телеграммой ответил, что не против лекций, но поставил условие – обязательное присутствие чина полиции, чтобы «не было допущено со стороны лекторов выпадов против нашего правительства и против Австро-Венгерской империи, ни призыва к войне» [312].

Историк и социолог М.М. Ковалевский был одним из организаторов таких чтений в Петербурге. Когда началась Первая балканская война к нему поступило предложение устроить дома общение «профессоров, академиков и общественных деятелей» по вопросу о том, как должна относиться к происходящему русская интеллигенция. Обратился к нему с этой инициативой специально приехавший в Петербург на период конфликта сербский профессор Радован Кошутич [313].

11 октября 1912 г. в квартире М.М. Ковалевского по его и П.А. Лаврова инициативе собралась «группа прогрессивных общественных деятелей» под председательством А.В. Васильева. Были избраны

---

[310] *Чернявский Г., Дубова Л.* Милюков. М., 2015. С. 254.
[311] ГАРФ. Ф. 63. Оп. 32. Ед. хр. 31. Т. 2. Л. 83.
[312] Там же. Т. 1. Л. 62.
[313] *Ковалевский М.М.* Моя жизнь: воспоминания. М., 2005. С. 416.

две комиссии, составившие воззвание к обществу и принявшие решение о чтении публичных лекций, которые проходили в Соляном городке, зале Городской думы, Тенишевском зале и Обществе славянского научного единения [314]. «К моему немалому смущению… интерес был довольно ограниченный», – вспоминал М.М. Ковалевский в своих мемуарах. Казалось, можно было бы объяснить это отсутствием интереса публики к подобного рода мероприятиям. Но на лекцию того же М.М. Ковалевского о Ж.-Ж. Руссо в Философском обществе пришло около двух тысяч человек, а «на лекции трех профессоров по сербскому вопросу, прочитанные в один и тот же вечер в Соляном городке, явилось менее полутора сотен слушателей». Из этого он сделал вывод: «Упоминаю об этих фактах, чтобы показать, как мало самопроизвольности в том неославянском движении, которое несправедливо считают начальным виновником настоящей войны» [315].

Разочаровавшись, М.М. Ковалевский отошел от организации мероприятий подобного рода, но падающее знамя подхватил А.Н. Брянчанинов. Активный общественный деятель, к слову, женатый на внучке А.М. Горчакова, он интересовался внешней политикой, в том числе славянским вопросом. Уже в годы Первой мировой войны он организовал Славянский салон, ставший одним из наиболее популярных [316].

По его инициативе заседания «группы прогрессивных общественных деятелей» возобновились и продолжались до поздней весны 1913 г., когда стал очевидным крах Балканского союза. Судя по резолюциям общества, главной темой, звучавшей там, являлось недопущение реали-

---

[314] Интересы на Балканах и правительственное сообщение. СПб., 1913. С. 2–4.
[315] *Ковалевский М.М.* Указ. соч. С. 416.
[316] *Шахматов М.В.* Последние дни Мариинского дворца и Петрограда. (ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Ед. хр. 743. Л. 52).

зации требований Австро-Венгрии по созданию независимой Албании, осуждение русского правительства за отсутствие твердой поддержки притязаний Сербии и Черногории [317]. По словам М.М. Ковалевского, в заседаниях участвовали «военные и моряки, молодые дипломаты, приехавшие из славянских стран, профессора и общественные деятели», а «прения приняли вскоре характер большой враждебности к Австрии и Германии» [318].

Подобные мероприятия проходили в Обществе славянской взаимности, одно из первых состоялось в Петербурге, в помещении Дворянского собрания, в октябре 1912 г. На нем были организованы доклады общественных деятелей, проведен сбор пожертвований славянам [319]. Затем такие собрания стали регулярными. На них выступали граф В.А. Бобринский, А.Н. Брянчанинов, Д.Н. Вергун, В.А. Карпинский, П.И. Ковалевский, Р.И. Кошутич, И.В. Никаноров и другие. Согласно приказу министра внутренних дел на них также присутствовал чин полиции. 22 октября 1912 г. на заседании звучала активная антиавстрийская риторика из уст Д.Н. Вергуна. Он рассказывал об историческом австро-русском соперничестве, когда встал представитель полиции: «Виноват, я прошу остановить оратора». На некоторое время выступающий снизил уровень агрессивности своей речи, но затем вновь вернулся к «опасной теме». Он заговорил о балтийских немцах, «которые, по мнению идеологов пангерманизма, должны явиться застрельщиками порабощения последнего оплота славянства – России». Тут вновь раздался голос представителя полиции: «Я должен сказать, что это второе предостережение. Прошу сделать замечание оратору». Выступавшие затем И.В. Никаноров и В.А. Бобринский не поднимали острых тем, но тут на

---

[317] Интересы на Балканах и правительственное сообщение... С. 60–68.
[318] *Ковалевский М.М.* Указ. соч. С. 417.
[319] *Шевцова Г.И.* Указ. соч. С. 89.

трибуну поднялся А.Н. Брянчанинов. Он заговорил о том, что не существует никакого «Европейского концерта», указал на главных антагонистов мировой политики – Англию и Германию. После этого чин полиции сделал третье замечание, и председатель, А.А. Столыпин, был вынужден закрыть заседание [320]. Как видим, указ главы МВД действовал неукоснительно.

4 ноября состоялось торжественное открытие Общества славянского научного единения, президентом которого был избран В.М. Бехтерев, известный невропатолог и физиолог [321]. Среди учредителей значились профессор П.А. Лавров, член Государственной Думы, входивший в бюро фракции кадетов, адвокат А.М. Александров, Общественно-экономическое отделение возглавил М.М. Ковалевский, а Юридическое – доктор уголовного права, кадет М.П. Чубинский, секретарем стал журналист сербского происхождения Д.И. Семиз. Однако было бы неверным объяснять появление Общества начавшимися на Балканах событиями, поскольку его устав товарищ министра внутренних дел утвердил 13 июля 1912 г. Адресом значилось: ул. Фонтанка, д. 38, кв. 19 [322]. Отметим, что по этому адресу с 1910 г. располагалось издательство «Жизнь и знание», основанное В.Д. Бонч-Бруевичем. В то же время М.М. Ковалевский вспоминал, что «Общество славянского научного общения» профессора Бехтерева располагалось при Психоневралогическом институте [323], находившимся за Невской заставой, а следовательно, довольно далеко от Фонтанки. Видимо, указанное несовпадение объясняется различием между юридическим и фактическим адресом. Этот же автор мемуаров роняет фразу, объясняющую временной промежуток

---

[320] Война на Балканах. СПб., 1912. С. 19–36.
[321] Г.И. Шевцова указывает другие даты. (*Шевцова Г.И.* Указ. соч. С. 99).
[322] Славянский вопрос в его современном значении. СПб., 1913.
[323] *Ковалевский М.М.* Указ. соч. С. 417.

между официальным утверждением устава и торжественным заседанием 4 ноября, посвященным Балканским войнам. По его словам, общество В.М. Бехтерев открыл *вновь*. В дальнейшем там присутствовали несколько десятков слушателей, и велись споры о Македонии между сербским профессором Беличем и профессором Софийского университета «Шишмаревым» [324]. К диспуту между А. Беличем и И. Шишмановым мы вернемся позже.

Во всех трех названных группах (прогрессивных общественных деятелей, обществах славянского взаимности и славянского научного единения) состав выступавших пересекался, каждая из них опубликовала сборники речей, произносившихся на заседаниях, а речь П.А. Лаврова «Балканский союз и Сербия» вышла в печати и отдельным оттиском [325].

Уже известный нам агент Пушкарев считал участников таких обществ популистами, а резолюции этих собраний, по его мнению, интересовали лишь «прогрессивно настроенных обывателей Российского государства» [326].

Весной 1913 г., когда стал очевидным спор между сербами и болгарами за обладание Македонией, между защитниками каждой из сторон начали кипеть нешуточные страсти, порой доходившие до оскорблений. Одно из таких заседаний 28 июня 1913 г. в Юридическом собрании (куда, согласно М.М. Ковалевскому, все переместилось [327]) привело к сердечному приступу у И.П. Табурно, скончавшегося в тот же вечер. Данные события стоит рассматривать как один из аспектов разгоревшейся самой настоящей информационной войны между Белградом и Софией за симпатии русского общества и правительства, к которой мы обратимся

---

[324] Там же.
[325] *Лавров П.А.* Балканский союз и Сербия. СПб., 1913.
[326] ГАРФ. Ф. 63. Оп. 32. Ед. хр. 1346. Л. 18.
[327] *Ковалевский М.М.* Указ. соч. С. 417.

позднее. Стоит лишь указать на появление брошюр П.А. Лаврова, Д.И. Семиза, М.М. Вукичевича, А. Белича, И.П. Табурно, С. Протича, которые, по большому счету, писались для защиты интересов Сербии и влияния на настроения русского общества, но одновременно они показывают, какое обилие литературы, посвященной войне, выходило в России.

Количество типографских единиц, посвященных происходившему на Балканах, довольно велико. Большое внимание было уделено описанию боевых действий и характеристикам армий участников боевых действий. Полковник А.В. Дорошкевич сначала осветил события с начала войны до перемирия, наступившего зимой 1912/1913 гг. [328], а затем и дальнейшее развитие конфликта [329]. Аналогичный очерк с 10 схемами составил капитан Генерального штаба П.С. Махров [330], будущий активный участник Белого движения. Обзор первого этапа войны, до указанного перемирия, был дан в книге А.А. Рябинина, обеих войн – в брошюре, вышедшей без указания автора в издательстве Н.И. Пастухова [331]. Отдельной операции – осаде и падению Адрианополя – уделил внимание непосредственно наблюдавший ее корреспондент «Известий императорской Николаевской военной академии» А. Семенов [332]. На основании своих статей в этом специальном издании подготовил книгу

---

[328] *Дорошкевич А.* Война на Балканском полуострове (От открытия военных действий до перемирия). СПб., 1913.

[329] *Он же.* Война на Балканском полуострове. Второй период (Военные действия от ноябрьского перемирия до падения Скутари включительно). Елизаветград, 1913.

[330] *Махров П.* Балканская война 1912–13 года. (общий очерк от начала войны до перерыва мирных переговоров с 10-ю схемами). Севастополь, 1913.

[331] *Рябинин А.А.* Балканская война. СПб., 1913; Балканская война 1912–1913 гг. М., 1914. Обе книги переизданы в 2003 г. в серии «Малые войны первой половины XX века» (Малые войны первой половины XX века. Балканы. М., СПб., 2003), однако во второй ошибочно в авторы записан Н.И. Пастухов, чего нет в оригинальном издании.

[332] *Семенов А.* Блокада и штурм Адрианополя. СПб., 1914.

И.Г. Пехливанов, изданную в 1914 г. [333]. Не закончил свой труд на основе газетной информации генерал-майор В.Н. Акимов [334]. Отправил свою рукопись «Очерка вооруженных сил Болгарии и заметок по поводу войны на Балканах» А.И. Гучкову капитан Самосеев [335].

О грядущих коренных изменениях в мире, связанных с усилением славянства, рассказывал читателям в своем произведении «Заветная мечта каждого русского» И. Балашев [336]. Пытались разъяснить глобальное значение происходящего В. Везенков [337], Н.Р. Овсяный [338]. Более интересными, конечно, являются опубликованные «по горячим следам» впечатления и воспоминания непосредственных наблюдателей событий – корреспондентов русских газет В.Н. Дрейера, Е.И. Мартынова, Вас.И. Немирович-Данченко, А.А. Пиленко, Е.Н. Чирикова и Н.П. Мамонтова [339]. Последний свои впечатления изложил и в лекции в московском Политехническом музее сразу по возвращении с Балкан в декабре 1912 г. [340]. Корреспондент «Речи» в Софии В. Викторов-Топоров

---

[333] *Ганин А.В.* И.Г. Пехливанов – один из первых историографов Первой балканской войны // Модернизация vs. война. Человек на Балканах накануне и во время Балканских войн (1912–1913). М., 2012. С. 399; *Он же.* Българинът защитил Русия. Съдбата на Йордан Пехливанов. София, 2014. С. 23.
[334] ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Ед.хр. 101–105, 816.
[335] ГАРФ. Ф. 555. Оп. 1. Ед. хр. 473.
[336] *Балашев И.П.* Заветная мечта каждого русского. СПб., 1913.
[337] *Везенков В.* Македония и причины Балканской войны. М., б. д.
[338] *Овсяный Н.Р.* Ближний Восток и славянство (сборник статей). СПб., 1913.
[339] *Дрейер В.Н.* Разгром Болгарии. Вторая Балканская война 1913 г. Издание 2-е СПб., 1914; *Мамонтов Н.П.* С болгарскими войсками от Балкан до Чаталджи. М., 1913; *Мартынов Е.И.* Сербы в войне с царем Фердинандом. Заметки очевидца. М., 1913; *Немирович-Данченко Вас.И.* Собрание сочинений. Т. XIV–XV. СПб., 1913; *Пиленко А.А.* Около Болгарской войны. Дневник и сорок девять любительских фотографий. СПб., 1913; *Чириков Е.Н.* Поездка на Балканы. Заметки военного корреспондента. М., 1913.
[340] *Шевцова Г.И.* Указ. соч. С. 107. Г.И. Шевцова, говоря об этом мероприятии, допускает сразу две ошибки в одном предложении: «... прошла лекция штабс-капитана Н.П. Мамонтова о балканских событиях по личным впечатлениям, так как он воевал в армии Ратко Димитриева». Ее утверждение, что Н.П. Мамонтов воевал – неверно, поскольку он был корреспондентом, соответственно, бои лишь наблюдал. Во-

готовил свою книгу, которую хотел озаглавить «1912 год на Балканах». 21 февраля 1913 г. он рассказывал об этом в письме Вас.И. Немировичу-Данченко. «В нее войдут, отчасти – в виде статей, отчасти – в виде отрывков из дневника, мои наблюдения над жизнью полуострова за целый год... Перечитывая материал, я все больше и больше убеждаюсь, что в такой форме книга эта должна была бы заинтересовать русского читателя, как дополнение к той книге, которую Вы, несомненно, выпустите о самой войне», – считал он. Но реализации этого мешали вполне прозаические проблемы – как признавался В. Викторов-Топоров, он не имел связей среди издателей, и предложить свой труд никому не мог. Он просил Вас.И. Немировича-Данченко в этом помочь, заранее соглашаясь на любые финансовые условия [341]. Однако книга так и не появилась.

В дополнение к печатным произведениям отметим, что именно под впечатлением от Первой балканской войны капельмейстер Преображенского полка В.И. Агапкин сочинил в 1912 г. свой знаменитый марш «Прощание славянки», впервые исполненный на Гимназической (ныне – Коммунальной) улице Тамбова при проводах добровольцев, отправлявшихся на помощь балканским союзникам.

Для того, чтобы «ознакомить русское общество с современным культурным и экономическим положением балканских государств», весной 1913 г. Славянский комитет приступил к подготовке соответствующей выставки в Историческом музее в Москве, на которой предусматривался отдельный зал, посвященный Балканской войне. Ее откры-

---

вторых, Г.И. Шевцова ошибочно превращает болгарского генерала Радко Димитриева в серба Ратко. Последняя ошибка прослеживается во всей книге.

[341] Российский государственный архив литературы и искусств (далее – РГАЛИ). Ф. 355. Оп. 1. Ед. хр. 83. Л. 1–1об.

тие планировалось либо в мае, либо уже осенью [342]. Но в водовороте последовавших событий эта инициатива была отброшена.

Проводились Славянские благотворительные концерты. Осенью 1912 г. в пользу семей больных и раненых славян состоялся концерт силами актеров петербургских императорских театров при участии солистки Мариинского театра Л. Липовскай [343]. В декабре 1912 г. прошел другой концерт, на котором выступала бывшая солистка того же театра М.И. Долина. Он принес 8793,3 р., которые затем через Красный Крест были переданы в равных долях Болгарии и Сербии [344]. Реклама таких концертов размещалась в газетах. 19 апреля анонсировался должный состояться вечером в Спортинг-Паласе [345] «грандиозный Славянский концерт и вечер при благосклонном участии солистки Его Величества М.И. Долиной и друг[их] известных артистов». Среди выступающих также были отмечены И.А. Смолин, Н.И. Привалов, О. Смоленский, хор Великорусского оркестра, гусляры. В программе были «славянские гимны», Большой бал, «Славянские танцы» и дивертисмент. Во время вечера предполагалась продажа программ, цветов, шампанского, серпантина, конфетти и проч. Билеты были недешевы: в ложи – 15 рублей, «нумерованные места» от 1,60 до 10 рублей, для учащихся – 50 копеек [346]. Для

---

[342] Новое время. 1913. 7 апр.

[343] *Шевцова Г.И.* Указ. соч. С. 101. Идентифицировать данного исполнителя в том виде, который приведен Г.И. Шевцовой не удается.

[344] Там же. С. 62.

[345] Место, судьбой символически более чем характеризующее все славянское движение «В этом помещении вскоре антрепренер Зон открыл театр мюзик-холльного типа. Весь город был заклеен афишами, на которых было написано: "Шоффер! К Зону". Но вскоре театр прогорел. Антрепризы менялись, но место не привилось. Потом там открыли кино». Во время Первой мировой войны в Спортинг-Паласе разместился гараж. В советское время здание было практически уничтожено, но его железобетонные стены до сих пор являются частями ДК им. Ленсовета (Во времена «Спортинг-Паласа» и борделя «Монте-Карло» // Квартальный надзиратель. №60 Приложение к журналу спб. собака ру. 2007. № 12. URL: . http://kn.sobaka.ru/n60/02.html (Дата обращения: 22.09.2015)).

[346] Петербургский листок. 1913. 19 апр.

сравнения – экземпляр журнала «Нива» стоил тогда 25 копеек. Сбор пожертвований осуществлялся на подобных мероприятиях, проходивших не только в столице при участии солисток Его Величества, но и в провинции, где выступали исполнители статусом пониже. Так, в Нижнем Новгороде в ноябре 1912 г. состоялся концерт церковной музыки в доме Иоанно-Дамаскинского церковнопевческого братства с участием хора братства и других духовных коллективов[347].

Довольно частым мероприятием стали славянские обеды. Как вспоминал болгарский посланник С. Бобчев, они были неприятны для министерства иностранных дел [348], что объяснялось тем, что на них звучали довольно агрессивные речи. Правительство старалось всячески от них отмежовываться, и, к примеру, в январе 1913 г. один из таких обедов, планировавшийся в ресторане «Палкин» в Петербурге, был отменен. Это возмутило думских националистов, и они готовили официальный протест против действий полиции. Но уполномоченный МВД разъяснил П.Н. Балашеву и В.А. Бобринскому, донесшим в свою очередь данный факт до депутатов, что запрет являлся случаем единичным и имевшим одну ясную причину. Дело в том, что одним из устроителей банкета был А.А. Башмаков, занимавший пост редактора «Правительственного вестника», и в силу его официального положения обед мог выглядеть как «собрание, инспирированное правительством» [349]. Однако данный случай явился не единственным, и как минимум еще один славянский банкет, планировавшийся в апреле, был запрещен министерством внутренних дел [350]. А.А. Башмаков все же не желал прекращать свое участие в славянских обедах, а поскольку они, как вспоминал

---

[347] Нижегородский церковно-общественный вестник. 1912. 18 нояб. С. 1179.
[348] *Бобчев С.* Указ. соч. С. 160.
[349] *Гальперина Б.Д., Перегудова З.И., Старцев В.И.* Указ. соч. // Вопросы истории. 1999. № 2. С. 24, 26.
[350] Новое время. 1913. 29 апр.

В.Н. Коковцов, выносили «явно оскорбительные для правительства резолюции», то, отчасти по настоянию председателя правительства, редактора «Правительственного вестника» попросили покинуть государственную службу. Этого он не простил [351].

Председателями на таких мероприятиях были не обязательно «главные моторы» этого движения. Так, 4 апреля славянский обед состоялся под председательством генерал-лейтенанта К.А. Рудановского, человека далекого от политики, но участника Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. [352]. Нельзя утверждать, что он отметился в это время лишь участием в банкете. О его присутствии в кругах, интересовавшихся войной, говорит фотография, снятая в редакции газеты «Славянин». На ней он запечатлен с устроителем славянских обедов генералом от инфантерии А.П. Скугаревским, председателем Черняевского комитета, членом совета Славянского благотворительного общества А.В. Васильевым, членом Славянского благотворительного общества генералом А.Ф. Тальма, товарищем председателя Союза русского сокольства Н.А. Султан-Крым-Гиреем, писателем Д.Н. Вергуном, болгарином, генералом русской службы П.Д. Груевым [353].

Темы, которые поднимались на таких мероприятиях, были не «вегетарианскими». С.С. Ольденбург вспоминал, что «некоторые круги» были недовольны миролюбивой политикой правительства и превращали банкеты в трибуну для высказывания своего мнения, на них «можно было слышать речи, антидинастический характер которых смущал многих участников» [354]. 15 марта в честь падения Адрианополя состоялся обед

---

[351] *Коковцов В.Н.* Из моего прошлого. Воспоминания 1911–1919. М., 1991. С. 365.
[352] Петербургский листок. 1913. 5 апр.
[353] Фото см.: URL: http://forums-su.com/viewtopic.php?f=195&t=402140; http://rys-arhipelag.ucoz.ru/photo/sleva_napravo_sidjat_1_gen_k_a_rudanovskij_ger/29-0-2283 (Дата обращения: 22.09.2015).
[354] *Ольденбург С.С.* Указ. соч. С. 97.

под председательством А.П. Скугаревского. На нем болгарский художник Стоянов утверждал, что русское общество и русский МИД не являются одним и тем же, русский полковник черногорского происхождения И.Ю. Попович-Липовац заявлял, что черногорский король Никола не отдаст Скутари, а А.Н. Брянчанинов делал предположение, что болгарский генерал Р. Димитриев приехал для переговоров с Николаем II о возможности входа болгарской армии в Константинополь [355]. О темах, которые поднимались на таких мероприятиях, говорит и сообщение «Петербургского листка» о славянском обеде 18 апреля 1913 г., где праздновалось взятие Скутари черногорскими и сербскими войсками. После поднятия «здравицы» в честь короля Николы, «поднесшего всему славянскому миру в виде красного яичка взятие Скутари», слово взял Е.С. Шелькинг, который «признавая неизбежным военное столкновение Австрии и славян, познакомил присутствовавших с военной силой обеих сторон» [356]. Таким образом, все славянские мероприятия превращались в антиавстрийские.

Интересно отметить, что часть «правых» не принимала участия в этих мероприятиях, что В.М. Пуришкевич объяснял тем, что «чувство самообладания у нас было сильнее всяких других чувств». Но и оно было сметено радостью от падения Адрианополя [357].

П.Н. Милюков в этом вопросе хотел сохранить чистоту и незапятнанность кадетов. В начале войны на заседании ЦК партии он при поддержке А.М. Колюбакина выступал против участия в работе славянских обществ. Среди аргументов называл «темный» состав участников этих организаций и необходимость сохранения индивидуальности. Большинство членов ЦК раскритиковали его позицию, Д.Д. Протопопов утвер-

---

[355] *Бобчев С.* Указ. соч. С. 161
[356] Петербургский листок. 1913. 19 апр.
[357] Стенографические отчеты... Стб. 2412–2413.

ждал, что кадеты должны стать «лоцманами» общественных настроений, А.И. Шингарев считал, что оставаться в стороне «неудобно для удельного веса партии». В итоге все-таки была «благословлена и материальная, и идейная поддержка славянам», а в «Речи» появилось воззвание П.Н. Милюкова «Поддержите наших друзей» [358].

* * *

Показателем интереса к победам балканских славян является и сбор пожертвований. Средства перечислялись из фондов различных структур – Городская дума Петербурга открыла подписку для сбора пожертвований и выделила 100 тысяч рублей из собственных фондов [359], Московская совершила то же самое, но перечислила денег вдвое меньше [360]. Происходило это и путем отчислений из жалованья – служащие московского управления земства решили отдавать по 10% от своей зарплаты в «пользу воюющих славян» [361], сотрудники нижегородской городской управы были скромнее – решили отчислять 1 % [362]. Пожертвования переводились и напрямую. География отправителей была широка, помимо столиц, деньги переводились из Забайкалья [363], Сибири [364], в Казани в нескольких учреждениях были учреждены комитеты для оказания помощи раненым славянам и грекам [365], в Киеве сбор происходил при

---

[358] *Воронкова И.Е.* Партия конституционных демократов о целях и текущих задачах балканской политики Российской империи начала XX века // Славяноведение. 2009. № 5. С. 25.
[359] Мир. 1912. 13 окт.
[360] Там же. 1912. 12 окт.
[361] Там же. 1912. 10 окт.
[362] Городской вестник. Самара. 1912. 18 октября.
[363] Мир. 1912. 12 дек.
[364] Там же. 1912. 23 нов.
[365] Българо руски научни… С. 237.

участии профессора славяноведения Киевского университета Т.Д. Флоринского [366].

Не всегда пожертвования были значительными. Иногда они представляли собой небольшие суммы: причт Преображенской церкви села Спасского Нижегородской губернии пожертвовал 4 рубля, передав их в распоряжение своего епископа [367]. Такой размер говорит и о большей искренности жертвователей – бедняку сложнее расстаться с копейкой, чем миллионеру – с тысячей рублей. Другим способом был сбор денег, среди которых масштабом выделялся т.н. Славянский день, прошедший 12 ноября 1912 г. После подсчета собранного сумма составила 103 848 рублей и 90 копеек. В кружках были обнаружены иностранные серебряные монеты, старинная медь, фальшивые денежные знаки. Помимо этого жертвователи отдавали нательные кресты, серьги. Найдены были и записки, довольно интересные по своему содержанию. Часто встречались пожелания успеха в борьбе, обещания помочь «если не финансами, то своей могучей грудью», присутствовали и трогательные детские послания: «Я жертвую всю свою копилку,.. купите хлеба и накормите бедных детей-славян», «Сегодня день моего рождения. Папа дал мне 3 руб. на куклу, а я жертвую их на раненых». В некоторых говорилось и о поистине героических поступках. Так, один пьяница признался, что отка-

---

[366] *Полетика Н.П.* Виденное и пережитое. (Из воспоминаний). Тель-Авив, 1982. С. 43. Примечательно, что сам будущий советский историк, а тогда шестнадцатилетний юноша, вспоминал славянское движение сугубо отрицательно и лишь как помеху действительно важному делу: «Вспыхнувшая в это время Первая Балканская война против Турции вызвала широкую волну славянской солидарности и шовинизма и известное поправление в либеральных кругах. Патриотические статьи в защиту славян в Киевских газетах, в особенности в «Киевлянине», сбор пожертвований на подарки раненым и так далее – все это шло под идейным влиянием профессора славяноведения Киевского университета Т.С. (так в тексте. – *Н.Г.*) Флоринского, ярого националиста и шовиниста... Победы Балканских союзников над Турцией вызвали всеобщее ликование. Монархисты торжествовали. Эти события заслонили собой дело Бейлиса, и подготовка к процессу шла медленно» (Там же).

[367] Нижегородский церковно-общественный вестник. 1912. 21 октября. С. 1062.

зывается от водки и средства передает славянам. Но не всех восхищали победы над Турцией – были и записки, направленные против войны [368], а одна гласила: «Лучше позаботьтесь о своих, чем собирать на чужие удовольствия, когда мы сами живем в голоде» [369]. По мнению одного из организаторов мероприятия, П.Н. Милюкова, полученная сумма могла быть больше, но студенты проявляли мало интереса к балканским событиям, поэтому количество сборщиков оказалось недостаточным [370]. По словам публициста Е. Кусковой, размещенным в газете «Русские ведомости» уже 1 января 1913 г., действительно, в 1912 г. у студентов «академические интересы были подчеркнуты резче других», важные политические события почти не находили отклика в этой среде, лишь создавали «взволнованную атмосферу напряженного внимания» [371].

Сбор средств «тарелочным» способом происходил в храмах, но энтузиазм, видимо, не был высок, поскольку председатель Славянского благотворительного общества просил митрополитов содействовать решению Синода о сборе пожертвований, читать в церквях воззвание общества [372].

Помощь оказывалась не только в денежном, но и в натуральном виде. Газета «Биржевые ведомости» опубликовала обращение «группы русских, живущих в Болгарии» с просьбой помочь простым людям, оставшимся без кормильцев. Помимо денег они считали необходимым прислать съестное (мука, сахар, чай и и т.д.), теплую одежду, консервы и табак [373]. Московская чайная компания «Братья К. и С. Поповы» переда-

---

[368] Москва – Сербия, Белград – Россия. Сборник документов и материалов. Т. 3. Общественно-политические и культурные связи. 1878–1917. М.–Београд, 2012. С. 322–323.
[369] Цит. по: *Шевцова Г.И.* Указ. соч. С. 102.
[370] Там же. С. 44.
[371] Русские ведомости. 1913. 1 января.
[372] Нижегородский церковно-общественный вестник. 1912. 2 декабря. С. 1240.
[373] Мир. 1912. 14 окт.

ла 200 фунтов чая болгарскому Красному Кресту [374]. «Дамы» Казанского университета под эгидой комитета Красного Креста шили белье для болгарских солдат [375]. Дочери царя Фердинанда обратились к русскому обществу с просьбой о помощи для сирот, и Русско-болгарский комитет в Петербурге отправил им 230 пар обуви, 750 шапок и прочее. Этот же комитет передал солдатам, осаждавшим Чаталджу, 1350 пакетов, каждый из них был увит российским триколором, содержал ватник, портянки, башлык, носовые платки, чай, сахар, мыло, расческу, три иллюстрированные открытки с видами Петербурга, коньяк и табак. А второго февраля был подготовлен в зале армии и флота благотворительный концерт с участием артистов одного из императорских театров, затем бал. Вырученные от мероприятия средства были предназначены для болгарских солдат [376].

Как видим, начало войны на Балканах всколыхнуло русское общество, его активные члены, прежде всего, представители интеллигенции уделяли немалое внимание борьбе южных славян с турками, что создавало иллюзию всеобщей заинтересованности и сопереживания братским народам.

§ 2. Отличия в отношении к Первой балканской войне среди разных слоев общества и политических сил

Выше было показано, что интеллигенция бурно и живо воспринимала Первую балканскую войну и связанные с ней международные осложнения. Представителям этой категории населения казалось, будто вся страна объята теми же чувствами, а общественные деятели являясь,

[374] Там же. 1912. 20 нов.
[375] Българо руски научни… С. 237.
[376] Мир. 1913. 2 фев.

как выразился В.М. Пуришкевич «солью народа» [377], лишь проявляли это ярче. А.Н. Брянчанинов на собрании «Группы прогрессивных общественных деятелей» громко заявлял: «И хотя нас здесь бывало мало в сравнении с необъятной Россией, хотя пресса по разным причинам, которых здесь касаться излишне, нас часто замалчивала, однако в нас всех живет твердая уверенность, что одинаково с нами мыслящих людей в России очень много, и мы лишь отражали то, что чувствуют многие» [378].

Однако не всех эйфория от побед союзников захватывала одинаково. Так, профессора А.А. Пиленко, решившего отправиться на Балканы в качестве корреспондента, язвительно спрашивали: «Едете кормить болгарских клопов?». Он вспоминал: «Все ко мне относились или иронически или с глумлением» [379]. Прекрасный срез общественного мнения встретил в поезде Киев–Одесса другой сотрудник русской печати. Молодой корнет называл поднявшихся на борьбу с турками «нашими славянскими бурами», а «светило московской адвокатуры» – «бедными, но назойливыми родственниками». Он не считал, что Россия так должна их опекать: «Как и подобает бедным родственникам – они неблагодарны, а их профессия – вечно клянчить и жаловаться, воспитала в них далеко неблагородные чувства. Мы можем давать им крохи от нашего стола, но делать больше – это преступление по отношению к русскому народу». «В праве ли мы делать драгоценные подарки любовнице, когда голодает законная жена?», – спрашивал он. Третий, бывший морской офицер, а ныне директор банка, путешествовавший по России и имевший широкие связи, утверждал, что никаких особых симпатий к балканским славянам он не замечал, а «все это вздуто печатью, которая взгляды небольшой

---

[377] Стенографические отчеты... Стб. 2414.
[378] *Брянчанинов А.* Правительственное сообщение и истинные интересы русской политики на Балканах // Интересы на Балканах и правительственное сообщение... С. 7.
[379] *Пиленко А.А.* Указ. соч. С. 7.

группы лиц приписывает всей России» [380]. Как видим, точки зрения довольно противоречивые. Каковым же было реальное настроение общества?

Кажутся довольно верными слова агента охранного отделения под псевдонимом «Лиза»: «В большинстве случаев “симпатии к борьбе за свободу” только являются словами руководящих верхов интеллигенции, простой же народ если и симпатизирует, так только потому, что “нехристь-турка притесняет православных”, но что подкладка этих симпатий весьма не глубока, что доказывается и малыми притоками пожертвований, и весьма слабой записью в добровольцы» [381].

Представляется, что городская интеллигенция, традиционно оторванная от народа, живущая счастливым, но далеким будущим, делала обычную свою ошибку – считала, что она понимает народ и тождественна ему...

Рассмотрим отношение буржуазии, близкой к интеллигенции по образовательному и имущественному уровням. Тот же самый агент Лиза сообщала, что среди торгово-промышленных кругов «проскальзывает нотка, что сочувствие сочувствием, а не надо забывать своих экономических интересов» [382]. Сходно донесение сотрудника охранки из Ярославля, утверждавшего, что указанная категория населения губернии «погруженная в личные заботы, весьма слабо реагирует на Балканские события,.. остается в стороне от активных проявлений» [383]. Аналогично мнение современника событий К. Арсеньева, высказанное им в подводящем итоги 1912 г. номере газеты «Русские ведомости»: «Как ни велико сочувствие к грекам и славянам, льющим кровь за независимость и

---

[380] *Шевалье Н.* Правда о войне на Балканах. СПб., 1913. С. 10–11.
[381] ГАРФ. Ф. 63. Оп. 32. Ед. хр. 1346. Л. 21.
[382] Там же. Л. 21об.
[383] Там же. Л. 12.

свободу, как ни заманчиво звучат голоса, призывающие к новому вооруженному вмешательству в вековую распрю, воинственное настроение не находит почвы в умах, занятых великой домашней работой» [384].

Более того, для буржуазии эти события были даже досадной помехой. Самарский «Городской вестник» с тревогой сообщал о падении ценных бумаг на бирже Бухареста, отправленных из Одессы и застрявших на складах Болгарии сахаре, спирте и масле [385], подорожании хлеба, требовании банков дополнительного страхования от военных происшествий [386]. Как вспоминал русский военный агент во Франции А.А. Игнатьев, успехи Балканского союза и там вызвали «настоящую биржевую панику» [387]. Об отношении буржуазии к событиям говорит и история, позже рассказанная главой МИД С.Д. Сазоновым своему подчиненному. На выставке в Ярославле перед ним на колени бросился «один известный русский купец», чтобы выразить свою благодарность за то, что «во время Балканской войны он спас Россию от войны» [388].

Объясняется такая позиция торгово-промышленных кругов тем, что война на Балканском полуострове приводила к уменьшению южного российского экспорта, вовлечение в конфликт с Турцией прервало бы его полностью. Временное закрытие проливов во время Итало-турецкой и Балканских войн, по словам морского агента в Константинополе А.Н. Щеглова, «подняло вопль по всей России» [389]. И это неудивительно, поскольку, по данным министерства торговли и промышленности, вывоз

---

[384] Русские ведомости. 1913. 1 янв.
[385] Городской вестник. Самара. 1912. 28 сент.
[386] Там же. 1912. 5 окт.
[387] *Игнатьев А.А.* Пятьдесят лет в строю. М., 1986. URL: http://militera.lib.ru/memo/russian/ignatyev_aa/27.html (Дата обращения: 22.09.2015)
[388] *Соловьев Ю.А.* Воспоминания дипломата. 1893–1922. М., 1959. URL: http://dugward.ru/library/solovyev_diplomat/solovyev_vosp_diplomata.html#madrid (Дата обращения: 22.09.2015).
[389] *Козлов Д.Ю.* Российские планы войны на Черном море и «проблема проливов». 1907–1914 гг. // Вопросы истории. 2007. № 8. С. 108.

через порты Черного и Азовского морей за предыдущие 10 лет составил 37 % от общегосударственного, а в экспорте хлеба – и вовсе 80 % [390]. Министерство финансов подвело подсчет убыткам от паралича хлебной торговли, он составил ежемесячно около 30 млн. рублей [391]. Когда неотвратимость скорой войны между Болгарией и Сербией в 1913 г. стала очевидной, то последствия для экономики ни у кого не вызывали сомнений. Тогда, согласно донесению Л.К. Куманина, «для предотвращения биржевой паники» Государственный банк выдал отечественным акционерным банкам 100 000 000 рублей [392].

Экономический фактор и вызванная им осторожность вызывали недовольство у ряда активных защитников славянства. Н. Энгельгардт в «Новом времени» писал, что «теперь Москва, торговая Москва, потеряла духовное прозрение». В 1877–1878 гг. именно в ней родилось движение, толкнувшее царя к вступлению в войну, а спустя 35 лет «славянское сердце» России «заплыло жиром». «Оно не чувствует, не говорит, не предчувствует», – патетически констатировал он. Но утешался тем, что в Петербурге, «в городе окраинном, в городе болотных туманов и антирусских влияний», родилось новое славянское сердце, которое «вовеки не угаснет и не умрет», которое не слушается «шамкающего благоразумия» [393].

---

[390] *Кострикова Е.Г.* Российское общество и внешняя политика накануне Первой мировой войны 1908–1914 гг. М., 2007. С. 193.

[391] *Козлов Д.Ю.* Указ. соч. С. 108. По мнению известного болгарского историка И. Илчева, важность решения проблемы Проливов стала особенно очевидной именно во время Балканских войн в связи с убытками в хлебной торговле (*Петровская О.В.* Россия и Болгария в балканской увертюре Первой мировой войны: диссонанс современной болгарской историографии // Накануне Великой войны: Россия и мир. М., 2014. С. 90).

[392] *Гальперина Б.Д., Перегудова З.И., Старцев В.И.* Указ. соч. // Вопросы истории. 1999. № 7. С. 18.

[393] Новое время. 1913. 20 апреля.

Что интересно, косвенно поэтический образ Н. Энгельгардта подтверждает С.Д. Сазонов в своих мемуарах: «Я считаю долгом отметить здесь, что московская, а за ней и провинциальная печать обнаружила в оценке политических событий 1912–1913 годов несомненно больший политический смысл, осведомленность и благоразумие, чем поддавшиеся всевозможным мимолетным влияниям органы столичной националистической печати» [394].

Как видим, у практически мыслящих торговых кругов начало Первой балканской войны вызвало тревогу – они исходили из интересов и пользы для своей страны и, прежде всего, для себя самих.

В эйфории от славянских побед не пребывала и основная масса населения. В Охранное отделение из Рязани докладывали: «Деревенское население пока безразлично» [395]. Из Орла вторили: «в низших слоях и крестьянской среде ввиду малой осведомленности в происходящих событиях наблюдается безразличное отношение» [396]. Вопреки всем стараниям интеллигенции количество читающих газеты крестьян было мало, еще реже среди них встречались интересующиеся и понимающие происходящее на Балканах. Как довольно резко высказался публицист В.В. Водовозов, «нашему народу никакого дела до Св. Софии нет. К тому же вряд ли он о ней что-либо знает: ведь ¾ нашего народа безграмотны» [397]. Интересно, что в воспоминаниях генерала А.А. Брусилова, касающихся уже Первой мировой войны, содержится подтверждение этим словам. Когда он спрашивал в окопах у солдат о причинах войны, то получал следующий ответ: «Какой-то там эрц-герц-перц с женой были кем-то убиты, а потому австрияки хотели обидеть сербов. Но кто такие

---

[394] *Сазонов С.Д.* Воспоминания. Мн., 2002. URL: militera.lib.ru/memo/russian/sazonov_sd/04.html (Дата обращения: 22.09.2015).
[395] ГАРФ. Ф. 63. Оп. 32. Ед. хр. 1346. Л. 11.
[396] Там же. Л. 16.
[397] *Водовозов В.* Война. Государственная Дума // Современник. 1912. № 10. С. 340.

сербы, не знал почти никто. Что такое славяне – было им также темно, а почему немцы из-за Сербии вздумали воевать – было совершенно неизвестно» [398]. В конце 1914 – мае 1915 гг. Костромское научное общество по изучению местного края анкетировало население по поводу отношения к войне. В итоге было выявлено, что крестьянство мало следило за политическими процессами, деревня жила своими проблемами и «не чувствовала той атмосферы, которая царила в дипломатических кругах». В этой среде газеты практически не приобретались, даже грамотные считали, что покупка прессы – пустая трата денег, а расходы на печатную продукцию в крестьянских бюджетах отсутствовали [399]. Представляется, что в силу близости событий, эти утверждения можно экстраполировать и на период Балканских войн.

Даже такие ярые славянофилы, как А.Н. Брянчанинов, были вынуждены признавать, что население переживало настолько, «насколько можно волноваться отдаленным и *малознакомым* (курсив наш. – *Н.Г.*) для народа вопросом» [400].

О незнании вопроса, его некритическом восприятии говорит дневник тотемского крестьянина А.А. Замараева. Под датой 18 ноября читаем следующее: «Герои болгары, сербы и греки заняли уже много турецких городов и укреплений. Взяты Салоники, окружен железным кольцом Адрианополь. Турки везде терпят поражения. В турецком городе Хадымкиой лежат на площадях тысячи раненых, холерных и мертвых, никем не убранные. В некоторых местах вместе с мертвыми хоронят еще таких, которые стонут и шевелятся. Полный развал Турции» [401]. Но известия о Балканских событиях встречаются в записях крайне нерегуляр-

---

[398] *Брусилов А.А.* Воспоминания. М., 1963. С. 82.
[399] *Александров Н.* «Мы сначала возьмем Краков, а потом уже Берлин». Костромская деревня в начале войны // Родина. 2014. № 6. С. 112.
[400] *Брянчанинов А.* Правительственное сообщение и истинные... С. 7.
[401] Дневник Тотемского крестьянина А.А. Замараева. 1906–1922 год. М., 1995. С. 55.

но и бессистемно: к примеру, если взятие Скутари в нем отмечено [402], то Адрианополя – нет. Начало Второй балканской войны и вовсе прошло для А.А. Замараева незамеченным. Возможно, причина тому – наступившая рабочая пора у крестьянина, когда ему было не до отвлеченных рассуждений [403]. О том, что войны, проходившие на далеком полуострове, не потрясли основ мира автора говорят и подводимые им итоги года. «Конец 1912 г. Этот год был для России тихой. Войны и мятежей не было. Только к концу года Австрия пугала нас войной, и Россия была настороже. Война Турции с союзниками кончилась. Год был в общем урожайной. Хлеб и сено не особенно дороги, а именно в конце года мука была 1 руб. 20 коп. пуд, сено – 20 коп., овес – 70 коп. пуд, сайда – 7 коп. фунт, сельди – 12 коп., мясо в Сочельник от 2 руб. и дороже. Будем желать счастья [1]913 г.», – записал в дневнике крестьянин [404]. Через год итоги выглядели следующим образом: «Еще 5 часов и этот год канет в вечность. Но его не жаль мне. Он приносил мне одни неприятности. Материального убытку рублей 60, так что лично я его добром не вспомяну… Для России вообще этот год бы тихой. Войны и смятений не было. Только много было железнодорожных катастроф. Пусть же наступающий 1914 год будет счастливее своего предшественника для всего человечества» [405]. Как мы видим, окончание Первой балканской войны, «братоубийственная» Вторая уже не казались важнейшими событиями года. Вероятное объяснение разницы между этими двумя подведениями итогов – аксиома доступности (accessibility axiom), предложенная Дж. Цаллером: чем ближе по времени обсуждалось или обдумывалось

[402] Там же. С. 62.
[403] К таким же выводам привело анкетирование костромского крестьянства немногим позже: «Еще зимой, на досуге, крестьянин «изредка интересовался «политикой» и почитывал газеты, а в страдную пору перед войной было совсем не до политики и не до газеты» (*Александров Н.* Указ. соч. С. 112).
[404] Дневник Тотемского крестьянина... С. 56–57.
[405] Там же. С. 75.

какое-то событие или представление, тем меньше времени требуется для его актуализации [406]. Проще говоря, за вторую половину 1913 г. эмоции успели потускнеть, появились новые заботы.

Аналогично вспоминал этот год представитель другого слоя общества – С.С. Ольденбург: «Первая половина 1913 года прошла под знаком Балканской войны и Романовского юбилея, но с осени снова вступила в свои права политическая борьба» [407]...

Не только среди крестьян существовало недостаточное понимание балканских событий. Даже русские сестры милосердия в Болгарии толком не понимали, где они. Когда Л.Д. Троцкий спросил их о том, куда их направят, то они не смогли правильно ответить, назвав г. Лозенград «Лозевым» [408]. И это при том, что о взятии этого города, первой серьезной крепости на пути болгар, русские газеты трубили во весь голос. По-видимому, балканский вопрос был довольно удобной темой для пустых разговоров, целью которых было лишь коротание времени и ощущение собственной образованности. Четкий показатель этого – пьеска, опубликованная в журнале «Сатирикон». Юмористическая литература, особенно столь острая и тонкая, как представленная этим изданием, довольно точно отражает сложившуюся ситуацию, поскольку шутка смешна, лишь когда понятна и близка ее рецепиенту и опирается на реальность.

Разговор происходит в дачном поезде второго класса, участники диспута путают деятелей и топонимы, далее происходит диалог, который стоит привести, немного сократив:

«Третий пассажир: Все орут да орут “Крест на Святую Софию”. Разве болгары – нехристи?..

---

[406] *Цаллер Дж.* Происхождение и природа общественного мнения. М., 2004. С. 101.
[407] *Ольденбург С.С.* Указ. соч. С. 100.
[408] *Троцкий Л.* Перед историческим рубежом. Балканы и Балканская война. СПб., 2011. С. 133.

Второй пассажир: София?.. Столица Болгарии?.. Гм… Это знаете, еще… не установлено.

Первый пассажир (с апломбом): София – сербский!

Второй пассажир: Ну, нет, София – румынский!..

Третий пассажир: … да как же православный город и вдруг без креста?

Первый пассажир: Здесь очень длинная история, рассказать которую трудно» [409].

В данном случае кажется подходящим вывод С.А. Кочукова относительно реакции русского общества на Русско-турецкую войну 1877–1878 гг.: «Безусловно, события на Балканском полуострове настолько потрясли русское общество, что интерес к балканским делам даже приобрел характер модного увлечения, при этом само отношение к войне, понимание ее целей, значения, влияния на внутреннее состояние страны и т.п. могло быть достаточно противоречивым» [410]. Но все же за 35 лет реакция общества изменилась. Агент охранного отделения сообщал: «Нет того подъема и сочувствия, какие были в 1877 году, во время Турецкой кампании» [411]. Профессор П.А. Лавров объяснял это тем, что в войне 1877–1878 гг. страна принимала участие [412]. В 1912–1913 гг. официально Петербург занимал позицию нейтралитета, в том же случае, если бы России пришлось выступить с оружием в защиту южных славян, то и противник был бы иной – Австро-Венгрия.

* * *

[409] Сатирикон. 1913. 19 июля.
[410] *Кочуков С.А.* «За братьев-славян»: Русско-турецкая война 1877–1878 гг. в восприятии общества, власти и армии Российской империи. Саратов, 2012. С. 270.
[411] ГАРФ. Ф. 63. Оп. 32. Ед. хр. 1346. Л. 21.
[412] *Лавров П.А.* Балканский союз и переживаемый им кризис... С. 2.

«Лакмусовой бумажкой» силы симпатий к славянам явилось отношение к возможному открытому военному столкновению с империей Габсбургов. Хотя эта тема, казалось бы, выходит за рамки нашего исследования, ее нельзя не рассмотреть, поскольку она находится в тесном взаимодействии изучаемой проблемой. Осенью 1912 г. в связи вопросом об албанском государстве, конкретно о будущем порта Дураццо (ныне – Дуррес), Дунайская империя стала оказывать значительное давление на Сербию, провела частичную мобилизацию в приграничных с Россией военных округах.

28 октября военный министр В.А. Сухомлинов прислал не ожидавшему этого председателю правительства экстренное требование об отпуске в его распоряжение «в связи с событиями на Балканах» 63 млн рублей на усиление обороны на австрийском фронте. При этом отметил, что Николай II запрос уже одобрил. В результате он был удовлетворен, хотя и составлялся, очевидно, второпях и без серьезной подготовки [413]. 19 ноября император созвал совещание, куда пригласил председателя правительства и министра иностранных дел, и поставил их перед фактом: днем ранее на встрече с командующими войсками варшавского и киевского военных округов он принял решение о проведении полной мобилизации киевского, частичной – варшавского, подготовке к аналогичным действиям в одесском военном округе. При этом российский монарх рассчитывал на поддержку германского императора [414]. В конечном итоге, в Петербурге ограничились задержкой на службе нижних чинов, подлежащих увольнению в запас, что довело численность войск западных округов до штата военного времени. Согласно Всеподданейшему докладу по военному министерству за 1912 г., это было обусловлено

[413] *Коковцов В.Н.* Указ. соч. С. 178–179.
[414] Там же. С. 182.

«тревожной политической обстановкой и возможностью вооруженного столкновения с державами Тройственного союза» [415].

Мысль о войне, таким образом, витала в воздухе, что вызывало у современников понятные опасения. Ставший вскоре петербургским городским головой И.И. Толстой записал об этом 31 октября: «Несомненно имеет связь с балканскими делами» [416]. В памяти С.С. Ольденбурга отложилось, что «в ноябре был момент, когда война казалась возможной» [417]. Сходные свидетельства встречаем в дневнике поэта А.А. Блока: «Чай пьем у мамы, Франц, усталый и печальный, говорит – война: австрийцы мобилизовали 8 пограничных корпусов» [418]. В декабре он узнал от служившего вольноопределяющимся К.К. Кузьмина-Караваева, что полк последнего готовится к войне [419]. В декабре А.А. Замараев отметил: «Австрия готова к войне, у [н]ее 800 тысяч солдат готовы к бою» [420]; а один из агентов охранки докладывал о настроениях общества: «С самого начала вмешательство России считается неизбежным» [421].

М. Горький в это время находился на о. Капри, но слухи и тревожное настроение доходили и до него. Он в письмах спрашивал своих знакомых о реальности войны с Дунайской империей. Кто-то ему сообщал, мол, «собираемся воевать», он их называл «болванами» [422]. Писатель А.В. Амфитеатров, много раз бывавший на Балканах, писал, что в это «покуда плохо верю. Не быв давно на местах, боюсь судить» [423]. Для

---

[415] Военная промышленность России в начале XX века 1900–1917. М., 2004. С. 423.
[416] *Толстой И.И.* Дневник. 1906–1916. СПб., 1997. С. 414.
[417] *Ольденбург С.С.* Указ. соч. С. 96.
[418] *Блок А.* Дневник. М., 1989. С. 151.
[419] Там же. С. 394.
[420] Дневник Тотемского крестьянина... С. 56.
[421] ГАРФ. Ф. 63. Оп. 32. Ед. хр. 1346. Л. 19.
[422] Литературное наследство. Т. 95: Горький и русская журналистика начала XX века Неизданная переписка. М., 1998. URL: http://az.lib.ru/g/gorxkij_m/text_0460.shtml (Дата обращения: 22.09.2015).
[423] Там же.

М. Горького муссирование слухов о столкновении стало даже поводом для шуток. В декабре 1912 г. он задавал вопрос критику и историку литературы Е.А. Ляцкому: «Ваш приезд столь же, кажется, гадателен, как австро-русская война? Жду Вас с великим нетерпением» [424].

После Февральской революции, в августе 1917 г., на допросе А.И. Гучков утверждал, что с началом Балканских войн стало очевидным, что «в ближайшие годы уже предвиделись столкновения с громадными мировыми событиями, в смысле внутреннего здоровья и в смысле военном» [425].

У некоторых слоев общества антиавстрийская риторика вызывала опасения конспирологического характера. Так, газета «Земщина» предполагала, что в прославянской агитации части прессы кроется «масонская интрига», суть которой – стравить Россию и Германию в войне, на почве которой вызвать новую революционную смуту [426].

Правительство интересовалось готовностью населения к войне и возможными планами «левых оппозиционных партий» использовать в своих целях вызванную войной нестабильность [427]. Из Рязани и Ярославля сообщалось, что офицерство выступает «за», ожидая повышений и наград [428]. Подтверждал это В.М. Пуришкевич, заявляя, что «когда генерал Иванов объявил в Киеве запасным о том, что они остаются, такое громкое, такое грозное “ура” раздалось среди запасных, какого давно не

---

[424] Там же.

[425] Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайно Следственной Комиссии Временного Правительства. Т. 6. М.–Л., 1926. С. 254.

[426] *Котов Б.С.* Образы Германии и Австро-Венгрии в российской прессе накануне Первой мировой войны. 1912–1914 гг. (по материалам либеральной и консервативной печати): Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 2014. С. 183.

[427] Связь этой темы со славянским вопросом подчеркивает и то, что отношение населения к вооруженному вмешательству России в запросе министра внутренних дел запрашивалось после отношения населения к войне на Балканах.

[428] ГАРФ. Ф. 63. Оп. 32. Ед. хр. 1346. Л. 11, 12.

слышали. Здесь в Петербурге у меня есть много друзей среди полковых командиров. И вот сейчас отпускаемые солдаты уходят с горечью, с печалью» [429]. Один из сотрудников охранного отделения докладывал, что солдаты «охотно пойдут бить австрияков, защищать братьев-славян» [430]. Однако он же считал, что «терпимость России в случае агрессивной политики Австрии вызовет горькое чувство народных масс и нападки оппозиции на бессилие России, на политику правительства, создавшего это бессилие» [431]. Вполне возможно, что он видел мир таким, каким хотел его видеть. Аналогичное предположение можно сделать и относительно слов В.М. Пуришкевича.

Из Смоленска подполковник Пухловский сообщал о противоположных настроениях: «среди запасных ходят слухи, что они не явятся [в] случае мобилизации в войска». В этом же городе на вооруженный конфликт смотрели «как на народное бедствие» [432]. Оно и вполне понятно, поскольку Смоленск исторически являлся местом, постоянно страдавшим от войн России с ее западными соседями. В Твери крестьяне понимали и другой аспект «вмешательства», относясь к нему «отрицательно [в] смысле больших жертв» [433]. В Орле слухи о возможности вооруженного столкновения наводили «некоторый страх» [434], в Царицыне рабочие и крестьяне в большинстве относились к войне отрицательно [435].

Интересно при этом отношение рабочих Москвы. Рабочий типографии под псевдонимом «Андреев» сообщал, что относительно Австро-Венгрии «зачастую приходится слышать восклицание... “Россия тебе

---

[429] Стенографические отчеты... Стб. 2418.
[430] ГАРФ. Ф. 63. Оп. 32. Ед. хр. 1346. Л. 19.
[431] Там же. Л. 20.
[432] Там же. Л. 7.
[433] Там же. Л. 11а.
[434] Там же. Л. 16
[435] Государственный архив Волгоградской области (далее – ГАВО). Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 297. Л. 120.

покажет”», при этом особо воинственен был «правый элемент, а в частности пожилые люди» [436]. Другие московские агенты докладывали, что «рабочие из запасных не прочь сами повоевать. Верят в возможность вовлечения России в войну с Австрией и одобряют ее». Об аналогичном настрое докладывали из Тулы [437]. Начальник Московского губернского жандармского управления сообщал в Петербург, что рабочие к войне готовы: «если Австрия вмешается, мы все пойдем» [438].

В Нижнем Новгороде бытовало мнение, «что Россия окажет славянам полную поддержку» [439], в Твери «большинство высказывает необходимостью со стороны России поддерживать все славянские требования до вмешательства включительно» [440], в Рязани были осторожнее, рассматривая вмешательство «лишь как крайнее средство для поддержания нашего престижа на Балканах» [441].

Л.К. Куманин в ноябре выяснил отношение к возможной войне с Австро-Венгрией среди депутатов Государственной думы, о чем сообщил в донесении 27 ноября. Радикальной была точка зрения В.В. Шульгина: «Хочешь мира, готовься к войне. Слишком уже дерзко-вызывающе ведут себя господа австрийцы». Другие проявляли умеренность, однако и их мнения также содержали в себе «но». Правый по взглядам князь А.П. Урусов считал: «европейская война из-за маленького порта мне представляется совершенно немыслимой» [442]; национали-

---

[436] ГАРФ. Ф. 63. Оп. 32. Ед. хр. 1346. Л. 5.
[437] Там же. Л. 3.
[438] Там же. Л. 15.
[439] Там же. Л. 8.
[440] Там же. Л. 9.
[441] Там же. Л. 11.
[442] Примечательно, что он не обладал и достаточной прозорливостью, и не представляя того, что произойдет через 5 лет: «Ведь если бы война возгорелась, то при всяких условиях Россия ничего не потеряет. Германия же рискует весьма многим. Сознавая это, вряд ли она станет собственными руками таскать из огня каштаны для

сту П.Н. Балашову казалось, что «воевать из-за какого-то Дураццо нелепо», но при этом «мы же должны помнить, что всякой уступчивости есть предел и в случае, если общеславянские интересы будут затронуты, Россия не может не выступить в защиту их». По взглядам к ним примыкал октябрист М.М. Алексеенко: «Само собой разумеется, что воевать из-за маленького порта нелепо, но нельзя же отрицать того, что выход Сербии к морю является для нее насущнейшим и жизненным вопросом» По его словам, если у этого государства по-прежнему останется заслон на пути развития в виде Австро-Венгрии, то такой порядок не сможет долго существовать, «искра будет тлеть и в самом ближайшем будущем пожар неминуем». Осторожно, но в том же русле высказывался трудовик В.И. Дзюбинский: «Что же касается требований Австрии, то, конечно, они выходят из рамок обычных международных отношений и, с этой точки зрения, конечно, Австрия не может рассчитывать на чье-нибудь сочувствие». Но при этом он оговаривал, что «мы, левые группы» против любой войны и «нет такого конфликта, которого нельзя было бы разрешить мирным путем».

Миролюбивый настрой проявляли либералы. П.Н. Милюков выступал против войны: «Говорят о необходимости удовлетворить самолюбия, но положение дел таково, что есть нечто более важное, чем самолюбия. Быть может, ни та ни другая сторона вполне удовлетворены не будут, но зато будут предотвращены осложнения весьма серьезные». Но если он «указывать не брался», в каком направлении должен разрешиться конфликт, то его однопартиец В.А. Маклаков предлагал выход из ситуации: по примеру КВЖД Сербия могла бы взять в аренду территорию Албании на 100 лет, дабы там провести железную дорогу к морю. Одна-

---

других» (*Гальперина Б.Д., Перегудова З.И., Старцев В.И.* Указ. соч. // Вопросы истории. 1999. № 2. С. 6–7).

ко этот член Партии народной свободы был вынужден признать изъян своего плана: «было легко ладить с мирными китайцами, а албанцы народ дикий». Но и это казалось решаемым, поскольку «важно то, что конфликт необходимо решить мирным путем». Прогрессист А.А. Бубликов и вовсе считал, что «никаких реальных интересов на Балканском полуострове у нас нет», поэтому и речи не может идти ни о каком другом решении конфликта, кроме как мирном [443]. Либералы сохраняли б*о*льшую трезвость рассуждений. Надо отметить, это касалось и их изданий. С.Д. Сазонов вспоминал, что газеты данного направления в вопросах внешней политики «не утрачивали способности беспристрастной и здравой оценки политического положения» [444].

По поводу войны в ЦК кадетов не существовало единогласия. В октябре 1912 г. этот вопрос активно обсуждался на заседании Петербургского отделения ЦК. Один из его членов, А.Р. Ледницкий, опасался, что сдержанная позиция приведет к тому, что «общественное движение пройдет мимо нас», необходимо проявлять активность и «искреннее отношение к балканским народам». П.Б. Струве указывал, что русские «определенные задачи при ликвидации Турции в Европе» – проливы, а данный момент для борьбы за них более благоприятен, чем в 1853 г. С ним соглашался Н.А. Гредескул, считая, что текущая ситуация выгодна России, а не Австро-Венгрии. «Война в высшей степени нежелательна, но и для самого предотвращения войны нельзя от нее зарекаться», – заявлял он на заседании ЦК. П.Н. Милюков выдвинул в защиту своей позиции ряд продуманных аргументов. Он не считал необходимым для России сейчас вступать в войну из-за интересов южного славянства, стране необходимо реализовывать свои цели – приобретение проливов.

---

[443] *Гальперина Б.Д., Перегудова З.И., Старцев В.И.* Указ. соч. // Вопросы истории. 1999. № 2. С. 6–7.
[444] *Сазонов С.Д.* Указ. соч.

В данной же ситуации «вопрос о ликвидации Турции еще не наступил. Для России трудно довольствоваться простой нейтрализацией проливов, для нее нужны и куски территории по берегам проливов». Поэтому, по мнению лидера кадетов, партия должна вести себя тонко и дипломатично, открыто не заявлять свое видение вопроса, чтобы в глазах населения не быть связанной с захватнической политикой.

Тот же вопрос затем вновь был поднят уже на заседании Московского отделения ЦК кадетов, оказавшегося еще более воинственным, нежели Петербургское [445]. Не отставал в бряцании оружием от своих единомышленников по партии и профессор М.П. Чубинский, заявляя в обществе Славянского научного единения, что на Балканах идет борьба за начала свободы и начала культуры, «и если России во имя этих лозунгов придется пережить кровавые минуты, то мы верим, что из этого исторического испытания она выйдет с громадным выигрышем для себя и для своего будущего внутреннего развития» [446].

5 декабря 1912 г. в Таврическом дворце выступал председатель правительства В.Н. Коковцов, приветствуя новый состав Государственной Думы, где изложил взгляды и планы правительства на ближайшее время. Не мог он не затронуть и «вопроса, на котором с тревогою и напряженно сосредоточено ваше внимание, так же, как и внимание всей России». Его слова были дипломатично бессодержательны: «Оставаясь спокойным среди нередко сгущавшихся вокруг него возбуждения и тревоги, правительство не подало никому основания заподозрить нас в своекорыстных замыслах или в желании обострить конфликты и руководилось всегда в своих действиях одною мыслью: стоять на страже исторических своих задач и своего достоинства». Правительство, по его

---

[445] *Шелохаев В.В.* Либеральная модель переустройства России. М. 1996. С. 200–205.
[446] *Чубинский М.П.* Балканская война и вопросы культуры // Славянский вопрос в его современном значении... С. 119.

словам, при принятии решения должно руководствовать прошлым наравне и с «условиями современной политической обстановки», стремиться к «фактически достижимому, не поддаваясь увлечениям чувства». В конце своей речи он заявил, что правительство выступает за сохранение европейского мира, выразил надежду, что «грядущие события не затронут жизненных интересов России, которые мы призваны ограждать всеми нашими силами во имя чести и достоинства нашей родины». Последние его слова вызвали рукоплескания «в центре, слева и справа» [447].

Не всех депутатов удовлетворило выступление главы правительства. Монархист В.В. Шульгин считал, что речь должна была быть жестче, следовало бы указать, «что хотя мы войны и не желаем, но ее не боимся». Октябрист Н.П. Шубинский считал, что нынешней политикой предаются «исторические заветы России» [448]. Надо отметить, что его однопартийцы постоянно критиковали правительство за отсутствие решительности в балканском вопросе, а в марте 1913 г. М.В. Родзянко и вовсе советовал императору действовать решительно, и взять проливы [449]. Однако, по словам британского историка Д. Хатчинсона, «было бы правдоподобно, но полностью неверно» считать, что весь балканский вопрос являлся ничем более, нежели удобным политическим оружием, которым партия «Союз 17 октября» нападала на правительство – ее члены абсолютно серьезно выступали за авантюристическую политику на Балканах [450].

---

[447] Стенографические отчеты... Стб. 279–280.
[448] *Гальперина Б.Д., Перегудова З.И., Старцев В.И.* Указ. соч. // Вопросы истории. 1999. № 2. С. 14–15.
[449] *Родзянко М.В.* Крушение империи. Л., 1929. С. 77.
[450] *Hutchinson J.F.* The Octobrists and the Future of Imperial Russia as a Great Power // The Slavonic and East European Review. Vol. 50, № 119 (Apr., 1972). P. 225.

Не проявляли миролюбия и либералы: ясности и определенности в речи премьера не хватило кадету Н.В. Некрасову [451], а В.А. Маклаков 7 декабря говорил с трибуны, что необходимо было сказать, что Россия не ищет осложнений, «но так же их не боится». 13 декабря в Думе публично защищал позицию правительства П.Н. Милюков, утверждая, что русского крестьянина «нельзя вести на убой» из-за второстепенных интересов [452].

Итак, несомненно, начало Первой балканской войны оказало значительное влияние на жизнь русского общества. Нельзя отрицать и того, что в большей своей части оно искренне симпатизировало противникам Турции. Но сила этого чувства распределялась отнюдь не равномерно среди всех слоев общества. Своя рубашка была явно ближе, когда речь заходила о возможных лишениях, связанных с поддержкой требований южных славян, и настойчивая популяризация этой войны не проникала во все умы. Тем более она не могла повлиять на основную массу народа – малообразованное и индифферентное крестьянство. Но всегда существует категория, чья воинственность пересиливает разумные доводы, всегда есть желающие заняться саморекламой за счет каких-то событий, к которым они и не причастны.

§ 3. Падение Адрианополя, население и полиция.

В декабре 1912 г. наступило некоторое затишье. На Балканах было заключено перемирие, полуостров стали покидать корреспонденты, фокус внимания сместился в сторону Лондона, где проходили переговоры между послами великих держав и представителями воюющих госу-

[451] *Гальперина Б.Д., Перегудова З.И., Старцев В.И.* Указ. соч. // Вопросы истории. 1999. № 2. С. 14–15.
[452] *Шелохаев В.В.* Указ. соч. С. 207–208.

дарств. Обсуждение будущих границ затягивалось, Османская империя не желала удовлетворять все территориальные требования победителей. Но внезапно все изменил младотурецкий переворот: в январе 1913 г. заговорщики во главе с Энвер-пашой свергли правительство Кямиль-паши, убили военного министра Назим-пашу и захватили власть. Война возобновилась, хоть и вялотекуще. По линии фронта на Чаталдже ситуация сложилась патовая – ни болгары, ни турки не были в состоянии перейти в наступление. Оставались осажденными три крепости – Адрианополь, Скутари и Янина. В связи с этим и бурление общества по славянскому вопросу прекратилось. Продолжались славянские банкеты, проводились заседания, произносились пылкие (чаще – антиавстрийские) речи, но это являлось лишь хвостом пролетевшей кометы. До 13 марта 1913 г.

Именно тогда пала осажденная ключевая крепость Адрианополь. В.И. Ленин написал в «Правде»: «Балканская война подходит к концу. Взятие Адрианополя означает решительную победу болгар, и центр тяжести вопроса перенесен окончательно с театра военных действий на театр грызни и интриг так называемых великих держав» [453]. И.И. Толстой отметил в дневнике: «Слава Богу: это начало конца Балканской войны» [454].

«Это была не радость, это был не восторг, тут я видел что-то стихийное, могучее, глубоко встряхнувшее все массы русской столицы снизу доверху, чтобы проявилась солидарность с победой, с победителями-болгарами», – вспоминал С. Бобчев [455]. По его же словам, болгарская миссия в то время была «засыпана телеграммами, письмами, открытка-

---

[453] *Ленин В.И.* Балканская война и буржуазный шовинизм. URL: http://maxpark.com/community/129/content/2888790 (Дата обращения: 22.09.2015).
[454] *Толстой И.И.* Указ. соч. С. 430.
[455] *Бобчев С.* Указ. соч. С. 104.

ми с поздравлениями с победой при Адрианополе от князей, министров, депутатов, генералов, ученых, публицистов, писателей и др.» [456]. В Государственной Думе известие вызвало бурную реакцию. Один из лидеров Всероссийского национального союза, депутат от Бессарабской губернии, П.Н. Крупенский взял слово: «Нам нельзя остаться безразличными, мы должны доблестному болгарскому народу послать торжественную телеграмму..., а затем отслужить молебен в стенах Государственной Думы. Потому прошу назначить получасовой перерыв и пожаловать на молебен». Последние его слова вызвали «движение и одобрительные возгласы справа, в центре и слева; протестующие возгласы на крайней левой». После этого был устроен перерыв с 4 часов 9 минут до 4 часов 52 минут пополудни [457]. Происходившее далее не отражено в стенограммах заседаний Думы, но довольно подробно этот бурлеск изложил в своих донесениях Л.К. Куманин.

В кулуарах раздались возгласы «Пригласить Данева, Дмитриева и Бобчева». П.Н. Крупенский «бросается к телефону», чтобы выполнить это [458]. Затем он и еще два депутата прибыли «сияющими от радостного волнения» к посланнику [459]. В Думу приехали глава Народного собрания Стоян Данев и посланник С. Бобчев. Они вошли в Екатерининский зал с бокового входа под крики «ура» и аплодисменты, были подхвачены на руки, их начали качать. М.В. Родзянко и князь В.М. Волконский расцеловали болгар. С. Данев признался, что еще утром получил телеграмму о «невероятных изменениях» под Адрианополем, но не считал возможным

---

[456] *Кишкилова П.* Българо-руските отношения през погледа на дипломата С.С. Бобчев (октомври 1912 – септември 1913) // България и Русия през XX век. Българо-руски научни дискусии. София, 2000. С. 40.

[457] Стенографические отчеты / Гос. дума, четвертый созыв, сессия первая. Заседания 1–30: (с 15 ноября 1912 г. по 20 марта 1913 г.). СПб., 1913. Стб. 2223–2224.

[458] *Гальперина Б.Д., Перегудова З.И., Старцев В.И.* Указ. соч. // Вопросы истории. 1999. № 4–5. С. 14.

[459] *Бобчев С.* Указ. соч. С. 104.

сообщать о них раньше подтверждения. Председатель Думы пригласил всех в свой кабинет. Л.К. Куманин не говорит о причинах, но мы можем лишь предполагать, что, видимо, не все депутаты поддерживали бурное выражение чувств. В кабинете П.Н. Крупенский забрался на стул и предложил гостям расписаться в книге почетных посетителей «в память великого исторического дня, великого не только для Болгарии, но и для России». Граф В.В. Мусин-Пушкин озвучил запись С. Бобчева, сделанную по-русски, а сам посланник – болгарский текст С. Данева. После этого депутаты под дирижированием М.В. Родзянко несколько раз исполнили российский и болгарский гимны.

Затем председатель Думы подошел к своему болгарскому коллеге со словами: «Члены Гос[ударственной] думы выразили желание объединиться в общей молитве. Я очень жалею, что неожиданным быстрым движением вы застигли нас врасплох. Мы не успели пригласить певчих и будем петь сами». Вернувшись в Екатерининский зал, депутаты начали петь молебен. После провозглашения многолетия царствующему дому, аналогичные действия были совершены в отношении четырех союзных монархов и всех единоверных воинов. Пропели депутаты и «вечную память» погибшим. После этого вновь несколько раз исполнили «Боже, Царя храни» и «Шуми Марица».

Многие вспоминали свои схожие чувства при получении известия о падении Плевны в 1877 г., потому и спустя 36 лет вновь кричали «ура» Александру II. Сербскому войску, вместе с болгарами участвовавшими в штурме Адрианополя, кричал «ура» П.Н. Крупенский [460]. Затем появилась импровизированная трибуна, на которую поднялся октябрист И.С. Клюжев, в молодости работавший сельским учителем. «Воспитали

---

[460] *Гальперина Б.Д., Перегудова З.И., Старцев В.И.* Указ. соч. // Вопросы истории. 1999. № 4–5. С. 14–16.

солдат, взявших Адрианополь, народные учителя, которые завоевали и культуру... Я убежден, что вы русским сердцем воскликнете: Слава славянскому учителю, объединившему всех славян в их борьбе против вековых угнетателей. Ура», – провозгласил он.

После этого С. Данева и С. Бобчева пригласили в кабинет председателя Думы, где огласили подготовленную поздравительную телеграмму парламентам союзных балканских государств. Но чтение утонуло в новых криках «ура».

Затем болгарам был предложен чай, после которого они отбыли из стен Таврического дворца [461]. «Это было чем-то невообразимым – чествование, с которым нас окружили тут представители братской России», – писал С. Бобчев [462].

Сам М.В. Родзянко вспоминал это шумное празднование не в таких ярких деталях, но не забыв упомянуть, что хор депутатов пел под его руководством [463]. Как сказал несколькими днями спустя В.М. Пуришкевич, эти действия председателя Думы вызвали «чувство глубочайшего умиления, глубочайшей, нежной любви и привязанности к человеку, который понял настроение минуты», а музыкальное исполнение было совершено «стройно и гладко» [464]. А.И. Савенко, один из лидеров фракции националистов, восхищался, «какой вихрь пронесся, какая поднялась волна радости и восторга и как она захлестнула нас, и как сразу многие партийные перегородки стерлись и исчезли» [465]. «Если бы пришло известие о победе русского оружия, вряд ли Дума могла про-

---

[461] Там же.
[462] *Бобчев С.* Указ. соч. С. 105.
[463] *Родзянко М.В.* Указ. соч. С. 71–72.
[464] Стенографические отчеты... Стб. 2414.
[465] Там же. Стб. 2402.

явить больше восторга, радости» [466], – вспоминал уже в эмиграции депутат Н.В. Савич.

Но не у всех такую реакцию вызвала «шумная манифестация в честь Болгарии» [467]. Довольно едко отреагировал социалист С. Мстиславский в журнале «Заветы»: «Я не стану задаваться вопросом, поскольку достойно председателю Парламента, хотя бы и русского, петь октавой “Марицу” и махать руками в такт нестройного хора... Но мне невольно думается, что в Потемкинские времена Таврический дворец видал, быть может, оргии, но *балагана* не видел». По его мнению, сами болгары в Народном собрании бы такого не устроили из чувства собственного достоинства. А в этом проявлении радости автор видел лицемерие праздновавших, молча отдавших Албании Скутари, который имел большее значение, нежели Адрианополь. Отметил он и «приукрашивание» воспоминаний у депутата Опочинина, заявившего, что он радовался болгарской победе как «человек, бравший Адрианополь в 1877 г.». «Но мы не можем этому поверить, ибо знаем, что в русско-турецкую войну Адрианополь был сдан без боя, и потому г. Опочинин “взять” его не мог никак», – язвил Мстиславский [468]. П.Н. Милюков и вовсе этот момент запомнил без особого восхищения: «Помню, как сейчас, глупую физиономию думского шута, Павла Крупенского, вскочившего на кафедру, размахивавшего руками и оравшего во все горло “ура” болгарам» [469].

На следующий день на квартире М.В. Родзянко состоялся торжественный обед. К С. Даневу и С. Бобчеву присоединился генерал Радко Димитриев. Помимо этого присутствовали депутаты и «славянские дея-

---

[466] *Савич Н.В.* Воспоминания. СПб., 1993. С. 112.
[467] Вестник Европы. 1913. № 4. С. 408.
[468] *Мстиславский С.* 13 марта в Государственной Думе // Заветы. 1913. № 3. С. 174–177.
[469] *Милюков П.Н.* Воспоминания (1859–1917). Нью-Йорк, 1955. С. 124.

тели» во главе с А.И. Гучковым [470], всего 60 человек [471]. В этом В.И. Ленин видел лишь подтверждение своему пониманию сути славянского движения: «Неудивительно, что на обеде у Родзянко, 14 марта, Милюков и Ефремов, Гучков, Беннигсен, Крупенский и Балашов дружно сошлись вместе. Националисты, октябристы, кадеты, это – лишь разные оттенки отвратительного, бесповоротно враждебного свободе, буржуазного национализма и шовинизма!» [472].

После взятия Адрианополя прошли крупные манифестации в Петербурге, Киеве и Москве. Празднование этой победы имело место и в городах, в которых проживали болгары. В Армавире, где оставались семьи уехавших на войну добровольцами, 24 марта (т.е. уже значительно позже события) часть торговых рядов, где торговали преимущественно болгары, была закрыта и украшена национальными флагами. Из чувства солидарности не открывали лавки и «торговцы зеленью, армяне», в городе раздавалось пение болгарского гимна [473]. Воздействие падения крепости на русское общество оказалось не сиюминутным. Согласно С. Бобчеву, «целые недели и месяцы Адрианополь не сходил с первого места в газетах, с первого места в разговорах повсюду» [474]. И, действительно, празднований было несколько. Дело в том, что осажденная крепость пала 13 марта, в среду. Среди рабочей недели бурное проявление радости могли себе позволить немногие, поэтому манифестации имели место в ближайший (17 марта) и последовавший (24 марта) воскресные дни. К тому же публичным и массовым мероприятием стали проводы генерала Р. Димитриева на родину, состоявшиеся 18 числа того месяца.

---

[470] *Гальперина Б.Д., Перегудова З.И., Старцев В.И.* Указ. соч. // Вопросы истории. 1999. № 4–5. С. 16.
[471] *Родзянко М.В.* Указ. соч. С. 72.
[472] *Ленин В.И.* Балканская война и буржуазный шовинизм...
[473] Новое время. 1913. 3 апр.
[474] *Кишкилова П.* Българо-руските отношения през погледа... С. 40.

По большому счету, состав участников мало разнился, поэтому стоит рассматривать эти проявления славянских симпатий вкупе, пожалуй, отметив более спокойный ход событий 24 марта по сравнению с 17, что вызвано было действиями полиции.

Самые интересные события происходили в Петербурге. Как, не прибегая к чувству скромности, заявлял депутат от «правых» В.И. Мельников, радость и энтузиазм, охватившие Государственную Думу, «от нее передались и всем жителям столицы» [475]. В «Ниве» была опубликована фотография демонстрации 24 марта перед Казанским собором в столице, где участвовало, если верить подписи, 40 тысяч человек [476].

17 марта, после молебна по поводу взятия крепости, «желая выразить радость» от падения Адрианополя, толпа направилась по Невскому проспекту. Шедший с процессией, а затем проехавший вдоль нее на извозчике, депутат от Союза Михаила Архангела Г.А. Шечков утверждал на заседании Думы: «Свидетельствую пред вами, что никакой скученности, загроможденности улицы не было; ...все шли в известных интервалах друг от друга» [477]. Тем не менее, как выразился С.С. Ольденбург, полиция «по обыкновению» рассеивала демонстрации [478]. На углу Екатерининского канала (ныне – Грибоедовский) манифестанты были оттеснены полицией, и пострадала девушка. Затем они направились к болгарской миссии, после нее – к сербской, распевая «Боже, Царя храни» и «Шуми, Марица». Но там их встретила конная полиция, пустившая в ход копыта лошадей и нагайки. «Одним словом, воспроизвели обычную картину официального “успокоения”», – как записал в дневнике

---

[475] Стенографические отчеты / ГоС. дума, четвертый созыв, сессия первая. Заседания 31–54: (с 22 марта по 24 мая 1913 г.). СПб., 1913. Стб. 17.
[476] Нива. 1913. 6 апр. С. 279.
[477] Стенографические отчеты.. Заседания 31–54... Стб. 5.
[478] *Ольденбург С.С.* Указ. соч. С. 97.

И.И. Толстой [479]. На следующий день столицу покидал прославленный болгарский генерал Радко Димитриев, его проводы превратились в массовую демонстрацию, которая также пострадала от действий полиции [480].

Указанные события вызвали бурную реакцию в обществе, в том числе и в Государственной Думе. Депутаты-националисты предложили обратиться с запросом к правительству по поводу действий городовых. Состоялись совещания лидеров фракций прогрессистов и кадетов. Там было принято решение, что полиция должна была воспрепятствовать приходу манифестации к австрийскому посольству [481], но способ, каким это осуществилось недопустим, поэтому стоит поддержать предложение националистов [482]. В итоге было составлено обращение к главе МВД: «Известно ли Министру Внутренних Дел, что Петербургская полиция позволила себе без всяких поводов и вполне незаконно подвергнуть насилию целый ряд лиц, и что он намерен предпринять для наказания виновных и для безусловного предотвращения подобных проявлений произвола?» [483]. 20 марта секретарь поставил этот вопрос на голосование, сообщив причину несогласия парламента с действиями с правоохранительных органов: «на основании самых точных свидетельских показаний, выяснилось, что никакого буйства или бесчинства манифестанты нигде не позволили, если не считать пения гимна, до сих пор законом не

---

[479] *Толстой И.И.* Указ. соч. С. 431.
[480] ГАРФ. Ф. 111. Оп. 5. Ед. хр. 451. Л. 10.
[481] В.В. Шелохаев утверждает, что состоявшиеся 17–24 марта 1913 г. манифестации пытались «учинить разгром посольства Австро-Венгрии» (*Шелохаев В.В.* Указ. соч. С. 209). Но представляется, что данная формулировка излишне категорична, при этом не может быть четко подтверждена источниками.
[482] *Гальперина Б.Д., Перегудова З.И., Старцев В.И.* Указ. соч. // Вопросы истории. 1999. № 4–5. С. 19.
[483] Приложение № 211 // Стенографические отчеты / ГоС. дума, четвертый созыв, сессия первая. Приложения к стенографическим отчетам Государственной думы. вып. 2: (№№ 151–270). СПб., 1913.

запрещенного», поэтому поведение полиции находилось «незакономерным и возмутительным во всех отношениях» [484].

На заседании Думы присутствовал глава МВД Н.А. Маклаков. Он, будучи высокопоставленным чиновником, понимая, что точными сведениями о произошедшем никто еще не обладает, говорил крайне осторожно: «Манифестации уличные, которые собирают толпу, которые вносят беспорядок в движение на улице, конечно, недопустимы, они должны быть прекращены самыми настойчивыми мерами полиции. Но меры эти, конечно, должны быть благопристойны». По его словам, правительство не одобряет грубых приемов полиции при исполнении своих обязанностей, а в данном случае находит их и необъяснимыми, поскольку «манифестанты, по-видимому, были настроены мирно, а самый повод, который дал основание к этой манифестации, встретил так много сочувствия». Он сообщил, что уже дал поручение своему заместителю Золотареву «произвести самое внимательное, всестороннее и полное расследование», и свидетельствовал, что будут приняты «самые энергичные» меры, а в случае подтверждения озвученных действий чинов полиции, они «будут подвергнуты строгой ответственности». Его речь вызвала «продолжительные рукоплескания справа и в правой части центра» [485].

Расследование было действительно проведено, в архиве сохранилось «Приложение к расследованию по делу о действиях чинов полиции на манифестациях 17 и 18-ого марта 1913 года» [486]. Совокупно с другими источниками картина представляется следующей.

Прежде всего, рассмотрим социальный состав участников.

---

[484] Стенографические отчеты... Заседания 1–30... Стб. 2402.
[485] Там же. Стб. 2409–2410.
[486] ГАРФ. Ф. 111. Оп. 5. Ед. хр. 451.

Случайный свидетель проводов генерала Р. Димитриева писал, что была толпа человек из пятисот, «состоявшая исключительно из студентов (путейцев, технологов, универсантов, гражданцев и друг.)», певших гимны России и Болгарии. «Живя в С. Петербурге 42 года, я в первый раз видел и слышал, что студенты такой массой с восторгом громко и воодушевленно пели национальный гимн», – сообщалось в записке [487]. Присяжный поверенный Н.Н. Чернов утвержал, что толпа состояла «из лиц разных сословий и пола» [488]. В деле сохранилась секретная справка о выяснении личности некоторых участников шествия. Среди них ординарный профессор Петербургского университета, надворный советник, инженер путей сообщения, присяжный поверенный, камер-юнкер, служащий Государственной канцелярии, студенты Технологического института и Университета. Так же там есть личность без рода деятельности «53 лет, сын Тайного советника» [489], которого привести на шествие могли и особенности характера, и просто безделье. Дворянин П.И. Шевченко писал в записке на имя заместителя министра внутренних дел, что толпа состояла из «каких-то штатских,… женщин плохо одетых», вела она себя «развязно», оскорбляла полицию, а самого автора записки заставила снять шапку, ему казалось, что манифестанты хотели «ворваться в австрийское посольство» [490]. Отрицательное отношение дворянина объяснимо тем, что его вынудили оставить голову непокрытой, поэтому в объективности этого свидетеля есть основания усомниться. Не мог быть полностью откровенен и пристав, чьи действия вызвали наибольшее возмущение – полковник Павел Александрович Зарецкий. Он утверждал, что в демонстрации участвовали «уличные мальчишки и

[487] Там же. Л. 13.
[488] Там же Л. 32об.
[489] Там же. Л. 28.
[490] Там же. Л. 23об–24.

праздные торговцы»[491]. Несколькими днями спустя, 24 марта, И.И. Толстой отправился «смотреть кинематограф», после которого наткнулся на Невском проспекте на «славянофильскую манифестацию», задержавшую движение по улице, и он был вынужден следовать за нею до Морской. Хотя это и не была та, разогнанная толпа, но, вероятно, ее состав был близок. «Манифестация не производила импозантного впечатления. На мой взгляд, в ней участвовало сотни две или три учащихся или подростков, нескладно певших что-то, кричавших “ура” и несших несколько трехцветных флагов. Их окружала толпа любопытных, и мобилизованы большие отряды полиции, не вмешивавшиеся в происходящее. Можно сказать, что эта толпа столь же легко вместо “Боже, царя храни” могла начать “Вы жертвою пали в борьбе роковой”[492]». Но на следующий день он скорректировал свое мнение: «Судя по газетам, вчерашняя манифестация имела довольно большие размеры; мы с Лилей видели только конец ее; остаюсь, впрочем, при прежнем мнении – что “манифестантов” было сравнительно мало, но что они были окружены толпами любопытных; газеты уверяют, что временами скопление достигало числа 20–25 тыс., носили плакаты с надписями: “Крест на Св.Софии” и “Скутари – черногорцам”; кричали: “долой Австрию” и т.п.»[493].

Иным был взгляд на социальный состав манифестантов М.В. Родзянко. По его словам, «состояла толпа из серьезных и благонамеренных людей: были офицеры, дамы общества, сенаторы, чиновники», а городовыми был даже избит сенатор[494]. В.М. Пуришкевич утверждал, что присутствовали «духовные иерархи, тут (так в тексте. – *Н.Г.*) были и члены

---

[491] Там же. Л. 31об.
[492] Один из знаменитых похоронных маршей русского революционного движения, написанный в 1870–1880-ее гг.
[493] *Толстой И.И.* Указ. соч. С. 433.
[494] *Родзянко М.В.* Указ. соч. С. 74–75.

Государственного Совета» [495]. Отметим, что не всем «серьезным людям» эти манифестации были интересны. Вас.И. Немирович-Данченко в своей книге писал, что в Петербурге фабриканта спросили: «Какое на вас впечатление произвели воскресные манифестации в Петербурге? – Манифестации, где?... – На улицах. – На улицах? О, я улицы не вижу, у меня хороший закрытый автомобиль. А дома спущены гардины» [496].

Теперь перейдем непосредственно к событийной части.

После проводов генерала с Варшавского вокзала толпа с пением «Боже, Царя храни» и «Шуми Марица» шла по Измайловскому, Забалканскому (ныне – Московскому) проспектам. Затем появились конные городовые, принявшиеся грубо разгонять толпу. Один из участников манифестации спросил сотрудника правоохранительных органов, носившего на груди 4 медали, о причинах избиения демонстрантов, на что получил ответ: «Не разговаривайте» и удар нагайкой. В это время часть студентов-участников разговаривала с офицером полиции, «который очень вежливо просил студентов не стоять на мостовой, а идти на панель (имеется в виду тротуар. – *Н.Г.*)». После выполнения этого требования участников шествия не трогали вплоть до пересечения улиц Гороховой и Садовой (по всей видимости, толпа двигалась в сторону Невского проспекта). Там их встретила еще одна группа городовых. Старший из них скомандовал «Шашки вон», но не обнажил оружия и «наводил порядок» кулаками [497]. Другой свидетель, студент Санкт-Петербургского университета М. Михайловский, утверждал, что пристав шашкой все же махал, а отдал приказ о применении оружия под пение «Боже, Царя храни» [498].

---

[495] Стенографические отчеты... Заседания 1–30... Стб. 2414.
[496] *Немирович-Данченко Вас.И.* Собрание сочинений. Т. XV. СПб., 1913. С. 210.
[497] ГАРФ. Ф. 111. Оп. 5. Ед. хр. 451. Л. 13–14.
[498] Там же. Л. 18.

Здесь речь идет об уже упоминавшемся приставе П.А. Зарецком. Ему в «Приложении к расследованию...» уделено значительное внимание. Как писали свидетели, он «буквально сумасшествовал». Уже после того, как участники демонстрации разошлись, П.А. Зарецкий, «как видно, вошел в раж и видел в каждом проходившем манифестантов. Он гонял публику с истерическим криком с 3-хэтажными ругательствами на всю улицу – не лучше ломового извозчика. Гонял публику как стадо баранов с одной стороны Садовой улицы на другую или с Сенной площади на Гороховую, а потом наоборот». Одного гимназиста швырнул о мостовую, и «бедный долго не мог встать». Как заканчивал свои показания свидетель, место приставу – «лечебница для умалишенных» [499].

Интересно отвечал П.А. Зарецкий на эти обвинения в своем рапорте. Полковник обладал не только витиеватым почерком, но и иным взглядом на реальность. По его версии событий, впереди толпы шли «уличные мальчишки и праздные торговцы», увидев его, услышав требование разойтись, будучи уже знакомыми с ним, побежали. Им последовали и остальные манифестанты, в связи с чем приставу не требовалось применять силу, тем более и оружие [500].

Однако не все сотрудники полиции проявили себя аналогично. Так, полицмейстер второй статьи полковник Григорьев, следя за действиями манифестантов после проводов Р. Димитриева, все же дал им спокойно идти [501]. Как утверждал А.В. Королев, отрекомендовавший себя в записке надворным советником, преподавателем женской гимназии, членом Русского собрания и Славянского благотворительного общества, полиция была корректна, но случаи произвола были. Перечислим такие эпизоды. 17 марта возле Казанского вокзала одного из разгонявших, по-

[499] Там же. Л. 21–22.
[500] Там же. Л. 31–31об.
[501] Там же. Л. 15.

лицейского пристава, попросили представиться по фамилии. «Я покажу тебе мою фамилию», – ответил он и толкнул любопытствовавшего в грудь. Там же под рукоприкладство попала курсистка, ее принялись защищать студенты, но и они пострадали от суровой длани российских органов охраны порядка. Свидетели показали, что при этом отличились «бляхи» № 2620, 1667, 1649 [502]. 18 марта манифестантов «атаковал» полицейский ротмистр с криком «Расходитесь, иначе буду лупить нагайкой». К нему подошел «артиллерийский полный генерал», по праву старшего по званию потребовал представиться и объяснить причину таких действий. «Ротмистр конно-полицейской стражи Колберг. Я в точности выполняю распоряжение своего высшего начальства», – услышал он в ответ [503]. По словам А.И. Савенко, «одного солидного господина, в тот самый момент когда он произносил слова “Боже, Царя храни”, городовой сильно, со словами “пошел к черту”, ударил кулаком в грудь», «было много лиц разбито в кровь. Один генерал, зритель, протестовал по этому поводу, но в ответ получил одну грубость. Особенно сильно пострадал студент Потехин, получивший сильный удар по шее. Плац-адъютант – названа фамилия – выводил военных из толпы на тротуар и обращался к полиции со словами: “Почему вы не разгоняете этих безобразников?”» [504].

В силу не до конца понимаемой причины разгона с самими чинами полиции происходили курьезные случаи. Так один из депутатов рассказывал следующее: «Нам сообщает один студент о следующем инциденте. Он был избит, а затем арестован и препровожден в участок. Там пристав грозно стал чинить ему допрос: “Послушайте, вы там безобразничали? – Что? Я безобразничал? И не думал. – Ну а за что же вас аресто-

[502] Там же. Л. 11–11об.
[503] Там же. Л. 33–33об.
[504] Стенографические отчеты... Заседания 1–30... Стб. 2404.

вали? Что вы там делали? – Я стоял у дома № 57 и пел “Боже, Царя храни”. – И только? – Только”. Пристав несказанно сконфузился и отпустил сейчас же этого студента» [505]. В неловкую ситуацию попал и градоначальник Д.В. Драчевский. Он приехал к манифестантам, дабы воздействовать на них. Но ему начали кричать: «Поют гимн, извольте встать, встать»; градоначальнику пришлось встать, и он нехотя приложил руку к козырьку [506].

Действия властей выглядели хаотичными и бессистемными. Журнал «Родина» выражал недоумение происходящим, перечисляя произошедшее за неделю: «1) яркие манифестации по поводу взятия Адрианополя и проводов болгарского героя Радко Дмитриева, закончившиеся принудительным разгоном манифестантов; 2) молчаливое разрешение правительства на устройство в Петербурге новых славянофильско-патриотических манифестаций, выразившихся в шествии с венком и крестом для возложения их на гробницы императоров Александра II и Александра III…; 3) появление напоминания градоначальника, что впредь всякие манифестации будут рассеиваться всеми мерами» [507].

В чем же была причина таковых действий правительства и полиции?

Глава Союза Михаила Архангела В.М. Пуришкевич, одно из объяснений озвучивал с трибуны так: «Я убежден, что било (манифестантов. – *Н.Г.*) много лиц польского происхождения, симпатии которых мы знаем. Да, гг., как это ни смешно, но в Петербургской полиции масса поляков, которые, конечно, не чужды тех тенденций, которыми живы поляки зарубежные». Его слова вызвали ожидаемый «смех слева» [508].

---

[505] Там же. Стб. 2405.
[506] *Родзянко М.В.* Указ. соч. С. 75.
[507] Родина. 1913. 7 апр.
[508] Стенографические отчеты... Заседания 1–30... Стб. 2420.

Но не всю вину он возлагал на поляков, очевидным было то, что полиция действовала по команде. Оппозиционные деятели воспользовались этим поводом для очередной атаки на правительство. Как виделось В.М. Пуришкевичу, приказ о разгоне был отдан не министром внутренних дел, обещание которого произвести расследование он считал гарантией подробного изучения дела и кары виновных. «Но дело в том, что министр входит в объединенный кабинет», – указывал депутат [509]. Вторил ему соратник по партии Г.А. Шечков: «Я уверен, что менее всего к этому делу причастен новый министр внутренних дел и его доблестный товарищ, заведывающий полицией» [510]. Монархист Н.Е. Марков еще при подготовке запроса, заявлял, что «искренно правые» его не поддержат, поскольку он направлен лишь министру внутренних дел, а не ко всему правительству «во главе с проводниками в нем антирусской и антинациональной политики В.Н. Коковцовым и С.Д. Сазоновым» [511]. Никто на заседании не скрывал своих предположений, а В.М. Пуришкевич проявлял поэтический талант, говоря об истинном виновнике. Чтобы подчеркнуть накал страстей, приведем часть стенограммы целиком:

«Пуришкевич. Мы знаем, в тот момент, когда должны были приехать сюда представители болгарского народа, как бегал здесь к телефону [512] от лица, стоящего во главе правительства, – от лица, которое под виц-мундиром и звездами, испепелившими его душу...

Председатель. Член Государственной Думы Пуришкевич, позвольте вас просить таких выражений не применять. Призываю вас к порядку

---

[509] Там же. Стб. 2410.
[510] Стенографические отчеты... Заседания 31–54... Стб. 9.
[511] *Гальперина Б.Д., Перегудова З.И., Старцев В.И.* Указ. соч. // Вопросы истории. 1999. № 4–5. С. 20.
[512] В разгар празднования М.В. Родзянко к телефону вызвал В.Н. Коковцов, прося прекратить проявления чувств, поскольку «это может не понравиться Австрии и создать неприятные осложнения» (*Родзянко М.В.* Указ. соч. С. 72).

Пуришкевич. Мы знаем, как боялся манифестации тот человек, который чувствует любовь к еврейским банкирам и Беатриче...

Председатель. Член Государственной Думы Пуришкевич, вторично призываю вас к порядку за ваши выражения.

Пуришкевич. Мы знаем, как глава нашего правительства боялся не угодить в тот момент Австрии и боялся этой манифестации.

Председатель: Член Государственной Думы Пуришкевич, прошу вас не касаться главы правительства в таких выражениях.

Пуришкевич. Я, к сожалению, к глубокому моему сожалению, констатирую только неоспоримый факт» [513].

Далее депутат утверждал, что «политика правительства в данный момент заключается в том, чтобы убивать, гасить дух русского народа и быть баржею австрийского парохода, отвозящею все выгоды к австрийским берегам», а «С.Д. Сазонов в кулаке у гр. Бертхольда» [514].

Стоит отметить, что на отношения В.М. Пуришкевича и главы правительства, В.Н. Коковцова, могла значительно повлиять и состоявшаяся незадолго до этого их встреча. На ней В.М. Пуришкевич настаивал на необходимости выделения 960 000 рублей на ведение агитации перед выборами в Государственную думу. Но В.Н. Коковцов, занимавший к тому же еще и пост министра финансов, отказал, депутаты-националисты затаили обиду [515].

Не только В.М. Пуришкевич объяснял разгон демонстрации боязнью разгневать Австрию. Г.А. Шечков проявление этого видел в словах градоначальника, постоянно упоминавшего Сергиевскую улицу (ныне – Чайковского), где событий никаких не происходило. Почему же она фигурировала в отчете? «Да потому, гг., что на Сергиевской есть австрий-

---

[513] Стенографические отчеты... Заседания 1–30... Стб. 2414.
[514] Там же. Стб. 2419.
[515] *Коковцов В.Н.* Указ. соч. С. 171–172.

ское посольство. Вот, видите, нужно было указать, что генерал Драчевский исполнял великую задачу – он охранял Европу» [516]. Но «наивный монархизм» был неискореним, этот же член Государственной Думы говорил о руководстве страны и столицы: «эти господа не являются представителями отеческой власти возлюбленного нашего Императора, а какой-то власти, неведомой нам, власти мачехи, которая относится к нам, как с своим несомненным пасынкам» [517].

Лично главу правительства, В.Н. Коковцова, обвинял и националист А.И. Савенко, называя произошедшее «новым курсом статс-секретаря Коковцова», начавшимся с разгона патриотической манифестации в Киеве после убийства П.А. Столыпина. Курс министра-председателя, по его мнению, привел и падению значимости России: «теперь перед окриками Австрии мы отступаем поспешно и без малейшей попытки сопротивления, мы от уступки и унижения идем к уступке и унижению; и вот Россия, надо в этом сознаться, уже более не великая держава, с Россиею более не считаются». Поэтому в столь судьбоносный момент, когда решается «судьба всего славянства», правительство «не сумело сделать ничего лучшего, как стать на запятки победной австрийской колесницы» [518]. Его речь вызвала рукоплескания справа.

Еще более резким оказалось выступление кадета Ф.И. Родичева. Часть его даже не была опубликована, а он сам лишен слова на 5 заседаний. Депутат утверждал, что правительство своими действиями настроило все русское общество против себя, а причины разгона манифестации видел так: «Мотивов, по которым против третьеводнишних демонстрантов были вызваны полицейские, действующие насилием, было два: во-первых, давно существует правило – демонстрантов надо бить, а

---

[516] Стенографические отчеты... Заседания 31–54... Стб. 6–7.
[517] Там же. Стб. 8.
[518] Стенографические отчеты... Заседания 1–30... Стб. 2407–2408.

второе правило – нужно охранять нейтралитет правительства» [519]. Продолжение речи не было опубликовано, поскольку он с «неуместным непарламентским выражением» говорил о главе МВД, «который единоличным осуществлением законодательной власти присваивает себе не принадлежащие ему права». В этих словах националисты увидели и оскорбление царя, требовали лишить его слова на 15 заседаний, но восторжествовали умеренно настроенные депутаты [520]. Отметим, что и ранее этот депутат оказывался несдержанным в словах – именно он с трибуны в свое время произнес словосочетание «столыпинские галстуки», за что получил вызов на дуэль от премьер-министра.

Первое из названных Родичевым правил вызвало также неоднозначную реакцию. Общество давно уже привыкло, что социалистические демонстрации разгоняли. Тем большее удивление вызвали события 17 и 18 марта 1913 г. Националистов это возмущало: «Прежде, повторяю, били за то, что ходили с красными флагами и пели революционные песни, теперь бьют также и за то, что поют “Боже, Царя храни”. Не знаю, быть может, по толкованию нашего нынешнего объединенного правительства, в этом выражается наш русский обновленный строй», – говорил один депутат [521]. А меньшевик А.Ф. Бурьянов, пробывший в тюрьме два года за свои взгляды, с трибуны Думы возмущенно вопрошал остальных народных избранников, почему те сейчас проявляют активность, но молчали, когда полиция избивала рабочих [522].

Либерально настроенная интеллигенция ехидничала. И.И. Толстой записал в дневнике: «Если происшедшему безобразию нельзя радоваться, то невольно ощущаешь удовлетворение, что на этот раз палка, кото-

---

[519] Там же. Стб. 2426.
[520] *Гальперина Б.Д., Перегудова З.И., Старцев В.И.* Указ. соч. // Вопросы истории. 1999. № 4–5. С. 22; Там же // Вопросы истории. 1999. № 6. С. 5.
[521] Стенографические отчеты... Заседания 1–30... Стб. 2405.
[522] Стенографические отчеты... Заседания 31–54... Стб. 9–10.

рая всегда о двух концах, ударила по физиономии лиц, всегда поощрявших избиение прогрессивных элементов, “инородцев” и т.п.» [523]. Самарская газета «Волжское слово» иронизировала: «Какое настроение получается в октябристских головах, когда по октябристским спинам походят нагайки! Почти социал-демократическое!..» [524].

Через несколько недель пала другая неприступная крепость – Скутари, осажденный черногорскими и сербскими войсками. В столице вновь прошли радостные манифестации. 10 апреля в 6 часов вечера по инициативе Общества славянской взаимности в Преображенском соборе было совершено молебствие по случаю победы войск короля Николая. Согласно газетам, присутствовали «А.И. Гучков, член Государственного Совета А.А. Нарышкин, член Государственной Думы М.В. Челноков, советник болгарского посольства Патиев с супругою, сингел о. Мардарий, гр[афиня] Игнатьева с дочерью, М.И. Долина, Г.Г. Лерхе, ген[енерал] Шевелев, И.В. Никаноров, Д.Н. Вергун, Г.В. Комаров, И.А. Баженов, А.А. Гарязин, Н.Б. Хвостов, шталм[ейстер]. И.И. Назимов, черногорец д-р Калуджерович и друг[ие].».

Служба совершалась настоятелем храма протоиереем С.А. Голубевым, призвавшим молиться «за великий по духу черногорский народ». После «толпа в 600–700 человек» с пением российского гимна и криками «Ура» двигалась по середине Спасской улицы (ныне – Рылеева) в сторону Литейного проспекта, чем затрудняла движение трамваев, автомобилей и извозчиков. По всей видимости, манифестанты двигались в сторону Невского проспекта, поскольку на Симеоновской улице (ныне – Белинского) их встретила полиция во главе с приставом

---

[523] *Толстой И.И.* Указ. соч. С. 431–432.

[524] *Артамонова Л.М.* Критика внешней политики правительства на Балканах и антивоенные выступления в самарской печати 1912–1913 годов // Внешнеполитические интересы России: история и современность. Самара, 2014. С. 16.

полковником Шебеко. Тот попросил освободить проезжую часть, что было выполнено. Однако манифестантам не было позволено пройти на Симеоновскую, откуда они желали попасть на Моховую, где находилось болгарская дипломатическая миссия. Из-за этого произошли «частичные столкновения», но обошлось без арестов, пристав лишь записал фамилии нарушителей. Количество участников увеличивалось, «и уже к Невскому проспекту продвигалась тысячеголовая масса людей разных возрастов и положений». Толпа с пением «Боже, Царя храни» и «Спаси, Господи, люди твоя» подошла к Литейному, 57, где находилось представительство Королевства Сербии. Она ждала выхода посланника, «но вместо него вышла неизвестная женщина», сказавшая, что тот отсутствует, а «в окнах его квартиры виднелись фигуры рабочих маляров, которые, по-видимому, выставляли зимние рамы». К тому моменту толпу окружили значительные силы полиции. Раздался крик: «Господа, во избежание всяких осложнений, расходитесь, чтобы не омрачать сегодняшней радости!». После этого толпа разошлась. Тем не менее до 20.00 по Невскому проспекту разъезжали конные патрули. Однако опасения полиции, что повторятся значительные манифестации не оправдались. Лишь возле газетных киосков собирались группки людей, горячо обсуждавших значение падение Скутари, но и они быстро расходились. На Аничковом мосту ненадолго образовалась толпа, исполнившая гимн, но и ее рассеяли городовые «без применения решительных мер» [525].

Как видим, падение Скутари не явилось столь значительным моментом, поскольку, как представляется, становилось уже очевидным, что город не играет значимой роли, и будет отдан Албании. К тому же вскорости стало известно, что как такового штурма не было, а Николай договорился с комендантом крепости Эссад-пашой, но для убедительно-

[525] Петербургский листок. 1913. 11 апр.

сти спектакля штурм был разыгран, где черногорцы показали в очередной раз свою неспособность участвовать в современной войне, в результате чего немалое их количество погибло. И.И. Толстому это рассказал обер-гофмаршал Бенкендорф. «Если это правда – то возмутительно», – записал он [526].

Взятие Скутари вновь вызвало обострение отношений с Австрией, в воздухе опять запахло порохом. «Едва ли опять не будет война», – отметил в дневнике 14 апреля А.А. Замараев. В мае и М. Горький почувствовал напряжение – рассуждая о событиях он философски спросил у А.В. Амфитеатрова: «Жить становится все тревожней, а?»... [527]

Как видим, Первая балканская война затронула русское общество, прежде всего, конечно, его образованную часть, вызвала значительную симпатию к действиям балканских союзников. И если спустя некоторое время стало казаться, что эйфория от ее начала и первых побед иссякла, то празднование падения Адрианополя в марте 1913 г. продемонстрировало: интерес, внимание и переживание за происходящее на полуострове по-прежнему имели место в России, хотя и периодически отходили на второй план.

Почему же эта война оказалась столь близка русскому обществу? Очевидными ответами, естественно, являются: близость по этническому и конфессиональному признакам, а также, в какой-то мере, даже привычка. Но стоит наряду с ними выделить озвученные современниками конкретные причины.

§ 4. Причины симпатий к Балканскому союзу

[526] *Толстой И.И.* Указ. соч. С. 437.
[527] Литературное наследство. Т. 95: Горький и русская журналистика...

Противостояние православных союзников и Турции казалось завершением русского дела на Балканах. Недаром при падении Адрианополя член Государственной Думы Стемпковский рассказывал, как гимназистом радовался взятию Плевны, и предложил помянуть Александра II и М.Д. Скобелева, один из крестьянских депутатов, Стародумов, обращался к болгарским гостям со своими воспоминаниями о моменте падения ключевой турецкой крепости в 1877 г., а депутат Блажиевский говорил С. Даневу: «Я второй раз переживаю такой момент. В первый раз это было в 1878 г., после взятия Плевны. Я был в то время комендантом Люлю-Бургаса». В ответ С. Данев произнес: «Мы, ваши ученики [...] закончили дело, которое вы начали» [528]. В одной из брошюр, посвященных балканским событиям, портреты правителей-союзников были размещены после изображения Александра II [529].

Вас.И. Немирович-Данченко, очевидец событий 1877–1878 гг., направляясь по освобожденным землям в сторону болгаро-турецкого фронта, вспоминал, как армия генерала И.В. Гурко шла по этим местам [530], находясь в Старой Загоре, писал про подвиг командира болгарской дружины П.П. Калитина [531]. Одно из разоренных сел показалось ему знакомым, и он довольно много места уделил сравнению виденного им в русско-турецкую и Балканскую войны [532], в итоге, глядя на Чаталджинские укрепления, писатель думал о Плевне [533]. В болгарских солдатах он видел наследников русского воинства: «Точно в их жилы с

---

[528] *Гальперина Б.Д., Перегудова З.И., Старцев В.И.* Указ. соч. // Вопросы истории. 1999. № 4–5. С. 15–16.
[529] *Везенков В.* Македония и причины Балканской войны...
[530] *Немирович-Данченко Вас.И.* Собрание сочинений. Т. XIV. СПб., 1913. С. 43.
[531] Там же. С. 47. Павел Петрович Калитин, командир 3-й дружины болгарского ополчения, погиб в сражении за Эски-Загра (ныне – Старая Загора), защищая Самарское знамя.
[532] *Немирович-Данченко Вас.И.* Собрание сочинений. Т. XIV... С. 138–147.
[533] Там же. С. 182.

злаками полей, с плодами садов влилась доблесть наших безвестных и безымяннных героев» [534]. Погружение в дела 35-летней давности поддерживалось и болгарами: «Ко мне относятся здесь как к родному. Вспоминают, что я на этих полях и в Балканах переживал тридцать пять лет назад освободительную войну». «Может быть, и я не стою этих приветствий», – кокетничая, добавлял он [535]. Читая Вас.И. Немировича-Данченко, даже возникает мысль, что обильным изложением собственных воспоминаний он пытался восполнить недостаток впечатлений от Первой балканской войны, не оставить редакцию и читателей без строчек своих сочинений.

25 октября 1912 г. в Москве был дан торжественный обед в честь отъезда на Балканы А.И. Гучкова. Он произнес на нем речь, где утверждал: «Я счастлив, господа, что дожил до дня и событий, о которых мечтал еще в годы ранней юности». Согласно его словам, он еще во время русско-турецкой войны так сострадал «несчастиям братьев-славян», что ради их избавления желал сбежать из дома и отправиться на Балканы добровольцем. Теперь же его переполняла радость, что он едет смотреть на завершение столь важного дела [536]. С.Д. Сазонов также видел в Первой балканской войне финал «исторической миссии России» – освобождение христианских народов полуострова от турецкой власти. При этом, по его мнению, задача «была к началу XX века настолько выполнена, что окончательное ее завершение могло быть предоставлено усилиям самих освобожденных народов», уже достаточно самостоятельных и жизнеспособных [537]. П.Н. Милюков также усматривал в этих событиях «окончательное освобождение от турецкого ига» славянских на-

---

[534] Там же. С. 88.
[535] Там же. С. 41.
[536] Отчет Центрального Комитета Союза 17 Октября о его деятельности с 1 сентября 1912 года по октябрь 1913 года. М., 1913. С. 76–77.
[537] *Сазонов С.Д.* Указ. соч.

родов [538]. И аналогично С.Д. Сазонову он считал, что завершился «процесс эмансипации балканских народностей от традиционной русской опеки» [539].

Надо отметить, что у самих болгар присутствовало ощущение, что они завершают дело, начатое русскими [540]. Это было зафиксировано и в манифесте об объявлении войны: «Болгарский народ помнит пророческие слова Царя-освободителя “Святое дело должно быть доведено до конца”» [541]. Упоминание дела Александра II в манифесте болгарского царя Нижегородский церковно-общественный вестник посчитал особенно знаменательным [542]. Преемственность проскальзывала и в словах рядовых болгарских граждан. Простые солдаты запаса при мобилизации рассуждали подобным образом: «Мы сейчас будем биться за свободу наших братьев так же, как русские бились за нашу свободу» [543]. Декларировалось это и на различных торжественных встречах и мероприятиях с участием представителей русского общества [544]. Порой болгары даже гордились, что превосходили русских в своих боевых подвигах, так, П. Курдоманов указывал, что бои за с. Караагач в 1912 г. закончились быстрее, нежели чем в 1878 г. [545].

Непосредственно к этому примыкало восприятие войны и как «борьбы Креста с Полумесяцем», также присутствовавшее в сознании самих участников ее. В первом номере болгарской газеты «Църковен

---

[538] *Милюков П.Н.* Указ. соч. С. 122.
[539] Там же. С. 141.
[540] См. подробнее: *Гусев Н.С.* Образ России и русских в сознании болгар в период Балканских войн 1912–1913 гг. // Дриновски сборник / Дриновський збірник. Т. VI. Харьков–София, 2013.
[541] Балканските войни по страниците на Българския печат 1912–1913. Съст. Кишкилова П. София, 1999. С. 40.
[542] Нижегородский церковно-общественный вестник. 1912. 14 окт. С. 1051.
[543] *Додов Н.* Дневник по Балканската война. София, 2006. С 10.
[544] Мир. 1912. 14 нов.; Там же. 1912. 23 авг.; Там же. 1912. 21 дек.
[545] *Георгиева С.* Войнишки дневник на Петър Жечев Курдоманов за Балканската война. Силистра, 2001. С. 53.

вестник», вышедшем после объявления войны, был призыв: «Поднимемся как крестоносцы ради окончательного господства Христа и Креста во всей Европе» [546]. Но нас более интересует все же русское общество. В «Историческом вестнике» писалось: «Кровавое зарево многовековой упорной борьбы Креста с Полумесяцем снова ярко осветило Балканский полуостров» [547]. И.П. Табурно утверждал, что на Балканах вершится «победа русского знамени». Но не только потому, что народы близки по крови, и Россия принесла жертвы ради их освобождения, но и в связи с тем, что «сербско-болгарская армия» закончила начатую «более двухсот лет тому назад русским народом борьбу Славянства против Полумесяца» [548]. Кадет П.Б. Струве писал: «Победа христиан на Ближнем Востоке есть торжество России, быть может, завершение одной из ее великих исторических задач» [549]. Поэт В.Я. Брюсов видел в Балканском союзе христианское воинство, а в самой войне – «очередную главу в истории изгнания турок из Европы». «Панмонголизм и панисламизм – вот две вполне реальные силы, с которыми Европе скоро придется считаться», – предрекал он [550]. И.П. Балашев говорил о предках, честно потрудившихся в «вековой борьбе Креста с Полумесяцем» и завещавших «завершение победы Арийского племени над Тюрским» [551]. Греческая королева Ольга, урожденная российская великая княгиня, писала своим родным: «Это крестный поход! И как все это случилось неожиданно, не-

---

[546] *Елдъров С.* Руско-турската освободителна война в славянофилската доктрина на българската православна църква (1877–1944) // Дриновски сборник / Дриновський збірник. Т. III. Харьков–София, 2009. С. 177.
[547] *М.А.С.* Пиленко А.А. Около болгарской войны // Исторический вестник. 1913. № 3. С. 1038.
[548] *Табурно И.П.* О сербских битвах (впечатления очевидца войны сербов с турками 1912 г.). СПб., 1913. С. 7.
[549] *Струве П.Б.* Балканский кризис и исторические задачи России // Русская мысль. 1912. № 10. С. 156.
[550] *Брюсов В.* Новая эпоха во всемирной истории. По поводу Балканской войны // Русская мысль. 1912. № 6. С. 103–104.
[551] *Балашев И.П.* Заветная мечта каждого русского... С. 5.

гаданно-нежданно, то, о чем я мечтала 45 лет, т.е. союз православных народов против ислама»[552]. Подчеркивал это и доброволец И.Д. Чинтулов, рассказывая о том, что болгарское село Ахмет-бей встречало войска с хоругвями и иконами[553].

Звучал этот мотив и в стихах поэтов. П.Т. Шацких писал в стихотворении «Война»:

«Меж тем, там льется кровь, горят родные села,
Неконченых работ оставлены дела;
Чтоб узел разрубить их векового спора,
Славянская семья на смертный бой пошла.
Там где-то на горах, там где-то на Балканах,
Идут, идут опять отряды орд диких,
Чтоб показать еще на близких нам славянах
Вражду свою к Кресту, к свободе для других».

И. Шепелев – в «Посвящается славянам»:

«Теперь довольно жертв мученья
Коварно-злобных мусульман;
Раздайся грозный голос мщенья
За кровь невинных христиан!..»[554].

---

[552] *Соколовская О.В.* О начале Первой балканской войны 1912 г. (Несколько писем королевы эллинов Ольги) // Славянский альманах 2009. М., 2010. С. 406.
[553] *Чинтулов И.* Воспоминания добровольца // Военный сборник. 1913. №. 8. С. 141.
[554] *Лекманов О.* Русская поэзия в 1913 году. Часть вторая // Новое литературное обозрение. 2013. № 6. URL: http://www.nlobooks.ru/node/4160 (Дата обращения: 22.09.2015).

Речи об этом звучали и с трибуны Государственной Думы. Правый депутат В.И. Мельников говорил: «Дело в том, что это не есть простая победа, а – победа над исламом, столько веков преграждавшим путь к единению славян» [555]. После этих слов вышел со своими возражениями М.–Ю. Джафаров. Он заявил о недопустимости подобной формулировки, встречающейся и у «известной части русской прессы». Тем самым сеялся антагонизм между разноконфессиональными гражданами России, в котором таилась опасность, поскольку «темные массы» могут подумать, «что в самом деле идет крестовый поход против ислама, борьба с исламом: давайте, начнем и мы эту борьбу в России». «Всякий здравомыслящий человек должен говорить, что борьба идет с Турецким государством, с турками, а не с исламом», – сказал он под аплодисменты центристов и левых [556].

Стоит отметить, что отношение мусульманского населения России к Балканским войнам – задача, которая вряд ли решаема по причине крайней скудности источниковой базы. Но, видимо, бурной радости от побед сербов и болгар над воинами халифа, заместителя пророка, они не испытывали. К примеру, когда в ГД происходило празднование падения Адрианополя, председатель Мусульманской фракции К.–М.Б. Тевкелев заявил, что не может льстиво присоединиться к поздравлению с победой над своими родственниками [557].

Из Царицынского уезда Саратовской губернии докладывалось: «Все слои населения *кроме мусульман* (курсив наш. – *Н.Г.*) сочувствуют славянам выражением желания им успеха» [558]. Как утверждает японский исследователь У. Томохико, казахские интеллигенты в этом конфликте

---

[555] Стенографические отчеты... Заседания 31–54... Стб. 17.
[556] Там же. Стб. 18–19.
[557] *Томохико У.* Восприятие международной обстановки начала XX в. А. Букейханом и его современниками // Алаш мҰраты және тәуелсіз Қазақстан. Астана, 2011. С. 14.
[558] ГАВО. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 297. Л. 120.

Османскую империю прямо не поддерживали, но их высказыванию показывают, что они к ней относились достаточно сочувственно [559]. В правительственном циркуляре, опубликованном газетой «Новое время», весной 1913 г. говорилось, что «под влиянием последних событий на Балканах мусульмане заинтересовались славянским вопросом» и начали его обсуждение. «Они очень недовольны Россией и русским правительством за поддержку Россией славян. Получаются сведения, что в случае войны с Китаем мусульмане решили поддерживать материально и морально монголов». Наибольшее внимание циркуляр рекомендовал уделить настроениям киргизов, волжских и крымских татар [560].

Агентура полиции в Константинополе докладывала в январе 1913 г., что в столицу Турции приезжали «добровольцы значительными партиями, при чем 18 декабря прошлого года, под командой разбойника Сеида Акаева, одного из помощников Зелим-Хана [561], прибыла партия в 300 человек», имеющих при себе 700 русских винтовок и значительное количество патронов. Попадали туда желающие сражаться на стороне султана, переходя границу южнее Батума, около Атвины и Ризы, двигаясь далее через Чевуш в Трапезунд, откуда уже доставлялись на пароходах [562]. Но здесь, вероятно, стоит учитывать, что указанный Зелимхан был одним из лидеров абреческого движения, в котором участвовали наиболее пассионарные и ненавидящие царскую власть горцы. Поэтому вряд ли указанных добровольцев стоит считать примером, который можно принимать за правило. Известны и противоположные случаи, хотя и не бескорыстные. Так, Н.И. Гасфельд, описывая встретившихся ему на румыно-болгарской границе добровольцев, упоминает следующих:

---

[559] *Томохико У.* Указ. соч. С. 14.
[560] Новое время. 1913. 27 апр.
[561] Зелимхан Гушмазукаев, он же – Зелимхан Харачоевский, один из легендарных лидеров абреческого движения на Кавказе.
[562] ГАРФ. Ф. 529. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 1.

«Какие-то мрачные кавказцы, в папахах и бурках, с целым арсеналом за поясом и медалями на груди, оживленно беседовали на лезгинском наречии». Они с дагестанским конным полком участвовали в Русско-японской войне, теперь отправлялись предложить свои услуги балканским армиям, если «дадут лошадей и 25 р. в месяц, на всем готовом» [563]. Указанные лица ехали сражаться явно не за идею, поскольку ожидали значительного жалованья. Спустя некоторое время, во время Первой мировой войны, в российской армии будет создана Кавказская добровольческая конная дивизия (она же – «Дикая дивизия»), в ней при своей лошади, обмундировании, холодном оружии и снаряжении всаднику причиталось 20 рублей в месяц. Но и это было благодаря ее особому статусу и специфическому способу комплектования, поскольку переведенные в это формирование нижние чины из кавалерийских и казачьих частей получали, как и во всей армии, по 75 копеек ежемесячно [564].

Воспринималась Первая балканская война и как борьба «славянства» с «германизмом», где Турция играла лишь роль марионетки. Это подчеркивалось тем, что модернизацией и перевооружением османской армии занимались немецкие инструкторы, немецкие офицеры командовали отдельными частями. На это указывало и частое повторение после падения Лозенграда заявления Р. фон дер Гольца о его неприступности: «Взять его мыслимо только при двух условиях: после трехмесячной осады, и то прусскою армией» [565]. Но, как писал Л.Д. Троцкий, «принимая во внимание характер здешних газет, это вовсе еще не значит, что реорганизатор турецкой армии когда-либо подобное мнение действительно

---

[563] *Шевалье Н.* Указ. соч. С. 18.
[564] *Опрышко О.Л.* Кавказская конная дивизия. 1914–1917: Возвращение из забвения. Нальчик, 2007. С. 32.
[565] *Немирович-Данченко Вас.И.* Собрание сочинений. Т. XIV... С. 100.

высказывал»[566]. Артиллерия Турции была произведена на заводах Круппа и прислуга действовала в соответствии с немецкими правилами, пушки союзников же закупались во Франции. В этом виделся еще один аспект противостояния с Германией, апробация на локальном уровне новых систем вооружения.

Значительное внимание анализу данного вопроса уделил И.П. Табурно. Рассказав о победах сербской артиллерии над турецкой, он объяснил это не только различным уровнем подготовки прислуги, поскольку в армии султана многие офицеры получили образование в германских учебных заведениях. «В турецкой действующей армии были немецкие инструкторы. Да, наконец, как потом выяснилось, в самых боях принимали участие немецкие офицеры, в том числе и артиллерийские», – указывал он. Причины сербских побед, по мнению журналиста, обладавшего инженерным образованием, крылись в технических деталях. Во-первых, оказалась проигрышной немецкая система ведения огня. Во-вторых, сам принцип пружинного накатника Круппа уступал гидропневматическому Шнейдера-Крезо. В-третьих, у немецких пушек был меньший угол горизонтального движения дула. Наконец, «отличается французская артиллерия» лучшими приборами наведения. Помимо этого, согласно И.П. Табурно, крупповские защитные щиты орудий пробивались пулями пехотинцев, сербские же артиллеристы находились в безопасности. В качестве подтверждения своих доводов он привел следующий случай. В сражении при Битоле две турецкие батареи наносили страшный урон сербской пехоте, их не удавалось подавить. После захвата позиций орудия были найдены, они оказались французскими пушками, захваченными у греков. «Следовательно, и турки умели стрелять.

---

[566] *Троцкий Л.* Указ. соч. С. 131.

Значит, дело заключалось не главным образом в неопытности прислуги и офицеров, а в системе орудий и стрельбы», – подытожил автор [567].

О победе русской военной доктрины над немецкой писал и полковник А.В. Дорошкевич [568]. Подчеркивал то, что, болгарские офицеры учились в России и били вождей турецкой армии, «вышедших из берлинской академии, воспитанных Гольц-пашой и немецкими инструкторами», и Вас.И. Немирович-Данченко [569]. После взятия Адрианополя В.А. Гиляровский опубликовал в «Голосе Москвы» статью «Победа славян – Одрин», где утверждал, что победа была одержана не только над турками, но и над германством. Ученики немцев проиграли ученикам русских [570]. С.Д. Сазонов даже считал, что германский генеральный штаб «чувствовал себя, до известной степени, ответственным за постигший Турцию разгром» [571].

В противостоянии с «германизмом» части общества виделось завершение вековой борьбы «славянства» с ним. А.А. Пиленко описывал знакомого, поддерживавшего его желание ехать корреспондентом на Балканы именно по этой причине: «Сидя в большом старом кожаном кресле, с забинтованной толстой подагрической ногой, он все приподнимался, неловко обнимал меня и шептал:

– Милый... Да... Сам бы хотел... Не могу... Милый, ведь никогда, никогда это не повторится... Пятьсот лет истории; вся борьба славянства с германизмом» [572].

О том же писал И.П. Балашев: «В настоящую минуту мы присутствуем при последнем акте великой исторической драмы – борьбы юж-

---

[567] *Табурно И.П.* О сербских битвах... С. 82–89.
[568] *Дорошкевич А.* Война на Балканском полуострове (От открытия военных действий до перемирия)... С. 68.
[569] *Немирович-Данченко Вас.И.* Собрание сочинений. Т. XIV... С. 56, 100
[570] *Бобчев С.* Указ. соч. С. 109.
[571] *Сазонов С.Д.* Указ. соч.
[572] *Пиленко А.А.* Указ. соч. С. 8–9.

ного славянства с германизмом и дружащим с ним исламом». Он в недалеком будущем предрекал неминуемое столкновение «двух соперничающих между собой великих рас – Германской и Славянской» [573]. Большое значение придавал войне сотрудник «Утра России» Т. Ардов, считая, что происходит «первый бой славянства с германизмом, но вместе с тем и решительный, роковой бой… Здесь на карту поставлена самая идея славянства – против немецкого Drang nach Osten» [574].

Доходило дело даже до того, что зачастую происходила подмена понятий – в «Иллюстрированном всемирном обозрении», выходившем приложением к журналу «Родина», участие греков в войне как бы игнорировалось. Говорилось о «грозных славянских армиях», «славянском оружии», «славянском движении». Этот факт уже отмечался нами [575], на него же указала в своей недавней работе лингвист Л.П. Рупосова: «Гипонимы заменяются гиперонимом: *славянский мир, победители-славяне, взятие Адрианополя славянами, славянские дивизии, линии славянского наступления* и под. Лексема *славяне* в контексте освободительной борьбы с Турцией становится синонимом наименования «христиане/православные» [576]. Но, на наш взгляд, она неверно истолковала причины замены, поскольку в противостоянии Турции на бытовом уровне превалировал именно религиозный мотив (см., например, выше: «нехристь-турка притесняет православных» [577]).

---

[573] *Балашев И.П.* Указ. соч. С. 14.
[574] *Котов Б.С.* Указ. соч. С. 135.
[575] *Гусев Н.С.* Тема славянского единства в русской периодической печати во время Балканских войн 1912–1913 годов // Историки-слависты МГУ: Кн. 8: Славянский мир: в поисках идентичности. М., 2011. С. 462.
[576] *Рупосова Л.П.* Лингвистические средства оценивания событий и его участников (на материале публицистических источников периода Первой и Второй балканских войн (1912–1913 гг.)) // Русский язык в славянской межкультурной коммуникации: история и современность. сборник научных трудов. М., 2015. С. 254.
[577] ГАРФ. Ф. 63. Оп. 32. Ед. хр. 1346. Л. 21.

Ко всему этому стоит, естественно, добавить постоянное присутствие антиавстрийского дискурса в речах, посвященных балканскому вопросу. Отметим, что И.В. Крючков, проанализировав прессу Дона и Северного Кавказа, пришел к выводу, что местная печать не акцентировала внимание на враждебности Дунайской империи, и «образ врага» в лице Австро-Венгрии сформировался окончательно лишь в 1914 г. [578]. Однако это может быть объяснено процитированными выше словами С.Д. Сазонова: провинциальная пресса сохраняла большую трезвость суждений и «благоразумие».

А.А. Брусилов также считал, что серьезной антинемецкой риторики не существовало. В своих воспоминаниях он утверждал, что при дворе было значительное германское лобби, и морально готовить общество к войне с Германией стали лишь после аннексии Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией, почему к 1912 г. подобные настроения не успели укорениться, а «если бы в войсках какой-либо начальник вздумал объяснить своим подчиненным, что наш главный враг — немец, что он собирается напасть на нас и что мы должны всеми силами готовиться отразить его, то этот господин был бы немедленно выгнан со службы, если только не предан суду. Еще в меньшей степени мог бы школьный учитель проповедовать своим питомцам любовь к славянам и ненависть к немцам. Он был бы сочтен опасным панславистом, ярым революционером и сослан в Туруханский или Нарымский край» [579].

Еще одним аспектом борьбы виделось противостояние прогресса и устаревших порядков, демократии и абсолютизма.

Это проходило красной нитью через корреспонденцию Вас.И. Немировича-Данченко. В предисловии, написанном уже по воз-

---

[578] *Крючков И.В.* Указ. соч.
[579] *Брусилов А.А.* Указ. соч. С. 81.

вращении в Россию, он говорил о Первой балканской войне как о войне «за независимость, просвещение и свободу» [580]. Данный мотив у него является ключевым. Схватка ему виделась между «всеистребительной, неспособной к настоящей культурной жизни» Турцией и народами, «воспрянувшими от векового рабства» [581]. В репортажах он утверждал: «Тут не борьба креста с полумесяцем. Отнюдь нет. Здесь свобода и просвещение выступили на последнюю битву с рабством и невежеством» [582]. В ранце болгарского солдата, по его словам, неслись «великая свобода униженным, независимость скованным в темницах современной Турции, счастье обреченным гибели (так в тексте. – *Н.Г.*), благополучие вольного труда замученной на благословенных небом полях райи» [583]. Для него же характерно сакральное отношение к свободе и постоянные отсылки к Библии. По его мнению, народ «толкнули в крестовый поход не банки и лавки, а свобода, равенство и братство призвали под свои священные стяги» [584]. Он писал о «крестовом походе рыцарей свободы» [585], «крестном пути к победе или смерти» [586], «пламени любви к свободе, к новому Иерусалиму племен – независимости» [587]. «В народных толпах еще раз сошедший с креста Христос сходит во ад и божественною силою свободы поборает его черных демонов» [588], – казалось ему, а глядя на солдат он думал: «Веришь, что им удастся, в конце концов, то, чего судьба не судила нам, – разбить вековые темницы славянства и из-под египетского ига вывести их в Ханаан свободы и просвещения» [589].

---

[580] *Немирович-Данченко Вас.И.* Собрание сочинений. Т. XIV... С. VI.
[581] Там же. С. 155.
[582] Там же. С. 5.
[583] Там же. С. 91.
[584] Там же. С. 43.
[585] *Немирович-Данченко Вас.И.* Собрание сочинений. Т. XV. СПб., 1913. С. 111.
[586] *Он же.* Собрание сочинений. Т. XIV... С. 57.
[587] Там же. С. 88.
[588] Там же. С. 89.
[589] Там же. С. 178.

Другой частый гость на Балканах, генерал Н.Р. Овсяный в предисловии к своей последней книге, «Ближний Восток и славянство», писал: «Молодые балканские орлята разнесли своим клювом цепи рабства и создали новые условия для свободной славянской жизни» [590]. Согласно донесениям охранного отделения, часть населения симпатизировала союзникам, поскольку демократические страны выступили против османского абсолютизма [591], а «сознательные, интеллигентные рабочие-социалисты» радовались турецким поражениям, поскольку порядки Османской империи были не лучше российских [592]. Вероятно, поэтому Д.И. Семиз в том, что союзники «пошли под флагами свободы, культуры и истинного демократизма, флагом, под которым всегда шли и лучшие сыны России» видел надежду на то, что «в числе жандармов, охраняющих турецкую гниль, они не увидят русского брата» [593].

Австрийский марксист Отто Бауэр считал, что «для Македонии завоевание ее Болгарией и Сербией означает буржуазную революцию, своею рода 1789 или 1848 год», с ним соглашался В.И. Ленин: «Подрыв господства феодализма в Македонии, означает создание более или менее свободного класса крестьян-землевладельцев, означает обеспечение всего общественного развития балканских стран, задержанного абсолютизмом и крепостническими отношениями». Поэтому, на его взгляд, разговорами о национальном освобождении «извращается смысл и историческое значение», происходящего на Балканах, они лишь затрудняют действительное освобождение [594]. Для пояснения слов лидера большевиков

---

[590] *Овсяный Н.Р.* Указ. соч. С. 1.
[591] ГАРФ. Ф. 63. Оп. 32. Ед. хр. 1346. Л. 21.
[592] Там же. Л. 19.
[593] *Семиз Д.И.* Сербский народ накануне войны // Славянский вопрос в его современном значении... С. 67.
[594] *Ленин В.И.* Социальное значение сербско-болгарских побед. URL: http://leninism.su/works/60-tom-22/2480-soczialnoe-znachenie-serbsko-bolgarskix-pobed.html (Дата обращения: 22.09.2015).

стоит указать, что в Турции по-прежнему сохранялись остатки феодального строя, фактически не работала конституция, тогда как в странах Балканского союза (пожалуй, за исключением Черногории) уже сложился значительный слой свободных мелких землевладельцев.

Однако, признавая прогрессивность происходящего на полуострове, социалисты клеймили способы, какими это осуществлялось.

«Никогда и нигде “свобода” не достигалась угнетенными народами посредством войны одного народа против другого. Войны народов только усиливают порабощение народов», – писал будущий лидер Октября [595]. Поэтому, по его мнению, балканские народы оказались одурачены своими правителями. «Сотни тысяч и миллионы наёмных рабов капитала и задавленных крепостниками крестьян идут на бойню ради династических интересов нескольких коронованных разбойников, ради прибылей буржуазии, стремящейся к грабежу чужих земель», – гласила листовка РДСРП, распространенная с началом войны [596]. В декларации социал-демократической фракции Государственной думы заявлялось: «Мы вместе с балканскими социалистами с негодованием отвергаем политику династических и хищнических интересов балканских реакционеров, связывающих исторически необходимое дело возрождения Балкан с кровавой бойней». Такой путь, говорилось в этом зачитанном с трибуны документе, в дальнейшем приведет лишь к ослаблению сопротивления эксплуататорам и усилению угнетения трудящихся [597]. В. Водовозов утверждал в близком к социалистам «Современнике», что плоды народных побед достанутся правителям [598]. О том же писала оппозиционная самарская газета «Волжское слово»: «В балканской войне освободитель-

---

[595] *Ленин В.И.* Позорная резолюция. URL: http://leninism.su/works/60-tom-22/2471-pozornaya-rezolyucziya.html (Дата обращения: 22.09.2015).
[596] *Троцкий Л.* Указ. соч. С. 332.
[597] *Самойлов Ф.Н.* По следам минувшего. М., 1954. С. 225–226.
[598] *Водовозов В.* Война. Государственная Дума // Современник. 1912. № 10. С. 339.

ные цели славянских народов смешались с завоевательными целями славянских правительств» [599].

Примечательно, что к этой позиции (хотя и без социалистического «обрамления») был близок и князь В.П. Мещерский, придерживавшийся консервативных взглядов и близкий ко двору. О захватнических интересах, а не об освободительных мотивах союзников писала издаваемая им газета «Гражданин» [600]. Но в данном случае необходимо учитывать, что князь считал необходимым для России сближение с Центральными державами, а отношение к Австро-Венгрии было связано с отношением к южному славянству.

Ту же точку зрения выражал Л.Д. Троцкий, говоря, что балканские союзники – суть «правящие на Балканах династии и династические клики» [601], утверждая, что на втором этапе Балканской войны, весной 1913 г., лишние жертвы вынуждены приносить народы, поскольку «у мелких балканских династий разыгрались аппетиты», и они стремятся урвать кусок Турции побольше [602]. По его мнению, важнейшее значение событий, «исторически-прогрессивное дело» освобождения македонского крестьянства «из феодально-помещичьей кабалы», было извращено, поскольку этим занялись силы, преследовавшие сугубо «свои корыстные, династическо-завоевательные и буржуазно-хищнические интересы» [603]. В другой статье он писал, что борьба балканских народов за свое будущее ведется в «насильственно-искусственных условиях», созданных европейскими державами [604]. Соглашался с этой точкой зрения эсер В.М. Чернов, говоря, что прогрессивным народным делом на Балканах

---

[599] *Артамонова Л.М.* Указ. соч. С. 13.
[600] *Котов Б.С.* Указ. соч. С. 151.
[601] *Троцкий Л.* Указ. соч. С. 207.
[602] Там же. С. 229.
[603] Там же. С. 238.
[604] Там же. С. 108.

«овладел династический империализм. Именно он разжег “войну-восстание” до крайних пределов зоологической национальной ненависти; именно он осложнил ее элементами своекорыстного государственного национализма» [605].

О династическом характере войны писала редакция журнала «Современник» в примечании к статье О. Бауэра о балканских событиях [606]. По ее мнению, этот важный аспект был им ошибочно упущен. Примечание возмутило М. Горького, писавшего редакции журнала: «Это – явный бред». И далее он выражал мысли, крамольно расходившиеся с мнением лидера большевиков: «Подобного рода заявления – смехотворны и унижают журнал. Особенно неловко и стыдно встретить указание на “династический смысл” войны – это уж мысль политика из Чухломы, она уместна лишь в журнале юмористическом» [607].

«Вестник Европы» приводил мнение французских и болгарских социалистов, также заявлявших о династическом характере войны [608], но, не соглашаясь с ними, цитировал болгарского царя Фердинанда: «Если бы я противился войне, я, наверное, лежал бы головой на тротуаре» [609]. Подтверждал это и Вас.И. Немирович-Данченко: «Свободный и грамотный народ… никакими династическими интересами или проблематическими выгодами государственного эгоизма его бы не поднять на современный крестовый поход» [610]. Л.Д. Троцкий, вступая в противоречие с самим собой, писал в «Киевской мысли»: «Война сейчас здесь несомненно крайне популярна, армия – а здесь мобилизованная армия есть

---

[605] *Чернов В.* Первые дебюты Четвертой Думы // Заветы. 1913. № 2. С. 15.
[606] *Бауэр О.* Борьба за Албанию // Современник. 1913. № 5.
[607] Литературное наследство. Т. 95: Горький и русская журналистика...
[608] Вестник Европы. 1913. №1. С. 322.
[609] Там же. С. 324.
[610] *Немирович-Данченко Вас.И.* Собрание сочинений. Т. XV... С. 172.

действительно народ – хочет войны» [611]. Очевидец, Н.П. Мамонтов, считал, что «Балканские народы **потребовали** (выделено Н.П. Мамонтовым. – *Н.Г.*) войны. Правительства вынуждены были им уступить» [612]. Еще за несколько недель до начала боевых действий газета «Терские ведомости» писала: «Болгарское правительство должно выбирать одно из двух: или внешнюю войну, или внутреннюю революцию» [613].

К причинам и реальности существования подобных настроений обратимся ниже.

* * *

Итак, как мы старались показать, Первая балканская война всколыхнула русское общество. Пресса постоянно информировала население о происходящих событиях на Балканах, но нельзя сказать, что население России жило почти год в непрерывном напряжении, в ожидании вестей с полей боев. Интерес проявлялся скачкообразно, в связи с информационными поводами, затмеваемый такими событиями как, например, юбилей дома Романовых. И если осенью 1912 г. в связи с началом войны, от постоянных и частых побед появлялась радость, то весной 1913 г. успехи воспринимались с облегчением, как конец затянувшейся истории, ставшей к тому же довольно нудной. И падение Адрианополя, вызвало радость не только как победа, по которым уже даже соскучились, но и как завершение всей эпопеи изгнания турок из Европы. Общество видело в происходящих событиях не просто противостояние стран Балканского союза и Османской империи, а переломный момент в судьбе человече-

[611] *Троцкий Л.* Указ. соч. С. 109.
[612] *Мамонтов Н.П.* Указ. соч. М., 1913. С. 8.
[613] Терские ведомости. 1912. 19 сент.

ства. И уже не болгары, сербы, греки и черногорцы сражались с турками, а христианство – с исламом, славянство – с германизмом, прогресс – с тьмой. Возможно, многие вспоминали Н.Я. Данилевского, предрекавшего славянский период в мировой истории, хотя это и не было озвучено. Причем в определенный момент Балканских войн главным врагом оказались отнюдь не подданные султана. Австрийская дипломатия оказалась на высоте, и Сербия была лишена выхода к Адриатическому морю. Над Европой нависла угроза общей войны.

В русском обществе больше заговорили о вековом противостоянии славянства и германизма. Что интересно, этот мотив – мотив слабых турок, за спиной которых стоит более серьезный враг, с которым на самом деле и идет борьба – появился в 1912–1913 гг. не впервые. А.Н. Энгельгардт в своих «Письмах из деревни» описывал, что в время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. в народе ходили слухи, общий смысл которых заключался в следующем: «вся загвоздка в англичанке». И даже причина затянувшейся осады Плевны виделась в ее кознях: «Толкуют мужики, что от англичанки к Плевне подземная дорога железная сделана, что она по этой дороге ему в Плевну войско и харч представляла» [614].

Уступчивость русской дипломатии воспринималась в обществе «в штыки», слышались призывы к занятию твердой и решительной позиции по отношению к Австро-Венгрии, заступничеству за Сербию. Тогда и прозвучало слово «война». Население по-разному восприняло реальную опасность боевых действий. Записные патриоты считали, что этому настало время, но большая часть жителей страны, приветствуя победы славян и жертвуя им деньги, все-таки не желало воевать пусть из-за родственных, но не своих интересов.

---

[614] *Энгельгардт А.Н.* Из деревни. 12 писем. 1872–1887. М., 1999. http://az.lib.ru/e/engelxgardt_a_n/text_0020.shtml (Дата обращения: 22.09.2015).

Большинству представителей русского общества казалось приятным пообщаться на тему Балканской войны, проявить свои «разносторонние» познания, но приносить жертвы ради славян они уже не были готовы.

Г Л А В А I I

Борьба болгар и сербов за русские симпатии в 1912–1913 гг.

§ 1. Осознание Софией и Белградом необходимости поддержки со стороны русского общественного мнения

Еще до начала боевых действий на Балканах европейская дипломатия настаивала на сохранении status quo – противники Турции даже в случае своей победы оставались бы без территориальных приобретений. Для достижения желаемого им было необходимо воздействовать на правительства великих держав, и попытаться заставить их проявить благосклонность к своим требованиям, для чего следовало использовать европейское общественное мнение. Это не представляло из себя никакого секрета, и сербский премьер Никола Пашич откровенно говорил корреспондентам: «Мы слишком маленькие народы, чтоб иметь право игнорировать общественное мнение больших государств»[615]. Ему вторил в сербском издании своей книги «О сербских битвах» русский журналист сербского происхождения И.П. Табурно: «Ни одно государство, как бы оно сильно не было, тем более, если, как в случае с Сербией, малое государство, не может игнорировать настроение общественного мнения

[615] *Троцкий Л.* Перед историческим рубежом. Балканы и Балканская война. СПб., 2011. С. 213.

европейских народов» [616]. То же самое Л.Д. Троцкий слышал и от политиков в Софии: «Собственными силами мы, ведь, турок из Европы все равно не выгоним, – это пустяки. Значит, нам остается только моральную ценность наших возможных успехов учесть как можно раньше» [617].

Все это прекрасно осознавалось и русскими публицистами. Так, «Вестник Европы» писал, что страны Балканского союза даже в случае разгрома противника не смогут воспользоваться плодами своих побед и все равно окажутся в зависимости от воли держав [618]. И надежды здесь возлагались не на дипломатов. По справедливой оценке Вас.И. Немировича-Данченко, «тогда общественное мнение Европы сыграет, может быть, гораздо более важную роль, чем ее политические аптекари со своими для живых народных ран гуммозными пластырями» [619]. Отечественный историк Е.Г. Кострикова верно отметила: «Сами балканцы надеялись на воздействие общества на политику» [620].

Таким образом, в начале Первой балканской войны перед Болгарией и Сербией стояла одна общая цель – доказать невозможность сохранения своих соплеменников под властью султана, необходимость изменения границ на полуострове, поэтому в этот период еще не стоит разделять сторонников Софии и Белграда. При этом балканские союзники прекрасно понимали, что важнее всего – создание нужного впечатле-

---

[616] Цит. по: *Стојић Б.* Први балкански рат у очима француског јавног мњења // Први балкански рат 1912/1913. године: Друштвени и цивилизацијски смисао (поводом стогодишњице ослобођења Старе Србије и Македоније 1912). Књ. I. Ниш, 2013. С. 344. Стоит отметить, что уточняющих слов про Сербию нет в русском оригинале книги (*Табурно И.П.* О сербских битвах (впечатления очевидца войны сербов с турками 1912 г.). СПб., 1913. С. 125).

[617] *Троцкий Л.* Указ. соч. С. 120.

[618] *Кострикова Е.Г.* Первая Балканская война и российское общество. Корреспонденты русских газет на театре военных действий // Први балкански рат 1912/1913. године... С. 476.

[619] *Немирович-Данченко Вас.И.* Собрание сочинений. Т. XIV. СПб., 1913. С. 42.

[620] *Кострикова Е.Г.* Русская пресса и дипломатия накануне Первой мировой войны 1907–1914. М., 1997. С. 141.

ния именно в русском обществе. Англия и Франция являлись второстепенными площадками, поскольку принудить эти державы защищать во вред себе (у них в с Турцией были свои отношения) интересы славян представлялось практически нереальным.

Вас.И. Немирович-Данченко писал: «И сербам, и болгарам нужна только моральная защита России, наше твердое, решающее слово» [621]. Ему же Н. Пашич говорил: «Мы ждем от нашей могущественной покровительницы одного “твердого и решительного слова”», и «поднятая к северу от Дуная шумиха умолкнет, когда Россия заговорит достойным ее голосом» [622]. А у Н.И. Гасфельда глава сербского правительства интересовался, «какое впечатление производят в России успехи славян» [623]. Наследник престола Александр Карагеоргиевич спрашивал у прибывшего из России журналиста: «Что делается в России, как настроено ваше общество, знает ли народ о том, что бросило его южных братьев в этот крестовый поход?» [624]. Уже в марте 1913 г. болгарский генерал Р. Димитриев говорил на торжественном обеде у М.В. Родзянко, поднимая бокал, что ныне славянские народы просят Россию, чтобы она отстранила «все чуждые, вредные влияния» и предотвратила «своею мощною рукой... всякую возможность недоразумений между славянами». В частной беседе представители Софии были даже более откровенны: «Вы не представляете себе, как велико обаяние России на Балканах, с каким доверием и с какой надеждой славяне смотрят на Россию, как боятся ее в Европе. Теперь или никогда Россия должна себя показать» [625].

Для успешного осуществления давления на русское правительство было необходимо расположить к себе людей, формирующих картину

---

[621] *Немирович-Данченко Вас.И.* Указ. соч. С. 5.
[622] Там же. С. 28–29.
[623] *Шевалье Н.* Правда о войне на Балканах. СПб., 1913. С. 48.
[624] *Немирович-Данченко Вас.И.* Указ. соч. С. 29.
[625] *Родзянко М.В.* Крушение империи. Л., 1929. С. 73.

событий в умах общества – журналистов. Для этих целей не обязательно было прибегать к прямому подкупу или запугиванию, ведь многих можно было очаровать, и их окружали всяческой заботой, ожидая взамен благодарность. Сотрудник «Русского слова» И.Н. Калина писал в редакцию: «Здесь, в Болгарии, меня напротив, постоянно упрекают в недостаточном болгарофильстве, нередко с возмущением цитируют выдержки из моих корреспонденций, ставят мне в пример всех других русских корреспондентов» [626].

Руководители стран были не просто открыты для журналистов и общественных деятелей. Когда в конце 1912 г. П.Н. Милюков оказался в Софии, то царь Фердинанд сам предложил ему встретиться. Беседа проходила в зоологическом саду, где болгарский монарх хранил свою орнитологическую коллекцию. У лидера кадетов суть разговора в памяти не сохранилась, поскольку он носил «преимущественно комплиментарный характер» [627]. Вторая их встреча была уже официальной. Фердинанд произнес блестящую, заранее продуманную речь. «Я вспомнил, как кто-то мне говорил, что если Фердинанд хочет кого-нибудь очаровать, то он это умеет делать», – писал П.Н. Милюков. Затем привели наследника престола в сопровождении его учителя, русского священника. В конце монарх перешел к сути: «Убедите царя уступить мне Родосто» [628].

В Салониках лидеру кадетов оказывал знаки внимания сербский наследник престола. Их беседа проходила в специальном вагоне, Александр говорил по-русски и был любезен с П.Н. Милюковым, много говорил о Македонии, хвалил красоты ее природы. В Скопье будущего «врага» Сербии пригласили на собрание по поводу приезда воеводы

---

[626] Цит. по: *Кострикова Е.Г.* Российское общество и внешняя политика накануне Первой Мировой войны 1908–1914. М., 2007. С. 252.
[627] *Милюков П.Н.* Воспоминания (1859–1917). Нью-Йорк, 1955. С. 121.
[628] Там же. С. 126–127.

Путника, где Александр Карагеоргиевич распорядился подвести к нему русского гостя. Сам П.Н. Милюков признает, что разговора в такой толпе и получиться не могло, «это был простой знак внимания» [629].

Когда сотрудники российских газет Н.П. Мамонтов и В.Н. фон Дрейер по дороге от Чаталджи к Софии оказались в Пловдиве, их позвала к себе находившаяся там болгарская царица Элеонора. Беседа была бессодержательна, но важнее наряд монаршей особы – та вышла «в полковничьем мундире шефского полка Ея Величества поверх шерстяного серого платья». На прощание она подарила обоим по подписанной своей фотографии и сказала: «Я искренне благодарю русскую прессу за ее сочувствие нашему великому делу и за поддержку его перед русским обществом» [630].

Всячески проявляли знаки внимания и не только власть предержащие. Вблизи фронта корреспондент А.А. Пиленко не мог отправлять телеграммы, поскольку линия связи была занята военными сообщениями. Но там он встретил знакомого, даже обедавшего у него в гостях [631], бывшего премьера-министра Болгарии Н. Геннадиева и пожаловался ему. Тогда тот «настрочил начальнику станции любезное письмо: “Так и так, важные депеши, Пиленко *симпатизирует болгарской каузе* (курсив наш. – *Н.Г.*), пожалуйста, поскорей” и т.д. Отправили» [632]. Затем он попросил аудиенции у командующего 3-й армией Р. Димитриева, на которой просил о содействии.

«Да, – сказал он, – недостаточно одерживать победы; нужно еще, чтобы о них знали. Так учил сам Наполеон... Вот вам записка, в которой

---

[629] Там же. С. 128–129.
[630] *Мамонтов Н.П.* С болгарскими войсками от Балкан до Чаталджи. М., 1913. С. 169–170.
[631] *Пиленко А.А.* Около Болгарской войны. Дневник и сорок девять любительских фотографий. СПб., 1913. С. 40.
[632] Там же. С. 99.

я написал, чтобы телеграммы в “Новое время” пропускали после посылаемых на высочайшее имя и в главную квартиру, т. е. *ранее телеграмм дивизионных* (курсив А.А. Пиленко. – *Н.Г.*). Затем, для скорости, возьмите мой автомобиль и сами завтра свезите все в Лозенград» [633]. После у этого корреспондента исчерпался его счет на телеграфе, и чиновник Топузов, когда ему сообщили об этом, отдал приказ отправлять телеграммы А.А. Пиленко под его ответственность [634]. Но все же так привечали лишь во время побед. Разочарование в своей неудаче при Чаталдже военные выплеснули и на корреспондентов: «Любезное отношение членов штаба к корреспондентам сменилось нескрываемым недовольством, что они сами еще не догадались уехать.

– Корреспонденты хороши, пока есть победы. В переживаемой нами драме – им, посторонним свидетелям, не место...», – вспоминал Н.П. Мамонтов. Вскоре после этого он вместе с В.Н. фон Дрейером сообщили командованию о своем намерении покинуть армию – «нас никто особенно не удерживал». Но на прощание они встретились с Р. Димитриевым, который сказал: «Вы видели многое, вы могли оценить нашего дивного солдата, – теперь вы можете поведать о нем нашим братьям в Великой Руси. С Богом» [635].

Менее дипломатичный и более своенравный черногорский король действовал грубее. Российский посланник в Цетинье сообщал, что русские корреспонденты, находившиеся в Черногории, писали «едва ли не под диктовку» черногорского двора, чтобы поддержать «в известной части русского общества желательное королю Николаю настроение» [636].

---

[633] Там же. С. 100–101.
[634] Там же. С. 140.
[635] *Мамонтов Н.П.* Указ. соч. С. 159–160.
[636] *Хлебникова В.Б.* К вопросу о месте династических связей России и Черногории во внутренней и внешней политике на рубеже XIX–XX вв. // Императорский дом Романовых и Балканы. М., 2014. С. 297; *Она же*. Роль династических связей России и

Схожая ситуация сложилась во взятом сербами Скопье. «Ежедневные реляции, составляемые сербским Pressebureau по поручению “верховной команды” и подносимые два раза в день корреспондентам, были не только далеки от истины, но по своей фантастичности, по смелости, с которой они составлялись, граничили с насмешкой», – писал русский очевидец. При этом, как указывал он, реальность была очевидной: «Но какая разумная цель побуждала сербов ежедневно сочинять бюллетени о покорности и преданности албанцев Ускюбского санджака, о твердой власти и порядке в сфере военного управления сербской армии, когда каждый их тех, для кого сочинялись эти сообщения, видел своими глазами совершенно обратное» [637].

Многих корреспондентов разочаровывала и болгарская политика в области цензуры. Вас.И. Немирович-Данченко считал, что болгарские генералы оказались «близорукими и односторонними государственными людьми», «играющими в руку Австрии и Германии», поскольку они не дали иностранным журналистам узреть подвиг народа, «отняли у своего народа счастье быть оцененным и вознесенным на невиданную высоту». При этом он указывал на то, какую роль пресса сыграла в истории Болгарии, начиная хотя бы с Я. Мак-Гахана [638], рассказавшего Европе о жестокости подавления Апрельского восстания 1876 г.

На симпатии журналистов мог повлиять и просто случай. Е.Н. Чириков описал свою встречу при отъезде из Лозенграда в Димотику двух корреспондентов: «Оба возмущены недоверием, пылают жаждой мести и грозят по приезде в Россию, разоблачениями… Оба одеты в

Черногории в выстраивании политического сотрудничества на рубеже XIX–XX веков // Славяноведение. 2015. № 1. С. 39.

[637] *Шевалье Н.* Указ. соч. С. 2–74.

[638] *Немирович-Данченко Вас.И.* Указ. соч. С. 210–211.

русскую офицерскую форму, с кокардами и никелированными шпорами…

– Меня, бывшего офицера русского генерального штаба, лишают права обедать при главной квартире с болгарскими офицерами! И это в то время, когда я, имея возможность напакостить, старался поднять дело Болгарии… Я считаю это личным оскорблением! Как только я перееду границу, покажу им!» [639]. Е.Н. Чириков не уточнил, кто это. Но, по всей видимости, указанными лицами являлись возвращавшиеся в Софию В.Н. фон Дрейер и Н.П. Мамонтов. Последний, действительно, описывает такую ситуацию. Сотрудник заместителя главнокомандующего генерала М. Савова полковник Нерезов, оставшийся временным начальником штаба, «предложил» ему и В.Н. фон Дрейеру не посещать штабной столовой, «куда были допущены испанские офицеры, кинематографщик от Патэ и какие-то весьма подозрительные маркитанты». Корреспонденты покорились и столовались на базарной площади с погонщиками аробных транспортов, угостившими их вином и устроившими «чистосердечную овацию» [640]. Из обоих офицеров лишь полковник В.Н. фон Дрейер был сотрудником Генерального штаба, соответственно, именно он обещал Е.Н. Чирикову «показать» болгарам. После Второй балканской войны выйдет его книга «Разгром Болгарии», где та будет представлена отнюдь не в положительном виде.

§ 2. Создание «нужного» восприятия войны на Балканах

Для того, чтобы привлечь европейскую и, прежде всего, русскую общественность на свою сторону, чтобы вызвать такое отношение к сво-

[639] *Дрейер В.* Разгром Болгарии. Вторая Балканская война 1913 г. СПб., 1914.
[640] *Мамонтов Н.П.* Указ. соч. С. 164.

ему делу, какое было бы способно повлиять на правительства, необходимо было создать соответствующий образ войны – борьбы всего народа, руководствуемого благородными и высокими мотивами, с утрированно жестоким противником-варваром, вызывающим оторопь и возмущение. Все это понималось в балканских столицах, и в нужном направлении стали прикладываться усилия.

§§ 2.1. Построение образов жестокого «чужого» и благородного «своего»

Для балканских союзников первоочередной задачей являлось создание такого демонического образа Турции (научно говоря, «образ врага»), что обыватель, прочтя газеты, обрушивал бы праведный гнев на свое правительство, смеющее защищать столь ужасный порядок жизни на Балканах. Отечественный исследователь Е.С. Сенявская утверждает: «Исторически более устойчива оценка противника по критерию “цивилизованности”: враг почти всегда “варвар”» [641]; исключением не явились и события 1912–1913 гг. на Балканах.

Противники Османской империи воспользовались классическим, проверенным многократно, в том числе и в 1876 г., способом – предъявили общественности свидетельства зверств турок над мирным населением, благо недостатка в этом материале не ощущалось.

Русские газеты пестрели рассказами о совершаемых на полуострове насилиях. Нельзя считать писавших об этом журналистов агентами какой-либо стороны, поскольку размах жестокости на полуострове был, действительно, огромен. Мы не ставим своей задачей подробное освещение этого аспекта войны, но считаем необходимым указать на некоторые моменты.

---

[641] *Сенявская Е.С.* Противники России в войнах XX века: Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М., 2006. С. 22.

Уже в самом начале конфликта «Русские ведомости» передавали мнение английской печати заявлявшей, что грядущая война будет такой же, как и Тридцатилетняя – жестокая и беспощадная к солдатам и мирным жителям [642].

Н.П. Мамонтов со слов жителей Мустафы-паши (ныне – Свиленград) утверждал, что еще до начала боев турки забрали в заложники в Адрианополь две тысячи священников, учителей и других христиан-представителей интеллигенции. «Их сейчас жгут факелами, под кожу вбивают гвозди, кипятком ошпаривают, соленой водой поят – мстят на них за падение Лозенграда», – писал корреспондент [643]. Он же сообщал, что отступая, турецкая армия вела себя так, будто уже и не думала вернуться в эти земли, скидывали трупы в колодцы, дабы их отравить [644]. А.А. Пиленко рассказывал читателям о судьбе селения Айвали, в которое турки вошли, вернув его с боем. Уточнив, действительно ли жители его торжественно встретили болгар, увидев, что ни у одного мужчины нет фески, разделили население по половому признаку и расстреляли его сильную часть [645]. Известия о разгроме этого поселения дошли и до провинциальной печати [646].

Журнал «Родина» передавал угрозу коменданта Адрианополя, Шукри-паши, что он «в случае взятия Адрианополя славянами, прикажет вырезать всех христиан» [647]. Освещены несколько раз турецкие зверства были и в журнале «Сатирикон», в том числе и в передовице. Преподносились они, как правило, отражая цинизм «больного человека Европы»: изображены окровавленные трупы, на которые указывает ди-

---

[642] Русские ведомости. 1912. 4 окт.
[643] *Мамонтов Н.П.* Указ. соч. С. 65.
[644] Там же. С. 154.
[645] *Пиленко А.А.* Указ. соч. С. 64.
[646] Нижегородский церковно-общественный вестник. 1912. 11 нояб. С. 1149.
[647] Родина. 1913. 10 фев. С. 4.

пломату в очках и цилиндре турок в феске. Под рисунком подпись: «Обиженная Турция: Видите, г. дипломат, как они не уважают нас, и до чего не признают нашего господства: им даже лень встать при моем появлении» [648]. Если такая трагическая тема освещалась в юмористическом издании, то можно утверждать, что кровавые картины с Балкан не представлялись чем-то из ряда вон выходящим, это казалось страшным, но уже привычным и обыденным. И действительно, очевидец всего этого, добровольный участник войны В.С. Везенков, считал жестокость отступающей армии султана для нее «обычными бесчинствами» [649].

Совершенные турками зверства болгары старались всячески использовать, предъявляя их иностранным корреспондентам как неоспоримые доказательства турецкой «дикости». Устраивались даже «экскурсии» по таким местам.

Н.П. Мамонтов рассказывает, что 26 октября 1912 г. в нему подъехал начальник штаба 3-й армии полковник К. Жостов и от имени командующего попросил ознакомить иностранных корреспондентов с «официальным документом о турецких зверствах – рапортом генерала Христова о сожженных турками селах Мехелин, Ювалия и Азбоа». После этого журналистов пригласили для посещения Азбоа. Туда поехали сам Н.П. Мамонтов с другим русским корреспондентом-офицером В.Н. фон Дрейером, двое французов и двое англичан. Там им продемонстрировали убитого прикладом грудного младенца, развалины сгоревшей церкви, под обрушившейся кровлей которого находилось до 60 человек, связанных по рукам и ногам телеграфной проволокой. При этом упор делался на то, что совершено все это было не иррегулярными частями или разбойниками, а батальоном низама, расквартированном в Константинопо-

---

[648] Сатирикон. 1912. 14 сент.
[649] *Везенков.* Энвер-бей под Шаркиоем // Военный сборник. 1914. № 7. С. 106.

ле, которым до войны командовал германский инструктор. Тем самым ясно давали понять, что увиденное корреспондентами не единичный случай, а эпизод систематического истребления христианского населения.

А.А. Пиленко таким же образом посетил селение Айвали, где заметил, что жертв устроенной турками резни долго не хоронили, и у него «проскочила мысль», что болгары рассуждали следующим образом: «Если уж убито 167 женщин, стариков и детей, так “пусть от этого будет какая-нибудь польза для святого дела освобождения”; пусть их увидит возможно большее количество проходящих солдат, докторов, корреспондентов»[650]. Местные жители ему «помогли», вытащив из груды тел грудного младенца месяцев десяти и положив его на солнце возле стены, «чтобы удобнее было фотографировать», а затем, словно предлагая, сообщили: «Еще есть священник убитый» [651].

Как видим, до общественного мнения европейских стран старались донести картины зверств, чинимых турками над местным населением. Говорилось много и о неблагодарном коварстве подданных султана. Часто рассказывались случаи, когда турки убивали врачей, только что оказавших им помощь [652].

В то же время довольно сложной оказалась ситуация с отношением к пленным туркам. Тут союзники всячески старались преподнести себя благородными рыцарями – создавали образцово-показательные условия содержания вчерашних противников, что и предъявляли корреспондентам. Им даже запрещали снимать турок за работой, чтобы в Европе не сказали, что болгарское правительство дурно обращается с ни-

---

[650] *Пиленко А.А.* Указ. соч. С. 62.
[651] Там же. С. 68.
[652] *Немирович-Данченко Вас.И.* Указ. соч. С. 114.

ми, «навоз заставляет возить» [653]. В итоге в прессе писали о размещении пленных в казармах, откуда под дождь выводили болгарские части [654], о том, как ополченцы делились с вчерашним врагом хлебом, угощали табаком [655]. Корреспондент «Русской мысли» наблюдал болгарина, ведущего пленного раненого турка: «На нож шли. Я его, а он меня… Вот теперь веду. Вместе рядом и в госпиталь ляжем. Он мне кум теперь» [656]. И сами сдавшиеся турки рассказывали Л.Д.Троцкому, что им сразу же выдали одежду, чтобы те не мерзли, а «господин комендант любезно предоставляет в наше распоряжение болгарские шинели» [657]. И.П. Табурно писал о лежащих в белградском госпитале турках и албанцах, к которым великая княгиня Елена Петровна, дочь короля Петра, относилась с такими же нежностью и лаской, как и к своим соотечественникам, что вызывало у раненого противника восхищение [658]. И таковая картина складывалась в умах населения. Так, в дневнике вполне самостоятельно мыслящего и трезво оценивавшего ситуацию И.И. Толстого мы читаем про «поразительную гуманность болгар в отношении раненых турок», про выставление караулов для охраны мечетей при одновременной нечеловеческой жестокости турок [659]. Но было бы неразумно видеть ситуацию столь идиллической, хотя, бесспорно, указанные случаи вполне могли иметь место.

О насилиях, чинимых болгарами и сербами над мирным населением, русская пресса старалась не говорить. Однако корреспонденты и не могли видеть всего. В Софии уже после Чаталджинской операции в ресторане «Панах» собрались представители российской печати. Начали

---

[653] *Троцкий Л.* Указ. соч. С. 134.
[654] *Мамонтов Н.П.* Указ. соч. С. 126.
[655] Там же. С. 52.
[656] *Немирович-Данченко Вас.И.* Собрание сочинений. Т. XV. СПб., 1913. С.116.
[657] *Троцкий Л.* Указ. соч. С. 147.
[658] *Табурно И.П.* О сербских битвах... С. 117.
[659] *Толстой И.И.* Дневник. 1906–1916. СПб., 1997. С. 112.

спорить о зверствах, и тут «разбиваются резко на два лагеря: один знает зверства только турецкие, другой – болгарские… Вас.И. Немирович-Данченко видел турецкие зверства своими глазами, ссылается еще на Пиленко, который даже снял их фотографическим аппаратом». Его спросили, точно ли это были не башибузуки. Согласно очевидцу, он ответил: «Нет, один из замученных успел сказать мне, что его изувечили регулярные войска, и умер!» [660]. Из всех витающих в Болгарии слухов Е.Н. Чириков сделал для себя вывод: «Эта война одна из самых жестоких и бесчеловечных, в чем повинны в одинаковой мере обе воюющие стороны» [661]. Он же рассказал о расстреле пленных в месть за истязания ими православного населения. Но в целом, по его мнению, болгары были гуманны [662]. Вас.И. Немирович-Данченко то говорил, что все слухи о казнях мирного турецкого населения «оказывались злостною и подлою выдумкой венских лгунов» [663], то утверждал, что жестокости никто не оправдывает, «сами болгары их знают, и лучшие их писатели, народные избранники, поэты… предъявят народу свои запросы о случившемся» [664]. Интересным получилось описание г. Визы Н.П. Мамонтовым. По его словам, этот населенный пункт «немного пострадал от турецких бесчинств», но тут же он пишет следующее: «на улицах города еще лежали трупы турок, обернутые лицом книзу» [665]. Некоторое внимание этой непопулярной теме уделил Н.И. Гасфельд [666], но в основном здесь в лучшую сторону отличались социалисты.

---

[660] *Чириков Е.Н.* Поездка на Балканы. Заметки военного корреспондента. М., 1913. С. 139.
[661] Там же.
[662] Там же. С. 141.
[663] *Немирович-Данченко Вас.И.* Собрание сочинений. Т. XV... С. 120.
[664] Там же. С. 114.
[665] *Мамонтов Н.П.* Указ. соч. С. 122.
[666] *Шевалье Н.* Указ. соч. С. 60, 62, 75, 77.

Ст. Вольский приводил обратные примеры, оговорившись, что видел лишь то, что происходило в болгарских округах, «поэтому я и не затрагиваю здесь деяний сербов, которые, как говорят, были еще жесточе». По его словам, в селе Левуново сначала турки заживо сожгли около 30 болгар, «а когда вместе с болгарской армией появились македонские четники, та же участь постигла турецкое население». «Ужасы, совершенные под знаком креста, нисколько не уступали, а, пожалуй, во много превосходили ужасы, совершенные под знаком полумесяца», – подводил он итог. Причины отсутствия информации о таковых инцидентах Ст. Вольский видел в том, что журналисты их замалчивали не только из-за цензуры, но и «отчасти из политических соображений» [667]. Некоторое внимание несоответствию заявляемых целей и осуществляемых союзниками действий еще в декабре 1912 г. уделил журнал «Современник»: «Для торжества истинной христианской морали не нужно убивать тысячи людей, бросать безоружных пленников в реки и колодцы, как это делали болгары, врываться в дома частных лиц и грабить, как это делали сербы в Ускюбе, или устраивать, подобно грекам в Салониках, еврейский погром» [668].

Иногда, правда, происходили и перегибы. Так, самарская газета «Волжское слово» в своем антивоенном пафосе и стремлении доказать несправедливый характер войны с обеих сторон, показать страдания мирных жителей всех конфессий и национальностей публиковала сведения из довольно сомнительных источников. Проявлением этого стала перепечатка корреспонденции «Зверства балканских союзников» из «Киевской мысли», где рассказывалось о систематическом истреблении турок союзными странами. Сотрудники издания ее представили как пе-

---

[667] *Вольский Ст.* Письмо с Балкан. Письмо второе // Заветы. 1913. № 2. С. 166–167.
[668] *Горцев*. Балканский вопрос и интересы дипломатии // Современник. 1912. № 12. С. 362.

ресказ одной из глав книги «Германия на востоке после балканской войны» немецкого очевидца Эрнста Йэка. Редакции «Волжского слова» и «Киевской мысли» уведомили читателей, что автор имеет связи в турецких и германских элитах, но это было лишь полуправдой, поскольку он являлся ярым сторонник германо-турецкого сближения, поэтому, как справедливо пишет самарская исследовательница Л.М. Артамонова, «убежденность обеих редакций, что “в достоверности” приведенных им (Э. Йэком. – *Н.Г.*) фактов “нельзя сомневаться” выглядит, мягко говоря, легкомысленной». Подтверждением тому станет деятельность Э. Йэка в годы Первой мировой войны: он всячески будет пропагандировать младотурецкую революцию, ее идеалы, но «не заметит» геноцида армян, понтийских греков и ассирийцев. Поэтому к его выводу, что «магометане-турки в течение пяти веков своего владычества в Европе не убили столько людей (т. е. невинных мирных жителей), сколько балканские союзники в эти три месяца», стоило бы редакциям отнестись более критически [669].

Наиболее активен в полном воссоздании картины взаимной жестокости сторон был Л.Д. Троцкий. Он писал о том, что всячески восхваляемый командующий 3-й армией Р. Димитриев отдал приказ: «Если раненые или пленные будут затруднять транспорты, принять решительные меры к устранению препятствий» [670]. Затем, по словам будущего советского наркома, болгарское руководство отдало приказ относительно мирных турок: встреченных вне деревень, даже не облаченных в военную форму, «приказано было считать лазутчиками и убивать» [671].

---

[669] *Артамонова Л.М.* Критика внешней политики правительства на Балканах и антивоенные выступления в самарской печати 1912–1913 годов // Внешнеполитические интересы России: история и современность. Самара, 2014. С. 14–15.
[670] *Троцкий Л.* Указ. соч. С. 212.
[671] Там же. С. 183.

Не лучше в его корреспонденции выглядели сербы. Он рассказывал о своей поездке в Скопье, куда власти пустили его с огромной неохотой. Три солдата охраняли группу албанцев, над которыми издевался пьяный унтер-офицер. «Это арнауты, – деловым тоном говорит мне один из солдат. – Сейчас он их зарежет», – писал Л.Д. Троцкий. Далее он увидел, как военные пристрелили на месте полоумного турка, что-то крикнувшего им вслед. В гостинице он встретил знакомого, капрала, бывшего в мирное время кельнером в Крагуеваце. Тот говорил: «Жарим кур, да режем арнаутов. Только уж надоело». И далее, сам не понимая, насколько шокирует корреспондента, спокойно объяснял: «Мы, регулярные войска, строго соблюдаем границы и не убиваем никого моложе двенадцати лет. Насчет комитаджей не могу сказать наверное, у них дело другое. Но за армию ручаюсь» [672].

Статьи Л.Д. Троцкого о зверствах, о том, что болгарская цензура сознательно не пропускала о них известия, вызвали заочную полемику между ним и болгарским писателем Петко Тодоровым. Он написал открытое письмо, обращаясь к журналисту по его псевдониму «Антид Ото». Активному правдолюбцу советовали не соваться «со своим уставом в чужой монастырь», объясняли, что цензура – необходимая вещь, что осознавалось всеми гражданами страны [673]. Л.Д. Троцкий не замедлил с ответом, который был опубликован в «Киевской мысли». В нем основной упор делался не на принципиальное наличие цензуры, а на замалчивание «каинового дела» – закалывания раненых турок, заканчивалась же статья вопросом П. Тодорову: «В начале войны ваш генеральный штаб неоднократно извещал Европу о том, что турки тысячами покидают своих раненых на поле военных действий и что болгарам прихо-

[672] Там же. С. 194–196.
[673] Там же. С. 201–202.

дится этих раненых подбирать. Где же они, эти многие тысячи раненых? Что произошло с ними? Что вы сделали с ними, господин Тодоров? Дайте нам ответ на этот вопрос!» [674].

Более обстоятельная дискуссия получилась у Л.Д. Троцкого с русской прессой, прежде всего, с кадетами. Он написал «Внедумский запрос» П.Н. Милюкову, которого обвинил в сознательном умалчивании фактов неблагородного поведения славян: «Не согласитесь ли вы, что заговор молчания всей нашей “руководящей” прессы – департаментской “России”, подколодно-патриотического “Нового Времени”, умеренно-пристяжной “Русской Молвы”, барабанного с бубенцами “Русского Слова” и хранящей гордый вид “Речи”, – что эта круговая порука молчания делает всех вас попустителями и моральными соучастниками зверств, которые пятном бесчестья ложатся на всю нашу эпоху?» [675]. Отметим, что это была не первая атака Л.Д. Троцкого на лидера кадетов: в разгар выборной кампании в Государственную думу в 1912 г. вышла его статья «Милюков», где звучало обвинение в непоследовательности политической позиции, умеренности и т.д. [676].

На «Внедумский запрос» отвечали сотрудник «Речи» В. Викторов-Топоров и П.Н. Милюков лично. Первый заявлял, что зверства имели место, но еще не наступило время для их обсуждения, поскольку информация не проверена. Лидер кадетов отвечал, что никаких замалчиваний не происходило, и ссылался на свою статью в «Речи». Л.Д. Троцкий же точно подметил, что в указанном выступлении П.Н. Милюкова говорилось лишь о зверствах над мирным населением со стороны греков, чему было логичное объяснение – противоречия между греками и болгарами из-за будущего Салоник: «Своим разоблачением греческих

---

[674] Там же. С. 205–206.
[675] Там же. С. 208.
[676] *Чернявский Г., Дубова Л.* Милюков. М., 2015. С. 244–246.

зверств в Салониках г. Милюков попросту служил свою службу делу правящей “славянобратской” Болгарии, о зверских подвигах которой его корреспонденты, его орган и он сам хранили молчание – до того момента как их прижали к стене» [677].

В. Викторов-Топоров ответил репликой, утверждавшей, что шесть русских корреспондентов, бывших непосредственно на самом театре военных действий, своими глазами никаких болгарских зверств не увидели [678]. Действительно, Н.П. Мамонтов, Вас.И. Немирович-Данченко, А.А. Пиленко, В.Н. фон Дрейер (во время Первой балканской войны) практически не пишут об этом. По мнению Л.Д. Троцкого, объяснение кроется в том, что указанные лица «не просто корреспонденты, а праведники, отмеченные перстом штаба», у которых чувство благодарности за возможность увидеть передний край войны «расслабляющим образом подействовало на их органы наблюдения» [679].

В последней своей статье из этой полемики Антид Ото подытожил суть происходившего. Русские газеты принимали на веру и публиковали сведения о турецких зверствах, получаемые от сербов и болгар, но замалчивали жестокости славянских народов, шедшие отнюдь не из турецких, а из европейских источников. И делалось это, по мнению публициста, «в интересах известной политики» [680].

Говоря об упомянутых «праведниках» в Болгарии, необходимо указать на аналогичную ситуацию в Сербии. Н.И. Гасфельд писал: «Сербские власти не допускали военных корреспондентов на поле битвы. Исключение было сделано для г. Г–ча и г. Т–о, сербов по происхож-

---

[677] *Троцкий Л.* Указ. соч. С. 209–210.
[678] Там же. С. 221.
[679] Там же.
[680] Там же. С. 225.

дению, состоявших корреспондентами двух русских газет»[681]. За сокращениями легко читаются Дж. Генчич и И.П. Табурно, этнические сербы, истинную роль которых мы увидим ниже. Таким образом, в этом вопросе сербы и болгары оказались идентичны.

Но все же стоит считать, что сложившаяся в обществе картина была близка к правде, хотя и не точна. Вероятнее всего, турки все же проявляли больше жестокости по отношению к противнику и мирному населению, но на подобное поведение были причины и у болгар с сербами.

§§ 2.2. Конструирование справедливого и народного характера войны

Для создания собственного положительного образа, чтобы придать войне «справедливый» характер важно было и преподнесение ее как желания или даже требования народа. Тем самым под будущее расширение территории закладывалось бы значительное моральное оправдание. Помимо того видимость невозможности успокоить народные массы позволяла правительствам балканских союзников оправдываться перед российским руководством, старавшимся всячески избежать войны на полуострове и вероятного общеевропейского конфликта.

Население Болгарии и Сербии в основной своей массе выступало за войну, о причинах и формах проявления чего мы будем говорить ниже. Но вряд ли царь Фердинанд с его хитростью и Н. Пашич с его умом и авторитетом не могли влиять на общественное мнение своих соотечественников, не были способны остановить раскручивающийся маховик военной истерии.

---

[681] *Шевалье Н.* Указ. соч. С. 82.

«Вестник Европы» уже во время Первой балканской войны приводил слова болгарского царя: «Если бы я противился войне, я, наверное, лежал бы головой на тротуаре» [682]. Еще до начала боевых действий, в августе 1912 г., газета «Утро России» сообщала, что открылся болгарский народный конгресс, который заявил, что «не намерен останавливаться даже перед низложением царя, если Македония не будет освобождена» [683], все министры страны получили письма с угрозами расправы [684], а уже в конце месяца националистический союз «Гибель оттоманам» в письмах правительству угрожал, что в случае миролюбивой политики на царя будет совершено покушение [685]. Газета «Терские ведомости» 11 сентября сообщала, что в Сербии и Болгарии «усиленно распространяется особый летучий листок», изданный болгарским ротмистром Афанасьевым «Война с Турцией и роль царя Фердинанда». В нем приводилось мнение, что текущий момент наиболее подходящий для объявления войны, поэтому необходимо вынудить царя отдать приказ о начале боевых действий [686]. 19-го числа то же издание доносило до своих читателей: «Болгарское правительство должно выбирать одно из двух: или внешнюю войну, или внутреннюю революцию». При этом «центр тяжести вопроса о войне остается в Софии», поскольку следом в войну ринутся и сербы [687].

Публично об этом заявляли и в Белграде. Н. Пашич говорил корреспонденту: «Попробуй правительство вернуть армию, – она смоет его, как пену, выброшенную на берег. Мы этого ждали. Мы истощили

---

[682] Вестник Европы. 1913. №1. С. 324.
[683] Утро России. 1912. 12 авг.
[684] Там же. 1912. 21 авг.
[685] Там же. 1912. 26 авг.
[686] Терские ведомости. 1912. 11 сент.
[687] Там же. 1912. 19 сент.

все» [688]. Сербский министр финансов говорил русскому журналисту о вынужденности объявления войны: «Война? Конечно, все мы против войны. Кто же не знает преимуществ мира? Мир означает труд, накопление богатств, знаний и культуры. Кто же нуждается в этом так, как Сербия? Но, ведь, нам не оставляют выбора» [689]. Белградский профессор Радован Кошутич говорил в Петербурге в Обществе славянской взаимности 22 октября: «И если бы правительства и престолы не пошли вместе с народами, и они были бы сметены, и другие вожди повели бы нас туда» [690]. Почти дословно повторил его мысль в Обществе славянского научного единения Д.И. Семиз: «И, если бы правительство и престолы не пошли вместе с народами, были бы сметены и они, и иные вожди повели бы югославян к их славной цели» [691]. Просто удивительное калькирование! Но подобные «совпадения» мы еще будем встречать.

Следует заметить, что в подобном тоне говорилось лишь о славянских странах. Относительно Греции сообщалось, что мобилизация проходила вяло, а энтузиазм в народе по поводу борьбы с вековым врагом отсутствовал, греки «с тягостным чувством» шли на призывные пункты, лишь всецело доверяя решению главы своего правительства Э. Венизелоса [692]. Но потомки эллинов будут постоянно в стороне – как выразился С. Котляревский, «роль Греции здесь скорее дополнительная» [693]. И.П. Табурно писал, что Балканский союз «прочен и непоколебим, особенно между Болгарией, Сербией и Черногорией» [694]. Вас.И. Немирович-Данченко и вовсе назвал наследницу Эллады «ма-

---

[688] *Немирович-Данченко Вас.И.* Собрание сочинений. Т. XIV... С. 27.
[689] *Троцкий Л.* Указ. соч. С. 60.
[690] Война на Балканах. СПб., 1912. С. 8.
[691] *Семиз Д.И.* Сербский народ накануне войны // Славянский вопрос в его современном значении. СПб., 1913. С. 67.
[692] Родина. 1912. 14 окт. С. 2.
[693] *Котляревский С.* Внешняя политика в 1912 г. // Русская мысль. 1913. № 1. С. 19.
[694] *Табурно И.П.* О сербских битвах... С. 130.

ленькой, но хвастливой и ненасытной страной» [695]. Греция традиционно не находилась на орбите русского влияния, поэтому и значение ей придавалось меньшее.

За несколько дней до объявления войны в Россию отправился болгарский министр А. Людсканов, чьей задачей было убедить императорское правительство в том, что «война это не авантюра, а необходимость» [696]. Но у министерства иностранных дел в этом вопросе были свои осведомители – представители в Болгарии и Сербии. Посланник в Софии, А.В. Неклюдов целиком попал под влияние увиденного, сообщенного властями. 23 августа он писал С.Д. Сазонову: «Для Фердинанда и для нынешнего кабинета противиться войне значило бы, при известных условиях, отказаться от власти» [697]. Болгарский премьер-министр Иван Гешов говорил ему, что Болгария одна против Турции не выступит, но отказ Сербии «неминуемо приведет к падению правительства и расторжению соглашения с Белградом» [698]. В Софии знали, на какие точки давить – болгаро-сербское соглашение стоило российской дипломатии немалых усилий.

Но лучше и глубже ситуацию в Болгарии видел из Константинополя военный агент в Турции, генерал-майор И.А. Хольмсен. В рапорте начальнику Генерального штаба Жилинскому от 30 августа 1912 г. он называл антитурецкие настроения в Софии «якобы народным движением». «Корректное поведение» болгарского правительства по отношению к митингами и манифестациями против турок и в защиту македонцев он считал доказательством нестихийности настроений. «Позволительно

---

[695] *Немирович-Данченко Вас.И.* Собрание сочинений. Т. XIV...С. 204.
[696] *Абрашев П.* Дневник. София, 1995. С. 67.
[697] Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и временного правительств. 1878–1917. Сер. вторая. 1900–1913. Т. 20. Ч. II. 14 августа – 17 октября 1912 г. Л., 1940 (далее – МОЭИ). С. 126.
[698] Там же. С. 233.

думать, что мы тут имеем [дело] не со стихийной силой, а с течением, навеянным чисто болгарскими государственными интересами, представляемыми политической партией и не чуж[дыми для] самого правительства»[699], – сообщал он в Петербург.

Самостоятельную игру вел посланник в Белграде Н.Г. Гартвиг – по оценке П.Н. Милюкова, «ярый фанатик славянофильской традиции». Если представители в других странах, даже посол во Франции, бывший глава МИД А.П. Извольский, были исполнителями директив, поступавших с Певческого моста, то этот дипломат сам вершил историю, руководствуясь своим видением мира. Академик Ю.А. Писарев писал, что посланник находился «в скрытой оппозиции» к С.Д. Сазонову [700], но это очень мягкая оценка.

Н.Г. Гартвиг долгие годы служил в Азиатском департаменте МИД, в 1900–1906 гг. был его главой. С приходом на пост министра А.П. Извольского его перевели сначала посланником в Тегеран, затем – в Белград. Он считался тонким знатоком проблем, связанных с восточной политикой России, умным, но властным и неприятным человеком, с которым трудно работать [701]. Его довольно высоко оценивал С.Ю. Витте. После назначения С.Д. Сазонова на пост министра иностранных дел бывший глава правительства имел беседу с только что отставленным А.П. Извольским, который объяснил выбор кандидатуры так: «что же делать, когда некого». С.Ю. Витте предложил несколько вариантов, среди которых назвал Н.Г. Гартвига. Но собеседник ему ответил, что император никогда не назначит главой МИД человека, не носящего русской

---

[699] Там же. С. 202.
[700] *Писарев Ю.А.* Великие державы и Балканы накануне Первой Мировой войны. М.,1985. С. 149.
[701] *Штрандтман В.Н.* Балканские воспоминания. М., 2014. С. 69.

фамилии [702]. В ноябре 1912 г. в доверительной беседе с И.П. Табурно С.Ю. Витте сообщил, что, возможно, ему предложат пост министра иностранных дел. Но он согласится лишь при назначении его заместителем Н.Г. Гартвига, чтобы тот затем занял его должность. Он всячески хвалил посланника в Сербии, кроме которого, по его мнению, в России нет достойных кандидатур на этот пост [703].

Н.Г. Гартвиг довольно скептически относился как к А.П. Извольскому, так и С.Д. Сазонову, не упускал случая для едкой критики своих коллег[704], считал необходимым влиять на российскую внешнюю политику, дабы повернуть ее в «правильное» русло. Фактически, будучи российским дипломатом, он являлся защитником интересов Сербии. В югославском журнале «Nova Evropa» в 1928 г. была дана довольно точная оценка его деятельности: «Гартвиг во всех своих представлениях и письмах защищал перед Сазоновым и Николаем II сербские интересы лучше и способнее, чем многие аккредитованные за границей сербские дипломаты» [705].

Подтверждением его неискренности в отношениях с начальством служит хотя бы следующий сюжет.

Посланник регулярно сообщал своему руководству о миролюбивом настроении сербского правительства. 28 августа 1912 г. он писал, что Н. Пашич находится в трудном положении «ввиду получаемых из Софии вызовов, сильно поднимающих воинственный дух не только в самом Белграде, но и в провинциях», что он борется всеми силами про-

---

[702] *Витте С.Ю.* Воспоминания. Т. 2. Л., 1924. С. 424.
[703] Архив Србије (далее – АС). Заоставштина Николе Пашића. (Несређена грађа). Фасцикла 6. Л. 2–3.
[704] *Штрандтман В.Н.* Указ. соч. С. 76.
[705] Цит. по: *Полетика Н.П.* Сараевское убийство. Исследование по истории австро-сербских отношений и балканской политики России в период 1903–1914 гг. Л., 1930. С. 400.

тив таковых настроений, а «узел положения» находился в Софии [706]. 31 августа в Петербург передавались слова сербского премьера о его готовности «употребить всю силу своего авторитета» для успокоения общества и даже намерении отсрочить созыв скупщины, чтобы предотвратить утверждение военных кредитов. При этом, добавлял глава правительства, Сербию нельзя будет удержать в случае активных действий Болгарии, «ибо нас всех сметет народная волна» [707]. Еще через несколько дней Н.Г. Гартвиг сообщал, что Н. Пашича «конечно, не приходится убеждать» в нежелательности войны, однако его «особенно пугает мысль, что правительство не устоит против все расширяющейся воинственной волны в среде некоторых общественных и политических кругов, откуда уже раздаются по адресу преданной России старорадикальной партии возгласы “изменники”» [708]. Позже посланник передавал слова Н. Пашича о том, что тот будет «до последней крайности» бороться с воинственными настроениями, но не надеется на свои силы, поскольку чувствует себя в одиночестве [709], а также о том, что в личном разговоре с главой болгарского парламента Стояном Даневым сербский премьер всячески старался умерить пыл и оптимизм собеседника [710].

Кроме того Н.Г. Гартвиг знал, чем можно пугать российский МИД: «Имеется полная вероятность, что как только правительство Гешова осведомится об отказе Сербии следовать за Болгарией по требованию России, в Софии произойдет внутренний кризис, на смену властвующих ныне русофилов придут Радославовы, Тончевы; они взвалят всю вину за крушение народных вожделений на Россию и поставят себе задачей сближение с Австрией, пожертвовав Сербией, в критическую

[706] МОЭИ. С. 183.
[707] Там же. 206.
[708] Там же. 235.
[709] Там же. С. 264.
[710] Там же. С. 265–266.

минуту предательски изменившей соглашению. Логическим следствием этого будет полное смятение в Белграде, отступление радикалов и торжество милановских традиций [711] под руководством напредняков в союзе с либералами» [712]. Пойти на это в условиях вероятной общеевропейской войны в Петербурге не могли.

Депеши российского посланника в Белграде создавали ощущение огромного желания сербского руководства всецело следовать советам Петербурга, но невозможности успокоить народ, готовый свергнуть столь миролюбивую власть, и развернуть свои взоры в поисках желаемого к Вене. Кроме того, ответственность за развязывание войны всячески перекладывалась на Болгарию, значение которой в глазах Н.Г. Гартвига было несравненно меньшим.

Казалось бы, можно предположить, что он, как и А.В. Неклюдов принял за чистую монету слова сербского руководства и честно исполнял свой долг. Но тому противоречат донесения военного агента в Белграде, полковника В.А. Артамонова, от которого посланник утаивал некоторую информацию [713]. Когда в конце августа 1912 г. агент сообщил своему начальству о мобилизационных работах в штабах и других принимаемых сербами военных мерах, Н.Г. Гартвиг поспешил их оправдать перед МИД. По его мнению, не стоит адресовать протесты и упреки правительству, поскольку «было бы более, чем безрассудно» сидеть сложа руки в условиях «общей тревоги и имея с севера столь могущественного и опасного соседа» [714]. 11 сентября 1912 г. В.А. Артамонов в секретном рапорте генерал-квартирмейстеру Генерального штаба

---

[711] Имеется в виду время правления князя (1868–1882 гг.), а затем и короля (1882–1889 гг.) Милана Обреновича, с определенного момента ориентировавшегося на Австро-Венгрию, начавшего в 1885 г. войну с Болгарией.
[712] МОЭИ. С. 246–247.
[713] Там же. С. 158.
[714] Там же. С. 184.

Ю.Н. Данилову развернуто изложил свое понимание ситуации. По его мнению, руководство Сербии сознательно вводило в заблуждение свой народ, обещая поддержку России, а правительство Н. Пашича было неискренним: «успокаивая нас миролюбивыми заявлениями и уверяя, что сербы не тронутся первыми, сербское правительство совместно с болгарским бесповоротно решили воевать, имея в виду, что добиться разрешения на войну от держав Тройственного согласия все равно не удастся», но в итоге страны Антанты будут вынуждены дипломатически их поддержать, рассчитывая привлечь на свою сторону в будущей войне. Сомневался он и в ссылках союзных правительств на «общественную волну», способную их смести в случае отказа от войны. «Полагаю, что как в Сербии, так и в Болгарии общественное мнение руководится правительством, которое могло бы остановить движение», – писал он [715].

Того же мнения придерживался первый секретарь миссии В.Н. Штрандтман. В своих воспоминаниях он указывает, что общественное мнение не могло влиять на политиков, а газеты в Сербии являлись «орудием для производства желаемого ими впечатления – будь-то внутри страны, *будь-то за границей* (курсив наш. – *Н.Г.*)», после чего правительство ссылалось на волю народа, якобы отраженную в печати [716].

Вряд ли Н.Г. Гартвиг мог сам верить в те депеши, которые передавал в Петербург. Он старался всячески реализовывать задуманное и злился, когда ему в этом мешали. Ему было неприятно то, что временно замещавший его в Белграде В.Н. Штрандтман передавал Н. Пашичу точные слова официального Петербурга [717], назвал «крепким ругательным словом» С.Д. Сазонова за указание передать балканским правитель-

[715] Там же. С. 267.
[716] *Штрандтман В.Н.* Указ. соч. С. 94.
[717] Там же. С. 158.

ствам, что Россия будет исходить из своих интересов, если они объявят войну Турции [718]. Прочитав инструкции МИД о совместном с австро-венгерским посланником заявлении перед сербским руководством, посланник в присутствии нескольких подчиненных назвал министра мерзавцем [719].

В рамках нашей работы наибольшее значение имеет роль Н.Г. Гартвига в создании у руководства Сербии уверенности в существовании в России помимо официального руководства еще и неофициального – общественного мнения, определявшего политику. Возможно, если бы не он и его подбадривание Н. Пашича, то не было бы такого сербского «наступления» на Петербург.

Позиция и действия Н.Г. Гартвига ни для кого не являлись секретом, роль посланника в поддержке сербских воинственных настроений, неформальные обещания Н. Пашичу в «поддержке» не оказалась тайной и для Л.Д. Троцкого, назвавшего его «опорой и надеждой фрондирующей русско-славянской политики на Балканах» [720]. Но на Певческом мосту ничего не могли поделать – его австрофобские взгляды были близки великому князю Николаю Николаевичу, у которого посланник находил поддержку [721]. Как вспоминал болгарский посланник Стефан Бобчев, он указывал на действия Н.Г. Гартвига С.Д. Сазонову, но министр не имел возможности повлиять на ситуацию, поскольку представителя в Белграде поощряли «некоторые славянские круги в Петербурге», обладавшие поддержкой великой княгини Милицы [722]. Такая противоречивость в высших эшелонах власти подтверждается и объясняет па-

---

[718] Там же. С. 165.
[719] Там же. С. 176.
[720] *Троцкий Л.* Указ. соч. С. 87.
[721] *Штрандтман В.Н.* Указ. соч. С. 118.
[722] *Бобчев С.* Страници из моята дипломатическа мисия в Петроград 1912–1913. София, 1940. С. 170.

радоксальные слова воспоминаний В.А. Сухомлинова об этом периоде: «Тем возбужденнее относились *руководящие круги* к бездеятельности *русской политики* по случаю Балканской войны (курсив наш. – *Н.Г.*)» [723].

Сходное Н.Г. Гартвигу поведение представителя МИД в Софии А.В. Неклюдова зафиксировано в сообщении сербского посланника Мирослава Спалайковича. Тот утверждал, что 20 сентября его посетил А.В. Неклюдов, со слезами радости поздравлявший с тем, что воздействие Великих держав не возымело никакого эффекта, а за день до этого говорил И. Гешову и С. Даневу, что всегда был сердцем и душой с балканскими государствами, отстаивал их интересы перед Петербургом, но, зная российское правительство, им стоит теперь быть аккуратными в своих действиях [724].

§ 3. Борьба за Адриатику при помощи русского общества

Спустя несколько дней вопреки всем стараниям российской дипломатии война началась. Успехи союзных армий поразили европейское общественное мнение, о сохранении status quo не могло идти и речи. Однако практически сразу довольно остро встал албанский вопрос – Австро-Венгрия выступила за создание независимой Албании на территории, которую Афины и Белград уже поделили между собой. Более того, новое образование в австрийском проекте границ лишало Сербию столь желаемого ею доступа к Адриатическому морю. Как вспоминал С.Д. Сазонов, этот вопрос на продолжительное время сделался центральным во всей европейской политике, хотя сам по себе имел «чисто местное значение». Отношение к нему сербского общества перекину-

[723] Воспоминания Сухомлинова. М.–Л., 1926. С. 155.
[724] Сръбските интриги и коварства срещу България (1804–1914). София, 2009. С. 351.

лось и на российское, близкие ко двору круги и националистическая столичная печать начали активную, «шумную кампанию», выражавшуюся в уличных демонстрациях, собраниях, потоке газетных статей, обвинявших руководство страны едва ли не государственной измене[725].

§§ 3.1. Черногорский «фронт»

Непосредственно и неразрывно с вопросом существования и размеров Албании была связана судьба города Скутари, на который претендовала Черногория, что вызывало, по словам того же С.Д. Сазонова, «особо страстное к себе отношение» [726]. Но в МИД данный вопрос рассматривался как проблема местного значения, ради которой «преступно рисковать жизнью хотя бы одного русского солдата». Понимание этого в обществе отсутствовало, и агитация вокруг Скутари доставила министру «немало тревожных минут», и, когда она проникла в Государственную думу, тот пригласил депутатов на беседу, в которой разъяснил ситуацию, прочитал дипломатические документы, что поумерило пыл народных избранников.

Настроения общества не менялись, и в начале 1913 г. его сочувствие южным славянам стало проявляться с такой силой, что внушало министру иностранных дел опасения относительности возможности удержать ситуацию в руках правительства; в придворных и военных кругах росла уверенность, что наступил момент поквитаться с Австро-Венгрией. С.Д. Сазонов писал в это время А.П. Извольскому: «Тут конечно, не одна глупость, но и злой умысел со стороны некоторых развенчанных героев и других, бесстрашно стремящихся ввысь. Я сильно

---

[725] *Сазонов С.Д.* Воспоминания. Мн., 2002. URL: militera.lib.ru/memo/russian/sazonov_sd/04.html (Дата обращения: 22.09.2015).
[726] Там же.

устал и иногда хочется все бросить и уехать в деревню» [727]. В своих воспоминаниях министр указал, что таковое настроение общества «являлось результатом, с одной стороны, интриг отдельных лиц, из которых некоторые находились под гипнозом личных честолюбивых замыслов, другие же – ложно понятого патриотизма, а третьи, и наиболее многочисленные, действовали под влиянием принципиальной оппозиционности правительству, а также плохой осведомленности об общем политическом положении Европы» [728].

Министр не назвал конкретно ни одного представителя придворных кругов, действовавшего в вразрез с позицией, занятой на Певческом мосту, но, по словам академика Ю.А. Писарева, «кампанию против министра возглавили черногорские княжны, дядя царя великий князь Николай Николаевич, его брат великий князь Петр Николаевич, бывший министр внутренних дел В.И. Гурко, член правления Славянского общества генерал А.П. Скутаревский, Д.Н. Вергун, А.А. Башмаков и др.» [729]. Остановимся на первых указанных лицах, в особенности на старшей из княжон – Милице Николаевне, которую черногорский историк Р. Распопович называет неофициальным дипломатическим представителем в России [730]. Дочь черногорского князя Николы Негоша в подростковом возрасте с тремя сестрами приехала в Петербург, где училась в Смольном институте, а позднее стала супругой внука Николая I, дяди наследника престола, великого князя Петра Николаевича. За его старшего брата, великого князя Николая Николаевича после неудачного первого брака вышла замуж сестра Милицы – Анастасия (Стана). Таким обра-

---

[727] *Кострикова Е.Г.* Российское общество и внешняя политика... С. 237.
[728] *Сазонов С.Д.* Указ. соч.
[729] *Писарев Ю.А.* Указ. соч. С. 148.
[730] *Струнина Н.Г.* Деятельность великой княгини Милицы Николаевны Романовой по оказанию помощи Черногории во время Балканских войн // Модернизация vs. война. Человек на Балканах накануне и во время Балканских войн (1912–1913). М., 2012. С. 381.

зом, во время Балканских войн в ближайшем окружении российского императора присутствовало две дочери черногорского короля, старшая из которых отличалась значительной энергией в отстаивании интересов своего отца, а муж второй был негласным лидером придворной партии войны. Однако стоит отметить, что, по мнению российского исследователя В.В. Новикова, в 1910–1912 гг. указанные лица были оттесненены от рычагов влияния А.А. Вырубовой и Г.Е. Распутиным [731]. Но все же, вероятно, в балканских вопросах их роль оставалась довольно значимой.

Небольшое балканское государство прикладывало все силы, чтобы настроить в свою пользу русское правительство и общество. Это довольно подробно рассмотрено в статьях отечественного историка В.Б. Хлебниковой [732]. Великая княгиня Милица перед своим временным отъездом на родину просила Николая II об аудиенции, чтобы передать от своего отца «некоторые важные неотложные вопросы, касающиеся ближайшего будущего Черногории» [733]. Она извинялась, зная плотный график императора, но вопросы были слишком важны. Однако встрече не суждено было состояться, и Милица имела разговор с главой правительства, который этому эпизоду уделил значительное место в своих мемуарах.

24 декабря 1912 г. управляющий двором великого князя Петра Николаевича по телефону сообщил В.Н. Коковцову, что Милица желает его видеть в тот же день «по совершенно неотложному делу». К вечеру премьер приехал к ней, в присутствии ее супруга беседа продолжалась полтора часа. Она озвучила пожелания своего родителя, просила их пере-

---

[731] *Новиков В.В.* Борьба группировок в придворном окружении Николая II: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 2005. С. 30.

[732] *Хлебникова В.Б.* К вопросу о месте династических связей России и Черногории... С. 281–302; *Она же*. Роль династических связей России и Черногории... С. 32–41.

[733] *Она же*. К вопросу о месте династических связей... С. 293; *Она же*. Роль династических связей... С. 37.

дать государю. Записку с ними из письма короля Николы она передала неохотно. Этот документ, поражающий степенью своей наглости, метко охарактеризованный В.Б. Хлебниковой как «смесь нахальства и нищеты» [734], председатель правительства подробно изложил в своих воспоминаниях:

1. «Россия должна дать совершенно определенные указания нашему лондонскому послу не подписывать никакого соглашения по ликвидации балканского вопроса, если только Скутари не будет “признано за Черногорией”».

При чем тут король Никола фактически прибегал к шантажу – этот пункт сопровождался пометкой, что, «если это условие не будет принято, Черногория готова ринуться на Австрию и предпочитает погибнуть в неравном бою, лишь бы не лишиться плодов своих побед».

2. «Северная граница Албании должна быть проведена так, чтобы Ипек и Дьяково отошли непременно к Черногории».

3. «Обещанная государем помощь Черногории мукой и кукурузой должна быть послана как можно скорее, иначе будет поздно, и население, лишенное продовольствия, вымрет от голода».

4. «Черногорская артиллерия окончательно изношена, орудия более непригодны к бою, патроны расстреляны, и необходимо также немедленно послать три батареи из шести скорострельных пушек нового образца, каждая с 1000 снарядов на каждое орудие, а также выслать по 1000 снарядов на все старые орудия и 20 миллионов патронов для всех трехлинейных винтовок, предоставленных в свое время Черногории».

В.Н. Коковцов лишь по третьему пункту ответил утвердительно, в остальных случаях старался объяснить их невозможность, прерываемый

---

[734] *Она же*. Скутари 1913 г.: проверка российско-черногорского союза на прочность // Модернизация vs. война... С. 171.

гневными и резкими репликами великой княгини. Как обиженный ребенок она спрашивала, почему Россия согласна на передачу Болгарии Адрианополя, но выступает против приобретения Черногорией Скутари. Суть ее выступления сводилась к тому, что Россия должна заявить «свое (читай – Черногории. – *Н.Г.*) желание настойчиво», и тогда Австрия «не посмеет угрожать войной». На доводы в пользу отказа в четвертом требовании, Милица Николаевна прямо спросила: «А если мой отец найдет способ приобрести артиллерию или заказать ее где-либо на стороне,— Россия заплатит за нее или тоже найдет основания уклониться от этого?».

Итоги разговора великая княгиня оценила как печальные, о чем пообещала не замедлить сообщить своему отцу, и заявила, что «не сомневается ни на одну минуту», что мнение главы правительства будет принято государем и «бедная Черногория выйдет снова ослабленной из всех ее усилий» [735].

После этой беседы Милица написала письмо императору, где негативно характеризовала В.Н. Коковцова, назвала его «человеком, принципы и взгляды которого коренным образом расходятся с моими» [736].

После этого, как пишет В.Б. Хлебникова, «черногорское лобби мобилизовало русскую печать». Особенные усилия прилагала газета «Новое время». Скутари величалось «древнейшей столицей» Черногории, описывался удивительный героизм воинов, проливавших ради него кровь, особое внимание уделялось деятельности Милицы Николаевны, отправившейся помогать родине в трудную минуту. После такой подготовки «черногорское лобби сделало следующий шаг – организовало политические демонстрации в поддержку требований черногорского коро-

---

[735] *Коковцов В.Н.* Указ. соч. С. 206–211.
[736] *Хлебникова В.Б.* К вопросу о месте династических связей России и Черногории... С. 294; *Она же.* Роль династических связей России и Черногории... С. 37.

ля на улицах Петербурга» [737]. «Новое время» старалось создать впечатление, что эти манифестации вызвали значительный отклик в Европе, а Австро-Венгрию и вовсе всерьез напугали [738].

После возобновления боевых действий в 1913 г. нападки на миролюбие и уступчивость С.Д. Сазонова усилились, его называли «русским немцем», а он, в свою очередь, сторонников войны с Австро-Венгрией – «приготовишками» и «гимназистами» [739]. Весной 1913 г. накал страстей вокруг этого вопроса достиг своего апогея, по словам В.Н. Коковцова, процессии с плакатами «Скутари – Черногории» наравне с «Крест на святой Софии» стали обычным зрелищем [740]. Об усиленной агитации под лозунгом «Скутари – Черногории» писал в мемуарах и С.С. Ольденбург [741]. С.Д. Сазонов вспоминал, что демонстрации происходили ежедневно и «относились к *Великому Князю Николаю Николаевичу, зятю короля Черногорского* (курсив наш. – *Н.Г.*) а также и к сербскому и болгарскому посланникам». Проявления сочувствия общественного мнения затрудняли работу правительства, но не влияли на его спокойствие [742]. 21 марта 1913 г. сербский посланник сообщал Н. Пашичу: «Требуется иметь в виду, что общественное мнение тут может стать для правительства немного неприятным, но ни в коем случае не в состоянии решительно на него влиять» [743]. Тогда же С.Д. Сазонов писал послу в Париже: «К счастью, у меня неистощимый запас равнодушия по отношению к глупому нашему общественному мнению, фабрикуемому по столько-то

---

[737] *Она же.* К вопросу о месте династических связей... С. 295.
[738] Там же. С. 296; *Она же.* Роль династических связей... С. 38–39.
[739] *Писарев Ю.А.* Указ. соч. С. 148–149.
[740] *Коковцов В.Н.* Указ. соч. С. 173.
[741] *Ольденбург С.С.* Царствование Императора Николая II. Т. 2. Мюнхен, 1949. С. 97.
[742] *Сазонов С.Д.* Указ. соч.
[743] Сръбските интриги и коварства... С. 437.

копеек за строку нашими малограмотными и беззастенчивыми газетчиками» [744].

Хотя надо отметить, что для сохранения душевного равновесия и спокойствия необходимо было иметь выдержку. Националистически настроенные круги публично клеймили С.Д. Сазонова и В.Н. Коковцова, говорили о министрах «продавшихся немецкому влиянию», и вели манифестации к их домам. Председателю правительства в этом повезло более и полиция не пропустила процессию на узкий проезд к Мойке [745], жилье министра иностранных дел в дни празднования падения Адрианополя охраняло два эскадрона конных жандармов [746].

По сообщениям российского посланника в Цетинье, А.А. Гирса, во дворце короля Николы весной 1913 г. с уверенностью рассчитывали уже не на просто манифестацию в поддержку Черногории, а на уличные беспорядки, которые придется подавлять силой [747]. Но расчеты эти оказались неверными, руководство России отказалось рисковать из-за того, что С.Д. Сазонов аттестовал как «эпизод, не имевший по существу никакого политического значения, но искусственно раздутый до размеров события, от которого могло зависеть нарушение европейского мира» [748]. 2 апреля 1913 г. министр писал А.П. Извольскому: «Только тот, кто сам изведал прелесть власти, может отдать себе ясный отчет о тех трудностях, с к[ото]рыми мне приходится бороться с начала Балканского кризиса. Несмотря ни на какие ослиные лягания я продолжаю, насколько позволяют силы, спокойно идти по тому пути, который мне указывают

---

[744] *Кострикова Е.Г.* Российское общество и внешняя политика... С. 240.
[745] *Коковцов В.Н.* Указ. соч. С. 213.
[746] *Родзянко М.В.* Указ. соч. С. 74.
[747] *Хлебникова В.Б.* К вопросу о месте династических связей России и Черногории... С. 296; *Она же*. Роль династических связей России и Черногории... С. 40.
[748] *Сазонов С.Д.* Указ. соч.

мой рассудок и моя совесть, надеясь на конечное торжество здравого смысла и политической добросовестности над безумием и интригой» [749].

В те же дни МИД выпустил сообщение, где говорилось, что общественное мнение в своих суждениях опирается лишь на неполные и отрывочные сведения, поэтому необходимо разъяснение. Указывалось, что Россия была и остается великой славянской державой, никогда не скупившейся на помощь своим братьям, в данный момент «отстояв Призрен, Ипек, Дьяково, Дибру в интересах славян, Россия сочла нужным согласиться на присоединение к Албании Скутари», но «отношения России к единоверным и единоплеменным государствам не могут быть построены на обязанности русского правительства всегда и во всех случаях исполнять все их желания и требования» [750]. Этот документ собрал «Группу прогрессивных общественных деятелей» для обсуждения. Горячо выступали против «антирусской» политики С.Д. Сазонова и В.Н. Коковцова А.Н. Брянчанинов, Д.И. Семиз, В.Д. Плетнев, М.П. Чубинский, их речи и текст правительственного сообщения были изданы [751]. Но все это уже являлось бранью вслед ушедшему поезду. Скутарийский вопрос уже был решен. Но здесь из уст профессора М.П. Чубинского прозвучала мысль, характеризующая его «объективность»: если в основу распределения территории класть этнографический и религиозный принцип, то «нужно прибегнуть к серьезным и авторитетным источникам и в том числе к этнографическим, историческим и статистическим исследованиям ученых, особенно *сербских* (курсив наш. – *Н.Г.*)» [752].

---

[749] *Кострикова Е.Г.* Первая Балканская война и российское общество... С. 482.
[750] История внешней политики России. Конец XIX – начало XX века (От русско-французского союза до Октябрьской революции). М., 1997. С. 338.
[751] Интересы на Балканах и правительственное сообщение. СПб., 1913.
[752] *Чубинский М.П.* Значение декларации по балканскому вопросу // Интересы на Балканах... С. 43.

Как пишет В.Б. Хлебникова, короля Николу позиция, занятая на Певческом мосту, задела, и неуступчивого А.А. Гирса пытались опорочить, пустив слух, что именно по его вине до Черногории не дошла продовольственная помощь из России, и в итоге обиженный правитель в качестве мести (скорее – пакости) Петербургу закрыл Мариинский женский институт, подчинявшийся и содержавшийся на средства российского министерства народного просвещения [753].

§§ 3.2. Сербский «фронт»

Активными лоббистами среди родственников императора другие государства Балканского союза не обладали. Великая княгиня Ольга Константиновна, с 1867 г. бывшая королевой Греции, в декабре 1912 г. написала С.Д. Сазонову письмо, которое «поправляла и переписывала, что отняло много времени», где рассказывала свое видение происходящего на полуострове [754]. Текстом этого документа мы не располагаем, однако, судя по остальной ее корреспонденции этого времени, она стремилась донести до министра иностранных дел сведения о том, что в Салониках болгары агрессивно и нахально вели себя по отношению к грекам, освободившим этот город. «Наглые» болгары заявляли о том, что вскоре отберут спорный пункт.

Сербия также не располагала такими агентами влияния в окружении императора – дочь короля Петра княгиня Елена Петровна особой активности не проявляла, отправившись в Белград. Ее деятельности там много внимания уделил И.П. Табурно [755]. В связи с этим все усилия сербов были сконцентрированы на русском общественном мнении, некоторые представители которого давали громкие обещания. В августе 1912 г.

---

[753] *Хлебникова В.Б.* К вопросу о месте династических связей России и Черногории... С. 299; *Она же.* Роль династических связей России и Черногории... С. 40.
[754] *Соколовская О.В.* О начале Первой балканской войны 1912 г. (Несколько писем королевы эллинов Ольги) // Славянский альманах 2009. М., 2010. С. 414.
[755] *Табурно И.П.* О сербских битвах... С. 116–117.

А.И. Гучков послал Н. Пашичу телеграмму «Остаетесь ли при прежнем решении? Бог в помощь!» [756]. По словам В.Н. Штрандтмана, именно А.И. Гучков и Н.Г. Гартвиг вселили в сербское правительство уверенность, что русский народ вопреки официальной политике сочувствует им [757]. Накануне объявления войны в частной беседе бывший председатель III Государственной Думы Н.А. Хомяков говорил сербскому посланнику Д. Поповичу, что сербам необходимо двигаться по намеченному пути, без оглядки на российский МИД, поскольку тот может говорить лишь за себя, а не за всю страну [758]. В том же духе твердил сербскому руководству Н.Г. Гартвиг. По мнению Л.Д. Троцкого, «бесшабашная агитация некоторых русских газет и “салонов”» и привела к тому, что сербы впустую выбивались из сил, стремясь как можно скорее завладеть опорными пунктами на Адриатическом побережье [759].

Но пока итог был неясен, и надежды на общественное мнение возлагались большие. Задача упрощалась тем, что некоторое количество этнических сербов работало в русской печати. Н.И. Гасфельд сокрушался: «Досадно, что русское общество осведомляют о сербских делах и нравах не беспристрастные бытописатели, а большей частью либо люди предвзятых тенденций, либо, что чаще всего бывает, – сами сербы, готовые выдавать себя на этот случай за русских» [760]. В этом он был абсолютно прав.

Сотрудником «Русского слова» являлся Милан Михайлович Бойович, с началом войны отправившийся в Белград. О неравнодушном отношении к нему со стороны сербских властей и их понимании значения его деятельности в грядущей борьбе говорят строки из писем

---

[756] МОЭИ. С. 158.
[757] *Штрандтман В.Н.* Указ. соч. С. 193.
[758] Сръбските интриги и коварства... С. 356.
[759] *Троцкий Л.* Указ. соч. С. 100–101.
[760] *Шевалье Н.* Указ. соч. С. 97–98.

М.М. Бойовича редактору газеты: «С Пашичем разговариваю каждым вечером по часу на его квартире, и знаю все, что было за день», или: «Во дворце был несколько раз по личному приглашению короля и наследника» [761]. Затем он отправился непосредственно на линию фронта, а на его место прибыл Н.П. Брио.

Гавриил Сергеевич Веселитский-Божидарович, родившийся в Герцеговине, к тому моменту уже более 20 лет проработал лондонским корреспондентом «Нового времени» [762]. В этом же издании сотрудником был более интересный для нашей работы человек – Иероним Павлович Табурно, который, по словам сербского посланника Д. Поповича, «писал всегда в нашу пользу» [763]. Он родился в Далмации в 1862 г., окончил Венский университет по специальности инженера. После участия в антиавстрийском восстании в Герцеговине вынужденно переехал в Черногорию, Болгарию, а затем – в Россию. Работая по специальности, участвовал в строительстве Закаспийской железной дороги под руководством генерала М.Н. Анненкова, по его окончании поселился в Петербурге, где переквалифицировался в журналиста [764]. В 1884 г. в Болгарии он познакомился с будущим вершителем судеб Сербии Н. Пашичем (они вместе работали на строительстве Русе-Варненской железнодорожной линии [765]) , и между ними на долгие годы завязалась тесная дружба [766]. В 1899–1900 гг. он организовал издательское товарищество «И.П. Табурно и К°», но вскоре был вынужден отказаться от этого предприятия и вер-

---

[761] Москва – Сербия, Белград – Россия. Сборник документов и материалов. Т. 3. Общественно-политические и культурные связи. 1878–1917. М.–Београд, 2012. С. 308–309.

[762] *Кострикова Е.Г.* Первая Балканская война и российское общество... С. 476. Интересно отметить, что константинопольский корреспондент «Русского слова» носил фамилию Черногорчевич (Там же. С. 479).

[763] *Поповић Д.* Балкански ратови: 1912–1913. Београд, 1993. С. 173–174.

[764] Новое время. 1913. 29 мая.

[765] Централен държавен архив. Ф. 284К. Оп. 1. А.е. 334. Л. 2.

[766] *Шемякин А.Л.* Никола Пашич // Вопросы истории. 2002. № 2. С. 73.

нуться к работе инженера. В это время начинают выходить первые его небольшие книги и брошюры, сначала касавшиеся сугубо железнодорожного строительства, затем носившие и более широкий аналитический характер [767]. Во время Русско-японской войны 1904–1905 гг. он отправился корреспондентом «Нового времени» на театр военных действий, затем опубликовал отдельной книгой свои впечатления [768], в 1908 г. в собрании армии и флота читал доклад о наилучшем способе развития Дальнего Востока [769]. После войны принял русское подданство и был пожалован в потомственное дворянство [770]. Летом 1912 г. сербский парламент именно его утвердил застройщиком порта Прахово на Дунае [771]. Вряд ли конкурс был проведен совсем без участия лидера правящей Радикальной партии, которым еще с 1881 г. являлся Н. Пашич.

Его деятельность во время Первой балканской войны вызывает достаточно много вопросов. С началом конфликта на полуострове И.П. Табурно вновь взял в руки перо и поехал в Сербию. Из Белграда на шесть дней он приехал в качестве сотрудника «Нового времени» в Со-

---

[767] *Табурно И.П.* Записка к проекту «горнопромышленной» железной дороги (Славянск - Петербург) : По проекту инж. И.П. Табурно. СПб., 1902; *Он же.* Необходимые мероприятия для создания экспорта заграницу донецкого угля и русского торгово-грузового флота для русского экспорта вообще. СПб., 1902; *Он же.* О применении системы «воздушных контактов» для электрических трамваев и электрических железных дорог. СПб., 1902; *Он же.* Пояснительная записка к сооружению Рудничная-Лозовской железной дороги. СПб., 1902; *Он же.* Эскизный обзор финансово-экономического состояния России за последние 20 лет (1882–1901 гг.). СПб., 1903; *Он же.* Крестьянский земельный вопрос. СПб., 1906; *Он же.* Записка к проекту электрической железной дороги от города Санкт-Петербурга (Казанская площадь) до Красной Горки через станции Лигово и Ораниенбаум существующей Ораниенбаумской ветви Балтийской железной дороги. СПб., 1907; *Он же.* «Новая панама – Н.А. Демчинского». Ответ на брош. Н.А. Демчинского «Новая панама – Армавир-Туапсинская ж. д.». СПб., 1910.

[768] *Он же.* Правда о войне. СПб., 1905. В некрологе «Нового времени» ошибочно указано, что книга посвящена Первой балканской войне.

[769] *Он же.* Как наилучшим образом обеспечить свободное развитие России на Дальнем Востоке и неприкосновенность ее границ : Докл. И.П. Табурно, прочит. в собр. армии и флота 5 марта 1908 г. и прения по этому вопросу. СПб., 1908.

[770] Новое время. 1913. 29 мая.

[771] *Штрандтман В.Н.* Указ. соч. С. 103.

фию. Как сообщает А.В. Неклюдов, журналист имел беседу с премьером И. Гешовым, и рассказал ему, «будто бы государь император, приняв недавно Михаила Суворина [772], соизволил сказать ему, между прочим, что Россия ни при каких обстоятельствах не потерпит вступления австрийских войск в Сербию». Посланник просил болгарского главу правительства не слушать эти россказни, верить передаваемым указаниям МИД, но, как он сообщил А.А. Нератову, «я уверен, что последний сделал здесь свое дело». Эта телеграмма попала Николаю II, на которой он сделал помету «Неправда», относящуюся к якобы его словам [773]. Своими словами сотрудник «Нового времени» фактически укреплял уверенность болгар в безопасности объявления войны Турции, подталкивал их к этому. Но здесь необходимо учитывать, что он мог действовать в согласии и по просьбе сербского правительства, но мог и передавать данные Н.Г. Гартвига, что также вполне вероятно.

Вернувшись в Петербург, И.П. Табурно развил довольно активную деятельность по популяризации сербского дела на Балканах, при этом, судя по всему, имел доступ к довольно высокопоставленным слушателям. Обо всем этом он написал, буквально отчитался, в своем письме Н. Пашичу 27 ноября 1912 г., к которому обратился «Дорогой Никола», что прекрасно характеризует их отношения.

Спустя три дня по возвращении И.П. Табурно с Балкан к нему обратился начальник канцелярии министерства двора А.А. Мосолов [774] с просьбой предоставить доклад императору, интересующемуся сербским войском. Помимо него было отправлено и письмо, в котором рассказывалось о чувствах сербов к Николаю II, как солдаты, сидя ночью у кост-

---

[772] Михаил Алексеевич Суворин – сын А.С. Суворина, основателя газетной империи, в это время – редактор «Нового времени».
[773] МОЭИ. С. 234.
[774] В тексте – помощник министра двора генерал Масалов.

ра, выражают свою любовь к нему. В конце журналист добавил, что сербский народ достоин любви и защиты русского царя. На полях письма Н. Пашичу приписано, что только пришла весть от Мосолова: государь доволен докладом.

После того в собрании армии и флота сотрудник «Нового времени» читал доклад для столичных военных кругов в присутствии военного министра, состоящего при царе барона Ф.Е. Мейендорфа, корпусных командиров. Всего мероприятие посетило 2000 человек. Как пишет И.П. Табурно, «реферат имел большой успех». Затем этот реферат попросил прислать великий князь Николай Николаевич. На той же неделе вышла книга «О сербских битвах».

Побывал он и у С.Д. Сазонова и В.Н. Коковцова, но те ему выражали официальную, миролюбивую позицию. Военный министр В.А. Сухомлинов говорил о готовности русской армии к европейской войне. Более интересной оказалась беседа с С.Ю. Витте, иначе смотревшим на ситуацию. Он считал, что Россия должна не уступать Австрии. Эту часть письма Н. Пашич выделил. Затем бывший глава правительства перекрестился и сказал: «Слава Богу, кажется, Николай Николаевич берет верх».

После всех бесед И.П. Табурно пришел к следующему выводу: «Безусловно, действует два направления, одно – Сазонов-Коковцов, другое – вел[икий] князь Ник[олай] Ник[олаевич]. Оба направления борются насмерть. Говорят, Ник[олай] Ник[олаевич] одерживает верх». После он написал: «Военная партия хочет войны». И это предложение в тексте подчеркнуто дважды, видимо, Н. Пашичем.

Не только результатами делился сотрудник «Нового времени». Сообщал он адресату, что завтра (т.е. 28 ноября) выйдет его статья-ответ

позиции С.Д. Сазонова «Что скажет рязанский мужик (ответ дипломату)».

Заканчивается письмо следующими мыслями: «много военных и невоенных говорят: Пусть сербы будут тверды, пусть не сдаются, пусть не отступают, и все будет хорошо» [775].

Даже простой перечень собеседников сотрудника «Нового времени» говорит о том, что заурядным журналистом он не был. Кроме того, тесная и долгая дружба с Н. Пашичем, отчетная форма письма дают основания считать, что действовал уроженец Боки Которской далеко не по собственному почину. Как мы видим, данные И.П. Табурно подтверждают и роль великого князя Николая Николаевича в поддержании настроя на войну.

Другим давно осевшим в России сербом был Душан Иванович Семиз, родившийся в 1884 г. в Герцеговине, в г. Мостар. Восстановление его точной биографии осложняется тем, что его личный архив в Петербурге до сих пор не разобран, но по некоторым причинам, о которых скажем позже, маловероятно, что там сохранились интересные для нас документы [776]. Его детство обросло легендами. Племянник жены рассказал о семейном предании, согласно которому, «мальчишеское бахвальство древностью своих фамилий, завершившееся незначительной потасовкой на традиционном приеме у их родственника – наследного принца Карагеоргиевича, привело к тому, что больше Душану увидеть родные места не довелось». Здесь стоит указать на то, что до 1903 г. на сербском престоле находилась иная династия – Обреновичи. Тот же автор утверждает, что соседом Д.И. Семиза по парте был Симон Петлю-

[775] АС. Заоставштина Николе Пашића... Фасцикла 6. Л. 1–5.
[776] По свидетельству В.И. Косика, получившего возможность просмотреть эти бумаги, в архиве нет документов, могущих нам помочь в данном исследовании.

ра [777]. Но эти данные, хотя бы на том основании, что у них существенная разница в возрасте, опровергает А.Н. Горяинов [778]. В реальности бегство из Герцеговины состоялось из-за изгнания из мостарской гимназии за участие в сербском национально-освободительном движении и близость к тайным организациям «Черная рука» и «Млада Босна». Приютил его в Полтаве дальний родственник Й.Х. Пичета, и Д.И. Семиз рос вместе с будущим знаменитым славистом и организатором науки В.И. Пичетой. Затем он переехал в Петербург, стал правоведом, часто выступал в печати с популярными работами о южнославянских народах, был избран членом Сербской Матицы [779]. После 1917 г. он остался в России, дважды побывал в ссылке, где познакомился с Л.Н. Гумилевым, после чего осел в родных местах своей жены, городе Мышкине, где и умер в 1955 г. [780].

К И.П. Табурно и Д.И. Семизу присоединился приехавший из Сербии профессор Белградского университета Радован Кошутич. Он был нередким гостем в российской столице, на родине преподавал русский язык, учебник грамматики которого написал. Выступления в России на политическую тему для него также были не в новинку – в 1908 г. он опубликовал брошюру «Сербский народ и аннексия Боснии и Герцеговины» [781]. К нему периодически присоединялись другие сербы, публично защищавшие интересы своего народа, но постоянной фигурой был именно он. Для российского правительства это давление особо приятным не было, и сербский посланник Д. Попович сообщал Н. Пашичу о

---

[777] *Рогов Д.К.* Из истории одной российской семьи // Опочининские чтения. Вып. 6. Мышкин, 1998. С. 31.
[778] *Горяинов А.Н.* Протоирей Иоанн Пичета и его потомки (из родственных связей Душана Семиза) // Учемский сборник. Вып. 4–5. Мышкин, 2003. С. 87.
[779] *Рождественская М.В.* Душан Иванович Семиз: «Сербская Голгофа» // Опочининские чтения. Вып. 6... С. 27–30; *Горяинов А.Н.* В.И. Пичета как поборник единства славян и сторонник идей социализма // Славянский альманах. 2001. М., 2002. С. 286–287.
[780] *Рождественская М.В.* Указ. соч. С. 27.
[781] *Кошутич Р.* Сербский народ и аннексия Боснии и Герцеговины. СПб., 1908.

недовольстве С.Д. Сазонова, по мнению которого, посланники Белграда участвуют в газетной травле политики МИД, поскольку «некоторые из наших людей вошли в контакт с некоторыми из этих газет», а по поводу Р. Кошутича говорил, что не стоит в России иметь сразу двух посланников – одного при правительстве, другого – при газетах и общественном мнении [782].

Отметим, что Россия не являлась единственным местом, где сербы активно воздействовали на общественные настроения. Координаторами реализации задачи – создания необходимого мнения у населения европейских держав – назначались люди, имевшие тесные связи с интеллектуальными кругами стран, куда их отправляли, желательно, обретенные во время учебы. Во Франции таким человеком был выпускник Сорбонны Гргур Якшич [783].

Кроме того, в интересах Сербии выступали и российские подданные, попадая под влияние своих сербских друзей, но зачастую их взгляды и изначально не расходились.

* * *

До весны 1913 г. основным направлением деятельности сербов являлось албанское. Причем занимались они не нападками на умеренную позицию российского правительства, а работали конкретно против создания Албании, донося до русского общества определенные тезисы.

Если болгары предъявляли миру зверства турок над мирным населением, то сербы больше говорили об албанцах-арнаутах. И.П. Табурно писал, что турки и албанцы долгие годы методично истребляли сербов,

---

[782] Сръбските интриги и коварства... С. 438.
[783] *Стојић Б.* Први балкански рат у очима француског јавног мњења // Први балкански рат 1912/1913. године... С. 345.

и, как ему говорил российский консул в Скопье и другие его коллеги, «промедли Сербия еще лет 5–6, ни одного серба в этом крае не осталось бы». Этого, по мнению корреспондента «Нового времени», было достаточно, чтобы «сербы вполне основательно расстреливали арнаутов, сдающихся и затем нападающих» [784]. Болгары часто рассказывали, что турки выбрасывали белый флаг, после чего в упор расстреливали подошедших к ним, а тот же И.П. Табурно говорил об аналогичных случаях со стороны арнаутов и добавлял: «Нельзя удивляться, если впоследствии сербы не давали арнаутам пощады и не верили белым флагам, хотя еще несколько раз за время войны и дали себя обмануть» [785].

Необходимо было объяснить всю «абсурдность» идеи создания албанской государственности. И.П. Табурно писал по этому поводу: «Толкуют культурные дипломаты о какой-то автономии Албании, где бы эти арнауты сами были хозяевами. Чуть ли не европейская война может вспыхнуть из-за спора о создании какого-то отдельного арнаутского государства... Что же это за государство может быть, где эти звери будут полными хозяевами? Это будет зверинец, а не государство! Это будет гнездо пиратов, разбойников! Нужно, очевидно, найти свободное пристанище этому зверскому племени, нужно, чтобы Балканы не успокоились» [786]. Он доказывал, и что такой этнической общности не существует в принципе, и истории у нее нет. По его мнению, если спросить европейских дипломатов, «что это за народ албанцы и каково их государственное прошлое», то маловероятно, что мы получим ответ. Ведь Албания в совокупности никогда не была государством, лишь иногда отдельные небольшие ее части налаживали самоуправление, не приобретая при этом государственного строя. По его же мнению, данный на-

[784] *Табурно И.П.* О сербских битвах... С. 97.
[785] Там же. С. 35.
[786] Там же. С. 61–62.

род представляет из себя большое количество племен, не имеющих ничего общего друг с другом: не существует единого языка (и, как следствие, признака культурности – литературы), конфессиональные различия приводят к постоянной междоусобной борьбе. А объединили их в одну общность лишь «чисто по практическим и географическим доводам» [787].

В ноябре 1912 г., когда вышла книга И.П. Табурно, в Обществе славянского научного единения Д.И. Семиз также утверждал, что наличие столь «неудобной» для интересов Сербии этнической общности – «албанский миф» [788]. Там же российский профессор П.А. Лавров утверждал, что в Старой Сербии достаточно много сербов, просто они носят албанское платье, а в присутствии властей и иностранцев говорят на албанском [789]. В публичных лекциях он утверждал, что этот регион неоднороден и такого государства никогда не существовало как самостоятельного политического целого [790].

Уже в апреле 1913 г., когда создание Албании было неизбежным фактом, территориальные требования Белграда обратились в иную сторону, в связи со скутарийским вопросом Д.И. Семиз вновь обратился к этой теме на собрании «Группы прогрессивных общественных деятелей». При этом он не просто отказывал албанцам в этнической общности, он их и вовсе считал сербами. Начав с рассказа об истории Скутари, которая оказалась историей сербского города, он далее выстроил следующую логическую цепочку. Ряд черногорских родов являются кровными родственниками албанских племен, следовательно, последние – сербы. Поскольку основная масса населения спорного города состоит именно из этих племен, то и город по своему этническому составу –

---

[787] Там же. С. 135–136.
[788] *Семиз Д. И.* Сербский народ накануне войны... С. 60–61.
[789] *Лавров П.А.* Балканский союз и Сербия. СПб., 1913. С. 14.
[790] *Лавров П.А.* Балканский союз и переживаемый им кризиС. Петрозаводск, 1914. С. 28.

сербский. Отличие указанных племен от черногорцев лишь в религии, но в самом Скутари достаточное количество православных. «Не лишне будет упомянуть, что измерениями черепов приведенных черногорских и “албанских” племен установило, что это одна и та же раса и один и тот же тип и что тип обывателя Скутари ничем не отличается от герцеговинца, этого чистейшего и подлиннейшего серба», – дополнительно аргументировал свою точку зрения правовед [791].

Главным, ударным доводом был экономический – необходимость выхода к Адриатическому морю для развития страны, ведь она, по словам И.П. Табурно, без него «не может существовать как независимое государство». «Для Сербии это вопрос жизни», – писал он в ноябре. Ради морского порта она многим пожертвовала при выработке условий договора с Болгарией, а экономические интересы Австро-Венгрии в этом регионе, по мнению журналиста, не могут быть доводами в ее пользу [792]. Один из вариантов решения проблемы – получение Сербией железнодорожного коридора к морскому порту – он также считал неверным. В отличие от КВЖД эти пути будут пролегать в гористой местности и во враждебном окружении, когда любой албанец может обстрелять состав или испортить дорогу и безнаказанно вернуться на территорию своего государства [793].

В конце своей книги «О сербских битвах» И.П. Табурно активно выступил как сторонник активной политики России в этом вопросе. Начав с того, что Австро-Венгрия не может настаивать на своей точке зрения по праву сильного, поскольку ее армия блестящих военных побед никогда не одерживала, он выразил следующую мысль: слова о том, что

---

[791] *Семиз Д.* Скутари и наша дипломатия. (Историческая правда и правительственная декларация) // Интересы на Балканах и правительственное сообщение... С. 19–22.
[792] *Табурно И.П.* О сербских битвах... С. 138.
[793] Там же. С. 142.

нельзя начинать войну из-за порта на Адриатике, надо адресовать Вене, а Петербург совместно с Европой должен сказать: «порт должен быть дан Сербии, нельзя из-за него затевать европейскую войну, никому этот порт не может мешать, а Сербия как независимое государство, без него существовать не может». Для Антанты, по его мнению, «непростительно и даже преступно» оставлять в «экономическом порабощении» своего балканского союзника.

Далее он обрушивался на австрийское правительство, постоянно доказывавшее, что черное – это белое, и наоборот, чему слабовольные европейские дипломаты верили. За этим следовало рассуждение, в полной мере показывающее талантливость И.П. Табурно в умении завуалировать свои мысли: современная химия изобрела достаточное количество средств для распознавания цветов, что позволяет легко отличить черное от белого, поэтому дипломатам стоит привлечь специалистов из этой области. «Те наверно сумеют разрешить спор с Австрией. Военные химики ведь хорошо знакомы с взрывчатыми веществами, с эффектом орудийного и оружейного огня, дипломаты же, особенно наши, игнорируют эти в наш век категорические знания и умение ими пользоваться».

В заключение он выражал убежденность, что Россия сумеет употребить себе на пользу создавшееся положение и не оставит на произвол своего верного союзника. Но сербам необходимо предоставить и «более веские доказательства дружбы и поддержки. Недостаточно лишь восторгаться их победами, их успехами» [794].

Однако в этом направлении официальный Белград все же не прикладывал значительных усилий. Это было обусловлено следующим. Во-первых, русское общество и так выступало на стороне Сербии, а не Албании (о которой и представление имело-то смутное), поскольку суще-

[794] Там же. С. 140–144.

ствовало множество недовольных «коварным» поведением Дунайской монархии с одной стороны, и всей политикой правительства В.Н. Коковцова– с другой. Во-вторых, причастность к антиправительственным выступлениям и демонстрациям могла лишь вызвать раздражение у российского руководства, посеять недоверие в искренности заявлений Белграда. В-третьих, довольно скоро стало очевидно: адриатического побережья сербам не видать. Однако, по выражению болгарского историка Г. Маркова, «вопли сербских правящих кругов из-за неполучения выхода к Адриатическому морю… вызвали сострадание в Петербурге» [795].

§ 4. Информационная битва за Македонию

Зимой 1912/1913 гг., когда уже вряд ли кто реально рассматривал возможность получения Сербией искомых территорий на Адриатике, зримой становилась перспектива пересмотра соглашения в части, касающейся раздела Македонии. К тому же ход событий внес изменения в план войны, прописанный в сербско-болгарском договоре и предусматривавший участие стотысячной группировки болгарских войск в освобождении Македонии. Однако туда были отправлены значительно меньшие силы – практически все было брошено на фракийский фронт. В то же время войска короля Петра оказывали помощь болгарам в осаде Адрианополя, тем самым перевыполняя свои союзные обязательства.

Балканские народы стремились к созданию национальных государств, и терпимого отношения к иному этническому компоненту на оккупированных территориях не проявляли. Турки бежали от наступающих болгар, о преступлениях против оставшихся турок и албанцев рус-

[795] *Марков Г.* България в Балканския съюз срещу Османската империя 1911–1913. София, 2012. С. 490.

ская печать старалась не говорить. Но иной была ситуация с населением Македонии, занятой армией короля Петра, среди которого присутствовало достаточно много болгар с выраженной национальной самоидентификацией.

В январе 1913 г. П.Н. Милюков посетил Балканы, и болгары ему передали тетрадь с записями, негативно характеризующими поведение сербских войск и администрации в Македонии. В Салониках лидер кадетов показал часть информации, касавшейся г. Битоли, сербскому посланнику в Греции Живоину Балугджичу. Тот не замедлил об этом сообщить Н. Пашичу, добавив, что, несомненно, тетрадка была получена из официальных болгарских источников [796]. Но и затем П.Н. Милюкову поступали сведения о страданиях болгар – профессор Иван Шишманов и его супруга регулярно сообщали о них в своих письмах [797]. Правда, в их переписке говорилось не только об этом, но и о личных и научных интересах [798].

В феврале 1913 г. в «Вестнике Европы» появилась статья М.А. Осоргина, бывшего до этого в Болгарии корреспондентом «Русских ведомостей», «О Балканских зверствах», где появляется информация о конфликтах между союзниками. Однако если о болгарских зверствах говорится лишь по отношению к туркам, то греки и сербы выступают злейшими врагами болгар. Так, к примеру, упоминаются случаи мародерства и грабежа греками Салоник, потому что большая часть населения из экономических соображений симпатизировала болгарам и ждала их прихода в город [799]. Греческий отряд «в приморском местечке» (автор не называет точного пункта) высадился и пленил болгарский гар-

---

[796] Сръбските интриги и коварства... С. 406.
[797] *Чернявский Г., Дубова Л.* Милюков. М., 2015. С. 254.
[798] Российский государственный архив литературы и искусств (далее – РГАЛИ). Ф. 1065. Оп. 5. Ед. хр. 1. Л. 59.
[799] Вестник Европы. 1913. № 2. С. 320.

низон, стоявший в нем. Сельская администрация в Битоле, который не был признан по сербско-болгарскому договору «бесспорной» сербской территорией, насильно заставляла местных жителей менять фамилии на сербские, так Ивановы становились Иваничами. На местном собрании в Македонии, где стояли сербские войска, местный житель произнес тост за царя Фердинанда, а на утро уже был найден убитым. Бродит «призрак раздоров междоусобных», как констатировал автор [800].

В том же месяце в «Заветах» вышла статья Ст. Вольского, где он писал: «Миновал медовый месяц балканских симпатий, и уже завял, поблек союзнический энтузиазм»: идет спор о Скопье и Битоле, сербы закрыли несколько болгарских школ, и был убит болгарский учитель, поднявший бокал за царя Фердинанда. Но, по мнению корреспондента, все это – мелочи по сравнению с действиями греков [801].

На обвинения сербы отвечали, что они были выдуманы сторонниками Болгарии, а «большинство народонаселения, не поддавшееся непосредственному влиянию учителей и священников болгарской пропаганды, очень дружелюбно встретило сербские войска и выразило полную готовность делиться с ними совместной судьбой» [802], поэтому, по словам сербского профессор Александра Белича, сказанным в мае 1913 г. в Петербурге, в отношении таких агитаторов «сербским властям приходится прибегать к более строгим мерам, чем увещевание в бесполезности таких предприятий» [803]. По поводу смены фамилий профессор П.А. Лавров разъяснял, что сербы просто принимают отчества за фамилии, и привел тому пример. Когда он был в сербских краях, то остановился в гостини-

---

[800] Там же. С. 325.
[801] *Вольский Ст.* Письмо с Балкан. Письмо второе // Заветы. 1913. № 2. С. 175.
[802] *Белич А.* Сербы и болгары в Балканском союзе. СПб., 1913. С. 46.
[803] Сербо-болгарский спор за обладание Македонией. Оценка событий, предшествовавших сербо-болгарской войне 1913 года, в изложении заинтересованных сторон и членов общества. Пг., 1915. С. 141.

це, где его записали «Алексеевич» [804]. На наш взгляд, вряд ли всерьез можно принимать такое странное оправдание. А. Белич утверждал, что указывание на этот факт – лишь очередной аргумент в пользу сербского происхождения местного населения: «Неужели и болгары не видят, насколько непрочна их национальность в Македонии, если она этой незначительной переменой звуковой формы фамилии людей может быть уничтожена» [805].

§§ 4.1. Подготовка

До весны 1913 г., по словам И. Илчева, болгарское правительство в плане пропаганды стремилось обороняться, поскольку «не хотело раздражать своих союзников вопреки многочисленным свидетельствам, что они не намереваются придерживаться ранее принятых договоренностей». Однако посланники сообщали, что значительная часть европейского общественного мнения, в особнности русского, была настроена против Болгарии [806]. В феврале 1913 г. посланник в России С. Бобчев отправил главе Совета министров Ивану Гешову депешу, где сообщал, что «необходимо серьезно подготовиться» к борьбе, обозначив два поля ее ведения. «Возложите на *частные лица* (профессоров и др.) делать что-то, писать брошюры, докладные записки, защитительные речи и пр.». Таким образом, было предложено сформировать группу давления для манипулирования русским общественным мнением. Бобчев указал и другое поле противоборства – прессу: «Есть много редакций, которые усвоят наш взгляд, есть много корреспондентов, которые примут наше дело – но потребуется им разъяснить правильно и обстоятельно» [807].

---

[804] *Лавров П.А.* Балканский союз и переживаемый им кризис... С. 29.
[805] Сербо-болгарский спор... С. 22.
[806] *Илчев И.* Родината ми – права или не! Външнополитическа пропаганада на балканските страни 1821–1923. София, 1995. С. 143.
[807] *Бобчев С.* Указ. соч. С. 94–95.

Начиналась битва за симпатии русского общества и обусловленного сербо-болгарским договором арбитра – русского императора. Если до этого некорректно противопоставлять сторонников Софии и Белграда, поскольку они работали приблизительно в одном направлении, то в начале 1913 г. их уже необходимо разделять. При этом задача сербов была несколько проще. Зигзаги внешней политики царя Фердинанда не были забыты, и министр иностранных дел, и глава правительства, по признанию последнего, изначально были на стороне Сербии [808]. П.Н. Милюков аналогично оценивал взгляды С.Д. Сазонова, считая, что тот предпочитал сербов, «старых клиентов России перед новыми – болгарами» [809].

В своих воспоминаниях болгарский посланник упоминает, что часть авторов газеты «Новое время» черпали сведения в дипломатической миссии. Среди них он называет брата погибшего премьер-министра А.А. Столыпина, лично посетившего театр военных действий А.А. Пиленко и журналиста Е.А. Егорова. При чем последний, по словам С. Бобчева, получал весьма «правильное и обстоятельное разъяснение»: он «стал частым посетителем нашей миссии и много раз сидел в какой-нибудь комнате, чтобы написать на основе полученных от меня сведений статьи, которые мне прочитывал и после этого относил в редакцию для печати» [810].

«Добрым другом» болгарского посланника был издатель «Биржевых ведомостей» С.М. Пропер, отправлявший своих сотрудников В. Бонди и Г. Кирдецова к нему в миссию за материалами для статей [811]. Заметки, вышедшие из-под пера другого автора этой газеты,

---

[808] *Коковцов В.Н.* Указ. соч. С. 181.
[809] *Милюков П.Н.* Указ. соч. С. 111.
[810] *Бобчев С.* Указ. соч. С. 38.
[811] Там же. С. 39.

Т. Ольгенина, перепечатывались в Болгарии [812], что тоже говорит об их направленности.

Теплые личные отношения связывали С. Бобчева с редактором газеты «Свет» Г.В. Комаровым и уже упоминавшимся редактором «Правительственного вестника» А.А. Башмаковым. Последний после освобождения Болгарии служил чиновником в Восточной Румелии. «Во всех своих статьях Башмаков защищал болгарское правое дело», – вспоминал посланник [813]. О его симпатиях довольно резко еще после X съезда славянских журналистов летом 1911 г. в Белграде высказалась оппозиционная сербская газета «Правда». По ее словам, этот журналист был «более болгарин, чем настоящие болгары» [814].

Своим «мощным и справедливым словом», по выражению С. Бобчева [815], на страницах «Речи» защищал притязания Софии на Македонию П.Н. Милюков. Лидера кадетов очень многое связывало с Болгарией. Уехав по политическим причинам из России, он как профессиональный историк преподавал в Софии, но был отстранен от кафедры по требованию российского посланника, после чего отправился в археологическую экспедицию в Македонию. Что интересно, и в болгаро-сербском вопросе мнение П.Н. Милюкова и большей части кадетов расходились – они считали истинным «славянским авангардом» на Балканах Сербию [816].

Свидетельства о жестоком поведении сербских войск и властей в Македонии появлялись в статьях П.Н. Милюкова, они ему попадали, как

---

[812] Вечерна поща. 1912. 11 дек.; там же. 1912. 12 дек.
[813] *Бобчев С.* Указ. соч. С. 39–40.
[814] Цит. по: *Вишняков Я.В.* Военный фактор и государственное развитие Сербии начала XX века. М., 2012. С. 314.
[815] *Бобчев С.* Указ. соч. С. 39.
[816] *Шелохаев В.В.* Либеральная модель переустройства России. М., 1996. С. 210; *Воронкова И.Е.* Партия конституционных демократов о целях и текущих задачах балканской политики Российской империи начала XX века // Славяноведение. 2009. № 5. С. 27.

уже выше говорилось, из официальных болгарских источников. Сербский министр внутренних дел Стоян Протич утверждал, что верить этому автору нельзя, поскольку он принимает на веру «односторонние россказни болгарских шовинистов и четников» и на их основании делает выводы. А такой обвинитель «уже не серьезный человек; так может поступать лишь низшего разбора адвокат» [817]. Другой представитель Сербии, Джордже Генчич, указывал, что в свое время лидер кадетов служил болгарским чиновником и в этом статусе совершал поездки по Македонии. В связи с этим он «едва ли вправе требовать, чтобы русское общественное мнение считалось с его мнением по сербо-болгарскому спору» [818].

Выступления П.Н. Милюкова в печати вызывали у сербов значительное недовольство. Накануне Второй балканской войны в печати появилось открытое письмо Дж. Генчича и М.М. Вукичевича, где они открыто обвиняли политика в антисербских настроениях [819]. А уже после обеих Балканских войн он вместе с упоминавшейся комиссией Фонда Карнеги по расследованию причин и последствий этого конфликта отправился на расследование преступлений военных против мирного населения. И в Сербии ему было отказано в допуске на места происшествий в виду его враждебного отношения к стране. Тогда он решил покинуть Белград, но перед отъездом попал в неприятное положение в ресторане. В.Н. Штрандтман вспоминал, что Н. Пашич сразу назначил чиновника министерства иностранных дел Цемовича состоять при П.Н. Милюкове, чтобы предупредить о возможных враждебных выступлениях публики против него. 25 августа лидер кадетов в компании Цемовича и Любы Стояновича сидел в ресторане «Москва», когда к ним

---

[817] *Balkanicus*. Сербы и болгары в Балканской войне. СПб., 1913. С. 6.
[818] Сербо-болгарский спор... С. 92.
[819] *Кострикова Е.Г.* Российское общество и внешняя политика... С. 251.

подошла группа сербов, один из которых начал вслух читать статью его о Сербии, после чего все хором начали требовать немедленного удаления российского политика из Белграда. Пока Цемович пытался успокоить собравшихся, объект обструкции покинул зал [820]. Немного иной ситуация осталась в памяти самого П.Н. Милюкова. По его версии, к нему в гостиницу «Россия» [821] пришли проститься его сербские друзья, и они спустились в ресторан. Там демонстранты, «большей частью патриотическая молодежь», их окружили, сев за отдельные столики. «По данному знаку, раздались по адресу “врага” Сербии грубые выкрики и резкие речи», и, к его «большому удовольствию», друзья не выдержали этого. На защиту встали черногорец Венович, Л. Йованович [822], затем возникла пауза, ему шепнули, что оставаться небезопасно, и отвели в номер [823].

Но и далее не было покоя П.Н. Милюкову за его болгарофильскую позицию. В рамках работы комиссии Карнеги он прибыл в Афины, не афишируя свой приезд. Но затем одна из столичных газет написала, что известный «враг Греции» находится в столице. Вечером хозяин отеля, где проживал лидер кадетов, заявил ему, что такого человека не может содержать у себя, и предложил выселиться [824].

Другой болгарофил, свидетель войны, освободившей Болгарию, Вас.И. Немирович-Данченко не был так заметен в этом противостоянии. Его книги вышли еще до начала вооруженного столкновения между союзниками. Но в марте 1913 г. активный участник литературной жизни столицы Ф.Ф. Фидлер устраивал у себя музыкальный вечер, на котором

---

[820] *Штрандтман В.Н.* Указ. соч. С. 206.
[821] Так называет это заведение автор воспоминаний.
[822] По всей видимости, П.Н. Милюков ошибается. Люба Йованович – редактор газеты «Пьемонт», и дружба между ними вряд ли могла возникнуть. Очевидно, что говоря о «профессоре Любе Иовановиче», автор мемуаров все-таки подразумевал Любомира Стояновича, действительно бывшего профессором и ученым.
[823] *Милюков П.Н.* Указ. соч. С. 132.
[824] Там же. С. 136.

ждал и этого писателя. В своем дневнике о присутствии Вас.И. Немировича-Данченко он записал: «пришел поздно с какого-то ужина и ушел часа через два: спешил в какое-то общество» [825]. По всей видимости, он участвовал в одном из заседаний, посвященных балканским проблемам. Но ни в одном опубликованном сборнике речей его выступлений мы не находим.

Публицист и народоволец П. Габе, эмигрировавший задолго до этого в Добруджу, пытался донести до русского общества болгарскую позицию относительно территориальных притязаний Румынии [826].

Пытались болгары привлечь на свою сторону племянника российского дипломата, бывшего уже «иконой» в их стране, Н.П. Игнатьева – А.А. Игнатьева. Тот, будучи в это время военным агентом в Париже, попал под атаки болгарского посланника Д. Станчева, который «со свойственной этому дипломату дерзкой настойчивостью считал, что его мнение, как болгарина, для меня закон, что я попросту сам наполовину болгарин» [827]. Но А.А. Игнатьев активного участия в развернувшейся борьбе не принял.

Сторонников Белграда в этом информационном противостоянии назвать сложнее. Сербский посланник Д. Попович не был столь откровенен в мемуарах, как С. Бобчев. К уже названным М. Бойовичу, И.П. Табурно, Д.И. Семизу можно причислить и корреспондента «Утра России» в Сербии – военного историка, генерал-лейтенанта Е.И. Мартынова. Главным образом, тот рассказывал о Второй балканской войне, и всячески живописал болгарские зверства по отношению к

---

[825] *Фидлер Ф.Ф.* Из мира литераторов: характеры и суждения. М., 2008. С. 602.
[826] *Илчев И.* Указ. соч. С. 144.
[827] *Игнатьев А.А.* Пятьдесят лет в строю. М., 1986. URL: http://militera.lib.ru/memo/russian/ignatyev_aa/27.html (Дата обращения: 22.09.2015).

сербам [828]. Но категорично утверждать о том, что он являлся сторонником Белграда, нельзя. Он отправился на полуостров, когда боевые действия начались, и Болгария уже получила от русского общества клеймо братоубийцы и предателя славянства. С. Бобчев указал на журналиста, кого «сербская пропаганда уже успела привлечь на свою сторону» – князя Э.Э. Ухтомского, редактора-издателя «Петербургских ведомостей» [829] и приближенного Николая II, сопровождавшего цесаревича в путешествии по Востоку. По мнению современника, болгарско-македонского общественного деятеля, проведшего студенческие годы в России, а во время Балканских войн отправившегося в Болгарию корреспондентом «Голоса Москвы» [830], К. Мисиркова, сторонники Белграда все же были намного сильнее: «сербские агенты в России в лице архимандрита Михаила, настоятеля сербского подворья в Москве, и в лице сербов, сотрудников русских газет по славянскому вопросу действовали вне всякой конкуренции болгар» [831].

Помимо желающих оговорить условия раздела Македонии в России присутствовала и группа македонцев, выступавших за самостоятельное существование их родины. Их влияние и значение были минимальны, но все же назовем и эту сторону конфликта. Прежде всего к ней принадлежали прибывшие в столицу студентами, и оставшиеся в ней Г.К. Константинович и Д.Д. Чуповский, который и стал лидером петербургских македонцев-автономистов. Так же активно участвовали в об-

---

[828] *Мартынов Е.И.* Сербы в войне с царем Фердинандом. Заметки очевидца. М., 1913.
[829] *Бобчев С.* Указ. соч. С. 40.
[830] *Шипчанов И.* Вестители на бойна слава (военните кореспондентите през Балканската война от 1912–1913 г.). София, 1983. С. 183.
[831] *Мисирков К.П.* Дневник. София–Скопје, 2008. С. 10. URL: http://www.promacedonia.org/km_dn/index.html (Дата обращения: 22.09.2015).

щественном обсуждении г. Горгов, Н. Димов, Й. Горгов [832]. Д.Д. Чуповский стал издателем газеты «Македонский голос», разрешение на которую было получено у петербургского градоначальника 7 мая 1913 г. [833]. Но этому печатному органу была суждена недолгая жизнь, и возобновившаяся во время Первой мировой войны активная агитация за независимую Македонию кончилась также ничем [834].

* * *

Обе стороны начали стягивать своих сторонников в российскую столицу для решающего сражения. Спустя некоторое время, летом 1913 г., П.А. Лавров говорил: «В Петербург для защиты своих интересов прибыли сербы и болгары. Печатались статьи в газетах, выпускались отдельные брошюры, обсуждался сербо-болгарский спор в различных сообществах. Заседания затягивались далеко за полночь. В прениях выступали и проживающие в столице македонцы. Их речи носили страстный и резкий характер. Все это были люди, не подготовленные к тому, чтобы вести покойное научное обсуждение» [835]. Стартовые позиции сторон разнились. Как писал современник событий, член Внутренней Македонско-Одринской организации, Х. Силянов, «задача сербов была упрощена тем, что еще в 1912–1913 гг. Россию наводнили постоянные и непостоянные эмиссары (генерал Липовац, Цемович, Генчич, Белич, проф. Родован Кошутич, проф. Вукичевич и др.), чьей задачей поначалу

---

[832] *Стојанов П.* Македонија во времето на Балканските и Првата световна војна (1912–1918). Скопје, 1969. С. 119.
[833] *Струкова К.Л.* К вопросу о деятельности македонской интеллигенции в России в начале XX в. // Славянский архив. М., 1963. С. 184.
[834] *Терзиоски Р.* Некои активности на македонски дејци во Русија за решавање на македонското прашање (1914–1918) // Македонија: Прашања од историјата и културата. Скопје, 1999. С. 287–301.
[835] *Лавров П.А.* Балканский союз и переживаемый им кризис... С. 29.

была популяризация в среде русского общества замышленной в Белграде измены союзному сербско-болгарскому договору, а затем – из каждой соломинки выстругать копье против Болгарии», при этом генерал Липовац «мерзко эксплуатируя того времени возбужденные славянские настроения русского общества, высказал на одном из “славянских обедов” интимное желание своих собратьев, прокричав: Болгария должна быть стерта с карты Европы!» [836].

В помощь к уже находящемуся в столице Р. Кошутичу был отправлен профессор Александр Белич. Он три года провел в России: в Новороссийском и Московском университетах, был учеником знаменитого лингвиста Ф.Ф. Фортунатова [837], в 1906 г. он опубликовал в Петербурге «Диалектологическую карту сербского языка», а в 1910 г. – избран членом-корреспондентом российской академии наук. Д. Попович писал Н. Пашичу о необходимости того, чтобы А. Белич касался исключительно болгаро-сербских отношений, чтобы не вызывать у правительства по поводу него подозрений, хотя С.Д. Сазонов уже был при мнении, что профессор отправлен в Россию «с некоторой тайной миссией» [838].

2 марта в российскую столицу прибыл сербский митрополит Димитрий, который в тот же день на вопрос журналиста «Голоса Москвы»: «Довольны ли сербы достигнутыми результатами на войне?» ответил: «Конечно, недовольными мы не можем быть. Сербы заняли много дорогих по историческим воспоминаниям мест: Монастырь, Прилеп и др. Теперь мы близко подошли к осуществлению идеи Великой Сербии…» [839]. И до прибытия митрополита сербская православная церковь в лице упомянутого настоятеля сербского подворья выступала проводни-

---

[836] *Силянов Х.* Сръбско-българският спор и Русия. София, 1915. С. 20.
[837] *Шешкен А.Г.* Александр Белич и «Русский Белград» // Славянский вестник. Вып. 2. М., 2004. С. 578.
[838] Сръбските интриги и коварства... С. 438.
[839] Цит. по: Москва – Сербия… С. 329.

ком политики Белграда. Способствовало их успехам и то, что архимандрит Михаил и его клир стали основой созданного Московского славянского комитета, отправлявшего на Балканы добровольцев и денежные пожертвования [840].

В этом же месяце Петербург посетил прославленный болгарский генерал Радко Димитриев. По свидетельству его соотечественника, публициста и дипломата Н. Милева, приезд «на отдых» преследовал и политические цели [841]. Сербский посланник в Софии узнал от английского дипломатического представителя, что генерал отправиться с целью повлиять на русское общество в вопросах болгаро-русских и болгаро-сербских взаимоотношений [842]. Отметим, что военачальник лично встречался с Николаем II, и это нашло отражение в довольно скупых дневниковых записях императора: «Принял болгарского генерала Радко Дмитриева, героя последней войны» [843]. Здесь необходимо указать следующее. Р. Димитриев закончил Николаевскую академию Генштаба в Петербурге, участвовал в свержении болгарского князя Александра Баттенберга, при котором русско-болгарские отношения ухудшились, а после контрпереворота был вынужден почти на 10 лет эмигрировать в Россию, где служил в армии в Тифлисе. Изложенные факты, а также то, что генерал Димитриев являлся русофилом, говорят о том, что неспроста именно он поехал в Петербург для встречи с русским императором и общественностью. В обществе ходили слухи, что он приехал, чтобы предложить Николаю II «ключи от Царьграда». Исходя из того, что аудиенция у императора была длительной, а затем генерал отправился к С.Д. Сазонову, член Госсовета А.А. Поливанов предполагал, что «Радь-

---

[840] Там же. С. 310.
[841] *Милев Н.* Дневници, спомени, пътеписи, писма. София, 2008. С. 165.
[842] Сръбските интриги и коварства... С. 432.
[843] Дневники Николая II. М., 1991. С. 387.

ко-Дмитриев» прибыл «с предложением [России] взять для себя Константинополь», но, по его мнению, у главы МИД вряд ли это встретит поддержку [844]. По свидетельству М.В. Родзянко, на торжественном приеме генерал отозвал его в сторону и советовался: «Я приехал с секретной миссией повергнуть к стопам его величества Константинополь. Как мне быть, как говорить с государем?». Глава Госдумы посоветовал быть в беседе откровенным. [845] А.Н. Брянчанинов публично говорил о предложении столицы Османской империи Петербургу на славянском обеде. Но еще в октябре 1912 г. в Клубе общественных деятелей на основании «конфиденциальных разговоров» он говорил о существовании соглашения, по которому «если бы в случае успеха болгарского оружия, удалось бы подойти к стенам Константинополя и войти в город, он будет затем передан России: нам будет предложено занять его, как дар благодарности Болгарии за ее освобождение русской кровью» [846]. Но его речам мало кто верил тогда, не стоит придавать им документального значения и сейчас.

Министр иностранных дел этот момент не отразил в своих воспоминаниях. Но его подчиненный В.Б. Лопухин утверждал, что Р. Димитриев о предложении Константинополя «официально заявлял». Однако Сазонов альтруизму царя Фердинанда не верил, и, понимая, что России в тот момент проливов не получить, не желал появления и «эвентуального византийца Фердинанда» [847].

В составе этой же делегации посетил столицу России и председатель Народного собрания Стоян Данев (также считавшийся русофилом),

---

[844] *Поливанов А.А.* Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника. 1907–1916. М., 1924. С. 113–114.
[845] *Родзянко М.В.* Указ. соч. С. 74.
[846] Война на Балканах... С. 49.
[847] *Лопухин В.Б.* Записки бывшего директора департамента Министерства иностранных дел. СПб., 2008. С. 209.

которому начальник Генерального штаба Иван Фичев предоставил данные о количестве мобилизованных и болгарских потерях. В воспоминаниях генерал признался: «Эти цифры были завышены, чтобы достигнуть большего эффекта от усилий, приложенных Болгарией ради войны» [848].

Нахождение Р. Димитриева и С. Данева в Петербурге совпали с падением Адрианополя, как уже описывалось выше, их торжественно принимали в Государственной думе, а проводы Р. Димитриева превратились в народное шествие, разогнанное полицией.

В том же марте в Софию прибыл уполномоченный министерства финансов Солдатенков. По поручению царя Фердинанда болгарский министр финансов Т. Теодоров предложил заключение двустороннего соглашения, по которому Болгария брала на себя обязательство «навсегда отказаться» от черноморских проливов и оказать помощь в овладении ими Россией, которая в ответ должна будет содействовать Болгарии в приобретении территорий, перешедших Сербии после войны с Турцией. Предложение в Петербурге отвергли [849]. Эти данные увеличивают вероятность того, что Р. Димитриев и С. Данев приезжали действительно, чтобы предложить России вожделенные проливы в обмен на поддержку.

Весной 1913 г. в российской столице пребывал заведующий болгарскими государственными архивом и библиотекой Никола Бобчев. Он принял участие в Славянском обеде 18 апреля [850], однако, выступлениями на различных заседаниях, либо книгами по спорному вопросу не отметился.

---

[848] *Фичев И.* Балканската война 1912–1913. Преживелици, бележки и документи. София, 1940. С. 348.

[849] *Писарев Ю.А.* Указ. соч. С. 162–163. Ю.А. Писарев ошибочно называет болгарского министра финансов Б. Тодоровым. Его звали Теодор Теодоров. Подробнее см.: *Теодоров И.Т.* Балканските войни. Теодор Теодоров – парламентарният лъв. София, 2007.

[850] Петербургский листок. 1913. 19 апр.

21 марта Д. Попович написал Н. Пашичу, что симпатии к болгарам кажутся сильнее, и если правительство планирует противостоять им, то «хорошо, чтобы в Петербург был отправлен со специальной миссией государственный человек с именем» [851]. Мы точно не знаем, в ответ на эту телеграмму или нет, но в российскую столицу прибыл Джордже Генчич, бывший министр и политический руководитель переворота 1903 г., вернувшего к власти династию Карагеоргиевичей. К. Мисирков писал, что именно «интригами проф. Кошутича и бывшего министра Генчича в Петербурге удалось склонить русскую печать и русских славянофилов на сторону Сербии» [852]. О том, что частным лицом он не воспринимался говорят несколько его встреч с мая по июль 1913 г. с В.Н. Коковцовым и С.Д. Сазоновым, о которых он отчитывался сербскому премьеру [853]. Но, как сам он сообщал, по мнению придворных кругов, в мае 1913 г. на Николая II в вопросах внешней политики никто не мог повлиять [854].

Между всеми эти представителями Сербии возникла даже конкуренция – посланник не давал Дж. Генчичу отправлять донесения шифрованными телеграммами, поскольку тот вторгался в его область деятельности. Временный представитель Белграда в Петербурге об этом пожаловался в письме Н. Пашичу [855], после этого Д. Попович стал передавать сообщения Дж. Генчича.

§§ 4.2. «Сражение»

Весной 1913 г. в печати началась активная полемика, иногда выходящая за рамки академического диспута, между сторонниками Софии и Белграда. Не всем издателям это приходилось по нраву, в особенности

---

[851] Сръбските интриги и коварства... С. 439.
[852] *Мисирков К.П.* Указ. соч. С. 10.
[853] Сръбските интриги и коварства... С. 477, 541, 549; Москва–Сербия... С. 428, 430, 432.
[854] Сръбските интриги и коварства... С. 478.
[855] Там же. С. 477.

учитывая, что не было понятно, кто прав. В «Русском слове» решили: «Не печатаем сербов, дабы не печатать болгар и не учинять на страницах “Русского слова” “братоубийственной войны”» [856].

Сербские интересы активно защищала газета «Новое время», хотя сербский консул в Приштине М.Г. Милоевич и утверждал, что «идея, которую защищает петербургское “Новое время”» в отношении границ Албании и Болгарии ошибочна [857]. В то же время (видимо, небезосновательно) посланник России в Софии А.В. Неклюдов с подозрением относился к журналистам-«славянским патриотам из “Нового времени”», предполагая там наличие иностранных шпионов [858]. В «Речи» появились обвинения сербов в насилии над населением Македонии. Издание Сувориных 1 апреля отреагировало на это следующим образом: болгары давно подготавливали почву для таких известий, и корреспондент кадетской газеты «счел нужным на этот счет справляться только у представителей болгарской пропаганды». Но, по мнению этой газеты, приведенным данным не стоит придавать особого значения, «как ни старается болгарская печать раздуть тот или другой факт. Ибо все это – неудовольствие кучки македонских политиканов». А у сербов есть документы, показывающие, откуда поступают такие сведения. Редакция назвала народ Македонии довольным «своими освободителями», при чем слово «довольный» выделила курсивом [859].

11 апреля в этом издании вышла статья «Сербская точка зрения на сербо-болгарский спор», автор которой скрылся под псевдонимом «Серб». Редакция предварила текст своим предисловием. Она указала, что важно полно и всесторонне осветить препирательства союзников,

---

[856] *Кострикова Е.Г.* Российское общество и внешняя политика... С. 252.
[857] *Милоевич М.Г.* Равновесие на Балканах. СПб., 1913. С. 32.
[858] *Кострикова Е.Г.* Российское общество и внешняя политика... С. 187–188.
[859] Новое время. 1913. 1 апр.

но, поскольку нет опубликованного текста договора, то «нельзя не отнестись с должным вниманием к заявлением, хотя бы и частного характера, но исходящим от искренних патриотов» [860]. 19 апреля в «Новом времени» увидела свет большая статья А. Белича «По поводу македонского вопроса» [861].

Помимо статей публиковались и более обширные доказательства верности своей точки зрения. В издательстве «Нового времени» вышла книга сербского министра внутренних дел Стояна Протича (под псевдонимом «Balkanicus») «Сербы и болгары в Балканской войне», там же был выпущен труд выпускника Московского университета, уже упомянутого А. Белича «Сербы и болгары в Балканском союзе», для этого издательства Д.И. Семизом была переведена брошюра сербского консула в Приштине М.Г. Милоевича «Равновесие на Балканах» [862], а также опубликован доклад И.П. Табурно «Вопрос о распределении завоеванной у Турции территории между Болгарией и Сербией». Этот доклад 11 июня [863] он послал в Белград, вместе с письмом Ристе Одавичу, видному сербскому интеллектуалу, переводчику, директору Архива Сербии, где просил перевести и издать его на сербском и французском языке [864]. 22 июня он встречался с В.Н. Коковцовым, сказавшим, что доклад прочел и

---

[860] Там же. 11 апр.
[861] Там же. 19 апр.
[862] В сентябрьском выпуске 1913 г. журнала «Исторический вестник» на книгу М.Г. Милоевича вышла рецензия, авторы которой, не анализируя или критикуя, довольно пространно, на 5 страницах, пересказали аргументы консула в Приштине.
[863] На письме указано, что письмо написано 11 июля, но 28 июня (ст.ст.) И.П. Табурно скончался. В то же время в Сербии, как и в России придерживались юлианского календаря, поэтому, по всей видимости, автор просто совершил описку. Если допустить, что он пользовался григорианским календарем, то письмо И.П. Табурно датировал днем своей смерти.
[864] АС. Фонд Ристе Одавића. Фасцикла III. А.е. 367.

считает доводы справедливым. Об этом И.П. Табурно сообщил Н. Пашичу через Д. Поповича [865].

По поводу брошюры А. Белича П.А. Лавров в Обществе славянского научного единения высказал следующую мысль. Произведение сербского ученого во многом совпадало с публичным выступлением Н. Пашича по македонскому вопросу, поэтому «мы имеем дело с общим всему сербству национальным взглядом. Тем важнее отнестись к нему с особенным вниманием» [866]. Сам белградский профессор писал в книге, что выражает «те мысли, которые исповедуются самым умеренным большинством сербского народа в королевстве» [867]. Близка к ним книга русского генерала Н.Р. Овсяного. В качестве председателя Черняевского союза он посетил полуостров, где простудился, и 4 мая 1913 г. на 67 году жизни уже в Петербурге, в больнице при общине св. Евгении [868], скончался [869]. Тем не менее, он успел издать книгу [870], где содержались его статьи разных лет, предисловие, датированное 4 апреля 1913 г., и заметка под названием «Beati possidentes» («Счастливы обладающие»).

Во многом указанные книги, статьи в «Новом времени» и публичные лекции П.А. Лаврова повторяют друг друга в доводах, которые можно свести к следующему.

В основу раздела Македонии не должен ложиться этнический и исторический принцип. Но и здесь, как утверждал «Серб», его соотечественники считают «доводы в пользу своего овладения этой частью Македонии так же сильными, как и болгарские» [871], и, как писал А. Белич, они обладают «исконными историческими и этнографическими права-

[865] Москва–Сербия... С. 429.
[866] Сербо-болгарский спор... С. 38.
[867] *Белич А.* Сербы и болгары.. С. 4.
[868] Петербургский листок. 1913. 5 мая.
[869] Новое время. 1913. 5 мая.
[870] *Овсяный Н.Р.* Ближний Восток и славянство. СПб., 1913.
[871] Новое время. 1913. 11 апр.

ми» на эту землю [872]. При этом, ссылаясь на ученых, часто подчеркивалось, что *далеко не все* жители спорного региона – болгары [873], но «даже лучшие знатоки и авторитеты науки среди этнографов и историков» не в силах точно установить этнические границы [874], поэтому «незаинтересованные писатели о македонских славянах вынесли общий согласный приговор: *славянские массы – столь же болгарские, сколь и сербские»* [875]. Н.Р. Овсяный, основываясь на книгах болгарина В. Кынчова и серба Й. Цвиича, пришел к выводу о полнейшей запутанности и сложности вопроса [876].

В том же, что касалось истории, то памятники и обычаи населения, сохранившиеся несмотря на годы нахождения под юрисдикцией болгарского экзархата, то, что «сербское владычество над Македонией, как в культурном, так и в христианском и этическом отношениях наиболее резко выделяется» [877], свидетельствует в пользу прав Белграда [878], того, что «сербское обладание Македонией было более прочным, чем болгарское» [879] – по мнению выступавших, в спорном регионе больше сохранилось сербского наследия, что доказывает соответствующий этнический характер населения. В подтверждение указывалось на значительное влияние сербского языка в морфологии и лексике «македонского диалекта» [880], который, по словам И.П. Табурно, был близок к старосербскому, на котором написан «Законник» Стефана Душана, «который бли-

---

[872] *Белич А.* Указ. соч. С. 17–18.
[873] *Balkanicus.* Указ. соч. С. 30; *Белич А.* Указ. соч. С. 39.
[874] *Милоевич М.Г.* Указ. соч. С. 13; *Белич А.* Указ. соч. С. 7.
[875] *Милоевич М.Г.* Указ. соч. С. 27; *Табурно И.П.* Вопрос о распределении завоеванной у Турции территории между Болгарией и Сербией. СПб., 1913. С. 3.
[876] *Овсяный Н.Р.* Указ. соч. С. 249–252.
[877] *Табурно И.П.* Вопрос о распределении... С. 7.
[878] *Balkanicus.* Указ. соч. С. 33.
[879] *Белич А.* Указ. соч. С. 38.
[880] Там же.

зок к славяно-русскому языку времен Петра I, и который, по моему мнению, испортил Вук Караджич», приблизив к западным диалектам [881].

Другими доводами в пользу этого называлось присутствие в народном эпосе региона королевича Марко [882] и обычая праздновать славу [883]. По мнению И.П. Табурно, наличие последнего у македонцев «может, и ошибочно» сербами используется как аргумент в свою пользу, поскольку его могли приобрести с временем, «но в свою очередь, также не может служить категорическим поводом к отказу в признании сербского происхождения тех македонцев-славян, которые теперь не выполняют сербский национальный обряд – славу, ибо они могли его оставить также под влиянием разных обстоятельств» [884].

А. Белич и вовсе разгромил оппонентов указывавших на самоназвание местного населения – «бугари». По его мнению, слово имеет сербское происхождение, и для жителей было лишь прикрытием для турок, не только не признававших официально существование сербов (из-за отсутствия собственной церкви), но и считавших их мятежниками. Поэтому для удобства и спокойствия местные сербы стали называть себя болгарами [885]. И.П. Табурно, как и А. Белич, считал, что болгарских экзархат был создан как общеславянский, а сербским он не стал лишь потому, что сербский элемент считался турками революционным [886]. А. Белич в подтверждение своим словам включил в книгу 4 приложения («О языке в Македонии», «Слава. – Культура в Македонии. – Народное имя», «Этнографические карты», «Церковь и школа в Македонии. Ста-

---

[881] *Табурно И.П.* Вопрос о распределении... С. 9.
[882] *Белич А.* Указ. соч. С. 48.
[883] Там же. С. 39.
[884] *Табурно И.П.* Вопрос о распределении... С. 8.
[885] *Белич А.* Указ. соч. С. 40.
[886] *Табурно И.П.* Вопрос о распределении... С. 10.

тистика населения»), едва ли не превышающие по объему сам основной текст.

Сотрудник «Нового времени» описал свое видение местного этногенеза, умело расставив акценты: указал на близость сербов к России, а болгар – к монголам, столь неприятным для русского самолюбия. Чтобы показать всю изящность его построения, приведем его полностью: «Одно я мог бы утверждать, что славянское население Македонии принадлежало когда-то одному и тому же племени с населением, занимающим ныне сербские земли. Что, как одни, так и другие, прежде, чем выселиться на Балканский полуостров, жили по соседству и, вероятно, населяли земли нынешней юго-западной и западной России. Что, по причине разновременности эмиграции, те и другие приняли некоторые отличительные оттенки, вследствие примеси местного элемента.

Затем, также с довольно достоверным предположением можно было бы утверждать, что если болгары являются ославянившейся монгольской расой, то тогда македонцы не болгары, а лишь те, которые внесли в болгар-монголов славянскую кровь, в них ныне преобладающую. Следовательно, македонцы-славяне – болгары, поскольку они способствовали ассимиляции монголов-болгар со славянами, а не наоборот, – одного и того же происхождения и расы» [887].

Часто указывалось на нарушение этнического принципа самими болгарами, поскольку в Адрианопольском вилайете, должном отойти к ним, проживает достаточно значительное количество греков и турок [888]. И, как заявлял М.Г. Милоевич, ни одному балканскому народу не удалось выполнить задачу национального объединения, поэтому и болгарам незачем настаивать на этом [889], поскольку сербы и греки уже согласи-

---

[887] Там же. С. 6.
[888] *Милоевич М.Г.* Указ. соч. С. 28; *Табурно И.П.* Вопрос о распределении... С. 4.
[889] *Милоевич М.Г.* Указ. соч. С. 31.

лись на проживание своих соплеменников под властью Софии [890]. К этим примерам Н.Р. Овсяный прибавлял присоединение Бессарабии к России и поглощение англичанами буров [891]. В мае 1913 г. П.А. Лавров продолжал эту тему: «Но есть ли в Европе народ, государственные границы которого совпадали бы с этнографическими? Мы русские, самые могущественные между славянами, еще на школьной скамье в “Слове о полку Игоревом” вспоминаем величавый образ Галицкаго Осмомысла Ярослава, а Галицкая Русь и по сие время в чужих руках» [892]. Уже после войны он в публичной лекции в Петрозаводске говорил о том, что болгарам не стоит беспокоиться насчет своих соплеменников, поскольку обе страны демократичны, население окажется в лучших условиях, чем в Турции. И «все служилое местное чиновничество» останется на своих местах, как наиболее знакомое с краем, «так это уже и теперь», а «в Болгарию ушли только очевидно наиболее непримиримые элементы». Признавая, что далеко не все спокойно в отношениях новых властей и населения, он выражал уверенность, что умиротворение скоро настанет, «как только пройдет переходное время» [893]. Н.Р. Овсяный и вовсе считал, что сербским управлением население Охрида, Велеса, Битоли и Прилепа «очень довольно» [894]. Как известно, в реальности картина была отнюдь не такой радужной. Что интересно, П.А. Лавров считал, что «с славянской точки зрения» в отношении территорий, отходящих Греции, этнический принцип применять необходимо [895].

Другим доводом был довод затраченных усилий. В противостоянии с болгарами сербам необходимо было доказать, что и им победы да-

---

[890] Там же. С. 33.
[891] *Овсяный Н.Р.* Указ. соч. С. 253.
[892] Сербо-болгарский спор... С. 63.
[893] *Лавров П.А.* Балканский союз и переживаемый им кризис... С. 34.
[894] *Овсяный Н.Р.* Указ. соч. С. 253.
[895] *Лавров П.А.* Балканский союз и переживаемый им кризис... С. 41.

лись не даром. К тому моменту царила всеобщая уверенность в непобедимости и мощи болгарской армии, их победы были на слуху, героизм ее солдат всячески воспевался. Этот аспект был важен для тех представителей русского общества, которые оценивали ситуацию с прицелом на перспективу – чья помощь окажется значительнее в будущих войнах. Поэтому сербская цензура запретила корреспонденту Петербургского телеграфного агентства Рекозубову отправлять телеграмму о действиях русских консулов в Скопье (А.Д. Калмыкова), Митровице (Ю.Г. Удинцова), Призрене (Емельянова), обеспечивших бескровное взятие городов. Н.И. Гасфельд отметил этот факт: «Таких телеграмм мы не будем пропускать, – заявил представителю официального русского агентства, в моем присутствии, один из цензоров, – а то еще в России вообразят, что Старую Сербию завоевали русские консулы, а не мы» [896].

С. Протич сложившуюся картину объяснял тем, что за сознательным возвеличиванием и даже выдумыванием болгарских побед при одновременном замалчивании и приуменьшением сербских стояла Вена [897].

П.А. Лавров и И.П. Табурно утверждали, что войска короля Петра к войне были лучше готовы [898]. «Болгария – это так называемая Пруссия Балканского полуострова – оказалась далеко от положения, которое ей приписывали и о котором она трубила. Сербия не кричала и без шума готовилась и приготовилась так, что могла обойтись без посторонней материальной помощи в борьбе», – писал сотрудник «Нового времени» [899].

---

[896] *Шевалье Н.* Указ. соч. С. 63.
[897] *Balkanicus.* Указ. соч. С. 40–43.
[898] *Лавров П.А.* Балканский союз и переживаемый им кризис... С. 27; *Табурно И.П.* Вопрос о распределении... С. 25.
[899] *Табурно И.П.* Вопрос о распределении... С. 37.

Авторы много внимания уделяли масштабам сербской мобилизации, зачастую явно завышая количество поставленных «под ружье» [900]. М.Г. Милоевич считал, что Болгария «своей военной акцией ни в коем случае не играла большую роль, чем Сербия и Греция» [901], и его родина «без сомнения, сыграла решающую роль в этой войне» [902]. А. Белич и П.А. Лавров утверждали, что и сербские военные успехи были не меньшими, чем болгарские [903]. Первый из них писал: «Сербия оказалась, по крайней мере, столько же на высоте положения, сколько и Болгария» [904]; а последний указывал, что «нельзя же отрицать, что падение Адрианополя совершилось только при сербской помощи, благодаря сербским пушкам, а взять Чаталджу болгарам оказалось не под силу» [905]

Вокруг взятия Адрианополя и значимости роли сербов в этом также велись споры. Если верить воспоминаниям генерала Н. Иванова, командовавшего армией, взявшей город, то картина следующая. Комендант крепости Шукри-паша сдался болгарским солдатам, когда сербские части еще проводили рекогносцировку. Затем они в качестве союзников попросили право охранять его. После чего «объявили его своим пленником, сказали, что они взяли и Адрианополь, и пашу, телеграфировали об этом в Белград и Париж» [906]. В русской прессе сторонники Белграда активно обосновывали решающую роль сербских частей в падении крепости. В ответ на это на страницах «Нового времени» появилось пространное, с данными статистики официальное разъяснение генерала Н. Иванова, доказывающее несостоятельность сербских утверждений [907].

---

[900] *Милоевич М.Г.* Указ. соч. С. 34; *Табурно И.П.* Вопрос о распределении... С. 22, 25.
[901] *Милоевич М.Г.* Указ. соч. С. 21.
[902] Там же. С. 8.
[903] *Белич А.* Указ. соч. С. 17.
[904] Там же. 33.
[905] *Лавров П.А.* Балканский союз и переживаемый им кризис... С. 26–27.
[906] *Иванов Н.* Спомени. Кн. 2. София, 1997. С. 114.
[907] Новое время. 1913. 21 апр.

Сербское участие в осаде Адрианополя, в то время как Болгария не выслала прописанные в договоре войска на македонский фронт, по мнению сторонников Белграда, уже являлось нарушением договора, который, соответственно, в данных условиях и не может выполняться дословно [908], «сама практика поныне изменила договор между Сербией и Болгарией» [909]. «Единственный способ привести разногласия союзников к удовлетворительному концу – опираться в окончательном решении вопроса о разделе новой территории *на данные, установленные самой войной* (выделено А. Беличем. – *Н.Г.*)», – утверждал белградский профессор [910].

* * *

Каков же должен быть принцип определения границ?

Н.Р. Овсяный предлагал в его основу положить право завоевателя: «Кровь великое дело и не даром у сербов составилась поговорка: “крв није вода”. А юго-западная Македония взята ими после юначских боев, с пролитием немалого количества крови». Эмоционально оправдывая это, Н.Р. Овсяный рассказал услышанную им в Скопье историю. Серб отправился на могилу своего сына, погибшего в Македонию. На замечание, что вскоре эти земли могут перейти Болгарии, он возмутился: «Для того, чтобы поставить свечку на гроб погибшего за отечество сына, я должен буду добывать болгарский паспорт? Нет, этого никогда не будет! Мы лучше будем сражаться вновь за наши священные места с болгара-

---

[908] *Табурно И.П.* Вопрос о распределении... С. 25; *Семиз Д.* Скутари и наша дипломатия... С. 26.
[909] *Balkanicus.* Указ. соч. С. 29.
[910] *Белич А.* Указ. соч. С. 14.

ми…» [911]. На то же указывал Дж. Генчич: «Неужели те – для нас сербов – священные места, где нашли вечный покой, сражаясь за святое дело, тысячи лучших сербских сынов, должны остаться в чуждом хотя бы и братском владении?» [912].

Но главным принципом, определяющим будущее Македонии, должны быть «жизненные интересы» (Табурно [913]), «жизненная необходимость» (Белич), «жизненные условия» (Милоевич), «насущные нужды» (Лавров). Что интересно, в телеграмме Н. Пашича посланнику Д. Поповичу в начале лета 1913 г. правый берег Вардара фигурирует, как «жизненный интерес Сербии» [914]. Весной того же года сербский премьер отправил С.Д. Сазонову частное письмо, в котором изложил свое видение решения конфликта. Говоря о территориальных требованиях, он ссылался на необходимость получения Сербией выхода к Эгейскому морю и установления непосредственной границы между Сербией и Грецией [915]. Но это – позиция официального руководства страны, теперь обратимся к требованиям публицистов. И здесь понимание «жизненных интересов» [916] удивительным образом совпадало. В экономической сфере – выход через оспариваемую долину Вардара к Эгейскому морю, которая «является необходимым условием ее независимости» [917], и на которую болгары, по мнению А. Белича, претендовали лишь из

---

[911] *Овсяный Н.Р.* Указ. соч. С. 253.
[912] Сербо-болгарский спор... С. 103.
[913] Осенью 1912 г. «вопросом жизни» для Сербии И.П. Табурно считал выход к Адриатическому морю (*Табурно И.П.* О сербских битвах... С. 138).
[914] Москва – Сербия… С. 429.
[915] *Писарев Ю.А.* Указ. соч. С. 169.
[916] Пикантность употребления сербами именно этого термина состоит в том, что в октябре 1912 г. Л. Бертхольд в ответ на слова Н. Пашича о необходимости для Сербии «хотя бы небольшого порта на Адриатическом море» заявил, что монархия Габсбургов имеет «на Балканах жизненно важные интересы и будет отстаивать их при всяких обстоятельствах» (*Писарев Ю.А*. Указ. соч. С. 116).
[917] *Табурно И.П.* Вопрос о распределении... С. 33.

алчности [918], а, по словам И.П. Табурно, для будущей агрессии [919]. 29 марта 1913 г. Д.И. Семиз в «Группе прогрессивных общественных деятелей» поэтически означал важность этого, говоря, что Сербия «на этот раз с отчаянием человека, находящегося на рубеже пропасти, кричит всему миру: я жить хочу! Пойми же, я жить хочу, и обязана жить!» [920]. В военно-политической сфере жизненным интересом было наличие общей границы с Грецией [921], что «абсолютно не обозначает собою желания гегемонии», но «может послужить залогом сохранения status quo, созданного нынешней войной» [922], т.е. на случай вооруженного конфликта с Болгарией [923], с чем связывалось и недопущение соприкосновения ее границ и Албании, поскольку в Софии «теперь направили свои взоры уже на Адриатическое море» [924].

Неизбежность будущего противостояния обосновывалась традиционным стремлением Софии к гегемонии [925] на полуострове, лишь прикрываемым этническим принципом [926]. При этом сербские авторы упирали на то, что вожделения царя Фердинанда распространяются и на Константинополь [927], его взоры «обращены на мечеть Ай-София и Византийскую порфиру» [928]. А это, как указывал И.П. Табурно, – русская мечта, и вопрошал: «Способны ли действия этого австрийского принца склонить русский народ на такую жертву?» [929].

---

[918] *Белич А.* Указ. соч. С. 25.
[919] *Табурно И.П.* Вопрос о распределении... С. 33.
[920] *Семиз Д.* Скутари и наша дипломатия... С. 26.
[921] *Овсяный Н.Р.* Указ. соч. С. 252.
[922] *Милоевич М.Г.* Указ. соч. С. 19.
[923] *Белич А.* Указ. соч. С. 29; *Табурно И.П.* Вопрос о распределении... С. 17.
[924] *Белич А.* Указ. соч. С. 31; *Табурно И.П.* Вопрос о распределении... С. 33–34.
[925] *Лавров П.А.* Балканский союз и переживаемый им кризис... С. 30.
[926] *Милоевич М.Г.* Указ. соч. С. 33.
[927] *Табурно И.П.* Вопрос о распределении... С. 24.
[928] Там же. С. 38.
[929] Там же.

Антиавстрийские настроения и предчувствие грядущей войны использовались сербами для обоснования необходимости усиления их страны как «предстражи» славянства на полуострове [930]. «Потому она должна быть крепка духом и телом, и обязанность всякого славянина и их друга дать возможность Сербии стать таковой», – писал И.П. Табурно [931]. Этим аргументом он пользовался и обосновывая необходимость получения выхода к Адриатике в своей предыдущей книге. России, по его мнению, необходимо было принять меры, чтобы обеспечить защиту Сербии, не оставлять на «произвол врагам, стремящимся выбить ее из занятых ею позиций», тогда крупнейшая славянская держава сможет «спокойно предаться работе по упрочении нашего экономического благосостояния» [932]. А граф В.А. Бобринский уже в октябре 1912 г. говорил, что по этой причине отношение к Сербии должно быть особым [933].

Часто сквозила даже некоторая обида: «Сербия вплоть до нынешней войны была в положении забытого, приносимого в жертву члена славянской взаимности», – утверждал М.Г. Милоевич, при этом признавая, что отчасти так происходило и из-за «неосмотрительности своих государственных людей» [934]. Далее он продолжал свою мысль: «Что касается жертв, то Сербия и сербский народ принесли их неизмеримо много на алтарь общего счастья славянства», поэтому заслужили, чтобы нако-

---

[930] Эту тему пытались использовать и болгары. 2 декабря 1912 г. болгарский военный агент передавал В.Н. Коковцову просьбу передать его стране 2 броненосца и 2 линейных крейсера или миноносца, 28 тяжелых полевых мортир, добавив, что София готова «обратить ее армию, вместе с армиями ее союзников, против Австрии и ее союзников с целью облегчения положения России» (Красный архив. Т. 6. (25). М.–Л., 1927. С. 186).
[931] *Табурно И.П.* Вопрос о распределении... С. 39.
[932] *Он же.* О сербских битвах... С. 9–10.
[933] Война на Балканах... С. 33.
[934] *Милоевич М.Г.* Указ. соч. С. 41.

нец их жизненные интересы были признаны [935]. Чувство обиды усугублялось тем, что, по мнению сторонников Белграда, болгары при своем освобождении не принесли ни материальных, ни человеческих жертв [936]. В то же время к сербам, в отличие от их соперников, удача не была благосклонна [937]. После 1878 г. Сербия была занята внутренними неурядицами и не имела возможности действовать в Македонии, где болгары в это время развили бурную активность по привлечению населения на свою сторону [938]. Везение сыграло свою роль и в Первой Балканской войне: Белград не смог получить вожделенного побережья Адриатического моря, в то время как к Софии отходил Адрианополь [939].

Эта зависть и обида усиливались тем еще, что, как выразился М.Г. Милоевич, «с полным правом можно сказать, что Болгария создана и при помощи великих сербских жертв» [940]. По мнению П.А. Лаврова, и болгарское возрождение происходило под влиянием их соседей, поскольку автор труда, положившего начало этому процессу, Паисий Хилендарский, творил, подражая произведениям Йована Раича [941]. В мае 1913 г. Дж. Генчич в Обществе славянского научного единения характеризовал болгар так: «Избалованные судьбою, более Россиею, чем судьбою, братья болгары, которым так легко все досталось, и их свобода, и их государство» [942]. Этому вопросу была посвящена книга Д.И. Семиза и сербского историка Миленко Вукичевича «Сербы и болгары в борьбе за свободу и культуру. Исторические параллели с XIV века до 1878 г.»,

---

[935] *Он же.* Указ. соч. С. 42; Сербо-болгарский спор... С. 102.
[936] *Милоевич М.Г.* Указ. соч. С. 4–5.
[937] *Лавров П.А.* Балканский союз и переживаемый им кризис... С. 10.
[938] *Милоевич М.Г.* Указ. соч. С. 6; *Табурно И.П.* Вопрос о распределении... С. 10.
[939] *Лавров П.А.* Балканский союз и переживаемый им кризис... С. 28; *Табурно И.П.* Вопрос о распределении... С. 25.
[940] *Милоевич М.Г.* Указ. соч. С. 41.
[941] *Лавров П.А.* Балканский союз и Сербия... С. 8.
[942] Сербо-болгарский спор... С. 102.

вышедшая уже после Второй Балканской войны. В ней рассказывалось, как героически сербы сражались за свободу, в то время как «болгары розданное им Сербией оружие или бросали, или сдавали турецким властям» [943], как за Карагеоргием поднялся на борьбу весь народ, а болгары не поддержали свое Апрельское восстание [944]. «Между тем, надо упомянуть, что сербский народ в своей борьбе за освобождение потерял 250,000 человеческих жизней», – приводили сомнительную статистику авторы, не уточняя, за какой период [945]. При этом после Прутского похода 1711 г. «ничего не было выговорено в пользу сербов-черногорцев» [946], и в 1878 г. Россия поддержала Болгарию, свою «любимицу», ничего не сделавшую для свободы [947]. Заканчивалась же книга цитатами из сочинений И.П. Табурно и Е.И. Мартынова, обосновывающими необходимость усиления Сербии как славянского форпоста в виду «неизбежной борьбы славянства с германизмом» [948].

Как мы видим, сербская сторона последовательно и методично била в одну точку – ключевые аргументы повторяются во всех произведениях. Такое акцентированное повторение определенных тезисов оказывало серьезное воздействие на общественное мнение. Человек способен противостоять пропагандистским сообщениям, отсеивая их, но не может не попасть под влияние эмоционального фона, который создают однотипные сообщения. Если такая точка зрения часто звучит – значит она является доминирующей. Тут начинает срабатывать спираль молчания.

* * *

[943] *Вукичевич М.М., Семиз Д.И.* Сербы и болгары в борьбе за свободу и культуру. Исторические параллели с XIV века до 1878 г. СПб., 1913. С. 210.
[944] Там же. С. 215.
[945] Там же. С. 251.
[946] Там же. С. 241.
[947] Там же. С. 239.
[948] Там же. С. 257–259.

Ответом на сербское информационное наступление явилось воззвание Болгарской академии наук. Ссылаясь на «Энциклопедию славянской филологии», подготовленную российскими учеными, БАН указывала на преобладание болгарского элемента в Македонии. Помимо этого, в документе было выражено возмущение притеснениями населения спорной территории «со стороны сербских общественных деятелей и администрации», что «несомненно, подрывает всякую славянскую солидарность». На это воззвание Белград отреагировал заявлением собственной Академии, дав понять Софии, что не дело научных учреждений критиковать правительства или выступать третейским судьей в спорах государств [949], и письмом ученого секретаря Академии Л. Стояновича, где утверждалось, что цель этих выступлений подчинение и уничижение Сербии [950]. В недавней своей работе сербский историк С. Божич рассмотрела эту пикировку академий. К сожалению, она попала под влияние источника и рассмотрела действия своих соотечественников как развенчание болгарской лжи, целиком повторив аргументы А. Белича, а участников событий охарактеризовала как «истинную интеллектуальную элиту своего народа и своей земли» [951]. Хотя, на наш взгляд, давать столь однозначные оценки на основании односторонних документов нельзя.

Действия академий в мае 1913 г. в Петербурге вызвали дискуссию, развернувшуюся в Обществе славянского научного единения. И это было одним из последних аккордов шедшей борьбы, поскольку доклады с заседания были изданы лишь в 1915 г.: после майского заседания авторы

---

[949] Сербо-болгарский спор… Приложения. С. 1–5.
[950] Там же. С. 9.
[951] *Божић С.* Македонија као спорно питање између Српске Краљевске Академије и Бугарске Академије Наука 1913. године // Балкански ратови 1912/1913: Нова виђења и тумачења. Београд, 2013. С. 389–390.

разъехались по отпускам, один из участников скончался. В большинстве своем выступления содержали уже озвученные тезисы да и присутствовали там все знакомые нам лица.

Д.И. Семиз начал со следующих слов: «болгарская академия наук выпуская рассматриваемое нами воззвание свершила над собой харакири». Далее он зачитал донесения сербских начальников македонских уездов о бесчинствах болгар над турками. Причем эти документы были приведены с именами, точными датами и делопроизводственными номерами [952]. Трудно предположить, что такую точность он мог обеспечить по личным каналам, без помощи со стороны правительства. В то же время болгарское руководство даже на просьбы своих посланников предоставить текст союзного договора отвечало, что им сообщено все, что необходимо [953]. Как в очередной раз видим, сербы лучше понимали методы ведения информационной войны, если можно применять этот термин к началу XX в.

На заседании взял слово и А. Белич. Выступая против воззвания БАН, он указал, что необходимо ориентироваться на современных исследователей, которые утверждают, что население Македонии нельзя считать болгарским, поскольку проблема более сложна и запутана.

Там же оказался и Дж. Генчич. Признавая, что не является ученым, он, однако, выступил с возражениями против речи болгарского представителя – историка Ивана Шишманова. По всей видимости, знаменитый ученый, один из основателей Софийского университета был отправлен для противостояния с сербскими профессорами. Еще в январе 1913 г. из Софии он писал бывшему народнику З.К. Арборе-Ралли: «В последнее время увлекся вопросом о влиянии русских прогр[ессивных].

---

[952] Сербо-болгарский спор… С. 108.
[953] *Марков Г.* Указ. соч. С. 501.

людей на наших революционеров. Вы бы могли мне многим помочь своими личными воспоминаниями» [954]. В феврале и марте он вел переписку с историком русского революционного движения В.Я. Богучарским относительно политической программы Земского союза графа П.П. Шувалова и А.И. Желябова [955], а в мае он уже был в Петербурге, собирался посетить Москву, где его в гости звал философ Б. Кистяковский [956].

И. Шишманов в довольно издевательском тоне отозвался о той части брошюры А. Белича, где доказывалась беспристрастность, после чего приступил к опровержению тезисов об этнографическом и культурном преобладании сербов в Македонии. По его мнению, указание на наличие королевича Марко в эпических сказаниях– недостаточный аргумент, поскольку фольклор способен мигрировать, и привел в пример присутствие в Италии циклов о короле Артуре и Карле Великом: «Для нас генезис маркова эпоса еще не достаточно ясен». Слава, по его словам, существует у многих народов, а такой германский обычай, как рождественская ель, наблюдается во всей Европе. Едко он ответил и на тезис А. Белича о принятии сербами имени «бугари»: «Насколько известно, греки в начале XIX ст. были не менее бунтовщиками, чем сербы, и все-таки им не приходила в голову странная мысль называться болгарами, только лишь бы спастись от турецкой беды. Я удивляюсь, как г. Белич и Цвиич не чувствуют, как их остроумная догадка обидна, в сущности, для национального самолюбия сербского народа» [957]. Возмущенный этим пассажем белградский профессор попросил слово для выражения протеста, которое было ему предоставлено в конце заседания.

---

[954] РГАЛИ. Ф. 1019. Оп. 1. Ед. хр. 121. Л. 3.
[955] Там же. Ф. 1065. Оп. 5. Ед. хр. 1. Л. 59, 61-64.
[956] Там же. Л. 65-67.
[957] Сербо-болгарский спор… С. 69–81.

Ну, а пока выступали остальные присутствовавшие. В.С. Везенков, македонец по происхождению, во время Первой балканской войны сражавшийся в ополчении (свои воспоминания он опубликовал в журнале «Военный сборник» [958]), считал, что его родина – болгарская по своей этнической принадлежности, а сербы в будущем смогут получить компенсации за счет территории Австро-Венгрии. Солидарное мнение выразил граф М. Перовский-Петрово-Соловово. Еще дальше пошел «болгарин г. Стоянов из гор[ода] Пирота», утверждавший, что сербский город Ниш и его окрестности населяют болгары. Получили возможность выступить и македонцы-сторонники независимости Дымов [959] и Д.Д. Чуповский [960].

Взял слово приват-доцент Санкт-Петербургского университета, будущий советский академик, Н.С. Державин. После доказательств преобладания болгарского этноса в Македонии тот перешел к полемике с А. Беличем. Он указал на напрасность попыток «приездом в Россию повлиять на отношение русского общества к сербским домогательствам», т.к. еще была свежа память о Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Он сам имел знакомых, поливших своей кровью спорную территорию, поэтому для него «представляется немыслимым отдать эти дорогие могилы в руки народа с ними не связанного» [961].

Возражал приват-доценту коллега по университету М.Г. Долобко, обвиняя Н.С. Державина в намеренно односторонней подборке мнений исследователей по вопросу об этнической принадлежности населения Македонии. В это время «председатель останавливает говорящего указанием на то, что от заключений о намеренности удобнее было бы воз-

---

[958] *Везенков*. Указ. соч. // Военный сборник. 1914. № 6–7.
[959] Видимо, имелся в виду Наце Димов.
[960] Ошибочно в книге назван «Чуковский».
[961] Сербо-болгарский спор… С. 116–118.

держаться». Вступился за сербов и В.Д. Плетнев, считавший, что по моральным и юридическим причинам болгары не в праве требовать соблюдения союзного договора [962].

Накал страстей достиг своего пика при повторном выступлении А. Белича. Сначала он ответил македонцам-автономистам. Они заявляли о существовании их отдельного языка, но, поскольку не имеют специального образования, не могут судить о таких категориях, поэтому им лучше выступать не в роли экспертов, а в роли объектов изучения[963]. Затем он обратился к И. Шишманову. Начал он свою речь с отказа отвечать на возражения болгарскому профессору, поскольку тот не являлся филологом и по этой причине понять его аргументацию не в силах. Отверг он и довод болгарской стороны, указывавший на то, что население Македонии называет себя «бугари», поскольку «усвоение чужого названия разве может определять что-нибудь для собственного самосознания народа»? В запале оратор признался, зачем прибыл в Россию: «В передаче сербской точки зрения русскими журналистами, а в особенности русскими постоянными корреспондентами с Балкан, очень часто так мало правды и настоящего освещения, что я считал свои долгом дать русскому общественному мнению объективное представление дела». Закончились прения в Обществе словами Белича о том, что «в документе болгарской академии даются совсем неточные и неверные указания, разобраться в которых мог бы и первокурсник любого университета». В ответ на это, как отмечено в отчете о заседании: «Проф. Шишманов подымает шум, и со словами “профессор Белич ставит целую болгарскую академию ниже первокурсника”, уходит из зала» [964]. Таким образом, болгарский ученый был вынужден отступить с «поля боя», пусть напос-

[962] Там же. С. 121–129.
[963] Там же. С. 144.
[964] Там же. С. 149–160.

ледок и громко хлопнув дверью. Заседание приняло резолюцию 16 мая 1913 г., где сообщалось, что в виду сложности и запутанности проблемы единственным выходом из ситуации является арбитраж. «Будет ли этим арбитром Россия или гаагский трибунал – это должны исключительно решить спорящие стороны» [965].

Подготовкой широкого и развернутого ответа на сербские брошюры занялся Н.С. Державин. Они, по его мнению, были «искусно рассчитаны на то, чтобы оказать известное давление на общее настроение мало осведомленной в специальных вопросах читающей массы» [966]. Важность Македонии для Болгарии русский ученый обосновывал не только историческими мотивами, он считал ее и «залогом дальнейшего нормального развития и национального благосостояния» [967] – аргумент, весьма схожий с сербскими «жизненными интересами». Однако его книга вышла в свет лишь в 1914 г., а после драки, как известно, кулаками не машут. Как видим, в пропагандистском использовании «частных лиц» Болгария не преуспела, поскольку свою деятельность на этом поприще Сербия начала и раньше, и активнее.

Специально посланные МИД в Петербург В. Велчев и П. Тодоров встретили там уже прочные антиболгарские настроения [968]. Приговором болгарским усилиям в этой борьбе с сербами служат слова из письма профессора Любомира Милетича. Осознав неизбежность войны, «и уверившись, что все в Петербурге настроены против нас», он отправился в

---

[965] Сербо-болгарский спор... Приложения. С. 11.
[966] *Державин Н.С.* Болгаро-сербские взаимоотношения и македонский вопроС. СПб., 1914. С. 21–22.
[967] Там же. С. 12.
[968] *Илчев И.* Външнополитическа пропаганда на българската национална кауза през Балканските войни (1912–1913 г.) // Военноисторически сборник. 1982. № 4. С. 95; *Он же.* България и Антантата през Първата световна война. София, 1990. С. 24.

российскую столицу с целью исправить это. Но «к сожалению, было слишком поздно!» [969].

Летом 1913 г. начались боевые действия – военные стали решать проблему более понятным им способом. Спорящие стороны решили не прибегать к помощи ни Петербурга, ни Гааги.

Заседания, посвященные болгаро-сербскому конфликту продолжались и с началом Второй балканской войны. На одном из них, в юридическом собрании, 28 июня 1913 г. присутствовал И.П. Табурно. Он выступал, когда, согласно журналу «Искры», «присутствовавшие болгары прервали его речь криками протеста» [970], что затем повлекло сердечный приступ. Его привезли домой, вызвали врачей, но ничего не помогло, и вечером он скончался. Как считал автор некролога в «Новом времени», «междоусобица заставила его сердце работать столь усиленно, что оно не выдержало и перестало биться» [971]. Смерть И.П. Табурно показала, каковым было отношение к нему в Сербии. Король Сербии Петр по телеграфу выразил свои соболезнования, а Н. Пашич сообщил, что погребение будет оплачено сербским правительством. Дочь короля Петра княгиня Елена Петровна и петербургские сербы возложили цветы к его могиле. На прощание с усопшим пришел член Государственного совета А.А. Поливанов. Процессия двигалась по Невскому проспекту, и отпевание произошло в Благовещенском храме Александро-Невской лавры [972]. «Искренний серб и славянин», как его назвали М.М. Вукичевич и Д.И. Семиз вскоре [973], не дожил до триумфа своего дела.

---

[969] Любомир Милетич до Ватрослав Ягич. Писма 1896–1913. София, 1996. С. 364–365.
[970] Искры. 1913. № 26. С. 207.
[971] Новое время. 1913. 29 июня.
[972] Исторический вестник. 1913. № 8. С. 751–752.
[973] *Вукичевич М.М., Семиз Д.И.* Указ. соч. С. 258.

Между тем, София упустила еще один канал влияния. Уже после Второй балканской войны Димитр Ризов (в то время болгарский посланник в Риме) корил С. Бобчева за то, что тот не использовал «потайной, но могущественный фактор» воздействия на императорскую семью – Г.Е. Распутина. Дипломат в своих воспоминаниях признал, что часто слышал о влиянии «безграмотного, но крайне лукавого крестьянина», однако не считал возможным замарать светлое болгарское дело связью с человеком, устраивавшим «в своей квартире самые отвратительные оргии» [974].

* * *

Итог Второй балканской войны оказался для Сербии крайне удачным, и там решили вознаградить своих сторонников. Мы не располагаем данными относительно участников заседаний в Петербурге, но знаем, что Н.Г. Гартвиг сразу после заключения Бухарестского мира, получил из румынской столицы телеграмму Н. Пашича и М. Спалайковича, где они его благодарили «за энергичное содействие к возвеличиванию Сербии» [975]. Затем его наградили Звездой Карагеоргия 2-й степени, высшей наградой, на которую посланник мог претендовать. Однако он был обижен, поскольку рассчитывал на 1-ю степень, жаловавшуюся членам королевского дома и иностранным монархам за исключительные заслуги перед Сербией [976]. Но это нельзя приписывать его стяжательству. По словам В.Н. Штрандтмана, Н.Г. Гартвиг был честен, личных средств ни

[974] *Бобчев С.* Указ. соч. С. 228–229.
[975] *Штрандтман В.Н.* Указ. соч. С. 200.
[976] Там же. С. 204.

у него, ни у его жены не было, все тратилось на представительские расходы [977].

А награждать было, за что. Когда начались споры о будущем Македонии, российский посланник советовал белградским политикам не вести переговоров с болгарами, считая претензии Сербии на Македонию полностью обоснованными. В это же время его жена, А.П. Гартвиг, посещая войска с гуманитарными целями, убеждала военных не отдавать и пяди земли соперникам [978]. По мнению американского историка Э. Тадена, именно посланник повлиял на позицию С.Д. Сазонова, решившего сделать ставку на Белград [979]. Сведения о деятельности Н.Г. Гартвига в этом направлении попадали и в русскую печать, и он был вынужден дать разъяснение и сообщить, «что слухи о данных им, будто, сербскому правительству обещаниях компенсации в Македонии за отказ от Адриатического побережья – злостный вымысел» [980].

Когда летом 1914 г. Н.Г. Гартвиг скончался, его похороны явились свидетельством тех чувств, которые питал к нему народ и правительство. На отпевании в Соборной церкви присутствовали король, наследник, его старший брат. Выступали митрополит, глава правительства и городской голова [981]. Сохранилась фотография, сделанная перед опусканием гроба покойного в могилу. На крышке лежит треуголка гофмейстера императорского двора, а в изголовье стоят Й. Йованович и задумчивый Н. Пашич, настроение которого понятно – уже прозвучал выстрел в Сараево, а Сербия внезапно лишилась своего столь ярого защитника.

---

[977] Там же. С. 187.
[978] Там же. С. 195.
[979] *Thaden E.* Public Opinion and Russian Foreign Police toward Serbia, 1908–1914 // Велике силе и Србија пред први светски рат. Зборник радова приказаних на међународном научном скупу српске академије наука и уметности, одржаном од 13–15. септембра 1974. године у Београду. Београд, 1975. С. 228.
[980] Городской вестник. Самара. 1913. 12 июня.
[981] *Штрандтман В.Н.* Указ. соч. С. 254.

Естественно, совершенно иное отношение к нему было в Болгарии. В Софии считали, что именно он советовал сербскому королю дезавуировать сербско-болгарское соглашение [982]. Члены Внутренней Македонско-Одринской Революционной Организации намеревались ему отомстить за это, и «идея об убийстве Гартвига и его супруги нашла многих сторонников среди македонских революционеров» [983]. Российская разведка следила за этими планами. В конце декабря 1913 г. в Петербург было отправлено донесение, где сообщалось, что в начале месяца двое македонцев в одежде сербских солдат пытались проникнуть в Сербию, но были сняты с поезда, разоблачены и казнены. «По сведениям, исходящим от сербской администрации, поездка этих македонцев имела будто бы целью покушение на Российского Посланника в Сербии, г. Гартвига» [984]. Как явствует из тона донесения, сам заведующий агентурой не был уверен в точности имеющейся информации [985]. Отношение к смерти дипломата тоже не являлось проявлением христианской добродетели. По сообщению сербской газеты «Мали журнал», смерть Гартвига была отпразднована в болгарской дипломатической миссии «разливом шампанского и криками “ура”» [986].

§ 5. Эффективность воздействия общественного мнения на политику

---

[982] *Пешев П.* Историческите събития и деятели от навечерието на освобождението ни до днеС. София, 1993. С. 408.
[983] ГАРФ. Ф. 529. Оп. 1. Ед. хр. 25. Л. 65а.
[984] Там же. Л. 92.
[985] Подробнее см.: *Гусев Н.С.* Русские и болгары после Балканских войн: взаимное разочарование // Славянский альманах 2014. [Вып. 1–2]. М., 2014.
[986] *Силянов Х.* Указ. соч. С. 18.

Вопрос о влиянии общественного мнения на исход борьбы остался открытым – болгаро-сербский спор был прерван начавшейся войной. Судя по воспоминаниям государственных деятелей, давление общества на правительство было серьезным, но не стало решающим. Хотя и внушало опасения союзникам России, что руководство страны не устоит и проявит слабость перед «газетной и уличной шумихой» [987]. В то же время возможное недовольство общественного мнения и вынужденное следование ему государственной политики активно использовалось в дипломатических целях.

Когда началась Первая балканская война, в Петербурге были уверены в скором поражении противников Турции, в связи с этим желали скорейшего прекращения войны. Но отнюдь не все в Европе придерживались той же позиции. 28 сентября С.Д. Сазонов послал телеграмму послу в Париже, где говорил о необходимости Франции заняться достижением согласия держав на окончание боевых действий, поскольку славяне долго не смогут выстоять. «Придаем этому вопросу первостепенное значение, ибо при твердом нежелании нашего правительства быть втянутым в войну, нам будет крайне трудно бороться с общественным мнением в случае, если славяне окажутся в критическом положении» [988].

С началом боевых действий на Балканах С.Д. Сазонов дал указание послу в Константинополе высказать турецким министрам по поводу возможного закрытия проливов, могущего привести к потерям русской торговли, следующее: «Правительству и без того нелегко сдерживать натиск общественного мнения против той миролюбивой позиции, которую мы занимаем. Полагаем, что наши усилия должны быть по достоинству оценены в Константинополе и найти поддержку во внимательно-

---

[987] *Сазонов С.Д.* Указ. соч.
[988] Первая балканская война // Красный архив. Т. 3. (16). М.–Л., 1926. С. 4; *Сазонов С.Д.* Указ. соч.

ном отношении к законным интересам России»[989]. Чтобы сохранить свободу движения через проливы русская дипломатия оказывала давление и на Грецию, вынуждая ее не вести боевых действий вблизи Дарданелл. Посланник в Афинах указал греческому министру иностранных дел на «неизбежную, в случае отказа, перемену по отношению к Греции нашего общественного мнения, которым здесь, по-видимому, весьма дорожат»[990].

Со ссылкой на общественное мнение дипломаты говорили и о невозможности сохранения status quo на Балканах[991], хотя до этого отстаивали его. Когда же представители Турции начали затягивать мирные переговоры в Лондоне, в Петербурге решили вновь прибегнуть к угрозам: «Порте следовало бы отдать себе отчет в том, какие серьезные последствия может создать для нее несговорчивость, и как трудно будет нам в виду несомненного возбуждения в этом случае нашего общественного мнения, сохранить то мирное положение, которого мы держались во время войны»[992]. Позже, пытаясь умерить пыл румын в деле вмешательства в Балканскую войну и присоединения частей Болгарии, посланник в Бухаресте получил указание применять угрозу «взрыва сочувствия болгарам, к которому правительство не может отнестись безучастно»[993].

Надо признать, что результаты такая игра давала. Во время Балканских войн западные дипломаты считали, что «петербургское правительство не отвечает настроению русского народа», поэтому надо предложить компромиссный вариант, удовлетворяющий великие державы,

---

[989] Сборник дипломатических документов, касающихся событий на Балканском Полуострове (Август 1912 г. – Июль 1913 г.). СПб., 1914. С. 22.
[990] Первая балканская война // Красный архив... С. 7.
[991] Там же. С. 13.
[992] Сборник дипломатических документов... С. 43.
[993] Там же. С. 229.

«но который общественное мнение в России не приняло бы от своего собственного правительства» [994].

Примечательно в связи с этим замечание П.Б. Струве, высказанное им 26 декабря 1912 г. в «Русской молве», где он приводил оценки различных изданий, в том числе и активную позицию «Нового времени»: «Дипломатии выгодно, чтобы ее в известной мере ругали. Ей необходим напор общественного мнения. Напор и запрос общественного мнения есть психологический козырь в руках дипломатии. С этой точки зрения “Новое время” можно приравнять к целому мобилизованному корпусу» [995]...

Во время Балканских войн 1912–1913 гг. борьба сторон не ограничилась исключительно полуостровом – фронты пролегали и через русское общество, где добавлялись и новые противники, и новые нюансы. Некоторые представители России поддерживали уверенность балканских славян, что в правящих кругах существуют могущественные подводные течения, несогласные с официальной позицией. Это привело к возложению на них надежд, которые не оправдали себя. Во многом руководство Болгарии и Сербии не понимало тонкостей и особенностей российской политики. Подтверждение тому – обращение к П.Н. Милюкову Фердинанда с просьбой повлиять на императора в судьбе Родосто.

Тем не менее, в Петербурге не бросили на произвол судьбы славян: болгарам был передан Адрианополь, на который имела виды Россия, а для Сербии сохранена часть Старой Сербии, которая, по мнению Австро-Венгрии, полагалась Албании. Таким образом, можно говорить о достижении Софией и Белградом некоторых успехов в этой борьбе. Ко-

---

[994] *Лунева Ю.В.* Балканские войны 1912–1913 годов и европейские державы // Новая и новейшая история. 2013. № 1. С. 86.
[995] История внешней политики... С. 330.

гда же началось их взаимное противостояние, то победа сербов была безоговорочной. Четкое, направленное воздействие на русское общество дало свой результат, и то, что болгары атаковали в ночь на 17 июня 1913 г. первыми (хотя реально инициаторами противостояния являлись обе стороны) стало лишь последним гвоздем, вколоченным в гроб русского болгарофильства, выструганный сторонниками Белграда.

К сожалению, в отличие от официальных дипломатических миссий подобные представители не ведут делопроизводства, остающегося в архивах и способного подробно осветить их деятельность. В отношении их мемуаров приходится учитывать специфику этого типа источников – автор не всегда до конца откровенен. Но все же, на наш взгляд, приведенная аргументация позволяет говорить о существовании ведшихся по плану, сфокусированных на определенных моментах наступлений на русское общественное мнение сербов и болгар сначала в параллельных, а затем и встречных направлениях.

Согласно принятой в политологии классификации, указанные группы интересов, защищавших позиции Софии и Белграда, можно определить как секторальные (их часто в США называют «группами частного интереса»), поскольку каждая из них добивалась своих целей, и как группы-инсайдеры – донесения их представителей свидетельствуют о встречах с представителями официальной власти [996].

При этом сторонники Сербии оказались в лучшем положении – активных этнических болгар в русской журналистике не было заметно. К тому же их деятельность выглядит довольно скоординированной и реагирующей на вызовы момента. Узловыми фигурами представляются Р. Кошутич, И.П. Табурно и Дж. Генчич, а Д.И. Семиз, А. Белич и даже Д. Попович – лишь исполнителями.

---

[996] *Хейвуд Э.* Политология. М., 2005. С. 337–338.

«Славянофильские настроения г. Гешова оказались совершенно несостоятельными в сравнении с ясно продуманным планом Пашича по увеличению пределов Сербии», – записал 6 июля 1913 г. в дневнике К. Мисирков [997]. Болгарская уверенность, что за них должны говорить их военные триумфы, не оправдала себя. Выделенные на пропаганду 50 тыс. левов не могли изменить положения [998], болгары действовали безынициативно, с опозданием и не имели продуманного плана.

Начавшийся XX век стал веком информационных войн, и на заре его Белград одержал в ней победу, проиграв на закате. Все это привело к тому, что отношения Софии и Белграда были безнадежно испорчены, а идея славянской взаимности обрела могилу на полях Македонии.

---

[997] *Мисирков К.П.* Указ. соч. С. 7.
[998] *Илчев И.* Указ. соч. С. 92.

Г Л А В А I I I

Болгария и Сербия в восприятии русского общества во время Балканских войн

§ 1. Военно-политическое руководство обеих стран глазами русских

Русское общество с интересом следило за событиями на Балканах 1912–1913 гг., и его внимание привлекали также персоналии, определявшие исход событий. Однако для большей части населения руководство Болгарии только за исключением разве что фигуры царя, являлось terra incognita.

Главнокомандующим болгарскими вооруженными силами согласно конституции был царь Фердинанд Кобург, но фактическим руководителем армии являлся его заместитель, генерал Михаил Савов.

М. Савов родился в 1857 г. в Старой Загоре. Его отец был сельским священником из Хасковского района [999]. Военное образование он получил в Военном училище в Софии, закончив его в 1879 г. (был в числе первых выпускников этого учебного заведения), в 1881–1885 гг. продолжил обучение в Академии Генерального Штаба в Петербурге. В битве при Сливнице во время сербско-болгарской войны 1885 г. командовал левым флангом болгарской армии. В правительстве Стефана Стамболова занимал пост военного министра, с его отставкой был уволен из армии, но затем восстановлен. И, как выразился Н.П. Мамонтов, «тут генерала

[999] *Ганчев Д.* Спомени. В. Търново, 2005. С. 459–460.

постигла крупная неприятность» [1000]. В 1903 г. он прославился своим участием в крупной коррупционной сделке по поставке оружия из Австро-Венгрии, получившей в Болгарии название «афера Шарль и Жан». Однако будучи в хороших отношениях с князем, избежал наказания и остался в армии. На этот факт его биографии не раз указывал Л.Д. Троцкий в своих статьях.

Русские военные агенты в Софии отмечали крайнее честолюбие Савова и отсутствие у него способностей, необходимых для занятия столь высокого поста [1001]. Австрийские специалисты характеризовали его следующим образом: «самоуверен, с необыкновенно импульсивным характером, сочетающимся с железной безоглядностью» [1002].

Осенью 1912 г. в нескольких выпусках журнала «Нива» был помещен очерк князя Д.П. Багратиона «Славяно-греко-турецкая война». Следует отметить, что это произведение является явно болгарофильским. В нем утверждалось, что способности М. Савова вполне сопоставимы с гением А.В. Суворова. При этом было подчеркнуто, что болгарский военачальник учился в России, а преподавал ему нынешний российский военный министр В.А. Сухомлинов [1003]. Капитан русского Генерального штаба П.С. Махров, написавший свою книгу еще до распада Балканского союза, считал Михаила Савова человеком «большой силы воли и большого ума» [1004], а не закончивший свой труд генерал-майор В.Н. Акимов – «способнейшим человеком с громадным умом, редкой

[1000] *Мамонтов Н.П.* С болгарскими войсками от Балкан до Чаталджи. М., 1913. С. 41.
[1001] *Каширин В.Б.* Высший командный состав армий стран Балканского полуострова в оценках и суждениях русских военных специалистов в начале XX века // Человек на Балканах глазами русских. М., 2011. С. 210–211.
[1002] *Нойков С.* Оценки на германския и австро-унгарския генерален щаб за българската армия в Балканската война 1912–1913 г. // Военноисторически сборник (далее – ВИС). 1983. Кн. 2. С. 48.
[1003] Нива. 1912. 8 дек. С. 973.
[1004] *Махров П.* Балканская война 1912–1913 года (Общий очерк от начала войны до перерыва мирных переговоров с 10-ю схемами). Севастополь, 1913 г. С. 41.

эрудицией» [1005]. Так считали военные, восхищенные болгарскими победами. Но после Межсоюзнической войны «Нива» назвала М. Савова «роковым генералом» и обвинила в развязывании боевых действий с бывшими союзниками [1006]. Об этом же писал В. Водовозов в «Современнике» [1007], а другой корреспондент, В.Н. фон Дрейер, утверждал: «Инициатором новой войны оказался честолюбивый, малоспособный Савов, гипнотически действовавший на царя Фердинанда и сумевший склонить на свою сторону Данева и пачку стамбулистов во главе с Геннадиевым» [1008]. Не только за Вторую балканскую войну возлагали на генерала ответственность. По свидетельству корреспондента «Утра России» Н.П. Мамонтова, именно он вмешался в планы командующего 3-й армией Радко Димитриева под Чаталджой, и устроил кровопролитный, но безуспешный штурм. Корреспондент назвал его «злым гением Чаталджи», обвинил в желании стяжать лавры, не неся при этом никакой ответственности [1009], и считал «эгоистом до мозга костей», не стесняющимся отвергать инициативы подчиненных, препятствовать им в реализации разумных замыслов ради того, чтобы выдвинуть себя на передний план [1010]. Однако очевидец событий, русский капитан Самосеев писал, что, несмотря на всю неудачность плана М. Савова, в данной ситуации невозможно было предложить лучше [1011].

Журналист газеты «Русская мысль» Вас.И. Немирович-Данченко описал военачальника нелестно и внешне: «серая крупная фигура с гру-

---

[1005] Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 5881. Оп. 2. Д. 102. Л. 10.
[1006] Нива. 1913. 14 сен. С. 737.
[1007] *Водовозов В*. На Балканах // Современник. 1913. № 8. С. 319.
[1008] *Дрейер В*. Разгром Болгарии. Вторая Балканская война 1913 г. СПб., 1914. С. 7.
[1009] *Мамонтов Н.П*. Указ. соч. С. 141.
[1010] Там же. С. 42.
[1011] ГАРФ. Ф. 555. Оп. 1. Ед. хр. 473. Л. 37.

быми чертами серого самоуверенного лица» [1012]. В 1913 г. бывший добровольцем в болгарской армии И.Д. Чинтулов рассказал в журнале «Военный сборник» интересную историю, случившуюся с М. Савовым после объявления о начале войны. По пути из церкви св. Краля, где был только что зачитан манифест, он, проявив самоуверенность, сам сел за руль, но перепутал маршрут движения, в результате чего произошла задержка последующих экипажей. Генерал понял свою ошибку, и «лицо его было очень красно» [1013].

Антиподом М. Савова изображался человек крайне неординарной судьбы, на которого, по словам В.Н. Акимова, «громадные надежды возлагаются» [1014] – Радко Димитриев. Родился он в селе Градец, недалеко от Сливена, принимал активное участие в Апрельском восстании, будучи членом и секретарем тайного революционного комитета в городе Котел. Во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. служил переводчиком в российской армии, в 1879 г. одновременно с М. Савовым закончил Военное училище в Софии. Затем учился в Николаевской академии Генерального штаба России. В 1885 г. при Сливнице командовал авангардным отрядом, за успешное осуществление задачи был награжден орденом «За храбрость» четвертой степени. Р. Димитриев принимал активное участие в военном перевороте 1886 г., после чего эмигрировал в Россию, где служил в Тифлисе (ныне – Тбилиси). О памяти, оставшейся о нем у русских сослуживцев, говорит тот факт, что, как свидетельствует штабс-капитан Мамонтов, в первую Балканскую войну генерал получил поздравительную телеграмму от «однополчан-тифлисцев», чему

[1012] *Немирович-Данченко Вас.И.* Собрание сочинений. Т. XIV. СПб., 1913. С. 243.
[1013] *Чинтулов И.Д.* Воспоминания добровольца // Военный сборник. 1913. № 5. С. 163.
[1014] ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 102. Л. 11.

был искренне рад [1015]. В Тифлисе он командовал ротой, но на него было возложено и руководство тактическими занятиями офицеров бригады и округа, где своими действиями на ежегодных маневрах заслужил славу знающего и энергичного офицера. Его коллега по изгнанию, Г. Вазов, считал, что перевод Р. Димитриева в Русский Генеральный штаб в 1895 г. был делом ближайших дней. Но офицера тянуло на Родину, и он писал после падения Стамболова другу: «Время сделать все, чтобы вернуться» [1016].

Получив возможность это осуществить, Р. Димитриев не преминул ею воспользоваться и вновь поступил на болгарскую военную службу. В 1904–1907 гг. он занимал должность начальника болгарского Генштаба, русские военные агенты в это время докладывали, что неточности в сведениях Савова приходилось исправлять именно у Р. Димитриева [1017]. В 1912 г. по случаю празднования двадцатипятилетия правления царя Фердинанда шесть человек были произведены в чин генерал-лейтенанта, одним из них являлся Р. Димитриев. Надо отметить, что впервые офицеры действительной службы получили данное звание [1018]. Во время Первой балканской войны Радко Димитриев командовал 3-й армией, воевавшей на фракийском фронте, принимал участие в операциях под Лозенградом, Люле-Бургасом и Чаталджой. Первая мировая война застала его на посту посланника Болгарии в Петербурге. Он отказался от болгарского подданства и стал российским генералом. Командовал армейскими корпусами, дослужился до чина генерала, но после Февральской революции вышел в отставку и уехал с семьей на Кавказ, в окрестности Пятигорска. За время службы он был награжден орденами св. Георгия

[1015] *Мамонтов Н.П.* Указ. соч. С. 109.
[1016] *Митев Т.* Разрешаването на офицерско-емигрантския въпрос през 90-те години на XIX век // ВИС. 1981. № 1. С. 41–42.
[1017] *Каширин В.Б.* Указ. соч. С. 211.
[1018] Балканската война през погледа на един французин. София, 1977. С. 57.

четвертой и третьей степеней. В 1918 г. прославленный болгарский генерал вместе с другими военачальниками, живущими на Кавказе, был казнен большевиками. Погребен Радко Димитриев в городе Пятигорске.

Русский полковник, в будущем генерал, а в тот момент корреспондент газеты «Новое время», В.Н. фон Дрейер лаконично, но емко характеризовал его в своих воспоминаниях в эмиграции: «ярый русофил и отличный генерал». По его свидетельству, часто к ужину в штабе командующего 3-й армией приглашался он, Вас.И. Немирович-Данченко и Н.П. Мамонтов [1019]. Последний считал Димитриева любящим по-прежнему Россию, энергичным, обладающим большой личной храбростью, хладнокровием, находчивым генералом, пользующимся большим влиянием среди нижних чинов. Завоевал он это благодаря своей непритязательности в походной жизни, близости к солдатам и вниманию к ним [1020]. Корреспондент описывает его штаб, и это описание подтверждает его слова [1021]. Аналогичные свидетельства предоставляет Вас.И. Немирович-Данченко [1022]. По свидетельству писателя, Р. Димитриев «производит сильное впечатление своей простотой». «Болгарский Скобелев» внешне ему показался схожим с Наполеоном Бонапартом, но скромным и не стремящимся ни к какому позерству, занятым лишь текущими боевыми задачами, при этом сохраняющим спокойствие и вдумчивость. По мнению автора, «это чисто болгарский тип, демократический, как его штаб и как его офицеры и солдаты» [1023]. При-

---

[1019] *Дрейер В.Н.* На закате империи. Мадрид, 1965. С. 127.
[1020] *Мамонтов Н. П.* Указ. соч. С. 43.
[1021] Там же. С. 109.
[1022] *Немирович-Данченко Вас.И.* Собрание сочинений. Т. XV. СПб., 1913. С. 159.
[1023] Там же. С. 120. По всей видимости, между генералом и писателем возникли довольно теплые отношения. В январе 1914 г., когда Р. Димитриев уже стал посланником в Петербурге, он писал Вас.И. Немировичу-Данченко: «От души Вас благодарю за добрую память обо мне и за присланные Вами книги, как прежде, так и теперь». Генерал просил писателя позвонить ему по телефону, дабы узнать, когда его можно застать дома, поскольку хотел нанести личный визит, а «не ограничиться простым

мер личной храбрости командующего 3-й армией привел П. Махров. Во время Бунархиссарской битвы части дрогнули, и появление «любимого генерала Димитриева», проскакавшего перед фронтом дивизий вернуло уверенность войскам, которые продолжили наступление [1024].

Высоко оценивались его не только личные, но и полководческие качества. Российский военный агент в Софии описывал его как крупнейшего в Болгарии военачальника, обладающего особыми способностями, решительностью и громадной инициативой [1025]. Д.П. Багратион характеризовал Димитриева так: «Будущее европейское светило тактики и стратегии», и ставил его в один ряд с А.В. Суворовым и М.Д. Скобелевым [1026]. О больших способностях Димитриева писали Н.П. Мамонтов и П.С. Махров, особо отмечая его стремительность в боях [1027], что, собственно, и вызывало аналогии с М.Д. Скобелевым. Этот его стиль ведения боевых действий имел и негативную сторону. Л.Д. Троцкий указывал на то, что тыловые части не поспевали за стремительным наступлением армии Димитриева на фракийском фронте, и по этой причине резко ухудшались снабжение и санитарные условия войск [1028]. Положительные оценки Димитриеву давали не только русские, но и западные журналисты [1029].Отрицательные отзывы в адрес этого военачальника в печати практически отсутствовали. Исключением стал тот же Л.Д. Троцкий: «Радко Дмитриев – это не только “ответст-

---

оставлением визитной карточки». Аттестовал себя в подписи Р. Димитриев так: «Искренне Вас уважающий и преданный» (Российский государственный архив литературы и искусств (далее – РГАЛИ). Ф. 355. Оп. 1. Ед. хр. 21. Л.1.).

[1024] *Махров П.* Указ. соч. С. 79.

[1025] *Каширин В.Б.* Указ. соч. С. 217.

[1026] Нива. № 49 (8.12.1912) С. 975.

[1027] *Мамонтов Н.П.* Указ. соч. С. 42–43; *Махров П.* Указ. соч. С. 42.

[1028] *Троцкий Л.* Перед историческим рубежом. Балканы и Балканская война. СПб., 2011. С. 192.

[1029] *Шипчанов И.* Вестители на бойна слава (Военните кореспонденти през Балканската война от 1912–1913 г.). София, 1983. С. 85.

венное”, но и популярнейшее в болгарской армии лицо. И нетрудно понять, какой ужасающий отголосок должен был найти в армии его каннибальский приказ: “Если раненые или пленные будут затруднять транспорты, принять решительные меры к устранению препятствий”» [1030].

Современники находили в характерах Радко Димитриева и Михаила Савова некоторое сходство. Л.Д. Троцкий писал: «Отнюдь не худший из генералов болгарской армии, Дмитриев, однако, сам глубоко проникнут теми чертами карьеризма, безразборчивого азарта и нравственного цинизма, воплощением которых является антагонист Дмитриева, главнокомандующий Савов» [1031]. Троцкий считал, что военачальники конфликтовали друг с другом, и командарм из неприязни по нескольку дней не информировал своего начальника о ходе событий [1032]. Вас.И. Немирович-Данченко в них видел лишь одно сходство: «оба – сильные». При этом Савов недоступен никаким впечатлениям, «не особенно глубоко рассчитывающий». Димитриев же – «талант, боевое вдохновение», скромный, рассчитывающий загодя бой, берегущий солдат, переживающий за армию, «этот умрет вместе с поражением, Савов спокойно вернется домой» [1033]. Подтверждает эти характеристики и то, как Вас.И. Немирович-Данченко описал принятие решения о штурме Чаталджинских укреплений, что наблюдал лично. Заместитель главнокомандующего был торжественен, Р. Димитриев – мрачен и недоволен: «Он несравненно лучше оценивал положение и был против боевой авантюры» [1034].

Как видим, о командующем 3-й армией у русских журналистов мнение было практически исключительно положительным, и как мини-

---

[1030] Там же.
[1031] *Троцкий Л.* Указ. соч. С. 192.
[1032] Там же.
[1033] *Немирович-Данченко Вас.И.* Собрание сочинений. Т. XIV... С. 244.
[1034] Там же. С. 244–245.

мум двое из них виновным в трагических потерях при безуспешном штурме последних укреплений на пути к Константинополю генерала считали М. Савова, а Р. Димитриева напротив представляли противником этих действий, в связи с его заботливым отношением к солдату. Но данное заключение вполне соответствует принципу когнитивной экономии, т.е. склонности человека (в том числе и журналистов) упрощать картину: Димитриев – русофил, поэтому он обладает лишь положительными чертами, Савов – стамболовист, следовательно, ему присущи лишь отрицательные качества.

Интересно отметить, что капитан Самосеев считал, что главный личный конфликт у Р. Димитриева был не с М. Савовым, а с генералом В. Кутинчевым, поскольку, хотя последний был и старше, в определенный момент командование одновременно1-й и 3-й армией было поручено именно Димитриеву [1035].

Командующий 2-й армией генерал Н. Иванов, выпускник Николаевской академии Генерального штаба, по мнению Н.П. Мамонтова, «целесообразно» справился со своей задачей [1036]. П.С. Махров считал его популярным и любимым в армии [1037]. В донесениях австрийских военных агентов он также характеризуется положительно и называется русофилом, в них говорится и о его конфликте с высшим командованием [1038]. Таким образом, корреспонденты отмечали фактическое противостояние русофилов и т.н. русофобов в командном составе болгарской армии.

Остальным же военачальникам пресса практически не уделяла внимания. Но зато довольно много информации было посвящено общей

[1035] ГАРФ. Ф. 555. Оп. 1. Д. 473. Л. 28.
[1036] *Мамонтов Н.П.* Указ. соч. С. 44.
[1037] *Махров П.* Указ. соч. С. 42.
[1038] *Нойков С.* Указ. соч. С. 48.

оценке высшего командного состава и правящим кругам Болгарии. Русский офицер болгарского происхождения И.Г. Пехливанов утверждал в «Известиях Императорской Николаевской военной академии»: «Про болгарскую армию можно сказать, что, начиная с рядового и кончая генералом, чем лицо выше рангом, тем больше оно отвечает необходимым для него требованиям и тем ближе стоит к идеалу» [1039]. Интересна точка зрения «Вестника Европы», особенно если принять во внимание хотя бы вышеупомянутый скандал с военными закупками. «Никакой суетливости в распоряжениях начальствующих лиц, все предусмотрено заранее и исполняется с безукоризненной добросовестностью… Во всех отраслях военного хозяйства господствует безусловная честность» [1040], – писал журнал. И это, представляется, можно считать прямым влиянием болгарских побед, восхищением ими. Скорректировать суперлативы журнала позволяют воспоминания болгарина И. Пастухова о работе комиссии по реквизиции в одном из сел Варненского района, в составе которой кмет, священник и зажиточные крестьяне избавили себя от тягот войны [1041]. О систематических хищениях высших армейских чинов писал и сотрудник «Утра России» Е.И. Мартынов [1042], а общим нравам руководства четкую характеристику дал Троцкий: «”Популярный” генерал, которого не успели осудить за казнокрадство, – в качестве главнокомандующего; заведомый… престидижитатор – в качестве коменданта; бесцеремонный карьерист – в роли военного цензора; отставной турецкий агент – как необходимая фигура при военном министерстве, – все это вместе бросает достаточно яркий свет на нравы командующего состава

[1039] *Ганин А.В.* И.Г. Пехливанов – один из первых историографов Первой балканской войны // Модернизация vs. война. Человек на Балканах накануне и во время Балканских войн (1912–1913). М., 2012. С. 396-397.
[1040] Вестник Европы. 1912. № 11. С. 405.
[1041] *Пастухов И.* Из преживяното. Спомени, статии, речи. София, 2008. С. 38.
[1042] *Мартынов Е.И.* Сербы в войне с царем Фердинандом. Заметки очевидца. М., 1913. С. 64.

армии» [1043]. На этом фоне в русской прессе крайне симпатично выглядели сербы, у которых честные люди среди министров встречались далеко не так редко, как у болгар [1044].

С началом Второй балканской войны болгарские правящие круги стали оцениваться в российской прессе исключительно негативно. Как уже говорилось, в развязывании войны обвинялся генерал М. Савов. П.Н. Милюков справедливо считал, что царь и его первый военачальник развязали боевые действия, против которых был кабинет С. Данева [1045]. Е.И. Мартынов с ним не соглашался, указывая на тот факт, что под Брегальницей армией командовал генерал Ковачев, бывший одновременно и военным министром [1046].

Следует отметить, что персонификация правящих кругов происходила довольно редко. Как правило, говорилось о «царе Фердинанде и его приближенных, вместе с окружающими их военными честолюбцами» [1047], т.е. ключевой фигурой представлялся именно монарх.

Перейдем непосредственно к фигуре Фердинанда Максимилиана Карла Марии Саксен-Кобург-Готского. Нет необходимости лишний раз пересказывать биографию этой неординарной личности. Стоит только отметить, что несмотря на восстановление отношений между Петербургом и Софией, болгарский царь не вызывал в России большого доверия. Фердинанд жаловался великому князю Андрею Владимировичу в 1911 г. на то, что русское общество клеймит его как австрофила [1048].

С началом Балканской войны российская пресса взглянула на Фердинанда иначе. И это был взгляд, полный восхищения. Накануне

[1043] *Троцкий Л.* Указ. соч. С. 191.
[1044] Там же. С. 64–65.
[1045] *Милюков П.Н.* Воспоминания. Т.2. М.,1990. С. 109.
[1046] *Мартынов Е.И.* Указ. соч. С. 12.
[1047] Вестник Европы. 1913. № 8. С. 389.
[1048] Дневник Великого князя Андрея Владимировича.1915 г. Л.–М., 1925. С. 95.

боевых действий болгарский царь праздновал двадцатипятилетний юбилей восшествия на престол, и журнал «Родина» упомянул об этом. Фердинанду пели дифирамбы, подчеркивалась его главная: монарх «мог спокойно сказать, что достойно завершил начатое в 1877 г. Россией дело воссоздания Болгарии» [1049].

В очерке Д.П. Багратиона говорилось, что болгарский народ своими духовными силами обязан народным школам и патриотической литературе, которые активно развивались и создавались в царствование «мудрого Фердинанда»; ставился и риторический вопрос: удастся ли болгарскому правителю повторить 907 год, подвиг Вещего Олега? [1050]. Далее князь указал на связи Фердинанда Кобурга с русским двором: он назвал его потомком Ярослава Мудрого и напомнил, что сын и наследник болгарского царя – крестник русского императора Николая II [1051]. С началом мирных переговоров в Лондоне царь Фердинанд стал именоваться и главным поборником мира: «Сторонники мира могут приветствовать в лице болгарского царя человека, поспешившего положить конец кровопролитию» [1052].

Болгарскому монарху приписывалась и инициатива создания Балканского союза. Д.П. Багратион утверждал, что замысел войны с Османской империей родился у «мудрого правителя Болгарии» [1053]. Н.П. Мамонтов писал, что Кобург «приступил к объединению бывших противников» [1054]. «Вестник Европы» так же считал, что Фердинанд являлся «по-видимому, неофициальным главным руководителем военных

[1049] Родина. 1912. 19 авг. С. 1.
[1050] Нива. 1912. 17 нояб. С. 916.
[1051] Там же. 1 дек. С. 954.
[1052] Вестник Европы. № 1. 1913. С. 216.
[1053] Нива. 1912. 17 нояб. С. 916.
[1054] *Мамонтов Н.П.* Указ. соч. С. 6.

операций всех союзных армий» [1055]. Профессор-историк П.А. Лавров уже после обеих войн в лекции в Петрозаводске 18 августа 1913 г. справедливо признавал, что «честолюбивый и тщеславный [Фердинанд]… оказался недурным политиком» [1056].

О симпатиях к болгарскому царю свидетельствуют телеграммы и письма, отправленные ему из России. Некто за подписью «Славянин» прислал ему письмо из Томска: «Вся Россия будет с Вами, Ваше Величество; весь русский народ без различий по политическим убеждениям, поддержит Болгарию. Но пусть она не повторит нашу ошибку 1878 г.» [1057]. Русские дети, участвовавшие в сборе помощи для болгарской армии, в своих посланиях царевнам желали Фердинанду «поколотить турок», «взять у турок Святую Софию», писали, что любят его больше других балканских правителей [1058].

Когда обострение в отношениях союзников стало зримым, светлый образ болгарского царя начал блекнуть. «Вестник Европы» в мае 1913 г. утверждал: «Болгария за все двадцатипятилетие царствования Фердинанда Кобургского развивалась вне всякого воздействия России и поддерживала с ней довольно холодные отношения, а политика болгарская большею частью сообразовывалась с австрийскою» [1059]. С началом межсоюзнической войны Фердинанд был уже награжден многими отнюдь не лестными эпитетами. Одними из основных обвинений в его адрес стали тщеславие и честолюбие. Но об этом позже.

* * *

[1055] Вестник Европы. 1913. № 1. С. 357.
[1056] *Лавров П.А*. Балканский союз и переживаемый кризис. Петрозаводск, 1914. С. 10.
[1057] Вечерна поща. 1912. 12 дек.
[1058] Мир. 1913. 7 фев.
[1059] Вестник Европы. 1913. № 5. С. 421.

Совсем иной выглядела расстановка акцентов в оценках сербского руководства.

Как и в Болгарии, монарх фактически не руководил операциями, делегировав полномочия начальнику штаба Верховного командования воеводе (звание, равное фельдмаршалу) Радомиру Путнику и его заместителю генералу Живоину Мишичу. Последний, по словам В.Н. фон Дрейера пользовался в армии уважением за свои знания, «но отличаясь мягкостью характера и уступчивостью, едва ли имел решительное влияние на тот или другой план войны» [1060]. Р. Путник же лично входил во все вопросы, проявлял большую активность: «В штабе армии, в Скоплье, во время перемирия мне рассказывали, что Путник на клочках бумаги постоянно записывал свои заметки, касающиеся выполнения различных работ, и эти обрывки посылал Мишичу для неуклонного исполнения» [1061]. О других военачальниках мы практически не встречаем известий на страницах русской печати.

В книгах, журналах и газетах среди портретов глав государств король Петр занимал свое законное место наряду с другими монархами стран Балканского союза. При этом, как правило, его изображение размещалось после царя Фердинанда, что в целом соответствовало уделяемому странам вниманию либо могло диктоваться попросту размерами государств и армий. Но в прессе того времени практически невозможности встретить слов о действиях Петра Карагеоргиевича, о принятых им ключевых решениях. Да и в самой Сербии, по словам Л.Д. Троцкого, «про него вспоминали только в исключительных случаях и по чисто внешним поводам», например, когда австрийцы из Землина освещали королевский дворец прожектором [1062]. Даже И.П. Табурно уделил ему

[1060] *Дрейер В*. На закате империи... С. 28.
[1061] Там же. С. 30.
[1062] *Троцкий Л.* Указ. соч. С. 67.

небольшое внимание, сказав лишь, что монарх – из народа, «он обладает всеми качествами серба, и в нем, как у всех сербов, развит поэтический дух» [1063]. Под такое описание могли бы подойти многие правители Сербии и даже Черногории. Несколько больше рассказал о нем читателям Е.И. Мартынов, назвавший Петра «воином в душе», поскольку тот участвовал во франко-прусской войне, за что был награжден Орденом Почетного легиона, в Герцеговинском восстании 1875 г. сражался под именем Петра Мрконича. Согласно корреспонденту «Утра России», король Сербии был весьма доступен и прост в обхождении, не имел собственного состояния, но не проживал даже тех средств, которые выделяло ему государство. Его поведение привело к тому, что «безупречное, чистое имя короля Петра окружено в Сербии общим уважением и любовью» [1064]. При личной же аудиенции этот представитель печати описал монарха так: «семидесятилетний больной старик» [1065].

Больше в пространстве общественного мнения присутствовал наследник престола Александр – по описанию Вас.И. Немировича-Данченко, «тонкий и стройный юноша, с горячими и нежными глазами, то вспыхивающими одушевлением, то меркнущими в славянской печали» [1066].

Александр появился на свет в 1888 г. в Цетинье, столице Черногории, в семье Петра Карагеоргиевича и княжны Зорки – дочери черногорского князя Николы. В начальную школу он поступил в Женеве, а в 1899 г. отправился в Петербург для учебы в Императорском училище правоведения. Но карьере юриста было не суждено состояться – в 1903 г. в Сербии произошел переворот, вернувший к власти первую ди-

---

[1063] *Табурно И.П.* О сербских битвах (впечатления очевидца войны сербов с турками 1912 г.). СПб., 1913. С. 26.
[1064] *Мартынов Е.И.* Указ. соч. С. 25–26.
[1065] Там же. С. 103.
[1066] *Немирович-Данченко Вас.И.* Собрание сочинений. Т. XIV... С. 29.

настию страны. В 1905 г. Александр вернулся в российскую столицу, где с перерывами, вызванными проблемами со здоровьем, проучился до 1909 г. [1067]. Пока его старший брат, престолонаследник Джордже, не был уличен в совершенном в припадке ярости убийстве своего лакея, забитого до смерти ногами. Это поставило крест на короне. Во время Балканских войн Джордже служил в армии. Вас.И. Немирович-Данченко, называя его на русский манер Георгием, оставил и его описание, характеризовав как нетерпеливого, неуравновешенного, обладающего «лихорадочным стремлением» к слепому, часто ненужному подвигу, за который будут расплачиваться другие. «Сербы убеждены, что юношу ждет смерть на боевом поле. Слишком неудержима нерассуждающая кипучая душа», – утверждал писатель [1068]. Но пророчество оказалось неверным: Джордже будет ранен уже в Первой мировой войне, после нее судьба его также не будет баловать. Но он переживет младшего брата почти на 40 лет и даже при коммунистическом режиме останется в Белграде, где пенсионером проживет до своей смерти в 1972 г.

Вернемся к будущему королю Югославии. Он в это время уже играл довольно важную роль – он был руководителем одной из армий Сербии. В его образе сочетались и будущий государственный деятель, и полководец. По словам И.П. Табурно, он всегда находился на поле битвы, все лишения переносил вместе с армией, а жизнь его и его штаба не отличалась от жизни армии, поэтому «он стал вполне заслуженно одной из популярнейших личностей в Сербии» [1069]. Во время Второй балканской войны Е.И. Мартынов отмечал ту же близость королевича к армии, утверждал, что он даже раздавал значительную часть «своего очень

[1067] *Силкин А.А.* Король Югославии Александр Карагеоргиевич // До и после Версаля. Политические лидеры и идея национального государства в Центральной и Юго-Восточной Европе. М., 2009. С. 6.
[1068] *Немирович-Данченко Вас.И.* Собрание сочинений. Т. XIV... С. 30.
[1069] *Табурно И.П.* Указ. соч. С. 110.

скромного содержания» солдатам. Корреспондент «Утра России» подтвердил слова сотрудника «Нового времени» и относительно популярности престолонаследника «как в войсках, так и в народных массах» [1070].

Но их обоих заслонял Никола Пашич, именно он был главным действующим лицом, по крайней мере, в восприятии русской печати. Разницу между Болгарией и Сербией в ключевых фигурах заметил и Л.Д. Троцкий. Он писал, что в Софии «политические зубоскалы» говорили о том, даст царь Фердинанд грекам Салоники или нет, а в Белграде все политические разговоры крутились вокруг Н. Пашича, который «всегда у всех и на уме, и на языке» [1071].

Про Николу Пашича написано немало трудов, что и понятно, ведь, как справедливо выразился сербский историк Д. Станкович, «по тому, что он внес в исторический процесс, какой след оставил после себя и сколь велик объем сохранившейся о нем информации, Никола Пашич больше походит на общественную институцию, чем на отдельно взятое историческое явление» [1072]. Чтобы понять, как он сумел занять такое место в умах и разговорах сербов и русских журналистов необходимо пунктирно указать на важнейшие вехи его жизненного пути. Будущий вершитель судеб Сербии родился в 1844 г. в г. Заечаре, где и окончил полугимназию, после чего для завершения гимназического курса отправился в Крагуевац, оттуда – на технический факультет Великой Школы в столице, а затем за государственный счет – и в Высшую политехническую школу в Цюрихе. Там в общении с сербскими и русскими народниками выкристаллизовывались его политические взгляды, которые он и вернулся реализовывать в 1873 г. Но после Тимокского восстания

[1070] *Мартынов Е.И.* Указ. соч. С. 26.
[1071] *Троцкий Л.* Указ. соч. С. 67.
[1072] Цит. по: *Шемякин А.Л.* Никола Пашич: на стыке унитаристских и федералистских устремлений // До и после Версаля... С. 31.

1883 г. Н. Пашич был вынужден бежать и скитался по Болгарии, Румынии и России в течение 6 лет. В 1888 г. в Сербии вновь произошли перемены, и год спустя лидер Радикальной партии сумел вернуться на родину, а в 1891 г. – уже и занять пост премьер-министра. Но в 1899 г. он был вынужден предстать перед судом, после чего удалился из политики. Когда в 1903 г. на престол вернулась династия Карагеоргиевичей, то таких зигзагов линия судьбы Н. Пашича уже не совершала. Он периодически то занимал пост главы правительства, то покидал его. Накануне Балканских войн лидер радикалов вновь занял привычное кресло. При чем, если верить корреспонденции Л.Д. Троцкого, в довольно «ориентальной» манере. Действующий премьер Марко Трифкович, принадлежавший к Радикальной партии, не желал уступать своего места, и тогда Н. Пашич опубликовал в партийной газете известие о поданной им отставке. «Трифкович прочитал, сперва изумился, затем понял и – подал в отставку» [1073], а 68-летний патриарх сербской политики официально занял ответственный пост. Оно и понятно – впереди была борьба, где политический вес и русофильство Н. Пашича могли сыграть большую роль во внешней, а его авторитет – во внутренней политике.

Так оно и произошло. Как утверждал Вас.И. Немирович-Данченко, «все сплотилось вокруг этого государственного человека», все помнят лишь его славное прошлое, и даже враги по достоинству оценивают, как он ранее боролся за интересы Сербии [1074]. С этим соглашался и Л.Д. Троцкий: «О его прозорливости и особенно о его хитрости сложились уже целые циклы легенд. Ненависть к нему постепенно притупилась даже в самых заклятых врагах его, какими долго были младоради-

[1073] *Троцкий Л.* Указ. соч. С. 73.
[1074] *Немирович-Данченко Вас.И.* Собрание сочинений. Т. XIV... С. 25.

калы. Он всех приучил к себе, заставил понять и признать свою необходимость» [1075].

В отличие от представителей королевского дома Н. Пашич довольно много общался с журналистами (которых, кстати, «и на дух не переносил» [1076]), оставившими описание его облика. «Ко мне вышел зоркий и пристальный старик, слегка сгорбившийся под игом лет и неустанного труда. Большая белая борода. Сухая, нервная рука точно ощупывает вашу. Глаза – шарят в душе: чего вы стоите, и как с вами считаться», – писал Вас.И. Немирович-Данченко. При этом, по свидетельству писателя, когда сербский премьер вспоминал Россию, «и без того молодые глаза этого старца разгорались». Но в отношении политики Петербурга несколько иное проглядывало: «чувствовалась внутренняя обида в его вздрагивавшем и прерывавшемся от волнения голосе», когда он заговорил о совместном заявлении австрийского и русского посланников с требованием остановить подготовку к войне [1077]. Сербского премьера знал еще по Петербургу Н.И. Гасфельд, в Белграде они снова встретились. «Сербский премьер узнал меня, и на его красивом лице, окаймленном большой белой бородой, появилась добрая, приветливая улыбка», – вспоминал корреспондент [1078].

Н.И. Гасфельд характеризовал Пашича как «одного из умнейших и наиболее честных государственных деятелей», «смелого борца, воспитанного на русских заветах» [1079]. Но, по словам Л.Д. Троцкого, лидер радикалов был лишен таланта и общего теоретического образования, хотя

[1075] *Троцкий Л.* Указ. соч. С. 73.
[1076] *Шемякин А.Л.* Л.Д. Троцкий о Сербии и сербах (военные впечатления 1912–1913 гг.) // Историки-слависты МГУ: Кн. 9: В.А. Тесемников: Исследования и материалы, посвященные 75-летию со дня рождения В.А. Тесемникова. М., 2013. С. 55.
[1077] *Немирович-Данченко Вас.И.* Собрание сочинений. Т. XIV... С. 26–28.
[1078] *Шевалье Н.* Правда о войне на Балканах. СПб., 1913. С. 48.
[1079] Там же. С. 99.

и являлся самым дальновидным политиком [1080]. Здесь нельзя согласиться с утверждением про образование – в годы учебы в Цюрихе и изгнания будущий сербский премьер активно читал и занимался самообразованием. Вероятно, что он читал, по мнению корреспондента «Киевской мысли», «не те книги», но социал-демократия сербскому обществу начала XX в. не подходила, а дальновидность Н. Пашича и сформировалась благодаря теоретической подготовке и долгим размышлениям о путях развития страны.

* * *

В русской прессе когда речь заходила о политике Болгарии, то говорилось о Фердинанде, в случае с Сербией – о Н. Пашиче или скупщине. Официально же обе страны имели одинаковое государственное устройство. В чем же причина такой разницы между положением института монархии у столь близких и соседних стран?

Ведь при поверхностном взгляде у сербского Петра были преимущества: монархия существовала на 70 лет больше, чем в Болгарии, он представлял династию, чей основатель являлся легендой борьбы сербов за независимость, а сам он принадлежал тому же народу.

В этой связи можно здесь указать на замеченные Л.Д. Троцким факторы, которые должны были «основательно подкопать монархические чувства» в Сербии: борьбу двух династий, постоянные придворные интриги, бесславное правление отца короля Петра, затем еще менее любимая народом эпоха двух последних Обреновичей [1081], к тому необходимо добавить и то, что действующего монарха на престол возвели заго-

[1080] *Троцкий Л.* Указ. соч. С. 55.
[1081] Там же. С. 71.

ворщики. В общем, в Сербии, по словам российского историка А.Л. Шемякина, наблюдался перманентный кризис монархизма [1082].

Однако и Болгария имела за своими плечами схожий опыт: изначальное третирование и неуважение к князю со стороны либералов, свержение правителя, потом его возвращение, затем отказ вновь вернуться на трон, непростые поиски преемника. А обретенный помазанник подтвердил свое прозвище «лисица», искусно плетя интриги ради укрепления собственной власти. Как заметила отечественный исследователь Р.П. Гришина, не прибавляло авторитета власти монарха и отмена статьи Конституции о конфессии престолонаследника с последующим ее восстановлением, отлучение от католической церкви в наказание за крещение сына по православному обряду. Если К. Стоилов сокрушался о том, что нет среди болгар священного трепета перед властью первого князя, говоря о необходимости воспитания этого чувства, «то деяния Фердинанда с этой точки зрения оказывали только обратное действие» [1083].

Самым простым объяснением кажется субъективный фактор – сами характеры Петра и Фердинанда.

Е.И. Мартынов утверждал, что сербский монарх был убежденным демократом и настолько щепетильно соблюдал конституцию, что иногда даже делал это избыточно, «не исчерпывая предоставленной ему законом власти» [1084]. Иные причины такому поведению видел Л.Д. Троцкий. По его мнению, правящая особа обладала честолюбивыми замыслами, жестоким характером, в качестве претендента на престол он был неуто-

---

[1082] *Шемякин А.Л.* Народ и власть в независимой Сербии // Двести лет сербской государственности. СПб., 2005. С. 176.
[1083] *Гришина Р.П.* Конституционная монархия в Болгарии и ее подданные // Человек на Балканах. Государство и его институты. СПб., 2006. С. 143; *Она же.* Лики модернизации в Болгарии в конце XIX – начале XX века (бег трусцой по пересеченной местности). М., 2008. С. 144.
[1084] *Мартынов Е.И.* Указ. соч. С. 25.

мим и неразборчив в преследовании своей цели, но знал о трагической участи шести предшественников и, возможно, в силу возраста, Петр «оказался безличностью» и вынужденно превратился в покорное орудие старорадикальной партии [1085]. Но если бы все было так просто, то и Милан Обренович смог бы удержать престол, а Фердинанд – не сумел избавиться от опеки С. Стамболова.

Скорее, можно говорить о роли характера Н. Пашича. Посланник России в Белграде в годы Первой мировой войны г.Н. Трубецкой считал, что лидер радикалов правил как сельский староста, и именно такой тип харизматического лидера подходил Сербии [1086]. Но это опять-таки не дает нам полного объяснения, поскольку Фердинанд Кобург не обладал какой-либо заметной харизмой. Дополняют картину построения Л.Д. Троцкого. В Сербии короли сменяли друг друга «с вошедшей в привычку катастрофичностью», поэтому власть сосредоточилась в руках партии, «которая опрокинула двух королей и создала третьего». В Болгарии же политические партии заменяли друг друга «точно в волшебном фонаре», а царь явился единственным устойчивым элементом, сосредоточившим в своих руках все нити правления [1087]. Если бы речь шла о более значительных временных масштабах, то можно было бы даже сказать, что у Кобурга была необходимая, по мнению исследователей этого явления, составляющая сакральности власти – континуитет [1088]. Более того – в силу этого и все достижения как в мирной, так и в военной сферах казались детищем рук фердинандовых. И недаром, как сообщали русские корреспонденты, митрополит Старой Загоры Мефодий, обраща-

---

[1085] *Троцкий Л.* Указ. соч. С. 81–82.
[1086] *Шемякин А.Л.* Сербское общество последней трети XIX – начала XX века глазами русских наблюдателей // Славяноведение. 2004. № 3. С. 28.
[1087] *Троцкий Л.* Указ. соч. С. 82–83.
[1088] *Зенкин С.* Небожественное сакральное. Теория и художественная практика. М., 2012. С. 397.

ясь к царю пророчествовал, что того нарекут «Царем-Освободителем, и с Божьей милостью – Императором Великой Целокупной Болгарии» [1089]. Хотя отношения монарха и церкви до 1912 г. сложно назвать простыми [1090]. Вскоре все вернулось на круги своя – поражение в войне и занятая антирусская позиция не были прощены церковью. После Балканских войн болгарский экзарх Иосиф обратился к царю: «Если Вы любите Болгарию, если Вы дорожите династией, Вы должны отречься от престола» [1091]. Умер иерарх в судьбоносный момент – летом 1915 г. – со словами: «Болгарский престол занят иностранцем. Он покинет несчастную Болгарию после того как опозорит и погубит болгарские чаяния и идеалы… Храните Болгарию, которая находится на страшном распутье» [1092]. Отсутствие сакральности власти покажет 1918 год, когда Фердинанд будет вынужден отречься в пользу сына [1093].

Но все же отношение к власти монарха в Болгарии и Сербии было разным. В последней правила местная, автохтонная династия, что приводило к оценке правителя как первого среди равных. В Болгарии же на престоле находился иностранец, человек, приглашенный «извне», изначально уже не такой, как все. О значимости этого фактора говорит обилие у различных народов преданий о призвании правящих династий в

[1089] *Мамонтов Н.П.* Указ. соч. С. 57.
[1090] *Гришина Р.П.* Конституционная монархия... С. 144; *Она же*. Лики модернизации... С. 145.
[1091] Цит. по: *Косик В.И.* Балканы: «Порвалась цепь великая…» (середина XIX — начало XXI вв.) М., 2014. С. 31.
[1092] Цит. по: Там же.
[1093] Что интересно, после Болгария практически вступила на путь нестабильности власти, характерный для Сербии XIX в.: режим Стамболийского и кровавая расправа над ним, создание тайных офицерских организаций, взрыв в церкви Св. Неделя, личный режим царя Бориса. Казалось бы, прекрасный аргумент в пользу вульгарного понимания цивилизационной теории. Но здесь причины покоились в двух «национальных катастрофах». Поступательное развитие страны было прервано начатыми в 1912 г. неудачными попытками решения внешнеполитических задач. Значительные силы были отвлечены от внутреннего развития, а провал в решении македонской проблемы привел и к внутренней дестабилизации.

средневековье [1094]. К тому же Фердинанд Кобург принадлежал к одному из знатнейших родов Европы. О том, какую роль это играет в легитимизации монархии в глазах традиционного общества, можно судить хотя бы по любви Ивана Грозного возводить свое происхождение к Цезарю Августу, а не безродному варяжскому воителю.

Но отнюдь не происхождение позволяло болгарскому царю добиваться желаемого, используя следующую комбинацию, верно описанную Л.Д. Троцким. Фердинанд определял необходимую, на его взгляд, в этот момент политическую группу, которая затем в результате выборов получала численный перевес в Народном Собрании, поддерживающий действующее министерство [1095]. Не парламентское большинство определяло кабинет министров, а кабинет министров – парламентское большинство. В Сербии же такая схема была невозможна – партия Н. Пашича доминировала беспрекословно, и сербский монарх, в случае, если бы он попытался повторить комбинацию своего болгарского коллеги, скорее сам лишился бы престола, чем сумел опрокинуть старорадикалов.

Здесь мы подходим к следующей сложной проблеме – политическому устройству Болгарии и Сербии.

* * *

[1094] «В различных модификациях он получил развитие во многих традициях: римской (передача власти Ромулу и Рему), западнославянской (приглашение на престол Пшемысла у Козьмы Пражского), англо-саксонской (приглашение вождем бриттов Вортигерном двух братьев-саксов Хенгиста и Хорсы), древнерусской (сказание о призвании варяжских князей) и др.» (*Мельникова Е.А.* Происхождение правящей династии в раннесредневековой историографии. Легитимизация иноэтничной знати // Элита и этнос средневековья. М., 1995. С. 42).

[1095] *Троцкий Л.* Указ. соч. С. 35.

Российским журналистам Болгария и Сербия казались странами демократическими. Им и хотелось видеть эти государства такими. Вас.И. Немирович-Данченко громко заявлял: «Болгария – конституционное государство, где все равны перед законом» [1096]. Е.И. Мартынов писал о Сербии: «Сербия страна строго демократическая: в ней нет сословий, а имеются лишь равноправные сербские граждане» [1097].

Институционально так оно и было [1098]. В обоих государствах наличествовал парламент, цензура не существовала. Последнее поражало Е.Н. Чирикова: «Должен, однако, заметить, что говорят здесь в публичных местах поразительно свободно!». На его вопрос о наличии охранного отделения он услышал смех и разъяснение, что за определенные высказывания у болгар лишь небольшой штраф по суду. «Рассказывают такие анекдоты, что я пугливо озираюсь по сторонам и все жду, что вот-вот сейчас подскочит господин средних лет и скажет: – Пожалуйте!» [1099]. Но в то же время писатель сам рассказал, что одну из его пьес не поставили в театре, поскольку, как ему разъяснили: «Наша внутренняя политика всецело определяется внешней, и дирекция театра бывает иногда чрезмерно осторожной и дипломатичной». И тут он сам заметил

[1096] *Немирович-Данченко Вас.И.* Собрание сочинений. Т. XIV... С. 41.

[1097] *Мартынов Е.И.* Указ. соч. С. 19.

[1098] К сожалению, часть сербских историков также идет по пути институционального анализа, приходя к выводам о «золотом веке» сербской демократии (1903–1914) и соответствии уровня страны передовым европейским образцам. См. напр.: *Поповић М.* Борбе за парламентарни режим у Србији XIX века. Београд, 1939. С. 89; The Serbs and Their Leaders in the Twentieth Century. Aldershot, Brookfield, 1997. P. 2; *Љушић Р.* Историја српске државности. Књ. 2. Србија и Црна Гора – нововековне српске државе. Нови Сад, 2001. С. 203–204; *Екмечић М.* Дуго кретање између клања и орања. Историја Срба у Новом веку (1492–1992). Београд, 2007. С. 302–303, 306; *Bataković D.* Storm over Serbia. The Rivalry between Civilian and Military Authorities (1911–1914) // Balcanica. Vol. LXIV. Belgrade, 2013. P. 307–308; *Радоевић М., Димић Љ.* Србија у Великом рату 1914–1918. Београд, 2014. С. 28–31; *Батакович Д.* Сербия накануне Первой мировой войны: внешние и внутренние вызовы // Накануне Великой войны: Россия и мир. М., 2014. С. 49, 68.

[1099] *Чириков Е.Н.* Поездка на Балканы. Заметки военного корреспондента. М., 1913. С. 53–54.

разницу написанного на бумаге и реального исполнения законов: «Конституция прекрасна, но... директор дипломат...» [1100].

Другой факт, удивлявший этого корреспондента – доступность представителей власти. Его ожидание разрешения властей на поездку на фронт затягивалось. Тогда ему посоветовали позвонить болгарскому премьеру И. Гешову. Писатель крайне удивился, представив, чтобы в России кто-то решил вызвать к аппарату В.Н. Коковцова. На это он услышал ответ: «У нас страна – демократическая» [1101]. Но вряд ли стоит считать это атрибутом демократии. Скорее речь должна идти о другом. Ст. Вольский писал относительно сербов, но данное утверждение можно экстраполировать и на Болгарию: «Личность не успела еще выделиться из коллектива, экономическое развитие не успело еще вырыть психологической пропасти между управляющими и управляемыми» [1102].

По-разному народы относились и к возможностям своей демократии. В Сербии корреспонденты отмечали крайне высокий интерес к политике. «Нужно сказать, что сербы вообще чрезвычайно увлекаются политикой, они со страстью читают газеты, и любимый разговор их – на политические темы», – считал Е.И. Мартынов. Он соглашался, что это порождало в стране политиканство и борьбу партий, но это увлечение, на его взгляд, «развивает в широких народных массах сознательно отношение к государственным делам» [1103]. С меньшей симпатией к этой черте сербов относился Н.И. Гасфельд: «Ни в одной стране вы не найдете столько политических партий, как в Сербии: собралось в кофейной несколько человек, поболтали вдоволь и готова партия, открывшая враждебные действия против другой, к которой новорожденные вожаки

[1100] Там же. С. 43.
[1101] Там же. С. 41.
[1102] *Вольский Ст.* Письма с Балкан // Русские о Сербии и сербах. Т. 1: Письма, статьи, мемуары. СПб., 2006. С. 538.
[1103] *Мартынов Е.И.* Указ. соч. С. 22–23.

еще вчера принадлежали» [1104]. При этом, по мнению Л.Д. Троцкого, партии не отражали внутренних «классовых интересов», а группировались по признаку русофильства и австрофильства [1105]. Но это утверждение представляется архаичным для 1912 г., поскольку после Боснийского кризиса 1908 г. публичное заявление о своей ориентации на Вену граничило с политическим самоубийством.

Немалое внимание будущий советский нарком уделил болгарской демократии, которую считал более примитивной, нежели сербская [1106]. Не согласен с ним был В. Водовозов, считая Болгарию «наиболее демократическим и наиболее культурным государством Балканского полуострова», даже «в худшие времена стамбуловского деспотизма» бывшим «демократическим и мужицким» [1107].

В этом вопросе Л.Д. Троцкий смотрел глубже: «“Партия” политически безразличных и безличных здесь, по вполне понятным причинам, очень многочисленна и своими голосами определяет исход выборов. А незачем пояснять, что эта “партия” всегда склонна поддерживать власть». В том, что множество раз разочарованные в своем выборе граждане голосовали за уже находящуюся благодаря царю в правительстве партию (ведь она хоть может исполнить обещания), он и видел основу политической системы Болгарии [1108].

Как уже указывалось, Л.Д. Троцкий более других корреспондентов уделял внимание функционированию политических систем Болгарии и Сербии. Все это вкупе с глубоким изучением данного вопроса привело к тому, что его перу принадлежит довольно точная характеристика балканских стран как запоздалых: «Запоздалая страна в своем историческом

[1104] *Шевалье Н.* Указ. соч. С. 98.
[1105] *Троцкий Л.* Указ. соч. С. 52.
[1106] Там же. С. 80.
[1107] *Водовозов В.* Указ. соч. С. 319, 322.
[1108] *Троцкий Л.* Указ. соч. С. 38.

движении похожа не на корабль, который сам прокладывает себе путь по волнам, а на баржу, которую тащит на буксире пароход» [1109]. В итоге осуществлялась попытка модернизационного скачка, приводившая далеко не всегда к желаемым результатам. Это также верно подметил Л.Д. Троцкий, указав, что история не отвела странам Востока и России достаточно времени для нормального постепенного развития, и «заставила их строить железные дороги и заводить для своих армий аэропланы – прежде чем они провели шоссейные дороги; она напялила их имущим классам на головы лоснящиеся цилиндры – прежде чем в эти головы проникли европейские понятия; она осветила, наконец, центры городов великолепными калильными фонарями – прежде чем осушила на окраинах отвратительные лужи, очаги зловония и заразы» [1110].

Диаметрально противоположной была картина, созданная Вас.И. Немировичем-Данченко, квинтэссенцией которой служит тост, произнесенный им на торжественном обеде перед отъездом из Болгарии. Он предложил поднять бокалы «за демократическую Болгарию, великую работницу будущего, сотрудницу в общемировом движении к вечным созвездиям человечества – свободе, красоте, знанию. Да живет она, когда цветы покроют могилы, и когда свободный, просвещенный потомок с благодарностью вспомнит пролитую за него кровь. За Болгарию ума, знания, прогресса, работы и за выразительницу этих заветов, независимую болгарскую печать» [1111]. С подобным восхищением говорил В.М. Бехтерев в Обществе славянского научного единения, сравнивая с Болгарией до 1877 г.: «Это в полном смысле слова цветущая и цивилизованная страна, у которой не стыдно поучиться и старшим братьям, ее освободившим. Достаточно сказать, что страна, пространством и насе-

[1109] Там же. С. 37.
[1110] Там же. С. 158.
[1111] *Немирович-Данченко Вас.И.* Собрание сочинений. Т. XV... С. 269.

лением не превышающая одну нашу губернию, имеет благоустроенную, хотя и небольшую столицу, свой университет, свою Академию Наук, великолепные музеи, величественные монументы, превосходно поставленное в стране земледелие, начавшееся развитие обрабатывающей промышленности, целую сеть своих железных путей, благоустроенные порты и, что важнее всего прочего, 7-ми летнее всеобщее обязательное обучение» [1112].

Возможно, таковые построения проистекали из сравнения с русскими реалиями. Э. Гуссерль считал, что «чужое» конституируется на почве «собственного», что требует «делания понятным», то есть упрощения объекта [1113]. Дополнительно включается и механизм «экономии усилий», в итоге, как пишет У. Липпман, характеризуя предмет, «сначала мы даем ему определение, а потом рассматриваем. В огромном шумном многоцветии внешнего мира мы вычленяем то, что уже было определено нашей культурой. Мы воспринимаем предметы через стереотипы нашей культуры» [1114]. Когда же мы попадаем в плен стереотипов, пишет он, «мы обращаем внимание на те факты, которые поддерживают ее, и не замечаем факты, которые ей противоречат» [1115]. И, как пишут исследователи, люди «видят не то, что есть, а то, что могут или хотят увидеть» [1116].

Так какими же изображались Болгария и Сербия во время Балканских войн?

[1112] *Бехтерев В.М.* Значение единения родственных народов в общечеловеческой культуре и современные вопросы славянства // Славянский вопрос в его современном значении. СПб., 1913. С. 17.
[1113] *Вальденфельс Б.* Своя культура и чужая культура. Парадокс науки о "Чужом" // ЛогоС. 1995. Кн. 6. URL: http://anthropology.rinet.ru/old/6/wald.htm (Дата обращения: 22.09.2015).
[1114] *Липпман У.* Общественное мнение. М., 2004. С. 97.
[1115] Там же. С. 128.
[1116] Россия и Запад. Формирование внешнеполитических стереотипов в сознании российского общества первой половины XX века. М., 1998. С. 3.

§ 2. Города и столицы союзных государств

Многие корреспонденты отправлялись на Балканы по маршруту, предполагавшему сначала посещение Белграда и лишь затем – Софии.

И по прибытии в Белград всех поражало несоответствие увиденного статусу столицы независимого европейского государства. Прежде всего, удивляло корреспондентов отсутствие огней в ночном городе. «Почему же так мало огней? Столица – и так мало огней!», – восклицал Е.Н. Чириков [1117]. Он прибыл в темное время суток, и город ему казался словно вымершим: «только несколько подслеповатых огоньков мигают по горе и на другой стороне площади» [1118]. Но и днем картина мало менялась. Е.И. Мартынов описывал бедность горожан: «В городе почти не встречается собственных экипажей. Все одеваются очень просто. Дорогих дамских костюмов совсем не видно, и даже на улице князя Михаила, куда по вечерам выходит на прогулку “весь Белград”, толпа имеет серый вид» [1119].

В Белграде журналисты видели что-то знакомое. Е.И. Мартынову сербская столица казалась похожей на «губернский город средней руки», где «лишь две хорошие, составляющие одна продолжение другой», улицы [1120], Л.Д. Троцкому за два с половиной года до этого – «русский средней руки губернский город», только с конаком вместо губернаторского дома. К 1912 г., по его мнению, город «вырос, почистился и похорошел». Появились новые дома и магазины, торцовая мостовая на глав-

---

[1117] *Чириков Е.Н.* Указ. соч. С. 18.
[1118] Там же. С. 19–20.
[1119] *Мартынов Е.И.* Указ. соч. С. 22.
[1120] Там же. С. 7–8.

ной улице [1121]. Так выглядела лишь небольшая часть Белграда. Корреспонденты отмечали, что на «главной артерии города» – беспролазная грязь. Начались работы по укладке новой мостовой, но война прервала эти планы, средства решили потратить на военные нужды, однако успели снять часть трамвайных рельс и разрыть мостовую, в итоге «улица так и осталась исковерканной, только что подготовленной под асфальт, как взбороненная нива – под жатву» [1122], и «подъезжая к лучшему в городе отелю “Москва”, экипаж по ступицы погружается в лужу» [1123]. Е.Н. Чириков видел в этом родные черты: «Грязища, как в Лаишеве! Переходим площадь, ноги тонут по щиколотку в жидкости, под которой нога чувствует потопленный камень, а я доволен: словно приехал в какие-то родные палестины! Если правда, что нам бывает приятен дым отечества, то почему не почувствовать удовольствия от напоминающей отечество грязи?» [1124].

Описания других сербских городов не встречаются. Журналисты в них не задерживались. Только Ниш они проезжали, да оставили свои впечатления от железнодорожной станции, полной солдат, да буфета, где ничего нельзя было купить. Лишь Н.И. Гасфельд был пространнее: «Маленький городок, с его беленькими одноэтажными домиками, уютными садиками, давно уже потерял печать еще сравнительно недавнего владычества в нем турок» [1125].

Значительно отличалась от Белграда София. Как отмечал Л.Д. Троцкий, «контраст между захолустным, невымощенным, грязным Белградом и чистой на немецкий лад, с высокими зданиями Софией –

[1121] *Троцкий Л.* Указ. соч. С. 46.
[1122] *Немирович-Данченко Вас.И.* Собрание сочинений. Т. XIV... С. 16–17.
[1123] *Троцкий Л.* Указ. соч. С. 47.
[1124] *Чириков Е.Н.* Указ. соч. С. 19–20.
[1125] *Шевалье Н.* Указ. соч. С. 37.

разителен» [1126]. И перефразировав его же, можно сказать, что железнодорожная лента тянулась преимущественно в восточном направлении, но относительно городской культуры корреспонденты двигались на запад. Вас.И. Немирович-Данченко восхищался тем, что «недавняя чуть ли не деревня турецкая», «приняла, развернувшись чудесными домами, прекрасными улицами и памятниками, с сказочною быстротой вырастающая столица молодого королевства!» [1127]. Е.Н. Чириков наслаждался видом «желтой мостовой из ровных каменных плиток, домов преимущественного желтого цвета» [1128]. Но за этим фасадом крылись и совершенно «азиатские» окраины. Будущий советский нарком заметил, что София «от вокзала до дворца и парламента» представляет собой европейский город: «отличные чистые мостовые, высокие дома, электричество, трамвай, корсо, элегантные наряды, дамские шляпы больших размеров, чем в Париже». Но существовали «махалы»-рассадники зловония и болезней, прибежища ужасающей бедноты. Таким увидел квартал Юч-Бунар [1129], где находилось еврейское гетто, Л.Д. Троцкий [1130]. Хотя, как уже указывалось, не все так было мрачно в этом районе, он все же представлял из себя малоприятное зрелище. Но далеко не все корреспонденты посещали окраины, заглядывали за блистательный фасад городов. Интересно добавить и бытовую деталь. Михаил Маджаров, бывший болгарский депутат, министр, в будущем посланник в Лондоне, приехав в 1912 г. в Петербург искренне удивлялся не только огромным домам, но и постоянному наличию горячей воды [1131].

[1126] *Троцкий Л.* Указ. соч. С. 104.
[1127] *Немирович-Данченко Вас.И.* Собрание сочинений. Т. XIV... С. 39.
[1128] *Чириков Е.Н.* Указ. соч. С. 54.
[1129] Район современных улиц «Опълченска», «Пиротска».
[1130] *Троцкий Л.* Указ. соч. С. 158.
[1131] *Маджаров М.И.* Дипломатическа подготовка на нашите войни. София, 1932. С. 225–226.

Болгарские города статусом пониже также представлялись журналистам довольно симпатичными. Н.П. Мамонтов писал о «живописной столице Восточной Румелии, раскинувшей в зелени садов свои правильно планированные улицы» [1132] – Пловдиве, втором по населению городе Болгарии. Им же любовался Е.Н. Чириков, называя, как и Н.П. Мамонтов, античным именем Филиппополь. Писателю он казался «оригинальнее и приятнее Софии». Издалека виделся «сказка, а не город»: «Чистый каменистый путь, широкие и веселые улицы, с большими двухэтажными и трехэтажными домами, тип построек – немецкий». Но вблизи пестрая толпа, «смесь европейского с азиатским» делала город оживленным и шумным, очарование сказки спадало – «издали было лучше». Город казался новым, но при этом оставались рудименты прошлой эпохи – несколько мечетей, одна из которых перестроена из старой болгарской церкви, несколько развалившихся турецких домов, турецкая баня и приютившаяся на отвесной скале маленькая церковь. В то же время здесь, как и в Софии, окраина разительно отличалась от центра: «За мостом через Марицу – большая старая слобода, где еще пахнет Турцией: много мечетей и грязи, а домики прячутся во дворах». И это смешение старого и нового, Европы и Азии приводило к дивной картине: «Парные экипажи, буйволы, ослики, трамвай, черномазые чистильщики сапог, готовые оторвать вам ноги, европейское платье и отрепье цыган, красочные нищие, которых хочется снять кодаком в то время, как они гнусаво клянчат, причитая что-то привычное, заученное» [1133].

Н.П. Мамонтов, как и многие корреспонденты, посетил Старую Загору, где тогда находился штаб всей армии. Он отметил, что молодой город быстро растет, правильно устроены и функционируют телефон,

---

[1132] *Мамонтов Н.П.* Указ. соч. С. 169.
[1133] *Чириков Е.Н.* Указ. соч. С. 136–137.

канализация, водопровод. При этом все же «чистенький, прекрасно распланированный город» сохранял следы своей истории: «острая игла белого минарета “джамии” теряется в соседстве с золотыми куполами новых храмов, старая баня “хаммам” неуклюже выперла на середину новой, отлично мощеной улицы и с недоумением смотрит подслеповатыми старушечьими глазами своих тусклых окошек на кипящую вокруг нее новую жизнь» [1134]. И одновременно гостиницы в этом городе «поражали своей убогостью и неряшливостью» [1135]. Вас.И. Немирович-Данченко считал, что Старая Загора делается европейским городом: строятся большие дома, театр, достойный крупного русского университетского города, создаются просторные школы; «и рядом – старая, милая идиллия поэтического Востока»: кафе, где сидят, поджав ноги, турки, жарят «кебап» на углях, возвышаются купола турецкой бани [1136].

В маленьких болгарских городах по-прежнему царила «турция». В Русе (автор называл его на русский манер Рущук), по словам Н.И. Гасфельда, царило запустение, в окнах домов было темно, а улицы тускло освещались керосиновыми фонарями [1137]. Н.П. Мамонтов описывал, как в Свиштове «по грязной, скользкой глине поплелись мы в примитивную гостиницу» [1138]. В Ямболе на бульваре ходили свиньи, овцы, было полно рытвин, «а тут же на стене большое объявление: “Рентгенов институт «Хаджи Господин Славов». Имам машина с която с виждат вътрешности на човешкото тело, както: бъбреците и др.” [1139]. Какой

[1134] *Мамонтов Н.П.* Указ. соч. С. 51.
[1135] Там же. С. 48.
[1136] *Немирович-Данченко Вас.И.* Собрание сочинений. Т. XIV... С. 51.
[1137] *Шевалье Н.* Указ. соч. С. 22.
[1138] *Мамонтов Н.П.* Указ. соч. С. 23.
[1139] «Есть машина, при помощи которой видно внутренности человеческого тела, как: почки и др.».

контраст!» – восклицал А.А. Пиленко [1140]. Естественно, не успели произойти изменения и в только присоединенных городах. Мустафу-пашу (ныне – Свиленград) корреспондент называл Венецией из грязи, и выразил свое впечатление от этого городка при помощи понятных читателю аналогий: «если бы в крымском Бахчисарае случилось наводнение из грязи, то вышел бы Мустафа-паша!..» [1141].

Разница между сербской столицей и болгарскими крупными городами оказалась разительной. Роднило их, пожалуй, только несколько черт. Во-первых, раннее прекращение уличной жизни. В Софии она замирала в одиннадцать часов, что Е.Н. Чирикова разочаровывало, поскольку он не привык так рано ложиться, ведь «теперь в Петербурге только “начинается”!» [1142]. Но и это объяснялось военным временем – ночью запрещалось выходить на улицы, которые патрулировали солдаты. Во-вторых, запустение, вызванное войной, оживляемое мальчишками, бойко продававшими газеты с последними известиями с фронта [1143].

В то же время в Болгарии города казались молодыми, что говорило о том, что кардинальные перемены наступили после обретения независимости. Это в свою очередь и приводило к сочетанию даже в городских пейзажах нового, европейского и старого, турецкого [1144]. В Бухаре-

---

[1140] *Пиленко А.А.* Около Болгарской войны. Дневник и сорок девять любительских фотографий. СПб., 1913. С. 22.
[1141] *Чириков Е.Н.* Указ. соч. С. 130–131.
[1142] Там же. С. 37.
[1143] *Мамонтов Н.П.* Указ. соч. С. 26; *Троцкий Л.* Указ. соч. С. 47; *Чириков Е.Н.* Указ. соч. С. 33.
[1144] Австро-венгерский экономический эксперт-корреспондент в Болгарии Ш. Киш-Немешкейри во время Балканских войн запомнил Софию таковой: «Сам город был почти на половину сегодняшний, во многих отношениях – только большое село, но главные улицы и тогда были спланированны широкими и прямыми – план большого города, обещающего стать очень красивым. Единственно маленькие дома и кривые тесные улочки окраинного квартала, названного Юч-Бунар («Три колодца»), создавали впечатление чего-то турецкого или цыганского» (*Пейковска П.* Спомени на унгарския дипломат Шандор Киш-Немешкейри за България и българите // Известия на държавни архиви. 1993. Кн. 66. С. 259).

сте таковой приход «Европы» в Азию и вовсе казался искусственным. «Против скромного на вид королевского палаццо лежали неубранные кучи мусора и щебня; жалкие клячи волокли, надрываясь, тяжелые и переполненные донельзя коночные вагоны; только несколько зданий на улице Виктории да памятник Братиано напоминали европейские города», – описывал «Новый Париж» Н.П. Мамонтов. В результате румынская столица ему казалась «несравненно ниже» многих русских губернских городов, не говоря уже о Киеве и Одессе [1145].

Эта же искусственность передового европейского опыта в балканских реалиях проявлялась и в культуре. Сначала осенью 1912 г. в «Современнике» вышла статья К. Крыстева-Миролюбова «Новая болгарская литература», а затем она же несколько измененная под названием «Современная болгарская литература» – в «Вестнике Европы». В ней автор, сам болгарин, признавал, что болгарское общество «не далеко ушло в своем художественном и интеллектуальном развитии», а поэзия «достигла блестящего развития», опередив все остальные области духовной жизни [1146]. Автор считал Пейо Яворова опережающим национальную литературу на десятилетия [1147], Пенчо Славейкова сравнивал по значимости с А.С. Пушкиным [1148]. Но при этом признавал, что современная литература в Болгарии не востребована местной интеллигенцией [1149]. Добавим, что уж тем более этот поэтический островок модерности не был известен и основной массе населения.

Но почему же Белград, намного раньше оказавшийся в таких условиях, не стал образцовой европейской столицей? На наш взгляд, сербы

[1145] *Мамонтов Н.П.* Указ. соч. С. 16.
[1146] *Кръстев-Миролюбов К.* Новая болгарская литература // Современник. 1912. № 11–12. С. 380.
[1147] Вестник Европы. 1913. № 6. С. 159.
[1148] Там же. С. 155.
[1149] Там же. С. 151.

попросту не ставили этот вопрос во главу угла. Постоянное ожидание войны с северной соседкой, на границе с которой и расположен Белград, приводило к ощущению, что его обустройство окажется пустой тратой средств [1150]. Как справедливо отмечает А.Л. Шемякин, в Сербии в то время «вместо естественного поступательного развития – всплески отчаянного напряжения и относительно мирные паузы, заполненные не “органичной работой”, а ожиданием того, ради чего сербские дети и воспитывались отнюдь не в добродетелях чешских “бюргеров”, с их “малыми делами” и пианино в каждом втором доме» [1151]. И внешний вид Белграда – тому подтверждение.

Болгарии в этом плане было несравнимо легче – крупные города находились на некотором удалении от границ, столица была ближе к Македонии, а вероятное мощное наступление турки могли осуществить лишь со стороны Фракии. К тому же царь Фердинанд хотел создать «Европу» вокруг себя – здесь его честолюбие играло прогрессивную роль. Поэтому и строились города на немецкий манер, Е.Н. Чириков отмечал: «Архитектуре здесь учатся в Германии, потому новый город похож на

[1150] Это точно подметил посетивший Белград в 1910 г. Д.Н. Вергун: «Странная участь славянских столиц на Балканах. Белград – это точно жених, ожидающий наследия американского дядюшки; София – невеста, хлопочущая о приданом. В Софии везде следы строительной горячки. По улицам кучи мусора, цемента, кирпича, камня, черепицы. На торчащих балках и стропилах кучи плотников и каменщиков. Совсем разрытый муравейник или пчелиный рой. Не то в Белграде. Какая-то лень, сонливость и беспечность на неумолимом солнцепеке. Говорят, город этот сделал теперь заем в 60 миллионов для приведения себя в культурный вид. Но работа что-то не спорится. Да и неудивительно: какое возможно переустройство, когда с другого берега Дуная, из Землинской гавани неумолимыми соглядатаями торчат с шести австро-венгерских мониторов медные жерла крупповских орудий. Косится на них старый Калимегдан, оскалив на них свои медные зубы… Да в такой обстановке, естественно, не только Белград, а даже Париж развиваться не может. И покуда не решится так или иначе сербский вопрос, Белграду не догнать прихорашивающейся невесты Софии» (Москва – Сербия, Белград – Россия. Сборник документов и материалов. Т. 3. Общественно-политические и культурные связи. 1878–1917. М.–Београд, 2012. С. 120).

[1151] *Шемякин А.Л.* Сербия и сербы накануне Балканских войн глазами русских (к дискуссии о «современном» государстве) // Модернизация vs. война... С. 152.

немецкий» [1152]. Интересно, по словам А.А. Амфитеатрова, объяснял разницу между столицами австрийский журналист Леопольд Мандль. Тот считал, что Сербия – «более славянская земля, чем Болгария», а славяне не любят городов. Поэтому Белград оказывался так неухожен, а София – обустроена [1153] . Но подобное объяснение нельзя считать достаточным. Более важные и глубинные причины кроются в самих характерах народов.

§ 3. Нравы и характеры народов

Несмотря на близость географическую и этническую, народы казались довольно разными. Е.Н. Чириков, отправляясь на Балканы, признавался, что не знает болгар и сербов. Но в поезде моментально отличил славян от немцев: их речи и жесты были повышены, они не так аккуратны и «скучно-приличны». Часть из них напоминала «типы нашего студенчества конца восьмидесятых годов: вольного вида, в шляпах на затылок и с дерзостью во взоре... Даже сердце как-то екнуло». Первые свои суждения о разнице между болгарами и сербами он сформулировал на основе брошюрок ценой в 30 копеек – «Русский в Сербии, Черногории и Герцеговине» и «Русский в Болгарии». На основании этих путеводителей он вынес вердикт: «Сербы – размашистее, очень похожи на русских и более восторженны» [1154]. Уже познакомившись с болгарами, он восклицал: «Какие последовательные, рассудительные люди эти болгары! Мы, русские, в сравнении с ними, самые неисправимые романтики!» [1155]. Соглашался с ним и Л.Д. Троцкий: «Болгары не сентименталь-

---

[1152] *Чириков Е.Н.* Указ. соч. С. 135.
[1153] *Амфитеатров А.* Славянское горе. М., 1912. С. 9.
[1154] *Чириков Е.Н.* Указ. соч. С. 14.
[1155] Там же. С. 102.

ны, лишены лиризма и чувства театральности» [1156]. В другом месте он писал, что в Болгарии все «до последней степени экономны, вернее – скупы», поскольку страна крестьянская, буржуазия лишь накапливает капиталы, поэтому «нет никаких традиций роскоши и мотовства» [1157]. Даже в момент проявления патриотизма, благодарности к России, не упускалась из виду личная выгода. А.А. Пиленко рассказывал об оказанном ему теплом приеме: «все от чистого сердца… Денег не берут. Вернее: хозяин дома не берет и очень обижается, если предложишь. Но его жена после этого берет» [1158].

При этом казалось, что болгары сохраняют патриархальность семейных нравов. В одном из госпиталей раненый болгарский кавалерист влюбился в ухаживавшую за ним сестру русского Красного Креста и предложил ей выйти замуж. Виктория, ученица балетной школы из Таганрога, ему ответила: «Я знаю, что вы, болгары, деспоты. Жена для вас только объект плотских удовольствий. У вас к ней одинаковое отношение с турками… Из-за увлечения тобой я должна проститься с самой священной моей мечтой – балетным искусством… Выйти замуж за тебя значит рожать тебе детей, готовить, стирать, стать настоящей рабыней. Пфу! Какая отвратительная перспектива» [1159].

Такое понимание национальных характеров оказалось довольно расхожим. «Серб чисто-экспансивен, кипит, как шампанское. Ему нужна галерея. Внешний порыв, крик восторга, поза, – он и на смерть хочет идти красиво», – писал Вас.И. Немирович-Данченко. «Болгарин, – считал он же, – весь ушел внутрь себя. Он молча растит энергию, копит ее для решительного удара. У него уста сомкнуты, но глаза сверкают мрачным

[1156] *Троцкий Л.* Указ. соч. С. 157.
[1157] Там же. С. 263.
[1158] *Пиленко А.А.* Указ. соч. С. 48.
[1159] *Карчев П.* През прозореца на едно полустолетие (1900–1950). София, 2004. С. 315–317.

огнем. В эти окна смотрит душа напряженная, жаждущая подвига. Это – до боли натянутая тетива, на которой еще неподвижная стрела» [1160]. Но на фоне греков, как казалось М.В. Сахарову, серб «более положителен, меланхоличен» [1161]. Он же оставил свой собирательный портрет сербов: «Серб большей частью среднего роста, брюнет, в усах, с бритым подбородком, сначала производит впечатление спокойного меланхолика, но легко воспламеняется и заражается настроением окружающих; склонен к пассивной покорности, терпелив к лишениям; несмотря на наклонность к продолжительному отдыху, работоспособен, сметлив, настойчив; при наклонности к некоторому преувеличению, без лишних слов совершает геройские подвиги» [1162]. Склонность сербов к театральным жестам отмечал, как видим, и он, хотя Н.Г. Гартвиг говорил Е.И. Мартынову, про их «удивительную скромность и отвращение к рекламе» [1163]. Но об объективности посланника мы уже писали.

Характерной чертой болгар русским казалось миролюбие. В вышедшей в Ярославле уже в начале Первой мировой войны брошюре утверждалось: «С внешней стороны болгарин производит впечатление человека спокойного, но при более близком знакомстве легко заметить, что под этим покровом таится страстный темперамент и вспыльчивый характер». Там же указывалось и на другую особенность народного нрава: «Болгары в высшей степени трудолюбивы и в противоположность братьям-черногорцам – миролюбивы. Из всех славянских народов болгары – самый тихий, мирный и трудолюбивый народ» [1164]. Е.Н. Чириков, считал, что болгары «энергичны, настойчивы, с непочатым запасом во-

---

[1160] *Немирович-Данченко Вас.И.* Собрание сочинений. Т. XIV... С. 21.
[1161] *Сахаров М.В.* С сербами к Скутари (впечатления) // Русские о Сербии и сербах. Т. 1... С. 545.
[1162] Там же. С. 546.
[1163] *Мартынов Е.И.* Указ. соч. С. 94.
[1164] *Карпов С.* Болгария и последние Балканские войны. Ярославль, 1914. С. 5–6.

левой энергии. Во многом напоминают наших финляндцев, только темпераментнее их и жизнерадостнее» [1165]. Ему же один из солдат говорил: «Не скажу, чтобы наш народ был особенно религиозен… Он – сын земли, по преимуществу, и хочет иметь все блага на земле больше, чем на небе! Наша церковь играла всегда больше роль политическую, роль национального объединителя, чем духовную… Копаться в себе мы, болгары, вообще не любим! Некогда! Дел много…» [1166].

Е.И. Мартынов считал, что и сербам присущи трудолюбие, трезвость, смышленность и солидарность, которые вкупе с благодатным климатом и хорошей почвой составляют причину их большого достатка [1167]. Возможно, за достаток он принимал ежедневно переполненные кафаны, и искал тому объяснение. Но и Л.Д. Троцкому сербы казались «трудоголиками», особенно по сравнению с черногорцами: «Серб-шумадиец, имеющий вкус к работе и культуре, презирает бездельника и чванного героя» [1168]. Тем не менее Н.И. Гасфельд охарактеризовал их предельно жестко: «Ленивые по природе, избалованные благодатным климатом и плодородием почвы, они только и занимаются политическими разговорами, перекраивая карту Ближнего Востока по настроению и вкусу» [1169].

Эта разница в отношении к труду отмечалась путешественниками и ранее. Генерал Н.Р. Овсяный, прекрасно знавший регион, писал: «Что касается настойчивости в достижении целей, трудолюбия и бережливо-

---

[1165] *Чириков Е.Н.* Указ. соч. С. 53.
[1166] Там же. С. 78–79.
[1167] *Мартынов Е.И.* Указ. соч. С. 21.
[1168] *Троцкий Л.Д.* Черновые заметки «Сербия и Болгария» // Русские о Сербии и сербах. Т. II (архивные свидетельства). М., 2014. С. 489.
[1169] *Шевалье Н.* Указ. соч. С. 98. Отметим, что такое поведение появилось у них отнюдь не XX в. В 1880 г. П.А. Кулаковский писал Ап. Майкову из Белграда: «Здесь почти нет серьезных работников: все “политику терају”» (*Кулаковский П.А.* Письма Ап.А. Майкову // Русские о Сербии и сербах. Т. II.... С. 183).

сти, серб много уступает своему соседу, болгарину». Некоторые сербы тоже отдавали себе в этом отчет, оказываясь в Болгарии. «Народ трудолюбив, повсюду видны обработанные и полные плодов нивы, на которых в разгар страды старательно копошатся селяки», – записал в дневнике по пути из Белграда в Константинополь сербский журналист П. Тодорович в 1894 г. [1170]. Британец Генри Блейсфорд также считал, что у сербов «отсутствует способность к постоянной работе, потому-то они и достигли за восемьдесят лет меньшего морального и материального прогресса, чем болгары всего за двадцать пять»[1171]. Возможно, в силу успеха, достигнутого трудолюбием, капитан Самосеев мог охарактеризовать болгар так: «В национальных чертах болгар мы имеем пример высокой уверенности в себе, в своих силах» [1172].

Просербски настроенный Е.И. Мартынов видел разницу между народами с иными акцентами: «Сербы – чистые славяне, увлекающиеся, щедрые и добродушные… Болгары – смесь монгол-завоевателей с покоренными славянскими племенами, отличаются наоборот холодной расчетливостью, корыстолюбием, заносчивостью» [1173].

В качестве подтверждения тому можно указать и на коррупцию, ставшую нормой в болгарском руководстве.

Как иллюстрацию корыстолюбия болгар стоит привести рассказ А.А. Пиленко о том, как он покидал армию на выделенном ему автомобиле, пообещав шоферам 200 левов, если вечером они прибудут в Мус-

---

[1170] *Гришина Р. П., Шемякин А. Л.* Судьба «балканских союзников» 1912–1913 годов. Взгляд из XXI столетия // Новая и новейшая история. 2013. № 4. С. 125; *Они же.* Трудный путь к европейской цивилизации: Сербия и Болгария в конце XIX – начале XX в. Приоритеты развития // Из истории Сербии и русско-сербских связей. 1812–1912–2012. М., 2014. С. 36.

[1171] Цит. по: *Гришина Р.П.* Болгария и македонские болгары. 1878–1913 гг. // Дриновски сборник / Дриновський збірник. Т. VII. Харьков–София, 2014. С. 221; *Гришина Р.П., Шемякин А.Л.* Трудный путь к европейской цивилизации... С. 41.

[1172] ГАРФ. Ф. 555. Оп. 1. Ед. хр. 473. Л. 56.

[1173] *Мартынов Е.И.* Указ. соч. С. 80.

тафу-пашу. Они три раза переспросили, убедившись в реальности предложения и «их лица вдруг сделались какими-то особенными. Во всех их ухватках стали проглядывать не то отчаянность, не то свирепость. Бензина они так плеснули в воронку, что пролили на землю не меньше литра; шины выхватили у заведывающего складом почти на ходу; хрупкие “свечи” мотора позасовали прямо в карманы; на свои места сели вольтижем; и так с места пустили в ход мотор, что я тотчас же стал раскаиваться». Но затем колесо взорвалось. А сменную шину, как оказалось, взяли другого типа, меньшего диаметра. В итоге машину кренило, колесо вновь лопнуло, затем пополам сломалась и рессора [1174].

Практически идентичную ситуацию описал и Н.И. Гасфельд. На белградском вокзале он сел в машину, шофер лишь через некоторое время решил уточнить, кого же он везет. Поняв, что не того, за кем его послали, водитель стал разворачивать машину обратно. После, пишет Н.И. Гасфельд, было следующее: «Я достал из кошелька 20 франков и вручил их шоферу. Магически подействовало. Как ветер полетели мы в город и через 10 минут я очутился в столовой гостиницы, переполненной всяким военным людом» [1175].

Война считается переломным моментом, обнажающим все человеческие качества. А как емко и точно выразился Л.Д. Троцкий, «здесь мобилизованная армия есть действительно народ» [1176]. Как же проявлялись характеры на войне?

[1174] *Пиленко А.А.* Указ. соч. С. 207–213.
[1175] *Шевалье Н.* Указ. соч. С. 47.
[1176] *Троцкий Л.* Перед историческим рубежом... С. 109.

§ 4. Вооруженные силы

В прессе была размещена довольно подробная информация относительно войск всех стран-участниц балканского конфликта. Расписывались по количеству соединений все роды войск, назывались точное количество батарей, рот, батальонов, офицеров, получивших образование за границей.

«На первом плане среди войск Балканского союза следует поставить армию Болгарии, представляющую собой грозную силу не только по численности, но и по выдающемуся воинскому духу, прекрасной боевой подготовке, однородности племенного состава, активным тенденциям обучения и умелому руководству» [1177], – считал Н.П. Мамонтов. Тот факт, что армия царя Фердинанда была сильнейшей на Балканах отмечали и иностранные военные атташе, наблюдавшие парад и учения ее 2 августа 1912 г. [1178]. Вас.И.Немирович-Данченко называл ее доблестной, «лучшей из армий» [1179].

Сербская армия признавалась более слабой, что показала и война 1885 г., но Вл. Апушкин в статье в «Вестнике Европы» объяснял это правлением Обреновичей. Теперь же, по его мнению, когда на престоле вновь ориентированные на Петербург Карагеоргиевичи, армия поднялась на новый уровень и покончила с разрухой в ней [1180]. «По военному духу и подготовке сербы не уступают болгарам», – утверждал Н.П. Мамонтов [1181].

Греческая армия считалась слабо дисциплинированной, и, в отличие от ее союзниц, где офицеры по происхождению были уроженцами

[1177] *Мамонтов Н.П.* Указ. соч. С. 9.
[1178] *Йовков И.* Кобургът. София, 1990. С. 278.
[1179] *Немирович-Данченко Вас.И.* Собрание сочинений. Т. XV... С. 212.
[1180] Вестник Европы. 1913. № 1. С. 348.
[1181] *Мамонтов Н.П.* Указ. соч. С. 10.

страны, не имела народный характер [1182]. Поражение греков в войне 1897 г. привело и пренебрежительному отношению к ней со стороны союзников. «Здесь, очевидно, все считают, что преподобными могут быть только болгары и что греческие победы могут быть только отражением тех, которые будут одержаны славянскими войсками», – писал А.А. Пиленко [1183]. И в восприятии русского общества вклад потомков эллинов был меньшим. Характерна при этом карикатура в журнале «Шут» в 1913 г. На ней изображен турок без рук и ног, со сломанными саблей и ружьем под прицелом четырех пушек, символизирующих страны Балканского союза. Дуло с надписью «Греция» изображено было несколько в стороне от остальных [1184].

У турок все авторы отмечали отсутствие воинского духа, коррупцию, недостаток боеприпасов и медикаментов в армии [1185], и считали, что «ее офицерский состав, увлеченный политикой, забыл о военном деле» [1186]. О слабой военной подготовке солдат говорило многое, приведем один яркий пример. В начале войны в османской армии было серьезное количество раненых с одним и тем же увечьем – сломанным носом. Дело было в том, что многие новобранцы даже не знали, как пользоваться винтовкой, и целились, прислоняя приклад ружья к собственному носу [1187]. Не придавали дополнительной силы армии и призванные православные. Доверия им не было, и пленные рассказывали журналистам,

---

[1182] *Везенков.* Указ. соч. // Военный сборник. 1914. № 6. С. 349.
[1183] *Пиленко А.А.* Указ. соч. С. 34–35.
[1184] *Филиппова Т.А.* «Враг с востока». Образы и риторики вражды в русской сатирической журналистике начала XX века. М., 2012. С. 344–345. Сама Т.А. Филиппова этот факт не отметила.
[1185] Вестник Европы. 1913. № 1. С. 351–352; Там же. 1912. № 11. С. 407.
[1186] *Мамонтов Н.П.* Указ. соч. С. 34.
[1187] *Константин С.* Фердинанд лисицата. Цар на България. София, 1992. С. 294.

что если офицеру казалось, что «неверный» брал прицел неверно, он стрелял в него из револьвера [1188].

Однако нас все же интересуют лишь две из охарактеризованных армий. И.П. Табурно в ноябре 1912 г. писал: «Все, что я узнал о болгарской армии, так однородно с тем, что я видел в сербской армии, что, мне кажется, как будто это один народ, одна армия, полная одинакового чувства, с одинаковыми качествами» [1189]. Во многом так оно и было, и зачастую невозможно отделить описание одной армии от другой.

В том, что касается войск царя Фердинанда, всяческих похвал удостаивались «неудержимый наступательный порыв» [1190] пехоты, в чьей энергии «сомневаться не приходится» [1191], и профессионализм артиллерии. «Могущественная болгарская артиллерия по достоинству считающаяся одной из лучших артиллерий европейских армий» [1192], – считал штабс-капитан Мамонтов. Она прекрасно маневрировала и переходила от пристрелки к огню на поражение. Под Чаталджой «болгарская артиллерия давала… примеры редкой выдержки и отваги» [1193] , – писала «Нива». Ее действие «не только временно ошеломляло противника, но и совсем лишало его бодрости», снаряды преследовали врага повсюду[1194]. При этом надо отметить, что превосходство болгарской артиллерии над турецкой воспринималось, как превосходство французской артиллерии над немецкой, поскольку союзники были вооружены орудиями Шнейдера-Крезо, а турки – Круппа. Это естественным образом вызывало симпатии со стороны Франции [1195], у, как выразился российский военный

[1188] *Немирович-Данченко Вас.И.* Собрание сочинений. Т. XIV... С. 183.
[1189] *Табурно И.П.* Указ. соч. С. 19.
[1190] *Мамонтов Н.П.* Указ. соч. С. 32.
[1191] Нива. 1912. 27 окт. С. 861.
[1192] *Мамонтов Н.П.* Указ. соч. С. 97.
[1193] Нива. 1912. 24 нояб. С. 903.
[1194] *Немирович-Данченко Вас.И.* Собрание сочинений. Т. XIV... С. 135.
[1195] *Констант С.* Указ. соч. С. 295.

агент А.А. Игнатьев, «всей торгашеской французской прессы». А в связи с одержанными победами, «у военных промышленников уже потекли слюнки из-за возможностей легкой и скорой наживы, которую сулила война» [1196]. Один из французских генералов специально посетил Балканы, чтобы изучить реальное применение новейших орудий и в итоге издал книгу «Балканская война. Некоторые уроки по использованию артиллерии» [1197].

Как противостояние артиллерийских систем воспринималась и сербо-турецкая борьба. Полковник турецкой армии говорил русскому журналисту: «фиаско немецкой системы артиллерийского огня налицо. Ныне победа за французской системой – за пушками Шнейдер-Крезо» [1198]. И.П. Табурно довольно много внимания уделил техническому превосходству французских пушек и системы ведения огня [1199], но признавал, что дело не только в успехе инженеров. «Сербы очень любят артиллерийское дело, у них как будто врожденная склонность к этому» [1200], – писал он. Усердные тренировки в мирное время привели к небольшому расходу боеприпасов в бою, поскольку меткость оказалась на высоте [1201], и по этой причине пленный турецкий офицер мог ему сказать: «Она победила и, верьте мне, такая артиллерия может всякого довести до панического бегства» [1202]. Сербские пехотинцы отвечали благодарностью своим орудиям, прикладывались к ним, как к иконам, снима-

---

[1196] *Игнатьев А.А.* Пятьдесят лет в строю. М., 1986. URL: http://militera.lib.ru/memo/russian/ignatyev_aa/27.html (Дата обращения: 22.09.2015).
[1197] *Колаковић А.М.* Француски интелектуалци и Балкански ратови (1912–1913) // Први балкански рат 1912/1913. године: Друштвени и цивилизацијски смисао (поводом стогодишњице ослобођења Старе Србије и Македоније 1912). Књ. I. Ниш, 2013. С. 420.
[1198] *Табурно И.П.* Указ. соч. С. 76.
[1199] Там же. С. 85–89.
[1200] Там же. С. 82.
[1201] Там же. С. 80.
[1202] Там же. С. 74.

ли шапки, кричали «Живио» и называли надеждой и защитницей [1203]. В болгарской армии, по словам Вас.И. Немировича-Данченко солдаты тоже «считают пушку за что-то живое, гладят ее, ласкают, целуют, дают ей нежные имена» [1204]. И даже мирные жители в освобожденных городах «похлопывали по стальному телу провозимые орудия, лаская своих защитников» [1205]. Трогательное, почти сакральное отношение крестьянина к достижению технического прогресса.

И в итоге болгарскую артиллерию Н.П. Мамонтов считал «по достоинству... одной из лучших артиллерий европейских армий» [1206], а И.П. Табурно передавал мнение анонимного французского полковника, что сербская артиллерия оказалась «самой лучшей в Европе» [1207]. Но о чем сожалели корреспонденты – так это об отсутствии в болгарской армии кавалерии, которая могла не допустить отступления турок за чаталджинские укрепления [1208].

Внимание к артиллерии усиливалось тем, что корреспонденты осознавали новый характер войны – войны массовой и механистической. «Теперь человек на войне – только ничтожный атом одной сложной машины, в которой не отличишь духа от материи. Сражаются, не видя друг друга, и умирают, ни разу не встретившись с врагом. Процесс сражений сделался чисто механическим, машинным. Машинное производство трупов. Только!», – подытоживал свои впечатления Е.Н. Чириков [1209]. Армейские специалисты были более рациональны и призывали использовать болгарский опыт, прекратить поэтизировать

[1203] Там же. С. 77.
[1204] *Немирович-Данченко Вас.И.* Собрание сочинений. Т. XIV... С. 116.
[1205] *Мамонтов Н.П.* Указ. соч. С. 66.
[1206] Там же. С. 97.
[1207] *Табурно И.П.* Указ. соч. С. 81.
[1208] *Немирович-Данченко Вас.И.* Собрание сочинений. Т. XIV... С. 96; *Махров П.* Указ. соч. С. 80–81; *Чинтулов И.Д.* Указ. соч. // Военный сборник. 1913. № 8. С. 138.
[1209] *Чириков Е.Н.* Указ. соч. С. 144.

пехоту, признать, что наступили времена, когда техника определяет исход войны [1210]

В связи с этим пристальное внимание уделялось стрелковому вооружению сторон. У турок, по мнению журналистов, пуля на дистанции имела большую настильность [1211], но, поскольку имела остроконечную форму, была «гуманнее» [1212] и даже «чересчур гуманной» [1213]. И это приводило к довольно сомнительным рассказам, но которые традиционно появляются в виде солдатских баек, особенно, если вчерашние крестьяне сталкиваются с передовыми достижениями военной техники. Е.Н. Чириков приводил «образец гуманного поражения»: у одного из офицеров пуля попала в верхнюю правую часть носа и вышла под левым ухом: «Никаких последствий! Только небольшая часть щеки потеряла чувствительность, да два пятнышка, где были входное и выходное отверстие пули» [1214]. И.П. Табурно писал о сербском солдате, которому под Кумановым пулей пробило сердце, но не убило [1215], о получившем сквозное ранение в голову (пуля вошла в лоб, вышла из затылка) и прошагавшем затем 3 км, а умершим лишь после того, как лег на носилки [1216].

Масштабы и механистичность войны привели и к растворению личности в массе войск. «Не было отдельных подвигов, потому что весь он был коллективным подвигом болгарских полков», – писал Вас.И. Немирович-Данченко [1217]. В этом, что случалось редко, солидарен

[1210] *Дмитревский А.* Логика болгарских побед и поэзия русской чувствительности // Военный сборник. 1913. № 7. С. 113–122.
[1211] *Мамонтов Н.П.* Указ. соч. С. 33; *Немирович-Данченко Вас.И.* Собрание сочинений. Т. XIV... С. 137.
[1212] *Чириков Е.Н.* Указ. соч. С. 48.
[1213] ГАРФ. Ф. 555. Оп. 1. Ед. хр. 473. Л. 14.
[1214] *Чириков Е.Н.* Указ. соч. С. 58.
[1215] *Табурно И.П.* Указ. соч. С. 116.
[1216] Там же. С. 48–49.
[1217] *Немирович-Данченко Вас.И.* Собрание сочинений. Т. XIV... С. 66.

был Л.Д. Троцкий: «Военный героизм, по крайней мере, в нынешних войнах – массовый». И героические действия всей армии отнюдь не означали, что все солдаты и офицеры – герои. Для этого «нужно только, чтоб армия в целом знала, во имя чего она борется, чтобы цель войны она считала своей целью, – и героизм уже вырастет из условий самой войны» [1218].

Хотя еще и не наступило время автомобильной переброски войск, скорость передвижения на этой войне была высока. Как правило говорилось о стремительном движении болгар. Но и, по свидетельству И.П. Табурно, армия королевича Александра в среднем проходила 22 км в день, что «можно сказать, неслыханно быстрое движение», и «ставит сербскую армию на высокую ступень» [1219]. Сербские части настолько спешили к Адриатическому побережью, что, по словам Н.Р. Овсяного, в определенный момент превратилась в толпу, «притом наполовину босых». Пришлось срочно отбирать самых сильных и здоровых для дальнейшего движения к цели [1220].

Массовость войны и восхищение прессой скоростью наступления болгар сподвигли поэта Гедройца написать стихи:

«Темной лентой, вереницею,
Без конца, за рядом ряд
Войско резвою Марицею
Шло в суровый Цареград» [1221].

[1218] *Троцкий Л.* Перед историческим рубежом... С. 153.
[1219] *Табурно И.П.* Указ. соч. С. 110.
[1220] *Овсяный Н.Р.* Ближний Восток и славянство (сборник статей). СПб., 1913. С. 226.
[1221] *Лекманов О.* Русская поэзия в 1913 году. Часть вторая // Новое литературное обозрение. 2013. № 6. URL: http://www.nlobooks.ru/node/4160 (Дата обращения: 22.09.2015).

* * *

Журналистами создавалась картина народной, освободительной войны, где армия была не профессиональной, довольно разношерстной, крестьянской, но сильной духом. «Еще одно непривычное для европейского военного глаза явление: не обмундированные, еще даже в серьмягах и национальных деревенских костюмах, сыны народа идут на штурм фортов не хуже частей действительной службы», – писал «Нижегородский церковно-общественный вестник» [1222]. Это усиливалось частым описанием внешнего вида солдат, облаченных в личную одежду, потому что «казенное добро недолго выдерживает непогоду» [1223], в узорчатые шерстяные чулки, вышитые дома [1224], в опанки. В целом, по словам корреспондентов, обмундирование войск было неудовлетворительно – «страна ведь небогата» [1225]. Уже во время Второй балканской войны Е.И. Мартынов описывал сербских солдат, одетых за исключением шинелей и шапок во все свое. Тут же он рассмотрел и подивился опанкам [1226]. О народном характере воинства говорит данное А.А. Пиленко описание болгарских войск на смотре под г. Чорлу. Солдат, дабы легче было нести ружье на плече, подложил объеденный початок кукурузы под погон, к орудию были привязаны большие часы с маятником, дуло закрыто не положенной крышкой, а свежеободранной овечьей шкурой, адъютант же «имеет вид бабы в шлафроке» [1227]. Но это не казалось корреспондентам нарушением правил: «Какой это полк? Не распознать! По-

---

[1222] Нижегородский церковно-общественный вестник. 1912. 28 окт.
[1223] *Пиленко А.А.* Указ. соч. С. 128.
[1224] *Сахаров М.В.* Указ. соч. С. 545.
[1225] *Немирович-Данченко Вас.И.* Собрание сочинений. Т. XIV... С. 87.
[1226] *Мартынов Е.И.* Указ. соч. С. 29.
[1227] *Пиленко А.А.* Указ. соч. С. 123–124.

гоны отстегнуты и висят изнанкой... Да и не все ли равно?» [1228]. И последним штрихом к портрету болгарского и сербского солдата является передача русскому обществу сокрушения рядовых о бесцельном запустении турецких земель, пропадающих без заботливого хозяина [1229]. Хозяйственность болгар проявилась тут и в несколько удивительном виде. Одному подданному царя Фердинанда, оставшемуся раненым на поле боя и притворившемуся мертвым, турки отрезали ухо, ударили кинжалом в бедро. Тот, перетерпев боль, позже вернулся и как рачительный хозяин принес свою шинель [1230].

Плоть от плоти этой армии были ее офицеры. «Славные ребята, эти болгарские офицеры! Не видал я в них фанфаронства, надутой спеси, позы, бравирования», – восклицал Е.Н. Чириков. «Народность» армии подчеркивал и характер взаимоотношений между офицерами и солдатами. Что в Болгарии, что в Сербии корреспонденты отмечали отсутствие барьера между ними, дружеские отношения [1231], никак не похожие на привычные русскому глазу картины. «Офицер не Зевс-громовержец, а старший товарищ», – говорил о болгарской армии один из корреспондентов [1232]. Другой сообщал, что в сербской отношения офицеров и солдаты «очень сердечны» [1233]. «Вообще, свободные нравы сербской армии весьма мало похожи на ту субординацию, которая признается необходимой в лучших европейских войсках», – считал Е.И. Мартынов [1234]. Ему близкие и товарищеские отношения казались «одной из самых

[1228] *Немирович-Данченко Вас.И.* Собрание сочинений. Т. XIV... С. 164.
[1229] *Он же.* Собрание сочинений. Т. XV... С. 50; *Троцкий Л.* Перед историческим рубежом... С. 90.
[1230] *Пиленко А.А.* Указ. соч. С. 39.
[1231] *Немирович-Данченко Вас.И.* Собрание сочинений. Т. XIV... С. 248; *Чириков Е.Н.* Указ. соч. С. 60.
[1232] *Немирович-Данченко Вас.И.* Собрание сочинений. Т. XIV... С. 53.
[1233] *Табурно И.П.* Указ. соч. С. 78.
[1234] *Мартынов Е.И.* Указ. соч. С. 47.

сильных сторон сербской армии» [1235]. В итоге даже внешне становилось невозможно отличить начальника от подчиненного [1236].

И это казалось русским очевидцам признаком демократии. «Сербская армия поражает своей демократичностью», – утверждал М.В. Сахаров [1237]. Символом этого он видел «коло», где офицеры танцевали с солдатами. Аналогичные картины наблюдал Вас.И. Немирович-Данченко в Болгарии, и «скоро это коло для меня явилось образом всей Болгарии, счастливой страны равенства и братства, где нет сословий, никто не оторвался от народа и живет с ним одной общей жизнью» [1238]. Отметим, что в Болгарии этот традиционный танец называется все же иначе – «хоро». Но на такие мелочи писатель не обращал внимания. Надо признать далеко не всегда танцевали от радости – бывали случаи, когда офицеры командовали танцевать хоро, чтобы солдаты не замерзли [1239].

В связи с подобными взаимоотношениями, как считал Вас.И. Немирович-Данченко рукоприкладства в отношении солдат в этой армии не существует, он не видел «этого подлого ужаса» [1240]. Но другие свидетели описывали иные прецеденты. М.В. Сахаров лично видел, как сербский офицер дал подчиненному пощечину и сбил с головы шапку. «Кулачную расправу с провинившимся солдатом мы видели в первый раз; по рассказам очевидцев, она применяется в сербской армии не так редко, хотя сербы тщательно это скрывают», – донес он довольно важные сведения до читателей [1241]. Л.Д. Троцкому офицер признавался,

---

[1235] Там же. С. 559.
[1236] *Чириков Е.Н.* Указ. соч. С. 77.
[1237] *Сахаров М.В.* Указ. соч. С. 545.
[1238] *Немирович-Данченко Вас.И.* Собрание сочинений. Т. XIV... С. 247.
[1239] Балканската война в спомените на съвременници и участници. София, 1973. С. 170.
[1240] *Немирович-Данченко Вас.И.* Собрание сочинений. Т. XIV... С. 248.
[1241] *Сахаров М.В.* Указ. соч. С. 548.

что пороли «время от времени солдат», осознавая при этом: «Мерзость, сам знаю, да и воинский устав запрещает, но не было другого выхода». Били не жестоко, но выстраивали вокруг места экзекуции солдат для наглядности внушения. Офицер оправдывался за это: «В мирное время у нас никогда этого не бывает, но война есть война, и тут невозможно обходиться без таких... импровизаций» [1242]. Скрывалось это в обеих армиях по понятным причинам – нельзя говорить о демократичности, называть войско «армией Жижки», как делал Вас.И. Немирович-Данченко [1243], если в ней сохраняются такие порядки.

Однако солдаты с искренней теплотой и заботой относились к своим офицерам. Нередко берегли их, советуя не идти в бой, заслоняли собой [1244] со словами «Ты нужнее!» [1245]. Король Петр и вовсе говорил русскому журналисту, что один из солдат предложил вырезать из своего тела кусок, необходимый раненому офицеру [1246].

Вряд ли такие взаимоотношения можно считать демократией. Скорее здесь стоит видеть присущую обоим народам патриархальность. Офицеры не происходили из дворянских родов, как это было в Европе, их отдельная каста еще не успела сложиться, хотя и находилась на стадии формирования. Наступившая война и необходимость в большом количестве командиров всех уровней привели к размыванию узкой прослойки кадровых военных, поскольку не имелось достаточного резерва в виде отставных. В итоге на уровне психологическом и социальном разницы не наблюдалось внешне, не было ее и в сознании самих болгар и сербов. Как верно подметил Ст. Вольский, война «сразу снимает культурные и социальные различия и установляет равенство первобытного

[1242] *Троцкий Л.* Перед историческим рубежом... С. 96.
[1243] *Немирович-Данченко Вас.И.* Собрание сочинений. Т. XIV... С. 248.
[1244] *Вольский Ст*. Письма с Балкан // Русские о Сербии и сербах. Т.1... С. 539.
[1245] *Немирович-Данченко Вас.И.* Собрание сочинений. Т. XIV... С. 114.
[1246] *Мартынов Е.И.* Указ. соч. С. 104.

военного стана» [1247]. И это в свою очередь приводило к появлению говоря словами Вас.И. Немировича-Данченко, «боевой семьи в полном смысле слова» [1248], где офицер был старшим, но не начальником. Поэтому и считалось допустимым «отеческое» поучение в виде телесного наказания, пускай и вопреки закону. При этом оно не представляло из себя публичную порку, а выглядело как «отцовская затрещина». Но в тех условиях данная система давала результат, восхищавший европейских наблюдателей. «Отсутствие внешней дисциплины выкупается сознательным отношением к службе», – отметил капитан Самосеев [1249].

Другим залогом побед Болгарии и Сербии представлялся уровень образования ее солдат. Всеми признавалось значение обученности и подготовленности войск [1250], но это считалось само собой разумеющемся, хотя офицеры и не любили тактических занятий [1251], а пехотинцы периодически пренебрегали требованиями современной тактики (густые цепи, недостаточная огневая подготовка), что приводило к напрасным потерям [1252].

Вас.И. Немирович-Данченко считал, что болгарская школа в тридцать лет создала один «из просвещеннейших народов», поэтому «не Манлихеры и Крезо победили Маузеров и Круппов, и не петербургская военная академия – берлинскую, Давид швырнул в Голиафа не камнем, а книгой» [1253], «побеждает грамотный, сознательный, болгарский гражданин-солдат варвара, насильника, невежду» [1254]. В пример он приводил

[1247] *Вольский Ст.* Письма с Балкан // Русские о Сербии и сербах. Т.1... С. 539.
[1248] *Немирович-Данченко Вас.И.* Собрание сочинений. Т. XIV... С. 52.
[1249] ГАРФ. Ф. 555. Оп. 1. Ед. хр. 473. Л. 55.
[1250] *Мамонтов Н.П.* Указ. соч. С. 30.
[1251] ГАРФ. Ф. 555. Оп. 1. Ед. хр. 473. Л. 20.
[1252] *Мамонтов Н.П.* Указ. соч. С. 32.
[1253] *Немирович-Данченко Вас.И.* Собрание сочинений. Т. XIV... С. 226–227.
[1254] Там же. Т. XV... С. 268. В своем наброске статьи или выступления, в которой говорилось о прогрессе Болгарии «за полвека», Вас.И. Немирович-Данченко довольно много говорил о том, как он был восхищен уровнем образования страны в 1912 г.

Тырновский округ, где осталось лишь 2 % неграмотных, и слова министра образования Тодорова: «Еще немного, и в Болгарии не будет ни одного неграмотного. А потом на этой благодарной почве вырастут пышными цветами и университеты, и другие высшие учебные заведения» [1255]. Вас.И. Немирович-Данченко считал, что в Болгарии процент грамотных составлял 86 [1256]. Н.П. Мамонтов утверждал, что «высокая степень культурности» болгар довела этот показатель среди призывных до 95 [1257]. Е.И. Мартынов и вовсе считал, что в Сербии новобранцы приходят на службу уже грамотными, так как все дети с 6–7 лет «обязательно определяются в народные школы, где они должны пройти курс, по крайней мере, четырех классов» [1258].

Однако вряд ли корреспонденты просили солдат что-либо прочесть или написать, довольствуясь только официальной статистикой, отражавшей лишь количество закончивших школу. Известно, что значительная доля населения становилась вторично неграмотной, теряя навыки чтения и письма, поскольку не сталкивалась с ними в своей жизни и деятельности. Хотя надо отметить, что это имеет большее отношение к Сербии [1259], нежели к Болгарии, в которой, по мнению Р.П. Гришиной, образование поощрялось и развивалось, поскольку, согласно планам ру-

---

При этом, интересно отметить, что слова о победе не Манлихера и Крезо над Маузером и Круппом, а Голиафа, швырнувшего книгу в Голиафа, о победе грамотного над варваром он в рукописи зачеркнул карандашом (РГАЛИ. Ф. 355. Оп. 2. Ед. хр. 87. Л. 4об).

[1255] *Немирович-Данченко Вас.И.* Собрание сочинений. Т. XIV... С. 38–39.

[1256] Там же. Т. XV... С. 15.

[1257] *Мамонтов Н.П.* Указ. соч. С. 9.

[1258] *Мартынов Е.И.* Указ. соч. С. 41–42.

[1259] *Шемякин А.Л.* Сербия // Югославия в XX веке: Очерки политической истории. М., 2011. С. 43. См. подробнее: *Шемякин А.Л.* Система народного образования в независимой Сербии: принуждение или потребность // Человек на Балканах. Социокультурные измерения процесса модернизации на Балканах (середина XIX – середина XX в.). СПб., 2007. С. 90–102.

ководства страны, должно было стать локомотивом развития страны [1260]. Возможно, потому, по словам А.А. Пиленко, 9 из 10 болгарских солдат знали газету «Новое время». «Это самая большая русская газета», «Это первая русская газета» слышал он от них. Можно было бы принять за похвальбу и рекламу этот пассаж, но сам автор признавал, говоря о России: «Знает ли один мужик из ста значение этих двух слов?» [1261]. Вероятно, «Новое время» болгары знали, ведь ярая «славянская» позиция издания явно должна была импонировать балканским славянам. Но, по мнению Ст. Вольского, все значительные успехи в культуре и образовании Болгарии были поверхностны: «Хитрый болгарский селяк, который не верит никому на свете, который копит деньгу с упорством французского мужика и делает состояние с неразборчивостью американского янки, остался таким же, каким он был тридцать лет назад» [1262].

По причине образованности в бою части сохраняли порядок. «У турок, например, как только выбывает офицер, солдаты совершенно теряются, а у них этого нет», – описывал корреспондент болгарскую армию [1263].

В итоге армия, «всосавшая в себя всю интеллигенцию своего народа», «где все думают и обдумывают» [1264] оказалась способной действовать, не ожидая приказов. И с некоторым восхищением Вас.И. Немирович-Данченко писал: «Я думаю, нигде инициатива не развита так, как здесь. Один едет и захватывает турецкие пушки, другой снимает с позиции целые роты неприятеля, озадаченного смелым и нежданным появлением болгарского разъезда. Третий с таким же разъез-

---

[1260] *Гришина Р.П.* Болгария и македонские болгары... С. 224.
[1261] *Пиленко А.А.* Указ. соч. С. 141.
[1262] *Вольский Ст.* Письма с Балкан. Письмо второе // Заветы. 1913. № 2. С. 168.
[1263] *Чириков Е.Н.* Указ. соч. С. 60.
[1264] *Немирович-Данченко Вас.И.* Собрание сочинений. Т. XIV... С. 118–119.

дом берет город» [1265]. Но в условиях войны самовольство, пусть и героическое, ведет к нарушению общего плана и опасности крайне серьезных последствий для всей войны. Этот же корреспондент описал, как в самом начале войны часть войск Р. Димитриева получила приказ остановиться на некоторое время, пока другой отряд не зайдет в тыл туркам. Но увидев вражеский разъезд, солдаты не сдержались и поднялись в атаку. В итоге обходной маневр не успел завершиться, и Вас.И. Немирович-Данченко сам признавал, что до Бунар-Хиссара могло бы не остаться турецких войск в случае выполнения приказа [1266]. Тем не менее, он продолжал восхищаться инициативностью войск, хотя, на наш взгляд, нужно оценивать подобные факты сугубо негативно и считать их неповиновением приказам. О какой демократии или современном государстве можно говорить при таком очевидном пренебрежении к нормативным нормам, будь то запрет на рукоприкладство или же приказ командующего?

* * *

Поведение солдат и офицеров выглядело поистине героическим. «По общим отзывам, болгары проявляли изумительное мужество. Бестрепетно шли они в штыковые атаки под сплошной шрапнелью, усеивая путь мертвыми телами… Ими руководит такое воодушевление и такое презрение к опасности, которое почти гипнотизирует, вперед морально порабощает» [1267], – писал Нижегородский церковно-общественный вестник. В своем анализе военных действий полковник Александр Дорошкевич восхищался: «болгары умирали на своих позициях, но не уступали

[1265] Там же. С. 117.
[1266] Там же. С. 107–110.
[1267] Нижегородский церковно-общественный вестник. 1912. 4 нояб.

их туркам» [1268]. Под впечатлением таких известий поэт С. Кошкаров в 1913 г. опубликовал восторженное стихотворение «Болгарин»:

«Он грудь открыл – в ней были раны, –
Удары пули и штыка.
Он защищал в бою Балканы!!
И грудью шел он на врага!!» [1269].

В 1913 г. в Петербурге в книгоиздательстве «Славянский орел» стала издаваться серия брошюр, посвященная «замечательным подвигам балканских юнаков 1912 года». Небольшие, ценою в 5 копеек, сборники коротких рассказов состояли из патетических зарисовок. Несмотря на столь общее название, уже обложка дает понять, кому посвящены рассказы, – на ней мы видим воина с болгарским знаменем, пригвождающего к земле противника в феске. Первый выпуск, следует из брошюры, – рассказы, собранные бывшим профессором Софийского университета П. Бахметьевым. Этот известный ученый-биолог долгое время работал в Болгарии, после чего вернулся в Россию. В серии были анонсированы и другие выпуски[1270], однако в библиотеках они нами не обнаружены. Рассказы представляют собой небольшие, всего в несколько строк, «героичные» и достаточно лубочные зарисовки. Такой стиль изложения не мог быть интересен образованным кругам, но, судя по указанной цене в 5 копеек, на них сборник и не был рассчитан. Весьма показательно, что экземпляр, попавший в руки автору этих строк в ГПИБ спустя более сотни лет после его выхода, имел несколько неразрезанных страниц. Следовательно, массовый читатель его и не использовал.

[1268] *Дорошкевич А.* Указ. соч. С. 51.
[1269] *Лекманов О.* Указ. соч.
[1270] «Шуми Марица», «Как пал Лозенград», «Пять на нож», «Крепость из трупов», «Под градом пуль», «Отрезанное ухо», «Храбрый фельдшер», «Пятеро против двухсот», «Бегство гимназиста из Одрина».

Самая первая история – «С ружьем в руках» – состоит из 12 строк и задает тон всей остальной брошюре. В ней рассказывается об умирающем от ранения на позиции болгарине, говорящем своему товарищу: «Скажи нашим в селе, Маше, что я пал… но с ружьем в руках» [1271]. В других зарисовках рассказывалось о дважды раненом офицере, ведущем своих солдат в атаку, но гибнущему от третьей пули, о священнике Чешмеджиеве, который после ранения командира отряда «схватил в правую руку саблю, а в левую крест» и повел солдат в атаку, а после носил раненых и рвал рубаху на перевязки [1272]. Уделено место было и коварству турок, и издевательский рассказ, как они разбежались от аэроплана, в то время как болгарский офицер турецкую девочку-сироту взял в свою семью. Одна из картин вызывала аналогии в сербском воинстве. Отец-старик пришел к своему сыну в окопы под Адрианополем, которого вскоре сразила пуля. Убитый горем родитель сам взял винтовку в руки и стрелял в противника, «однако в разгаре сражения неприятельская пуля сразила и его и он скончался на холодном и окровавленном трупе своего сына – единственной его радости и утехи на старых летах..».

За сербской армией также тянулись вереницей старики и женщины с гостинцами для сыновей. Отцы иногда ложились рядом и смотрели, как и дети стреляют, и «если сын ранен, он счастлив, что находится около него, выносит его из огня, а если убит – без слез хоронит, приговаривая: – Он исполнил свой долг, я счастлив, что имел такого сына» [1273]...

Однако этому героическому образу не соответствовали бытовые условия болгарских воинов. Священник Иван Дочев, сопровождавший

[1271] *Бахметев П.* Балканские герои. СПб., 1913. С. 1.

[1272] Священник 1-го пехотного софийского полка Чешмеджиев действительно на протяжении пяти часов командовал ротой с крестом и саблей в руках, успевая перевязывать раненых кусками своей рубашки (*Елдъров С.* Православието на война. Българската православна църква и войните на България 1877–1945. София, 2005. С. 79–80).

[1273] *Табурно И.П.* Указ. соч. С. 128–129.

боевые части, записал в своем дневнике: «За домом, за плетнем – вот нужник. И свиньи выполняют санитарную службу» [1274]. Русские журналисты не рассказывали о таких подробностях быта, но и не рисовали его радужными красками. Так, сообщалось, что под Чаталджой, несмотря на сырые и холодные ночи, подстилок не было, одеял было недостаточно, а возможность переменить мокрое белье и вовсе отсутствовала [1275]. «Голодные, холодные, в грязи, совсем из сил выбились», – жаловался солдат корреспонденту [1276]. Очевидец в Лозенграде слышал от солдат: «мы давно уже ничего кроме воды и хлеба не знаем… И больше нам ничего не нужно». И лишь к предложению папирос они отнеслись менее равнодушно: «в глазах их сверкает удовольствие: давно уже не курили настоящих папирос», – отметил в книге Е.Н. Чириков [1277]. Очевидец описывал случай, когда утомленные трехдневным боем военнослужащие упали и не смогли найти сил встать в атаку [1278]. Молодой офицер отправился навестить своего брата на Чаталдже, потом сокрушался в разговоре с корреспондентом «Нового времени», что тот из «блестящего гвардейского офицера» превратился в «совсем дикаря», сидя в окопах в описанных условиях [1279].

Далеко не все было гладко в организации снабжения. Если в начале войны штабс-капитан Мамонтов писал: «мне не приходилось встречать большего порядка в тылу, чем я это ежедневно наблюдал на путях сообщения болгарской армии» [1280], то уже к моменту затяжных боевых действий под Чаталджой отмечал обратное [1281]. Такую же метаморфозу

[1274] *Дочев И.* Записките ми по войната 1912 година. София, 2012. С. 89.
[1275] *Мамонтов Н.П.* Указ. соч. С. 155.
[1276] *Троцкий Л.* Перед историческим рубежом... С. 139.
[1277] *Чириков Е.Н.* Указ. соч. С. 77.
[1278] *Чинтулов И.Д.* Указ. соч. // Военный сборник. 1913. № 8. С.137.
[1279] *Пиленко А.А.* Указ. соч. С. 154.
[1280] *Мамонтов Н.П.* Указ. соч. С. 107.
[1281] Там же. С. 154.

мы наблюдаем и в мнении Вас.И. Немировича-Данченко, который сначала пишет о хорошем разнообразном питании солдат [1282], затем рассказывает о ночевках в грязи и использовании для питья воды из луж [1283]. Однако, по мнению этого публициста, к январю 1913 г. снабжение стало нормальным, «месяц, как прекратились эпидемии», устроили теплые землянки [1284], но мы знаем, что это, если и имело место, то отнюдь не во всей армии. И.Д. Чинтулов, бывший добровольцем на Чаталдже писал, что в войсках получали в день по килограмму хлеба на человека, дважды – горячую пищу. Отравления происходили из-за того, что солдаты в окрестных деревнях собирали припасы и ели недоваренную пшеницу и кукурузу, потому как «болгарин любит хлеб» [1285]. Если не принять как аксиому крайнее чревоугодие болгар, то этот постулат кажется довольно странным. Объяснение в системе обеспечения питания армии. Не существовало специальных полевых кухонь, солдаты имели котелки, в которых самостоятельно готовили пищу. Но им часто приходилось бросать все, поскольку поступал приказ наступать или обороняться. Подобные случаи привели к тому, что оголодавшие воины уже переставали ждать полной готовности пищи.

К концу Первой балканской войны положение солдат на фракийском театре боевых действий стало катастрофическим. Зимняя балканская слякоть, болезни – все это вело к падению боеспособности частей: «биваки превратились в очаги заразы, войска – в слабосильные команды» [1286]. Складыванию такого катастрофического положения во многом способствовали действия турецкой армии. Отступая, она зачастую выжигала села и посевы, травила колодцы. Но нельзя всю вину переклады-

---

[1282] *Немирович-Данченко Вас.И.* Собрание сочинений. Т. XV... С. 20.
[1283] Там же. С. 83–84.
[1284] Там же. С.137.
[1285] *Чинтулов И.Д.* Указ. соч. // Военный сборник. 1913. №. 9. С.126.
[1286] *Мамонтов Н.П.* Указ. соч. С. 154.

вать исключительно на турок. Сознательность самих мучимых жаждой и голодом болгар оказалась недостаточной. Офицерам пришлось приложить немало усилий к тому, чтобы заставить солдат не пить не только сырую воду, но и воду из-под трупов, гнивших поперек речек или в колодцах [1287]. Характерен в этом диалог отравившегося сырой рыбой болгарского солдата и русской сотрудницы госпиталя:

«– Съел что-то! Скажи что, иначе пропадешь!

– Проглотил маленький кусочек, – сказал.

– Хорошо сделал! – сказала, – Пойдешь на кладбище!

– Эх, кладбище, кладбище, – говорю, – Что поделать! Есть хочется!» [1288].

В то же время, по свидетельству Е.И. Мартынова, во время Второй балканской войны сербские солдаты не ели упавшие с деревьев фрукты, поскольку им офицеры объясняли опасность холеры [1289]. Но к тому моменту и холера показала всю свою страшную мощь, а бытовые условия перестали быть столь тяжелыми.

Объективно говоря, интендантская служба Болгарии стояла на крайне низком уровне. При этом Н.П. Мамонтов говорит, что «артиллерийскими припасами, запасами интендантскими и прочими болгарская армия снабжена достаточно; ею применены все новейшие усовершенствования, как для связи…, так и для разведывания» [1290]. Другую картину рисовал корреспондент «Русских ведомостей» А. Деренталь [1291] в своем очерке «Письмо из Адрианополя», опубликованном в «Вестнике Европы». Автор приводит сведения о том, что у болгар под стенами города

[1287] *Немирович-Данченко Вас.И.* Собрание сочинений. Т. XIV... С. 231.
[1288] Балканската война в спомените на съвременници и участници... С. 115.
[1289] *Мартынов Е.И.* Указ. соч. С. 49.
[1290] Там же. С. 9.
[1291] *Розенберг В.* Из истории русской печати. Организация общественного мнения в России и независимая беспартийная газета «Русские ведомости». Прага, 1924. С. 248.

не было нормальной разведки, осаждающие голодали, им не хватало обмундирования, участились среди них случаи дезертирства и самоубийств, среди солдат пошел ропот, что либо идти на штурм, либо распускать их надо. А вынудило идти на штурм то, что комендант Адрианополя нашел в пригородах запасы жита, которых хватило бы на полтора-два месяца [1292]. Болгары входили в город хаотически, разбрелись по нему и устроили мародерство [1293]. Однако автор явно бросается из крайности в крайность, сначала говоря, что в осажденном городе было вдоволь еды и скота, затем о благородной раздаче болгарами хлеба «массе еле движущихся от слабости, похожих на тени, женщин и детей» [1294]. Несмотря на некоторую тенденциозность источника, мы вновь видим, что командование и снабжение армии царя Фердинанда было не на высоте. Но, прибавим, голод в осажденном городе все же был. Управляющий русским вице-консульством доносил: «Голодные солдаты просили милостыню, ломились в дома и пытались разграбить хлебопекарни» [1295].

Л.Д.Троцкий связывал эти проблемы с действиями командного состава болгарской армии, обвиняя Радко Дмитриева в том, что тот, «обольщенный легким взятием Киркилиссе», повел наступление в высоком темпе, что приводило к отставанию тыловых, в том числе и санитарных частей [1296]. Болгарам помогало лишь то, что в большинстве своем население территорий было приветливо. По свидетельству И.Д. Чинтулова, перед приходом частей местные складывали хлебные печи для обеспечения войск [1297]. В Лозенграде жители самостоятельно устраивали санитарные комитеты. «Иначе совсем бы нам плохо при-

---

[1292] Вестник Европы. 1913. № 6. С. 276.
[1293] Там же. С. 281.
[1294] Там же. С. 282.
[1295] Сборник дипломатических документов, касающихся событий на Балканском Полуострове (Август 1912 г. – Июль 1913 г.). СПб., 1914. С. 69.
[1296] *Троцкий Л.* Перед историческим рубежом... С. 192.
[1297] *Чинтулов И.Д.* Указ. соч. // Военный сборник. 1913. № 5. С.167.

шлось» [1298], – сетовал один из раненых корреспонденту. При этом надо отметить, что низкий уровень организации службы снабжения был и в Сербии [1299].

Сербский солдат также вызывал уважение у наблюдателей. Е.И. Мартынов писал: «На войне сербский солдат терпеливо и безропотно переносит самые тяжкие лишения и, пренебрегая опасностью, послушно стремится к достижению указанной начальником цели» [1300]. В этом его мнение совпадало с мнением Н.И. Гасфельда: «Нетребовательность сербского войника поразительна: обутый в жиденькие онучи, свободно пропускающие воду, одетый во что Бог послал, – особенно призванные из запаса, – с мешком вещевым под боком и ружьем через плечо, он шлепает, не унывая, по ужасной грязи македонских дорог и никакая усталость, никакие лишения не пугают его» [1301].

Терпеливостью болгарского солдата восхищался Н.П. Мамонтов: «я видел его неоднократно безропотно умирающим на позиции или в полевом госпитале, молчаливо переносящим адскую пытку перевозки на тряских телегах по грязным, изрытым колеями проселкам или терпеливо бредущим с раздробленной ногой целых четыре версты до перевязочного пункта» [1302].

Очевидцы наблюдали раненых артиллерийским и ружейным огнем в голову и грудь, контуженных, которые рвались обратно в бой, на линию огня [1303], раненый отказывался уходить из ложемента: «Лежать могу. А тут, ведь, стреляют лежа, и я, значит, нужен» [1304]. Солдаты нередко

[1298] *Троцкий Л.* Перед историческим рубежом... С. 150.
[1299] *Мартынов Е.И.* Указ. соч. С. 55–56.
[1300] Там же. С. 48–49.
[1301] *Шевалье Н.* Указ. соч. С. 85.
[1302] *Мамонтов Н.П.* Указ. соч. С. 72.
[1303] *Шевалье Н.* Указ. соч. С. 31; *Чинтулов И.Д.* Указ. соч. // Военный сборник. 1913. № 8. С. 134.
[1304] *Немирович-Данченко Вас.И.* Собрание сочинений. Т. XIV... С. 115.

возмущались, что их выносят с поля боя: «Почему меня несут на носилках? Я и так дойду. Стоит ли ради меня двух человек вызывать из строя» [1305]. Просили их бросить, потому что сейчас начнется штыковая атака, «а вы не там, а здесь, никому не нужные» [1306]. И даже сын министра Сарафова в течение пятнадцати дней больной тифом исполнял свои обязанности, категорически отказываясь отправиться на лечение, что привело к его смерти [1307].

Военнослужащие нередко воспринимали собственные ошибки крайне серьезно. Вас.И. Немирович-Данченко встретил отказывавшегося отправиться на перевязку раненого: «Нет, я должен догнать своих. Я сам себя ранил в руку. Хотел перепрыгнуть ров, опираясь на ружье. Задел его, оно выстрелило, и вот... Доктора говорят: тебя надо эвакуировать... А мне следует умереть... быть убитым. Ведь никто не поверит, что я это сделал нечаянно» [1308]. Поручик, посланный передать приказание одной из частей, не нашел ее, решил, что заблудился, и пустил пулю в рот, оставив записку: «Я казнил себя потому, что не умел исполнить свой долг». В итоге оказалось, что это подразделение уже затребовало соседнее соединение [1309].

Доброволец В.С. Везенков, служивший в Македонско-Одринском ополчении, в своих впечатлениях от войны поведал читателям, что отряды этого войскового соединения в тяжелой ситуации решили погибнуть, но не попасть в руки туркам. Так и поступил поручик Бояджиев, передав однополчанам перед тем, как пустить себе пулю в лоб, деньги «на помин души» [1310]. Пытаясь избежать позора, болгары совершали и необдуман-

---

[1305] *Мамонтов Н.П.* Указ. соч. С. 72.
[1306] *Немирович-Данченко Вас.И.* Собрание сочинений. Т. XIV... С. 116.
[1307] *Пиленко А.А.* Указ. соч. С. 200.
[1308] *Немирович-Данченко Вас.И.* Собрание сочинений. Т. XIV... С. 115.
[1309] Там же. С. 190.
[1310] *Везенков*. Указ. соч. // Военный сборник. 1914. № 7. С. 97–98.

ные атаки. Ночью одна из рот должна была совершить обход турок, но заблудилась. Внезапно она наткнулась на артиллерию противника, численно ее превосходящую. И капитан, надеясь, что «рота выручит в эту ночь», атаковал, чтобы искупить свою оплошность [1311]. Обратим на это внимание в связи с выше высказанной мыслью об отношении к приказам начальства.

Однако не только к себе болгарские солдаты проявляли строгость. «Тот, кто заболел – почти что подлец, потому что он не может исполнять своего служебного воинского долга. Тот, кто ранен – вернее всего недогадливый вахлак; иначе он бы устроился так, чтобы не попасть под турецкую пулю», – говорили раненые А.А. Пиленко. «Так надо, войны мы все хотели. Там, где есть победы, неизбежны и жертвы» [1312], – слышал Вас.И. Немирович-Данченко. Е.Н. Чириков отметил, что сослуживцы с презрением говорили о солдате, у которого случился нервный срыв, вылившийся в фобию открытого пространства: «Испугался пустого поля! Э, слабый! На печке сидеть…» [1313].

«Эта глубоко укорененная в душе болгарина потребность трудиться заставляет солдата смотреть на саму войну как на некую форму труда – поистине жестокого, смертельно опасного и нечеловеческого, но все же форму труда», – утверждает болгарский историк С. Елдаров [1314]. И поэтому к войне болгары подходили с тем же мерилом практического расчета. «Он (болгарин. – *Н.Г.*) не привык думать о другом, как о личности, интересоваться другим ради этого же другого. Выходит человек из строя – и он уже не нужен. Перестает человек, хотя бы на время, быть объектом практического интереса – и он сразу исчезает из поля зрения.

[1311] *Немирович-Данченко Вас.И.* Собрание сочинений. Т. XIV... С. 188–193.
[1312] *Он же.* Собрание сочинений. Т. XV... С. 210.
[1313] *Чириков Е.Н.* Указ. соч. С. 56.
[1314] *Гришина Р.П., Шемякин А.Л.* Судьба «балканских союзников» 1912–1913 годов... С. 128; *Они же.* Трудный путь к европейской цивилизации... С. 49.

Практическая полезность – вот мерило, с которым болгарин привык подходить к явлениям жизни» [1315], – писал социалист Ст. Вольский. Болгарский раненый с горечью говорил Л.Д. Троцкому: «Ведь, раненый – что? Пар отработанный... Не очень об нас заботились...» [1316]. Капитан Самосеев в своей рукописи привел взгляды болгар на этот вопрос: «Война дело не гуманное, – говорят они, – прежде всего нужно заботиться о здоровых, а больные и раненые должны сами о себе заботиться», «Важнее иметь армию хорошо вооруженную и снабженную боевыми припасами, чем лазаретами и госпиталями» [1317].

Вас.И. Немирович-Данченко сокрушался о «мучениках побед»: «Они выбыли из строя; сейчас, сию минуту эти вычеркнутые единицы не нужны для удара, и ничье сердце здесь не болит о них» [1318]. По его мнению, мало создать школу и армию, необходимо воспитать и чувство сострадания у народа, а до того «он, и грамотный, и свободный, и независимый, и победоносный, еще не достоин выйти на мировую арену одним из ее передовых действующих лиц» [1319]. Тем самым писатель косвенно признавал: образованность и просвещение, как следствие гуманность, еще не укоренились на Балканах. Они там имели лишь свои внешние атрибуты.

Яркой иллюстрацией подобного отношения к человеческой жизни и здоровью является организация медицинской службы. Ради скорости переброски войск по железной дороге задерживали поезда с ранеными [1320], а Н.И. Гасфельд писал: «Помощь раненым в виде перевязочных средств, медицинского персонала – самый больной вопрос в болгарской

[1315] *Вольский Ст.* Письма с Балкан. Письмо второе... С. 173.
[1316] *Троцкий Л.* Перед историческим рубежом... С. 150.
[1317] ГАРФ. Ф. 555. Оп. 1. Ед. хр. 473. Л. 17.
[1318] *Немирович-Данченко Вас.И.* Собрание сочинений. Т. XIV... С. 227.
[1319] Там же. С. 229.
[1320] *Шевалье Н.* Указ. соч. С. 35.

армии»[1321]. Резче выражался Л.Д. Троцкий: «Доставка провианта и транспорт раненых были поставлены отвратительно. Солдаты в дороге по два, по три дня ничего не ели. Раненые по неделям оставались без перевязки, в ранах у них заводились черви»[1322]. Признавалось это и А.А. Пиленко: «Самой слабой частью в болгарском войске неоспоримо приходится считать санитарию». Причины этого он видел и в уровне экономического развития государства, и в недостаточном количестве врачей, что связывал с «молодостью культуры» народа[1323]. Мер по обеспечению хотя бы малейших человеческих условий для раненых предпринято не было. Их транспортировка происходила по разбитым дорогам на арбах, в тряске и сырости, что никак не способствовало выздоровлению[1324]. Но и при перевозке более современными средствами, под выбывших из строя выделялись обыкновенные товарные вагоны[1325]. При этом и попасть в них было непростым делом. На станции Черкезкиой локомотив, должный отправиться в тыл, несколько раз менял состав. Раненые каждый раз в сутолоке перебегали, давя друг друга, никто их не останавливал и порядка не наводил[1326]. В Лозенграде, городе раненых, как его назвал Н.П. Мамонтов, погрузка в санитарные поезда так же происходила силами самих раненых, имевшие тяжелые увечья часто оказывались просто затоптанными в давке. Носильщиков на вокзале не было, а их орудия труда были свалены в кучу около багажной кассы[1327]. Итогом такой транспортировки стало то, что русский доктор в Лозенграде говорил Вас.И. Немировичу-Данченко: «Знаете, удивительно сча-

---

[1321] Там же. С. 29–30.
[1322] *Троцкий Л.* Перед историческим рубежом... С. 192.
[1323] *Пиленко А.А.* Указ. соч. С. 198.
[1324] *Немирович-Данченко Вас.И.* Собрание сочинений. Т. XIV... С. 236–239.
[1325] *Шевалье Н.* Указ. соч. С. 31.
[1326] *Пиленко А.А.* Указ. соч. С. 184.
[1327] *Мамонтов Н.П.* Указ. соч. С. 162.

стливая война!», имея в виду, что нет тяжело раненых. Но их просто-напросто не довозили живыми до госпиталей [1328].

В самом городском госпитале ситуация была не лучше. Неуказанный в источнике известный российский политический деятель [1329], приехавший на Балканы в качестве уполномоченного российского Красного Креста, увидев лозенградский госпиталь, воскликнул: «До чего они небрежно относятся к своему же солдату!» [1330]. В медицинском учреждении практически отсутствовал персонал, раненые не могли встать с кроватей и справляли свои естественные нужды под себя. В результате, когда госпиталь передали в ведение российского Красного Креста, в течение пяти дней сотня наемных рабочих вычищала его [1331]. В этих сведениях мы можем заметить поразительное противоречие. Лозенград – город, взятый болгарами в начале войны. Казалось бы опустением из-за боевых действий можно объяснить недостаток медицинского персонала – людей попросту в городе нет, чтобы их использовать для этой цели. Но в то же время российскому Красному Кресту каким-то образом удалось нанять в Лозенграде сотню человек. Возникает естественный вопрос: почему же болгарское командование не задействовало этих же наемных для хотя бы минимального ухода за людьми, которые безропотно шли умирать за свою страну? Ответ все в том же отношении к раненому как уже не имеющему практической значимости солдату. И венчает это безразличие сообщение корреспондентов, что умерших в дороге раненых попросту выбрасывали на обочины дорог, не придавая земле [1332].

В сербской же армии, по словам И.П. Табурно, санитарная часть была «поставлена сравнительно хорошо». Он признавал, что по дорогам

[1328] *Немирович-Данченко Вас.И.* Собрание сочинений. Т. XIV... С. 239.
[1329] По всей видимости, А.И. Гучков.
[1330] *Мамонтов Н.П.* Указ. соч. С. 159.
[1331] Там же.
[1332] *Немирович-Данченко Вас.И.* Собрание сочинений. Т. XIV... С. 232.

эвакуация проходила при ужасной тряске, но «зато по железной дороге эвакуация раненых производилась прямо-таки превосходно. Приспособлены поезда с койками, с больницею, кухнею и всем нужным»[1333]. Е.И. Мартынов даже описывал преимущества сербской системы размещения раненых в поезде перед французской. Последняя предполагает размещение в три яруса лежа. Сербская же – с одной стороны вагона кровать, с другой – скамейка для легкораненых. В итоге, как считал этот корреспондент, при первой раненые страдают от большой качки, а вторая же система к тому же дешевле и удобнее [1334]. Хотя, представляется, раненым скорее нужен покой, чем сидячее положение. В госпиталях, по словам И.П. Табурно, раненые размещались и содержались прекрасно: «окружены заботливостью, имеют безукоризненный уход и безукоризненную медицинскую помощь» [1335]. Но иным увидел госпиталь в Нише менее предвзятый Н.И. Гасфельд: духота, пыль, грязь, отсутствие перевязочных материалов и медицинского персонала, «словом, полная неподготовленность в санитарном отношении, хаос, и бестолковая суетливость в уходе и распределении раненых». Складывалось ощущение, что сербы не планировали иметь потери, потому и не готовились к уходу за ранеными. Несчастные часами ждали перевязки, что повышало смертность. «Сопровождавший меня, только что прибывший из Москвы русский хирург, всмотревшись в характер ранений покойников, сказал мне, что добрую половину могла бы спасти своевременная помощь», – завершил описание сербской санитарной службы корреспондент [1336].

Эпидемия холеры достигла к зиме 1912 г. такого масштаба, что даже во время наступления на Чаталдже в декабре этого года количество

[1333] *Табурно И.П.* О сербских битвах... С. 111–112.
[1334] *Мартынов Е.И.* Указ. соч. С. 30.
[1335] *Табурно И.П.* Указ. соч. С. 122.
[1336] *Шевалье Н.* Указ. соч. С. 41–42.

больных вдвое превышало количество раненых. В связи с этим для борьбы с инфекцией был приглашен известный венский бактериолог Крауз Рудольф. Он посетил несколько больниц в Болгарии. Его описание болгарского госпиталя в Чорлу создает еще более ужасную картину, нежели в Лозенграде: «Три с половиной тысячи холерных лежали в конюшнях на полу, в своей загрязненной одежде, покорно ожидая смерти! На всю эту массу умирающих было три врача» [1337]. В такой обстановке неудивительно, что офицеры сетовали: «Врачи погубили нас… При таких условиях мы должны согласиться на перемирие, благо, что Турция о нем просит» [1338].

Представляется более резонным винить не врачей, а организацию тыла, которой ведали не рядовые санитары. На станции Синекли врач жаловался русскому корреспонденту, что ему выделили сто больных тифом и дизентерией, а из лекарств отпустили двадцать грамм висмута; «Что же я буду делать?», – задавал он риторический вопрос [1339]. Посланник «Русского слова» считал, что в бедах Лозенграда виноват конкретно руководитель санитарной службы этого населенного пункта, доктор Киранов, которому еще придется предстать перед судом, антипатия журналиста к нему столь велика, что он его характеризовал крайне резко: «Какой-то выродок в этом самоотверженном, воодушевленном народе» [1340]. Согласно этому же очевидцу, Киранов заявлял, что не было материалов для перевязки солдат и пошива им белья, однако русские миссии Красного Креста нашли в лавках города их достаточное количество и, собрав

[1337] *Мамонтов Н.П.* Указ. соч. С. 159.
[1338] Там же. С. 155–156.
[1339] *Пиленко А.А.* Указ. соч. С. 197.
[1340] *Немирович-Данченко Вас.И.* Собрание сочинений. Т. XV... С. 211.

местных девушек в мастерских, привели в божеский вид воинов славянской свободы [1341].

Санитары ставили во главу угла свое здоровье – боялись холеры, которую должны были лечить. Один из местных артистов, отправившийся рядовым на фронт, простудился. Врачи решили, что у него холера, и вынесли его на улицу, где он за ночь замерз насмерть [1342]. И.Д. Чинтулову практически силой пришлось заставить доктора оказать помощь больным, и тот «охая и ворча, неохотно поплелся» [1343]. Вас.И. Немирович-Данченко стал свидетелем поведения санитаров, которое, теоретически, являлось нарушением профессиональной этики. Раненый в ногу шел до госпиталя, санитары ели, не пытаясь оказать ему помощь. Когда солдат упал, медицинские работники и ухом не повели. Журналист им указал на раненого, те «недоуменно» посмотрели на него [1344]. Как признавал И.П. Табурно, и сербские санитары «не очень охотно идут туда, где свистят пули» [1345].

При всем при этом они старались не упустить личную выгоду. Л.Д. Троцкому рассказывали свидетели: «Иные санитары, вместо того чтобы идти к раненым, обшаривают убитых. Прямо мерзость» [1346]. Санитарные части стояли вдали от поля боя. По окончании сражения они, не откликаясь на мольбы о помощи, снимали с мертвых сапоги, выворачивали карманы. Один солдат в софийской больнице рассказывал журналистам, как хорошо знакомый ему санитар из одного с ним села рванул куртку и стал шарить на груди и в карманах. Раненый застонал. «Я

[1341] Там же. С. 213.
[1342] Там же. С. 220.
[1343] *Чинтулов И.Д.* Указ. соч. // Военный сборник. 1913. № 7. С. 126.
[1344] *Немирович-Данченко Вас.И.* Собрание сочинений. Т. XIV... С. 235.
[1345] *Табурно И.П.* Указ соч. С. 57.
[1346] *Троцкий Л.* Перед историческим рубежом... С. 153.

думал мертвый», – пробормотал мародер и бросился дальше [1347]. Другой раненый в такой же ситуации услышал от своего земляка еще более сердобольный ответ: «Все равно, умрешь скоро, а придут турки, – им достанется!» [1348]. Вас.И. Немировичу-Данченко говорили, что обычным стал диалог между медицинским работником и раненым после боя: «– Деньги есть? – Нет. – Ну и лежи!» [1349], а Е.Н. Чириков свидетельствовал, что некоторые санитары, стараясь скрыть свои преступления, закалывали раненых свидетелей [1350].

«Хозяйственность» и «рачительность» проявилась и у мирного населения. Сопровождавший другого русского корреспондента возница рассказал ему показательную историю: «проезжавший крестьянин поднял гранату и, прельстясь медной гильзой ее, стал освобождать ее от ядра. Делал он это самым простым способом: об дерево… Последовал взрыв и крестьянина убило на месте» [1351]. Но чаще эти черты характера принимали вид мародерства, масштабы которого были довольно велики. Н.П. Мамонтов рассказывает, что когда он с группой русских корреспондентов проезжал по местам недавних боев, местные жители приходили с лопатами и мотыгами. Выкапывая из грязи все нужное, вплоть до трупов, раздевали их и тут же выстирывали и сушили одежды и шинели погибших [1352]. Не лучше оказывались и сербы. По словам Л.Д. Троцкого, для крестьян со всех концов Сербии поиск своих сыновей в действующей армии был лишь предлогом для движения по местам недавних боев и мародерства, «бабы уносят на своих плечах даже двери и окна албан-

---

[1347] Там же. С. 198.
[1348] *Чириков Е.Н.* Указ. соч. С. 147.
[1349] *Немирович-Данченко Вас.И.* Собрание сочинений. Т. XV... С. 218.
[1350] *Чириков Е.Н.* Указ. соч. С. 146.
[1351] Там же. С. 101.
[1352] *Мамонтов Н.П.* Указ. соч. С. 128.

ских домов» [1353]. У черногорцев, со слов того же автора, грабеж и вовсе стал системой и главной задачей войны, «за черногорским войском – шествие жен, завоевали – грабеж» [1354].

Но все же, как мы видим, в большинстве своем болгарские и сербские солдаты проявляли себя с лучшей стороны, были готовы жертвовать собой. При этом обе страны целиком поднялись на войну, мало, кто остался в стороне. Чтобы найти объяснение такому поведению необходимо обратиться к тому, как эта борьба воспринималась самим балканскими народами.

§ 5. Отношение к войне к войне в Болгарии и Сербии в представлении русских

Показанное выше поведение солдат и офицеров доказывает то, что они к войне отнеслись как к событию, важному и для них лично. Чтобы понять, какими мотивами они руководствовались при этом, необходимо для начала рассмотреть то, какую реакцию вызвало объявление войны в Болгарии и Сербии.

§§ 5.1. Реакция на объявление Первой балканской войны

«Объявление войны было всенародным праздником Болгарии», – считал Н.П. Мамонтов [1355]. Много внимания пресса уделяла воодушевлению, вызванному мобилизацией: «запасные стекались на призывные участки как на свадьбу» [1356], – писал журнал «Родина». Подобные ощущения, что интересно, вызывало увиденное в Сербии и у одного местного жителя: «невозможно замыслить, что речь идет об отправке на фронт,

---

[1353] *Троцкий Л.* Перед историческим рубежом... С. 194–195.
[1354] *Он же.* Черновые заметки... С. 489.
[1355] *Мамонтов Н.П.* Указ. соч. С. 28.
[1356] Родина. 1912. 7 окт. С. 1.

где кладутся жизни, а не на сватовство» [1357]. «Все запасные, которых, как скот, везут в товарных вагонах, понатыкали в петлицы полевых цветов: “мы так на свадьбу ездим” – говорят они», – сообщал читателям А.А. Пиленко [1358]. И сияющие, праздничные лица украшенных цветами солдат создавали впечатление: «Они счастливы, что примут участие в великом национальном празднике родины» [1359]. Потому, как считал А. Дорошкевич, «народ пошел на войну, как на свадьбу, с песнями, шутками, веселыми возгласами и прибаутками» [1360].

И это украшение себя цветами у журналистов усиливало ощущение праздника: «У каждого солдата в дуло винтовки был вставлен миниатюрный пучок полевых цветов... И эти букетики болгарские войники хранили как святыню, до самого конца войны, и раненые, умирая, целовали засохшие, облетевшие родные цветы...», – описывал Софию Н.П. Мамонтов [1361]. На железнодорожной станции «как-то стыдливо и просто» скромные и застенчивые сербские девушки раздавали по цветочку проезжающим новобранцам. Но кроме этого достать что-то более прозаическое было нельзя. «Барышни с цветами есть, но пищи никакой», – сетовал журналист [1362]. Сербские девушки дарили цветы и проезжавшим болгарским запасным. Это, казалось Ст. Вольскому, перекидывало «может быть, и хрупкий и непрочный, но все же мост» между вчерашними врагами [1363].

[1357] *Шемякин А.Л.* Сербия и сербы накануне Балканских войн... С. 124; *Шемякин А.Л.* Сербия // Югославия в XX веке... С. 41.
[1358] *Пиленко А.А.* Указ. соч. С. 12.
[1359] *Шевалье Н.* Указ. соч. С. 30.
[1360] *Дорошкевич А.* Война на Балканском полуострове (От открытия военных действий до перемирия). СПб., 1913. С. 14.
[1361] *Мамонтов Н.П.* Указ. соч. С. 21.
[1362] *Чириков Е.Н.* Указ. соч. С. 25–26.
[1363] *Вольский Ст.* Письма с Балкан // Русские о Сербии и сербах. Т.1... С. 541.

Увиденное вызывало противоречивые чувства у корреспондентов: «три четверти этих уходивших на войну, как на праздник, бессознательных героев несли в дулах винтовок свои надмогильные цветы» [1364], – казалось Н.П. Мамонтову. Л.Д. Троцкий наблюдал отправлявшихся на фронт в опанках, с зелеными веточками на головных уборах сербов, но это не вызывало у него душеный подъем: «И ничто в данный момент не характеризует для меня так ярко кровавую бессмысленность войны, как эта веточка и эти мужицкие опанки» [1365]. «В петличках у солдат цветы, брошенные им в последний раз женщинами. Может быть, такие же растут на братских могилах, куда, бодрые, смелые, юные, лягут они дорогою платою за счастье своих южных братий» [1366], – размышлял Вас.И. Немирович-Данченко. И далее он поэтически фантазировал: «Завянут цветы, будет убит юнак. Цветы воскреснут через год, из крови юнака вырастет независимость замученных племен» [1367].

Рассказы о воодушевлении в Балканских странах доходили до курьезных сообщений: «под впечатлением всеобщего воодушевления старый майор Косевич, участник войны 1876 г., покончил с собой из-за сознания, что физическая немощь не позволяет ему принять участие в войне. “Умираю спокойно, – писал он в предсмертном письме. – Да здравствует сербо-болгарское братство”» [1368]. Вас.И. Немирович-Данченко также свидетельствует о нескольких случаях самоубийств болгар, кого по состоянию здоровья не приняли в армию [1369], а И.П. Табурно – об аналогичных эпизодах в сербском войске [1370]. При

[1364] *Мамонтов Н.П.* Указ. соч. С. 22.
[1365] *Троцкий Л.* Перед историческим рубежом... С. 47.
[1366] *Немирович-Данченко Вас.И.* Собрание сочинений. Т. XIV... С. 52.
[1367] Там же. С. 54.
[1368] Вестник Европы. 1913. № 1. С. 353.
[1369] *Немирович-Данченко Вас.И.* Собрание сочинений. Т. XIV... С. 20.
[1370] *Табурно И.П.* Указ. соч. С.23.

этом, как добавлял Л.Д. Троцкий, были и случаи самоубийств среди нежелающих идти на войну [1371]. Но на это пресса не обращала внимания.

Ощущение праздника или святого таинства поддерживалось сдержанностью поведения провожающих и провожаемых. Е.Н. Чирикову запомнилось, как сербского кавалерийского офицера провожала мать: «кроме любящего, обожающего взгляда, ласки рукой по обнаженной голове, мать ничем не выдавала своего страдания от разлуки, быть может, навсегда... Ни единой слезинки. – Напред, сыне, за Богом!» [1372]. В Нише, где площадь перед станцией была заполнена новобранцами, корреспондент не заметил ни шума, ни пьяных, ни плачущих женщин, «вообще ничего похожего на наши родные картины при отправке на войну запасных» [1373]. В Софии, по словам другого представителя печати, проводы и вовсе были запрещены, «дабы не ослаблять высокого подъема духа защитников отечества тяжелыми сценами прощания с оставляемыми, быть может навеки, семьями» [1374]. Спустя уже несколько дней после начала войны «певучая и поэтическая Сербия» собралась в ожидании результатов столкновений. «Как изменились эти люди, довольные, счастливые и богатые еще недавно. В них было что-то изнеженное. Теперь из-за полного мелких забот горожанина и сельского скопидома-хозяина вдруг точно из-за кулис показался настоящий воин», – удивлялся Вас.И. Немирович-Данченко. И он мог сравнивать с увиденным в 1876 г. По его словам, Сербия была тогда «восторженная и крикливая». Теперь же он увидел молчаливых, собранных людей, ждущих боя «как верующий причастия» [1375].

[1371] *Троцкий Л.* Перед историческим рубежом... С. 51.
[1372] *Чириков Е.Н.* Указ. соч. С. 23.
[1373] Там же. С. 28.
[1374] *Мамонтов Н.П.* Указ. соч. С. 21.
[1375] *Немирович-Данченко Вас.И.* Собрание сочинений. Т. XIV... С. 16. Согласно письмам греческой королевы Ольги своим петербургским родственникам, аналогич-

Аналогичная картина была и по всей стране. В Сербии и Болгарии, согласно корреспонденту «Русского слова», не было пьяных и прекратились преступления [1376]. Как сообщал «Вестник Европы», даже после взятия Лозенграда «флагов и знамен никто не выставлял, речей никто не произносил, и патриотическое возбуждение ничем особенным не проявлялось» [1377]. Хотя, как описывает Н.И. Гасфельд, в Софии после взятия этой крепости звонили колокола, интеллигентные и воспитанные люди скакали по улицам, ища знакомых, чтобы поделиться с ними радостью [1378]. В Белграде царила тихая атмосфера. Ст. Вольский писал в «Заветах»: «Не слышно ни криков, ни песен, ни пьяных разглагольствований. Каждый занят — занят так сильно, что для страха за исход войны, для тревоги за близких, даже если и чувствуются они где-то в глубине души, не остается уже времени. Бояться некогда — некогда и скорбеть. Свободных, незанятых людей не видно: война всех призвала на службу», поэтому и «нет зрителей войны, есть только ее участники. Когда весь театр занят актерами, некому аплодировать и не перед кем становиться в позу» [1379].

Не отличались и военные тылы. Не было «ни пьянства, ни кутежа, ни разврата», «ни хриплых, распущенных девок особого сорта, выступающих в военное время в заплеванных кафешантанах, ни утренних переводов бешеных денег домой от щедрот обкрадывающих армию Ухач-Огоровичей, ни самих Ухач-Огоровичей» [1380], – утверждал

ная атмосфера царила в Греции: «Говорят, что мобилизация состоялась быстро и спокойно, без криков, шума и показного энтузиазма; и сравнить нельзя с 1897 годом; теперь каждый сознает, что надо не шуметь, а исполнять свой долг» (*Соколовская О.В*. О начале Первой балканской войны 1912 г. (Несколько писем королевы эллинов Ольги) // Славянский альманах 2009. М., 2010. С. 404).

[1376] *Немирович-Данченко Вас.И.* Собрание сочинений. Т. XIV... С. 34.

[1377] Вестник Европы. 1912. №11. С. 406.

[1378] *Шевалье Н.* Указ. соч. С. 27.

[1379] *Вольский Ст.* Письма с Балкан // Русские о Сербии и сербах. Т.1... С. 536.

[1380] *Немирович-Данченко Вас.И*. Собрание сочинений. Т. XIV... С. 57.

Вас.И. Немирович-Данченко. Ему вторил Е.Н. Чириков: «Ни увеселений, ни музыки, ни песен, ни единого пьяного... Нет даже граммофона и кинематографа!.. В десять вечера полная тишина» [1381].

В странах царила атмосфера напряжения и собранности. Все осознавали значимость происходящего, потому желали принять участие в борьбе, понимали необходимость использования всех сил и возможностей для достижения цели.

Болгарский ополченец говорил Н.П.Мамонтову: «У нас не осталось никого, кто так или иначе не содействует достижению общенародной задачи. Кто может стрелять – все в войсках, кто не может – в обозах; мы, постарше, в полиции, а полицейские – в полках» [1382]. Русский корреспондент рассказывает о своей встрече в армейском поезде с владельцем крупной софийской газеты, отдавшим автомобиль на военные нужды и отправившимся на фронт добровольцем [1383], его коллега рисует и вовсе умопомрачительную ситуацию по прибытии группы отечественных журналистов: «Профессор химии, преподаватель софийской гимназии, ныне рядовой рущукской дружины, становится часовым к нашему багажу и улыбается, глядя нам вслед; директор мужской гимназии, ныне добровольный секретарь окружного начальника, дает указания нашему чичероне, председателю земской управы; для отправления корреспонденции к нам прикомандировывается богатый купец, владелец десятка домов, в мирное время первый по оборотам с Румынией коммерсант Рущука, а ныне рядовой полицейской команды» [1384]. Даже чиновники были в армии: подпоручиком пехоты был бывший министр Такев, по-

---

[1381] *Чириков Е.Н.* Указ. соч. С. 91.
[1382] Там же. С. 20.
[1383] *Немирович-Данченко Вас.И.* Собрание сочинений. Т. XIV... С. 43.
[1384] *Мамонтов Н.П.* Указ. соч. С. 17.

сланник в Берлине С. Станчев служил в гусарах [1385]. А.А. Пиленко встретил служащего главу стамболовистской партии Н. Генадиева, его брат был шофером на своей личной машине [1386].

И.П. Табурно схоже описывал сербские реалии: «Явились военные призывные, явились их отцы, братья, со своими лошадьми, быками, подводами; явились ничего неимущие, предлагая себя в погонщики и санитары. Все и вся явилось, не желая вознаграждения за отдаваемое. Ни жалея ни себя, ни своего добра, лишь бы одолеть врага» [1387]. В общем, мобилизация, по его словам, «сама собою могла служить показателем неминуемой победы. Вряд ли что-либо подобное случалось в истории человечества». При этом, отметим, согласно этому же корреспонденту, известие о мобилизации передавалось в Сербии при помощи зажигания костров на возвышенностях [1388]. Средневековый, даже несколько поэтический способ. Но из этого следует, что к войне все было готово, и никто не расценил огни как знак к чему-то иному, нежели призыв к бою. Но всеобщее желание оказаться на фронте не всегда приводило к положительному результату. Вас.И. Немирович-Данченко сокрушался, что «убиты талантливейшие и лучшие ее (Болгарии. – *Н.Г.*) артисты» [1389], погибло большое количество представителей не такой уж и многочисленной болгарской интеллигенции [1390].

Рассказывалось, что не только мужчины рвались в армию: в «Ниве» была помещена фотография «болгарской героини» Ионки Марковой со следующей подписью: «Шестидесятилетняя старуха, родилась в деревне Бойници Видинского округа. Одевается по-мужски, принимала

[1385] Там же. С. 47.
[1386] *Пиленко А.А.*Указ. соч. С. 55.
[1387] *Табурно И.П.* Указ. соч. С. 21.
[1388] Там же. С. 20–21.
[1389] *Немирович-Данченко Вас.И.* Собрание сочинений. Т. XV... С. 27.
[1390] Там же. С. 129.

живое участие в сербско-болгарской войне 1885 г. Теперь в качестве волонтерки пошла на поле брани» [1391]. Журналисты слышали от женщин: «Возьму и я пушку (ружье). Что же, я дернуть за ручку не могу, что ли? Моя бабка с турками дралась, а я нисколько ее не хуже» [1392]. Шли женщины и по другим причинам. Так Вас.И. Немирович-Данченко рассказывает о погонщице буйволов, которую в армию привела хозяйственная бережливость – нежелание передавать в чужие руки реквизированных буйволов [1393].

Сербские женщины клали себя на алтарь будущего страны и иначе – освобождали мужей от мыслей о доме и семье. Вас.И. Немирович-Данченко рассказывал, как молодая жена учителя убеждала мужа отправиться добровольцем на фронт, «не позорить себя», он, «жалея ее», отказывался. Тогда она повесилась, оставив записку: «Теперь ты свободен. У тебя осталась одна забота – твоя родина. Если уцелеешь, принеси на мою могилу цветы Старой Сербии» [1394]. Практически дословно повторял эту историю Р. Кошутич в Обществе славянской взаимности. Единственная разница заключалась в том, что жена учителя застрелилась, да отличался немного текст записки: «Ты свободен. У тебя осталась теперь одна забота – отечество. Иди и исполни свой долг. Если уцелеешь, принеси мне на могилу цветок из Старой Сербии» [1395]. И в итоге, как считал Вас.И. Немирович-Данченко, здоровому мужчине было невозможно не идти на фронт, поскольку «ему стыдно встретить молчаливый укор в глазах жены, сестры и даже матери» [1396].

[1391] Нива. 1912. 21 дек. С. 1021.
[1392] *Немирович-Данченко Вас.И.* Собрание сочинений. Т. XIV... С. 15.
[1393] *Он же.* Собрание сочинений. Т. XV... С. 86.
[1394] *Он же.* Собрание сочинений. Т. XIV... С. 19.
[1395] Война на Балканах. СПб., 1912. С. 9.
[1396] *Немирович-Данченко Вас.И.* Собрание сочинений. Т. XIV... С. 34.

По словам И.П. Табурно, женского плача не было слышно. И «если какая-нибудь баба и проливала тихо невольные слезы», то ее пристыжали, на что она отвечала: «Я не плачу, что жалею, а плачу от умиления, что с такой радостью идут все освобождать наших братьев, плачу от того, что дождалась это увидеть» [1397]. Такое поведение заметила и швейцарская медсестра Катарина Штурценег, написав в дневнике: «С патриотизмом сербских дам мир должен считаться! Вместо того, чтобы советовать своим супругам, отцам, братьям и друзьям уклониться от вооруженной защиты нации, или страстной рекой слез задерживать расставание, они, напротив, его ускоряют: долг в отношении нации у них на первом месте – в сравнении с собственным сердцем» [1398].

В армию вступали не только жители страны: из Киева на Балканы отправилась «большая партия добровольцев-славян, преимущественно студентов университета и духовной академии» [1399], там же болгарский консул получил от своего правительства предписание созвать «славян для отправки на войну балканской славянской коалиции» [1400]. Отходящие из Москвы поезда были переполнены едущими сражаться сербами и болгарами [1401]. В Будапеште славяне через своих консулов пытались записаться в армию и получить бесплатный билет до своей страны, многие в Венгрии попросту бросали свои заработки, покупали билеты на поезда, те же, кому это не удавалось, шли пешком [1402], столь велико было желание простых людей биться с вековым угнетателем. При этом, отнюдь не

[1397] *Табурно И.П.* Указ. соч. С. 23; *Табурно И.П.* Доклад о ходе Балканской войны и ее результатах. Цит. по: *Шемякин А.Л.* Сербия // Югославия в XX веке... С. 42.
[1398] Цит. по: *Шемякин А.Л.* Сербия и сербы накануне Балканских войн... С. 148; *Он же*. Л.Д. Троцкий о Сербии и сербах... С. 69; *Гришина Р.П., Шемякин А.Л.* Трудный путь к европейской цивилизации... С. 30.
[1399] Утро России. 1912. 4 окт.
[1400] Русские ведомости. 1912. 5 окт.
[1401] *Мамонтов Н.П.* Указ. соч. С. 14.
[1402] *Немирович-Данченко Вас.И.* Собрание сочинений. Т. XIV... С. 6,8.

всегда добровольцы вступали в армию своей страны: корреспонденты описывают сербов, служивших в болгарских вооруженных силах. Присутствовали и русские добровольцы, «Нива» публиковала их фотографии. В составе македонского легиона на фронт ушел армянский добровольческий отряд. С болгарскими войсками его объединяло желание драться с турками, мстить за своих соплеменников. Этот отряд был крайне неоднороден по своему составу. Фактически им командовал герой армянской освободительной борьбы Андраник, в нем воевали и старые четники, и учителя, и сапожники, и даже юноша 22 лет, 14 из которых он прожил в Лондоне [1403]. Вас.И. Немирович-Данченко встретил в болгарской армии и турецкого подданного, который «принадлежал к самым убежденным членам младотурецкой партии, работал с нею и для нее и окончательно в ней изверился» [1404].

В итоге, как отмечали многие корреспонденты, и в Болгарии, и в Сербии на призывные пункты явилось столько желающих, что вооружения не хватило[1405].

§§ 5.2. Мотивы поведения болгар и сербов в ходе Балканских войн

Описанное вызывает вопрос: так чем же руководствовались болгары и сербы, когда вели себя указанным образом?

Представитель советской исторической науки В.А. Жебокрицкий считал, что народом двигало желание освободить собрата-крестьянина от феодалов-турок, и это использовали «националистические, шовини-

---

[1403] *Троцкий Л.* Перед историческим рубежом... С. 181.
[1404] *Немирович-Данченко Вас.И.* Собрание сочинений. Т. XV... С. 48.
[1405] *Он же.* Собрание сочинений. Т. XIV... С.14; *Табурно И.П.* О сербских битвах... С. 22.

стические партии для пропаганды войны» [1406]. Современникам же виделись следующие мотивы.

Первый – месть и ненависть.

«Говорят, нет ничего опаснее раба, расковавшего свои цепи и в остервенении вымещающего вековую злобу», – считал Н.И. Гасфельд [1407]. Вторил ему Н.П. Мамонтов: «Страшна… месть освобожденного от пятивекового кошмара многострадального населения» [1408]. «Народные песни, былины, предания Сербии и Болгарии проникнуты одним доминирующим мотивом: ненавистью к поработителю», – писал Ст. Вольский. По его словам, не было ни одного уголка жизни не окрашенного воспоминаниями о турецкой жестокости: мать убаюкивая ребенка, приговаривала: «Молчи, молчи, а то турчин придет»; влюбленные пары пели песни, где лирика переплеталась с «мрачным напоминанием о турецких пулях, подстерегающих молодого юнака». И в итоге даже люди с университетским образованием легко сбрасывали налет культуры, «мгновенно просыпаются в душе “страшные рассказы и песни”, слышанные когда-то в ребяческие годы, окрашиваются новыми тонами образы литературы, — и уже заколочено наглухо окно в Европу, и владеет душой жажда крови и железа, жажда борьбы до конца, жажда возмездия и суда над ненавистным “турчиной”». В случае с «народными массами» трансформация происходила и того проще [1409].

Таковыми были ощущения журналиста еще до официального объявления войны. Спустя некоторое время, уже увидев народные чувства в действии, он писал: «Ненависть к “турчину”, целыми столетиями копившаяся, целыми столетиями поддерживаемая, вспыхнула таким яр-

---

[1406] *Жебокрицкий В.А.* Болгария накануне Балканских войн 1912–1913 гг. Киев, 1960. С. 203–204.
[1407] *Шевалье Н.* Указ. соч. С. 77.
[1408] *Мамонтов Н.П.* Указ. соч. С. 66.
[1409] *Вольский Ст.* Письма с Балкан // Русские о Сербии и сербах. Т.1... С. 537–538.

ким пламенем, что в ней без остатка сгорели торжественно-красивые настроения первых дней войны». Далее он утверждал: «Традиции быта и воспитывавшаяся в школе и семье ненависть к турку сделали свое дело: алчность хозяйственного мужичка и жажда мести слились воедино и сняли слабый культурный налет, и превратили человека в разнузданного зверя». В этой же статье Ст. Вольский дал и хлесткое определение происходившего: «Это было оргией неудержимой в своей жестокости мести» [1410].

Е.Н. Чириков еще в поезде, глядя на сербскую молодежь, заметил: «Турок называют лютым врагом, извечным врагом, пылают ненавистью, выражающейся в резких словах, жестах и в глазах, вспыхивающих каким-то особенным огнем» [1411]. Болгары ему говорили: «Наша война исключительная: сошлись два исконных врага... Ведь помимо исторической вражды, успевшей всосаться в плоть и кровь с материнским молоком, наши дети со школьной скамьи в течение долгих лет уже воспитывались на мечте об окончательном счете с вековечным врагом, а в нашей солдатской памятке на первом месте значится: – Кто твой первый враг? – Турок!» [1412]. Писателю казалось, что «новые песни все – воинственно-патриотического характера, звучат бодро, призывно и полны надежд на последнюю месть туркам, ныне наступившую» [1413]. В заключении своей книги он взялся объяснить негуманные взаимоотношения противников и союзников следующим образом: «Объяснения этой обоюдной жестокости в глубине исторического процесса, в дикости, жестокости и религиозном фанатизме недавнего господина с одной стороны и в долго скапливавшейся и прорвавшейся, наконец, мстительной энергии бывшего

[1410] *Он же.* Письма с Балкан. Письмо второе... С. 168.
[1411] *Чириков Е.Н.* Указ. соч. С. 16.
[1412] Там же. С. 59.
[1413] Там же. С. 93.

раба, который сам захотел быть господином и склонен проявлять это тою же монетой» [1414].

Л.Д. Троцкий из опросов раненых вынес следующее суждение: «Но болгарский солдат считал эту войну нужной, справедливой, своей войной. Это – основной факт. Воспоминания о турецком владычестве здесь очень живы, гораздо более живы, чем воспоминания русского крестьянина о крепостном рабстве». В восприятии болгар, на его взгляд, в одного врага слились и вчерашний насильник над ними, и сегодняшний – над македонцами, и причина необходимости содержать большую армию. «Война обещала болгарским народным массам покончить, наконец, с турецким прошлым и с турецким настоящим», поэтому и отправлялись на нее как на праздник, на поле боя показывали чудеса храбрости, из госпиталей просились на передовую [1415]. А в госпитале Вас.И. Немирович-Данченко слышал, как болгарин говорил турку: «Пятьсот лет прошло, и только сейчас настал час Божьего суда» [1416]. Под впечатлением от увиденного и услышенного писатель утверждал: «Народ не только не умеет, он не может прощать» [1417]. Довольно точно отразил «мстительный» характер войны Е.Н. Чириков: «Вообще эту войну приличнее называть войной мести, чем идеализировать ее поэтическими эпитетами “борьбы за освобождение братьев”...» [1418].

Жестокость сербских войск по отношению к албанцам этим же мотивом оправдывал И.П. Табурно. В течение пяти веков «арнауты» показывали храбрость на безоружных христианах, и «вековая вражда, вековая ненависть одни могли служить причиною жестокой расправы сер-

---

[1414] Там же. С. 140.
[1415] *Троцкий Л.* Перед историческим рубежом... С. 142.
[1416] *Немирович-Данченко Вас.И.* Собрание сочинений. Т. XV... С. 161.
[1417] Там же. С. 108.
[1418] *Чириков Е.Н.* Указ. соч. С. 142.

бов с арнаутами» [1419]. Потому и четники, и мирное население вымещали злобу, сжигая албанские села: «Они говорили сербским войскам: расстреливайте нас, мы не можем удержаться, уж чересчур много мы претерпели от этих зверей. Пять веков терпели». В конце И.П. Табурно миролюбиво призывал: «Не будем же их осуждать за допущенные ими случаи попустительства» [1420]. Находил извинение насилию и Е.И. Мартынов: «После занятия северной Албании сербскими войсками местные сербы, понятно, стали мстить арнаутам, но по сравнению с вынесенными притеснениями эта месть была весьма умеренной» [1421]. Озлобление против врага усиливалось у сербов и разочарованием от того, что Великие державы отказали им в выходе к Адриатике. Один из офицеров говорил Л.Д. Троцкому: «Истребление пленных объясняется отчасти местью за обманутые надежды» [1422].

Поддерживаемое со стороны государства чувство ненависти к туркам привело к желанию жечь и убивать. Современник событий У. Липпман писал по иному поводу: «Постепенно импульс убивать становится основным, а все качества, которые могли бы его модифицировать, исчезают. Этот импульс становится главным, ему придается ореол святости. Так, постепенно, он становится неуправляемым и находит выход не только в идее врага, но также направляется на людей и объекты, которые традиционно являлись объектом ненависти. Ненависть по отношению к врагу законна» [1423]. И это чувство к туркам имело глубокие и прочные корни в сознании болгар и сербов, «образ врага» прочно укоренился в народной памяти. Для этого государству или элитам не надо было проводить серьезную работу, да и без реальной основы это стало бы

[1419] *Табурно И.П.* О сербских битвах... С. 63.
[1420] Там же. С. 64.
[1421] *Мартынов Е.И.* Указ. соч. С. 70.
[1422] *Троцкий Л.* Перед историческим рубежом... С. 89.
[1423] *Липпман У.* Общественное мнение. М., 2004. С. 181.

бесполезным делом. Исследователь идеологемы «врага» Л. Гудков справедливо пишет: «Никакая пропаганда не может быть действенной, если она не опирается на определенные ожидания и запросы массового сознания, если она не адекватна уже имеющимся представлениям, легендам, стереотипам понимания происходящего» [1424].

* * *

Вторым мотивом была идея. При чем в этой роли выступали и национальное объединение, и исторические обоснования.

Как утверждает У. Липпман, символ «сковывает личность и в то же время чрезвычайно обостряет намерения группы и сплачивает ее... Он является инструментом, с помощью которого за короткое время масса выходит из состояния инерции — инерции нерешимости» [1425]. По словам авторов сборника «Россия и Запад», «мифологический тип сознания всегда играл значительную роль в истории. Массовые движения самого разного типа и политической ориентации искали, сознательно или бессознательно, и находили себе опору именно в этих свойствах массового сознания. С особой отчетливостью это проявилось в политической истории XX в.» [1426]. Добавим, что и во время Балканских войн.

В.С. Везенков писал: «Великий момент отчаянной борьбы и героической схватки с общим врагом – настал! Устами королей: Николая, Георгия и Петра и Царя Фердинанда, говорят пять веков рабства и стра-

---

[1424] *Гудков Л.* Идеологема «врага»: «Враги» какмассовый синдром и механизм социокультурной интеграции // Образ врага. М., 2005. С. 11.
[1425] *Липпман У.* Указ. соч. С. 232.
[1426] Россия и Запад. Формирование внешнеполитических стереотипов в сознании российского общества первой половины XX века. М., 1998. С. 3.

даний! Месть за Косово, за Лазаря и Шишмана и за Византию заставляет сердца борцов проявлять невиданную еще храбрость!» [1427].

В обеих странах возмездие туркам логически завершалось идеей «Великой Болгарии» или «Великой Сербии», что замечали и журналисты. Но понимание этих символов разнилось.

Журнал «Заветы» сообщал своему читателю, что за время, прошедшее с освобождения страны, болгарин изменился мало. За одним исключением: «Он успел проникнуться национальной идеей. Он идет умирать, не задумываясь, он отдает в жертву “Великой Болгарии” себя и своих детей» [1428].

Для болгар в основе этой мегали идеи лежало национальное объединение. Н.С. Державин, в просветительской брошюре, вышедшей сразу после балканских войн, выразил свою точку зрения: «Идея культурно-национально-политического объединения болгарского народа – вот та идея, которой Болгария обязана своим возрождением, своею политической свободой, успехами культурного развития, своими, наконец, блестящими победами» [1429]. Русский офицер болгарского происхождения И.Г. Пехливанов писал, что «сознание необходимости ведения войны с Турцией за *освобождение зарубежных братьев* (курсив наш. – *Н.Г.*)» породило у населения интерес к военному делу[1430], т.е. именно эта идея обусловила указанное отношение к войне.

«Нужно быть в Болгарии, чтобы понять, что такое для каждого болгарина Македония», – констатировал капитан Самосеев [1431]. В госпитале раненые болгары говорили Л.Д. Троцкому: «Даст Бог, жив и здоров

[1427] *Везенков В.* Македония и причины Балканской войны. М., б. д. С. 96.
[1428] *Вольский Ст.* Письма с Балкан. Письмо второе... С. 173.
[1429] *Державин Н.С.* Болгаро-сербские взаимоотношения и македонский вопроС. СПб., 1914. С. 8.
[1430] Цит. по: *Ганин А.В.* Указ. соч. С. 397.
[1431] ГАРФ. Ф. 555. Оп. 1. Ед. хр. 473. Л. 54.

буду, опять пойду турок бить. Довольно им смердеть в Македонии» [1432]. Служившие в Македонско-Одринском ополчении старики считали, что несмотря на их собственную смерть, «детям будет хорошо жить, когда не будет турок» [1433]. В.С. Везенков в Софии встретил газетчика, ему заявившего: «Довольно работал на себя! Теперь поработаю для наших македонских братьев!.. Наконец-то пришел и этот день!» [1434].

Русские журналисты отмечали значимость темы «Великой Болгарии» и в болгарском искусстве. В. Викторов-Топоров видел основу успеха театральных постановок у публики в «воинствующем национализме и, в связи с этим, идеализацией туманных дебрей болгарской истории» [1435]. В журнале «Русская мысль» он говорил о полумистическом отношении болгар к Македонии и выразил свое впечатление от «нрава» болгарина: «Тот может оставаться равнодушным, слушая, как при нем говорят о вопросах мирового значения… Но стоит напомнить ему о том, что происходит за южной границей болгарского государства… стоит намекнуть на Македонию, на Царьград, напомнить длинные века византийского и турецкого рабства, – и самый хладнокровный болгарин проявит свою горячность, свой во всех других случаях жизни глубоко скрытый темперамент» [1436]. В 1913 г. в России вышел составленный К. Кузьминским сборник болгарского фольклора и произведений новейших поэтов и писателей. Подборка привела автора рецензии на эту книгу, Г. Полилова, к выводу, что как в народной, так и в авторской поэзии «везде слышится тоска за угнетенную родину, вспоминаются с благодарностью царь-Освободитель, Александр II», «таятся надежды на из-

---

[1432] *Троцкий Л.* Перед историческим рубежом... С. 139.
[1433] *Везенков*. Указ. соч. // Военный сборник. 1914. № 6. С. 93.
[1434] *Он же.* Македония и причины Балканской войны... С. 95.
[1435] *Викторов-Топоров В.* Драма молодой Болгарии // Русская мысль. 1913. №5. С. 3.
[1436] Там же. С. 4.

бавление родины от тяжелого турецкого ига, вспоминаются подвиги предков и великодушие русских» [1437].

Л.Д. Троцкий в определенный момент проявил себя как социалист, вступая в противоречие с предыдущими своими утверждениями: «Народ не хотел войны и не мог ее хотеть». Ведь не могли быть ему в радость связанные с этим лишения. «Но командующие классы оказались неспособны найти другой выход из положения, кроме взаимного истребления болгарских и турецких мужиков. И когда война оказалась навязанной народу всей предшествующей политикой балканских правительств и европейской дипломатии, болгарский солдат принял войну, сознательно принял, как единственный выход из невыносимого положения» [1438]. Но отметим, что он тут же уронил и планку своей проницательности, заговорив о «мужиках и рабочих, грамотных и затронутых школой всеобщего избирательного права» [1439]. Рабочих к тому времени в Болгарии было недостаточное количество, чтобы выделять их в значимую категорию (как бы того не хотелось социалисту), насчет грамотности и значения балканской демократии мы уже говорили.

* * *

В Сербии же национальная идеология была четче, в ее основе лежали более конкретные исторические события. Как замечает американский историк Б. Андерсон, «Поскольку у нации нет Творца, ее биография не может быть написана по-евангельски, “от прошлого к настоящему”, через длинную прокреативную череду рождений. Единственная

[1437] Исторический вестник. 1913. № 5. С. 683
[1438] *Троцкий Л.* Перед историческим рубежом... С. 189.
[1439] Там же.

альтернатива — организовать ее “от настоящего к прошлому”» [1440]. Сербия, где мифы о Косовской битве и образ Душанова царства прочно осели в песнях и сознании народа, является тому подтверждением. В 1912 г. А.А. Амфитеатров писал: «В мечтах каждого серба-патриота радужно рисуется великая Сербия, в размерах времен Душана, простирающаяся от Адриатики до Эгейского моря, со включением Кроации, Далмации, Боснии и Македонии. Это как бы современное балканское отделение панславизма» [1441]. О восприятии войны, как восстановления царства Душана, говорят слова сербского офицера Л.Д. Троцкому о том, как солдаты желали скорее достигнуть Бакарного Гувна, где находилась граница этого средневекового государства: «Солдаты твердо решили, что как дойдем до Гувна, тут и работе нашей конец» [1442].

Под влияние таковых настроений попал и генерал Н.Р. Овсяный, писавший в «Русском инвалиде» в 1913 г., что сербская кампания осени 1912 г. «была блистательной отплатой за поражение на Косовом поле в 1389 году» [1443]. И.П. Табурно же антиподом Косовской битвы видел Кумановский бой, который для сербов, по его мнению, теперь имеет не меньшее значение: «Его давно ждал сербский народ – пять столетий. Пять веков подряд сербский народ обращал свой взор и молитву к Всевышнему о доровании (так в тексте. – *Н.Г.*) ему этого дня. Наконец Бог смиловался над ними, и 11 октября 1912 года молитва сербов была услышана» [1444]. После же взятия Скопье сотрудник «Нового времени», подчеркнув связь города с Душаном Сильным и называя его вопреки

[1440] Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001. С. 222–223.
[1441] *Амфитеатров А.* Указ. соч. С. 53.
[1442] *Троцкий Л.* Перед историческим рубежом... С. 92.
[1443] *Овсяный Н.Р.* Указ. соч. С. 222.
[1444] *Табурно И.П.* О сербских битвах... С. 54–55.

принятой норме на сербский манер, записал: «Итак, после 532 лет турецкого рабства, Скопле вновь возвратился к Сербии» [1445].

Воинственность пронизывала все сербское общество. И, как писал Е.И. Мартынов, если у русской интеллигенции в моде были пацифизм и космополитизм, то «в Сербии наиболее выдающиеся и образованные люди являются самыми ярыми националистами, настроенными особенно воинственно» [1446]. От простых людей корреспонденты слышали: «Теперь или никогда. Если мы не можем спасти наших братьев, – умрем с ними. Пусть наша Сербия вся обратится в одну могилу» [1447].

Однако Л.Д. Троцкий писал об отсутствии такого энтузиазма. Он приводил слова сербского офицера, считавшего, что «городские и вообще интеллигентные элементы» были очень воодушевлены, крестьяне же «были унылы» и тосковали по домам и семьям. И тут же противоречил себе: «Когда солдаты вышли на Коссово поле, очень воодушевились. Я удивился даже. Коссово, Грачаница – эти имена переходили из поколения в поколение, повторялись несчетно в песнях народных. Солдаты стали все спрашивать, скоро ли придем в Бакарно Гувно, – это под Прилепом. Оказывается, там была некогда крайняя граница старого сербского королевства; я, признаться, и не знал этого» [1448].

Многое в исторической мифологии покоилось на религиозных обоснованиях, и П.А. Лавров в доносил до слушателей своей лекции: «в сербских семьях дети с малых лет привыкают не только к обычной работе, но и получают воспитание в преданности вере превыше всего, хотя бы то и стоило величайших страданий. Держатся веры потому, что она

[1445] Там же. С. 101–102.
[1446] *Мартынов Е.И.* Указ. соч. С. 99.
[1447] *Немирович-Данченко Вас.И.* Собрание сочинений. Т. XIV... С. 7.
[1448] *Троцкий Л.* Перед историческим рубежом... С. 92.

охраняет народность» [1449]. Секретарь русской миссии в Белграде отмечал, что религия у сербов была неразрывно связана с национальностью, и на вопрос какой они веры, отвечали – сербской [1450].

Хотя журналисты и не оставили нам такого же количества материала для анализа настроений сербов, в отличие от болгар, можно с большой долей уверенности говорить о значимости мотива отмщения за Косово и создания «Великой Сербии» в поддержании воинственности населения. Еще в XIX в. П.А. Ровинский отмечал, что отцы заставляют своих чад «выучивать в виде катехизиса историю падения сербского царства на Косовом поле, причем делают такие заключения, что Милошу Обиличу – на вечные времена слава, Вуку Бранковичу – проклятие, а турку и швабу надо посечь головы...» [1451]. С парламентской трибуны учителей призывали воспитывать детей так, чтобы они знали о косовских героях «и в будущем, став гражданами, отомстили бы за Косово и создали Великую Сербию» [1452]. Уже во время Первой мировой войны Дж. Рид заметил, что каждый солдат знал, за что сражался, поскольку его еще в детстве мать приветствовала: «Здравствуй маленький мститель за Косово» [1453]. Как отмечает отечественный историк М.В. Белов, базовая идеологическая модель в Сербии складывалась на протяжении XIX в., и состояла из двух компонентов: «Косовской легенды, сочетающей мотивы жертвы и воздаяния, гибели и воскрешения, и образа восстаний 1804–1815 гг. как сербского реванша – пролога к восстановлению средневекового Царства». Схема эта была намечена в 1804 г. с началом Первого сербского восстания, окончательно же оформилась в

[1449] *Лавров П.А.* Балканский союз и Сербия. СПб., 1913. С. 18.
[1450] *Штрандтман В.Н.* Балканские воспоминания. М., 2014. С. 110.
[1451] *Ровинский П.А.* Сербская Морава. Воспоминания из путешествия по Сербии в 1867 году // Русские о Сербии и сербах. Т. 1... С. 109.
[1452] *Шемякин А.Л.* Л.Д. Троцкий о Сербии... С. 69; *Он же.* Сербия // Югославия в XX веке... С. 44.
[1453] *Гришина Р.П., Шемякин А.Л.* Трудный путь к европейской цивилизации... С. 30.

1889 г. на мероприятиях, посвященных 500-летию Косовской битвы [1454]. Итогом такого воспитания стало то, что в 1912 г. солдаты, освободившие Приштину, падали на легендарную землю и целовали ее [1455].

В Болгарии такой четкой схемы понимания своей «великой идеи» не сложилось. Вас.И. Немирович-Данченко вспоминал, что ложась спать, он слышал, как ночью у костра солдаты рассуждали о Берлинском конгрессе, Бисмарке и Сан-Стефанском договоре. Но из этого он сделал вывод о грамотности народа [1456], соответственно, можно предположить, обсуждение не было патриотичным, а скорее рационально рассудительным. Как констатирует болгарский исследователь Ст. Влахов-Мицов, у самих болгар не было концепции своих национальных идеалов, они не созрели для самостоятельной политической жизни. На помощь пришли русские дипломаты, создавшие Сан-Стефанскую Болгарию, которой потребовалось не менее двух десятилетий, чтобы приобрести национальное звучание и поступить на болгарскую государственную службу [1457]. Однако сама практика изменяла идеал, не существовало единого понимания его среди населения. Другой болгарский историк, Д. Саздов, указывает, что не существовало не только публичной, но и тайной концепции воплощения национального идеала, ее сроков или этапов. «В стране, где правящие круги непрестанно фантазировали по поводу македонского вопроса и Сан-Стефанской Болгарии, – пишет отечественный исследователь Р.П. Гришина, – отсутствовала практическая государственная

[1454] *Белов М.В.* Актуальность героического прошлого: история и политика в предвоенной Сербии // Модернизация vs. война... С. 92.
[1455] *Милосављевић Б.* Балкански ратови // Летопис Матице српске. Књ. 491. Свеска 3. Март 2013. С. 262.
[1456] *Немирович-Данченко Вас.И.* Собрание сочинений. Т. XIV... С. 175.
[1457] *Гришина Р.П.* Конституционная монархия в Болгарии и ее подданные... С. 146.

программа по национальному вопросу» [1458]. Как считает болгарский историк С. Елдаров, «в этом состоит трагедия болгарского национально-освободительного движения – в отсутствии единой ясно определенной политической программы и стратегии, которой бы придерживались все официальные и неофициальные факторы» [1459].

Потому мы и видим, что от солдат и офицеров (не от публицистов и политиков) русские журналисты не слышали сакрального сочетания «Сан-Стефанская Болгария». Речь шла о двух понятия: Македонии и соплеменниках, «македонских братьях», и оба не имели какой-то четкой дефиниции, карты с очерченными границами. И если сербские крестьяне стремились к границе средневекового сербского королевства, то болгарские – к границам проживания своих соплеменников. Под Чаталджой дух солдат был поколеблен не только холерой и усталостью – они шли по региону, населенному греками, считавшими болгар варварами. Здесь изменения настроений отметил капитан Самосеев: «Действительно, идея, за которую с радостью шли на смерть, была изжита» [1460].

Интересны слова прекрасно знавшего болгар и их историю Н.С. Державина после Второй балканской войны: «Болгария, счастливая сознанием предстоящей близости реального осуществления своей мечты, силою сложившихся обстоятельств оказалась вдруг лишенною всего, что *в течение целого столетия* (курсив наш. – *Н.Г.*) было для нее наи-

---

[1458] *Гришина Р.П.* Власть и общество. Болгария, 1912–1913 гг. // Человек на Балканах: Власть и общество: опыт взаимодействия (конец XIX – начало XX в.). СПб., 2009. С. 149–150.

[1459] *Елдаров С.* Болгарские правительства и Внутренняя Македоно-Одринская Революционная организация (1893–1912) // Imagines mundi : альманах исследований всеобщей истории XVI – XX вв. № 6. Сер. Балканика. Вып. 1. Екатеринбург, 2008. С. 39.

[1460] ГАРФ. Ф. 555. Оп. 1. Ед. хр. 473. Л. 54.

более дорогим в ее жизни» [1461]. Будущий академик явно имел в виду идеалы эпохи национального возрождения, а не Сан-Стефано.

Однако они не могли стать нужным символом – символ, способный сплотить народ и вести его на смерть, должен быть четким, предельно понятным. А, как считал капитан Самосеев, Первая балканская война показала, что «война настоящего времени должна быть идейной» [1462], в чем оказался абсолютно прав. В Болгарии же такую идею необходимо было «выращивать», «пестовать» в сознании народа. В этом ключевую роль играла коммеморация – совокупность многочисленных способов, с помощью которых в обществе закрепляется, сохраняется и передается память о прошлом. Тут для нас представляет интерес то, что, как пишет исследователь коллективной памяти Я. Зерубавель, каждый акт коммеморации позволяет ввести в оборот новые трактовки прошлого [1463].

Начиналось все со школы. Болгарский исследователь Б. Димитров утверждает, что в Болгарии «каждый ученик знал о страшной неправде, совершенной в Берлине в 1878 г.» [1464]. Но до 1908 г. дело обстояло далеко не так. Тщательно изучавший этот вопрос Н. Кайчев констатировал, что руководители болгарского просвещения долго не уделяли внимания воспитанию чувства патриотизма и культивированию ощущения своей национальности [1465]. В учебниках, пишет он, «вы редко встретите стихи, величающие в глазах маленьких читателей смерть за Родину. Гораздо чаще описываются добродетели просвещения, культуры, грамотности (Кирилл, Мефодий, Климент Охридский), как и красоты родной зем-

---

[1461] *Державин Н.С.* Указ. соч. С. 8–9.
[1462] ГАРФ. Ф. 555. Оп. 1. Ед. хр. 473. Л. 56.
[1463] *Зерубавель Я.* Динамика коллективной памяти // Империя и нация в зеркале исторической памяти. М., 2011. С. 15.
[1464] *Димитров Б.* Истинската история на Балканската война. София, 2007. С. 27.
[1465] *Гришина Р.П., Шемякин А.Л.* Трудный путь к европейской цивилизации... С. 37.

ли» [1466]. К тому же пропаганда национального идеала падала далеко не на самую благодатную для нее почву – болгары традиционно считались рассчетливым и практичным народом, это прекрасно выразил в своей записке в 1915 г. российский вице-консул в Джурджу Беланович: «основные черты характера болгарина: 1) упрямство; 2) слабая восприимчивость к новым идеям и 3) отсуствие того, что называется “гражданским мужеством”, т.е. способности из-за отвелеченных идей жертвовать положительным благом» [1467]...

Как справедливо пишет отечественный историк Е.С. Сенявская, «любая война начинается задолго до ее объявления, которому обязательно предшествует идеологическая и психологическая обработка населения официальными пропагандистскими структурами» [1468]. Необходимость этого понимали и в начале XX в. И.Г. Пехливанов писал, что подготовка к войне предполагает не только приведение в готовность армии, но и создание «благоприятного для проявления моральных сил настроения народа» [1469].

Перед началом боевых действий о незавершенности дела русско-турецкой войны 1877–1878 гг. заговорила болгарская пресса, что соответствует одной из предложенных социологом Д. Цаллером аксиом общественного мнения – аксиоме доступности (accessibility axiom): «Чем ближе по времени данное представление было актуализовано, обсуждалось или обдумывалось, тем меньше времени требуется для актуализа-

---

[1466] Цит. по: *Гришина Р.П.* Болгария и македонские болгары... С. 224.
[1467] Цит. по: *Шкундин Г.Д.* Разделяй и властвуй! Вопрос о сепаратном мире с Болгарией в политике держав Антанты (октябрь 1915 – март 1916 г.). София, 2007. С. 43; *Он же.* Русские и болгары в годы Первой мировой войны: проблемы взаимовосприятия // Россия – Болгария: векторы взаимопонимания. XVIII–XXI вв. М., 2010. С 190.
[1468] *Сенявская Е.С.* Противники России в войнах XX века: Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М., 2006. С. 62.
[1469] Цит. по: *Ганин А.В.* Указ. соч. С. 398.

ции этого и аналогичных представлений в памяти, в сознании» [1470]. Летом 1912 г. печать обращалась к памяти о событиях 1877–1878 гг. В самом конце июля газета «Мир» сообщала о визитах деятелей русской культуры в места боев за Плевну, приводя их записи в журнале посещений [1471]. Художник А.И. Вахрамеев, к примеру, написал: «Слава и тем борцам, что и сейчас ведут жестокую борьбу за *объединение славянства*» [1472] (так в тексте. – *Н.Г.*). Цель этих сообщений вполне очевидна. Заметим, что при этом даны даты этих визитов: 6, 9 и 13 июня, т.е. за полтора-два месяца до публикаций. Объяснить эту задержку можно тем, что момент стал подходящим. «Мир» являлся печатным органом правящей партии, потому его редакция действовала в согласии с планами правительства. Помимо этого сообщалось о выборе места строительства русской церкви на Шипкинском перевале [1473], а буквально за несколько дней до перехода болгарской армии через турецкую границу публикуются воспоминания о юбилейных торжествах в 1902 г., посвященных боям за Шипку и Шейново [1474]. Подчеркнем, что выходят эти номера спустя 10 лет непосредственно после событий и тогда, когда вопрос о войне с Турцией был решен. И за два дня до манифеста царя Фердинанда «Мир» опубликовал стихотворение И. Гроздева, написанное к параду 9 августа (опять-таки постфактум) о знаменитом Самарском знамени [1475]:

«С тобою победила Русь святая,

Свободными ты делаешь детей рабов,

[1470] *Цаллер Дж.* Происхождение и природа общественного мнения. М., 2004. С. 101.
[1471] Мир. 1912. 28 юли; Там же. 1912. 8 авг.
[1472] Там же. 1912. 31 юли.
[1473] Там же. 1912. 18 авг.
[1474] Там же. 1912. 2 окт.
[1475] К слову, во время войны оно будет висеть в салоне царского поезда (*Робер дьо Бурбулон*. Български дневници. София, 2007).

Когда над Пирином ты воссияешь?» [1476]

Освобождение страны в исторической памяти болгарского народа было тесно связано с конкретным русским императором. Не единожды в различных уголках Болгарии, ее гражданами в России были отслужены молебны за упокой души Александра II [1477].

Во многом данный символ является историческим мифом, поскольку Сан-Стефанской Болгарии в реальности никогда не существовало, а захваченный в ходе Первой балканской войны Адрианополь и вовсе не входил в нее. Центральным сюжетом идеи являлась Македония и связанное с ней объединение всех болгар. Однако этот аморфный символ, менявшийся буквально «на ходу», был одним из столпов всей болгарской исторической мифологии, оказывавшей значительное влияние на жизнь этого во многом традиционного общества. Как пишет та же Я. Зерубавель, политические мифы «не только отражают социально-политические потребности социума, способствовавшие возникновению этого мифа, но сами становятся силой, формирующей эти потребности» [1478].

Существуют и иные объяснения поведения балканских народов во время Балканских войн. Так, швейцарский историк У. Альтерматт утверждает, что в начале той главы европейской истории, когда доктрина национализма привела к переселению или изгнанию целых народов, стоит Македония. Он справедливо указывает, что «как сербы, так и болгары считали македонцев членами “своей нации”», в итоге македонцы были объявлены сербами, вследствие чего началось насаждение государственного языка. Верны и его слова о перемещениях, изгнаниях и движениях беженцев в Македонии и Фракии. Однако он это неправо-

---

[1476] Мир. 1912. 4 окт. (Перевод наш. – *Н. Г .).*
[1477] Там же. 1912. 1 юли; Там же. 1912. 9 авг.
[1478] *Зерубавель Я.* Указ. соч. С. 21.

мерно связывает это с тем, что «Сербия, Болгария и Греция попробовали покончить с чересполосицей этнических и религиозных народностей», и видит в этом первое проявление агрессивного национализма в Европе [1479]. Во-первых, сербы не проводили сознательную ассимиляцию македонцев – по мнению руководства страны, население просто заставляли вспомнить и вернуться к их исконной, сербской культуре. Во-вторых, убийства турок или албанцев не являлись целенаправленной государственной политикой – основным мотивом, по которому солдаты их совершали, была месть за притеснения предыдущих веков, а не сознательное очищение территории от иного этнического компонента.

К тому же, на наш взгляд, о национализме на Балканах в начале XX в. можно говорить лишь с большим количеством оговорок. Британский историк Э. Кедури рассматривает этот феномен как продуманную государственную доктрину, вызревавшую в интеллектуальных кругах, и восходящую к И. Канту. В таком случае у балканских народов, не имевших национальных интеллектуальных элит в необходимых масштабах, не могло появиться собственного национализма. Однако и тут можно заметить заимствования догоняющей модернизации. К примеру, использование «профессоров и этнологов» для определения языковых, а на их основе – государственных границ [1480], что мы и наблюдали в споре о Македонии.

Тем не менее, в Болгарии и Сербии мы не видим необходимейших условий для возникновения национализма в его классическом виде. Тот же У. Альтерматт утверждает, что новая коммуникационная сеть, построенная на общих символах и ценностях, важнейшая основа общей идеологии, появилась с «созданием лучших средств общения, таких, как

[1479] *Альтерматт У.* Этнонационализм в Европе. М., 2000. С. 93.
[1480] *Кедури Э.* Национализм. СПб., 2010. С. 112.

железная дорога, с возникновением рыночного хозяйства, с образованием слоев буржуазии, с развитием грамотности и реформой образования, с основанием союзов и партий» [1481]. Как уже было показано выше, большинство этих явлений носили на Балканах имитиационный характер. Согласно одному из наиболее известных теоретиков национализма, британскому социальному антропологу Э. Геллнеру, существует несколько условий для возникновения данного явления: культура, стремящаяся быть «высокой», содержание государством собственной образовательной машины для развития этой культуры, большая социальная мобильность. Его формула общества, способного к национализму, выглядит так: «Однородность, грамотность, анонимность» [1482]. В Болгарии и Сербии, безусловно, присутствовала однородность, грамотность же имела различный характер, но все же не была поголовной – высокая культура только формировалась: как уже говорилось, собственные поэты были малоизвестны, театральные постановки – примитивны. Социальная мобильность возникает в эпоху индустриализации, интересующие нас страны по-прежнему оставались аграрными. И то, что министры и профессоры являлись выходцами из крестьянских семей, не должно вводить в заблуждение. Когда возникли молодые самостоятельные государства, им срочно требовались собственные элиты, для чего и рекрутировались наиболее грамотные представители сельского населения. Однако затем ротации не происходило, для доказательства чего достаточно взглянуть лишь на биографии министров – смены политической и интеллектуальной колод не происходило, они просто раз за разом тасовались по-новому. Таким образом, если и возможно говорить о проявлении национализма на Балканах в 1912–1913 гг., то лишь о его особой,

---

[1481] *Альтерматт У.* Указ. соч. С. 54.
[1482] *Геллнер Э.* Нации и национализм. М., 1991. С. 280.

искаженной, как и почти все европейские идеи, форме, наложенной на местные реалии и уровень развития.

* * *

Как мы видим, взгляды русских очевидцев сложно назвать объективными и полностью соответствующими действительности. Возникали, говоря словами У. Липпмана, «слепые зоны», не позволяющие увидеть отвлекающие от магистрального пути образы [1483], способные усложнить и запутать картину. Потому большинство авторов и не задавалось вопросами о реальном государственном устройстве Болгарии и Сербии, в которых можно было заметить серьезные отличия. Болгарский монарх правил далеко не по букве конституции, что отличало его от сербского коллеги. Но кардинальная разница между ними заключалась, так сказать, в факторе Пашича. Царь Фердинанд сумел избавиться от всесильного премьера С. Стамболова, хотя далеко и не сразу, а у короля Петра на это не было ни времени, ни желания, ни, вероятно, возможности. Что и сказалось на реальном функционировании демократий: в Сербии она была полуторапартийной, узаконившей фактическое единоправие Н. Пашича, а в Болгарии – дирижируемой монархом.

Очевидцы изображали Болгарию и Сербию стереотипно, происходило, по выражению Р.П. Гришиной, «спрямление нестандартных углов» [1484]. Увидев наличие партий и парламента, дружеские отношения офицеров и солдат, журналисты с восхищением писали о демократии в Болгарии и Сербии, взглянув на данные статистики и законы об образовании – о просвещенности и грамотности народов. Хотя армейские взаимоотношения стоит объяснять еще не произошедшей дифференциацией общества, когда элиты не успели отделиться от основной массы

[1483] *Липпман У.* Указ. соч. С. 124.
[1484] *Гришина Р.П.* Конституционная монархия в Болгарии и ее подданные... С. 126.

населения. В Сербии же и вовсе стремились к формуле «сербский народ – сообщество равных» ради сохранения единства народного духа [1485].

Несколько сложнее ситуация с грамотностью. В Болгарии и Сербии население утилитарно подходило к образованию. В итоге в крестьянской Сербии цвела вторичная неграмотность, а в торговой Болгарии знания ограничивались необходимым для дела набором, не распространяясь на гуманитарные области. Потому и не было интереса даже к собственным поэтам, а в театре пользовались успехом лишь ура-патриотические пьесы про «туманные дебри» истории.

Другим показателем «просвещенности» и «модерности» («двадцативековости») указанных стран можно считать отношение к чужой человеческой жизни. В Европе ей уже постепенно придавалось все большее и большее значение. Характерна здесь следующая история: воспитанный в военных традициях XIX в. (хотя ни разу и не побывавший в бою) гродненский губернатор М.М. Осоргин возмущался тем, что во время русско-японской войны капитана «Варяга» не отдали под суд за оставление корабля, а превозносили как героя. В XX в. изменилась ценность человека. Даже в считавшейся отсталой России появилось сочувствие к раненым и убитым [1486], и, как справедливо замечает С.А. Экштут, «массовые людские потери стали отождествляться образованным обществом не с героизмом погибших воинов, а с бездарностью как высшего командования, так и верховной власти» [1487]. На Балканах же выбывший из строя оставался «паром отработанным», о котором не заботились ни однополчане, ни руководство. Сюда же можно отнести и

[1485] *Шемякин А.Л.* Сербское общество последней трети XIX – начала XX века глазами русских наблюдателей ... С. 26; *Гришина Р.П., Шемякин А.Л.* Трудный путь к европейской цивилизации... С. 30.

[1486] Правда, ненадолго. Вскорости подобные настроения надолго покинут страну вместе с отплывавшими из Крыма кораблями.

[1487] *Экштут С.А.* Закат империи. От порядка к хаосу. М., 2012. С. 51–53.

ту средневековую жестокость, которую проявляли союзники как к противнику, так и мирному албанскому или турецкому населению. Понятно, что военачальники напрямую не приказывали подчиненным резать турок и арнаутов, но уровень общей культуры оказывался недостаточным – сначала солдат охватывало чувство мести, а затем включалась и психология толпы. Как писал психолог С. Московичи, «взятый в отдельности, каждый из нас в конечном счете разумен; взятые же вместе, в толпе, во время политического митинга, даже в кругу друзей, мы все готовы на самые последние сумасбродства» [1488]. В данном случае сумасбродства оказались далеко не безобидными.

В конечном итоге мы видим сугубо традиционное общество, где сапоги заменялись опанками, дисциплина – «сознательностью», а закон – обычаем и справедливостью.

Тем не менее, между двумя интересующими нас странами существовала значительная разница. Причины крылись отчасти и в характерах самих народов. В Болгарии все же реально стремились к западным образцам, а в Сербии перманентно поддерживалась воинственность, по праздникам салютовали боевыми патронами, что удивляло В.Н. Штрандтмана. Как ему разъяснили, это символизировало «бодрость сербского народа, всегда готового защищаться от врагов» [1489]. Там постоянно готовились к вооруженному столкновению, и даже после двух кровопролитных Балканских войн Е.И. Мартынов свидетельствовал: «Я говорил со многими сербами, начиная от высшей интеллигенции и кончая простыми поселянами, и все они смотрят на войну с Австрией как на следующую очередную задачу сербской политики» [1490]. Эти настроения, вечное существование народа в пограничной зоне приводили к форми-

---

[1488] *Московичи С.* Век толп. М., 1998. С. 21.
[1489] *Штрандтман В.Н.* Указ. соч. С. 100.
[1490] *Мартынов Е.И.* Указ. соч. С. 100.

рованию «человека вечной войны» по определению П.А. Ровинского [1491], жизни по принципу «передышка между войнами» [1492]. В итоге получалось, что на Востоке Балкан считали: «сначала развитие, затем объединение», а на Западе – «сначала объединение, затем развитие». Прекрасное подтверждение тому – внешний вид Софии и Белграда, в котором, как говорили сербы русскому дипломату, незачем отстраивать большие дома, поскольку «рано или поздно они подвергнутся вражеском разрушению» [1493]. Ясно это выразила газета «Русские ведомости», подводя итоги 1913 г.: «Народы импульсивные, готовые при всяком конфликте интересов лить свою и вражескую кровь на поле брани, обычно деньгами не располагают: такова связь между богатством и культурой» [1494].

Но в чем обогнала Сербия Болгарию, так это, бесспорно, в формировании национальной идеи. В последней так и не смогли ее сформулировать и «привить» населению. Однако далеко не факт, что это стоит оценивать исключительно негативно. Еще в XIX в. П.А. Кулаковский в письме Ап.А. Майкову подчеркивал: «“Царство Душана не дает сербам спать” – недавно где-то я читал, и это правда: не было бы вредно, если бы этим историческим воспоминанием сербы поддерживали свой дух, но беда-то в том, что это историческое воспоминание заставляет их разыгрывать роль, им неподходящую,.. заставляет больше мечтать и меньше делать» [1495].

[1491] *Ровинский П.А.* Указ. соч. С. 97.
[1492] *Гришина Р.П., Шемякин А.Л.* Трудный путь к европейской цивилизации... С. 27.
[1493] *Штрандтман В.Н.* Указ. соч. С. 116.
[1494] Русские ведомости. 1914. 1 янв.
[1495] *Кулаковский П.А.* Письма Ап.А. Майкову // Русские о Сербии и сербах. Т. II.... С. 183.

§ 6. Вторая Балканская война и ее виновники, по мнению русского общества

Неизбежность будущей войны между союзниками прекрасно осознавалась русским обществом, да они и сами не скрывали существующих разногласий [1496]. Еще в октябре 1912 г. «Вестник Европы» опасался: «в лагере противников Турции нет единства, и кажущаяся солидарность их исчезнет при первой попытке определения последствий войны для ее участников», сербы и болгары будут иметь конфликт по Старой Сербии и Македонии, греки будут пытаться присоединить часть Македонии, где превалируют в населении сербы и болгары, те ответят им ненавистью. «Не вспыхнет ли взаимная вражда?», – высказывалось опасение в журнале [1497]. Однако победы славянских армий заставили скептиков на некоторое время умолкнуть. Тем не менее в связи с развитием событий относительно раздела Македонии тревожные настроения вновь стали появляться в России.

Во время торжеств в честь 300-летия дома Романовых, по свидетельству В.Н. Коковцова, С.Д. Сазонова не покидала озабоченность болгаро-сербским спором [1498]. Еще в марте, на приеме в честь Р. Дмитриева и С. Данева, после падения Адрианополя, казалось, стершего антагонизм, М.В. Родзянко произнес тост, содержащий в себе следующие слова: «храните мир между собой, между союзниками и соратниками. Да не ослепят вас ратные победы и да не возбудят они между вами опасной

[1496] Одновременно И.В. Сталин предрекал даже не Межсоюзническую, а Первую мировую войну в статье «Марксизм и национальный вопрос», написанной в январе 1913 г.: «Рост империализма в Европе – не случайность. В Европе капиталу становится тесно, и он рвется в чужие страны, ища новых рынков, дешевых рабочих, новых точек приложения. Но это ведет к внешним осложнениям и войне. Никто не может сказать, что Балканская война является концом, а не началом осложнений».

[1497] Вестник Европы. 1912. №10. С. 416.

[1498] *Коковцов В.Н.* Из моего прошлого. Воспоминания 1911–1919. М., 1991. С. 229.

и нежелательной ревности к содеянным подвигам... Поэтому мы, ваши братья, ликующие о бранных победах славянства, молим вас все силы ума и воли напрячь для предупреждения междоусобных трений, опасных для достижения блестящего конца войны», чтобы это единение «послужило основанием и для дальнейшего сплочения братско-славянской семьи» [1499].

К концу Первой балканской войны напряженность в болгаро-сербских отношениях стала очевидной для всех. В дни возобновившейся Лондонской конференции «Родина» опасалась, что «начнется еще дележ завоеванных территорий между союзниками, и на этой почве возможны недоразумения между ними» [1500], об этом же писала газета «Волжское слово» в статье «Предостережение» [1501]. Одновременно «Нива» предупреждала болгарские и сербские «горячие головы»: «Тот, кто первый поднимет оружие на брата своего, явится самым злейшим врагом всего славянского дела и России». Тут же говорилось о «болгарской жадности» и «сербской неуступчивости». При изложении аргументов соперников с большей долей симпатии говорилось о Сербии [1502]. «Вестник Европы» в июньском номере занял скорее противоположную сторону. Болгарская позиция освещалась как более обоснованная. Посвященная конфликту статья заканчивалась призывом к Софии пойти навстречу Белграду в связи с тем, что Сербия сделала больше для Болгарии, чем Болгария для Сербии [1503].

До завершения войны с Турцией оставалось совсем немного, но осознавалась и вероятность нового столкновения. В болгаро-сербский

[1499] *Родзянко М.В.* Крушение империи. Л., 1929. С. 72–73.
[1500] Родина. 1913. 21 апр. С. 1.
[1501] *Артамонова Л.М.* Критика внешней политики правительства на Балканах и антивоенные выступления в самарской печати 1912–1913 годов // Внешнеполитические интересы России: история и современность. Самара, 2014. С. 13.
[1502] Нива. 1913. 1 июня. С. 440.
[1503] Вестник Европы. 1913. № 6. С. 393.

договор от 29 февраля 1912 г. жизнь внесла существенные коррективы, от чего пострадали сербы. Выход к Адриатике получен не был, в то же время Болгария не выставила на македонском театре военных действий обещанное количество войск, тем самым не выполнив соглашение, а сербы его перевыполнили, отправив свою 2-ю армию и осадную артиллерию к Адрианополю. В Белграде настаивали на пересмотре оговоренного раздела Македонии, указывая на изменившееся положение, что в Софии встречало резкий отпор. В этой ситуации Сербия и Греция оказались естественными союзниками: на Салоники – крупнейший порт на Эгейском море – претендовали и Болгария, и Греция, прибегая при этом и к историческим обоснованиям.

17 мая в Лондоне был подписан мирный трактат, согласно которому граница Османской империи устанавливалась по линии Энос-Мидие. Уже на следующий день Сербия и Греция заключили политический и военный союз. Опасность перерастания обсуждения распределения добычи в кровавую свалку вызывала в Петербурге тревогу. Император Николай II призвал спорящие стороны сесть за стол переговоров, но этого не произошло. Дипломатический кризис в Болгарии перерос в политический – в отставку ушло правительство И. Гешова, замененное кабинетом С. Данева. Нового премьера генеральный штаб даже не стал предупреждать, когда 16 июня принял решение о атаке на сербские и греческие позиции. Заместителю главнокомандующего М. Савову советовали подождать ожидаемого нападения сербов, чтобы иметь моральное преимущество, но тот отмахнулся от советов политиков [1504]. 17 июня началась Вторая балканская война.

На тот момент не было доподлинно известно, кто первым развязал боевые действия, и «Вестник Европы», по-прежнему занимая в кон-

[1504] *Crampton R.J.* Bulgaria 1878–1918. A history. New York, 1983. P. 421.

фликте болгарскую позицию, встал на сторону Софии в этом вопросе: «Болгары утверждают, что зачинщиками и виновниками этих кровавых столкновений являются именно сербы, и многие внешние признаки говорят, несомненно, в пользу такого утверждения» [1505]. Но при этом автор статьи подчеркивал, что вина за междоусобицу лежит и на сербах, и на болгарах, которым вскружили голову их успехи, и территориальные приращения, на которые они даже не рассчитывали [1506]. Виновность сербов в начале войны казалась части русского общества очевидной. Собеседник Л.Д. Троцкого, правый кадет «Иван Кириллович», растерянно говорил: «Но теперь выясняется, что инициатива войны принадлежала не Сербии, а Болгарии. Ничего не понимаю» [1507].

Межсоюзническая война явилась катастрофой для Болгарии. 21–25 июня в битве на реке Брегальнице ее армия была разгромлена, а 27 числа на болгарскую территорию вступили войска Румынии, руководство которой по-прежнему требовало перекраивания карты Балкан в свою пользу. Она беспрепятственно продвигалась по направлению к Софии и вышла к ее пригороду – селу Враждебна. Ситуация усугублялась тем, что следом за Румынией новую границу пересекла Турция, пытаясь вернуть утраченные территории. У болгарского руководства не оставалось иного выхода, кроме как признать поражение. Тогда в болгарской газете «Балканска трибуна» вышла статья с горьким заголовком «Завоевано за 9 месяцев, потеряно за 9 дней» [1508].

28 июля в Бухаресте был заключен мирный договор между вчерашними союзниками. Из всей Македонии Болгарии доставалась Пиринский край и небольшой выход к Эгейскому морю с второстепенными

[1505] Вестник Европы. 1913. № 7. С. 416.
[1506] Там же. С. 418.
[1507] *Троцкий Л.* Перед историческим рубежом... С. 239.
[1508] *Топенчаров В.* Българската журналистика 1903–1917. София, 1981. С. 558.

портами, от нее в пользу Румынии отторгалась плодородная Южная Добруджа. 16 сентября в Константинополе была поставлена точка под противоборством Болгарии и Турции. Последней возвращалась Восточная Фракия с Лозенградом, Люле-Бургасом и Адринополем. Первая часть балканской драмы завершилась. На год в ней наступил перерыв [1509].

Со временем все стало на свои места, и уже в августовском номере «Вестник Европы» кардинально изменил свою точку зрения. Если до этого журнал явно симпатизировал Болгарии, хотя и не снимал с нее полностью вины, то теперь он подходил к ней с противоположными чувствами [1510]. Важно отметить, что многие издания, как, например, «Нива», «Русская мысль» и др., до сентября не освещали события на Балканах, и лишь по окончании войны стали формулировать свои оценки. Тут весьма интересна одна деталь. Авторы статей пытались представить виноватой с сербской стороны скупщину. О короле Петре вновь не вспомнили. С болгарской же стороны ответственность возлагалась исключительно на царя Фердинанда и его приближенных, правда, отмечалось, что не одна Болгария показала себя «с крайне несимпатичной стороны» [1511]. К Греции отношение было однозначно негативным. «Греки начали свои военные действия возмутительным избиением небольшого и почти беззащитного болгарского гарнизона в Салониках», – сообщала «Нива» [1512].

Руководство Болгарии, или, как выразился Л.Д. Троцкий, «кучка людей, которая уверовала, что веками подготовленный разгром Турции

[1509] По мнению американского историка Р. Холла, проблема не ограничивалась лишь Первой мировой войной, и конфликт, «начатый на Балканском полуострове в 1912 г., продолжался в Европе с относительно короткими перерывами до 1945 г.» (*Hall R.C.* The Balkan Wars 1912–1913: Prelude to the First World War. London, 2000. P. 130).
[1510] Вестник Европы. 1913. № 8. С. 389.
[1511] Там же. С. 389–390.
[1512] Нива. 1913. 10 авг. С. 638–639.

есть дело ее собственного гения, ее силы и решительности» [1513], всеми было признано виновным.

Лидер партии кадетов П.Н. Милюков небезосновательно утверждал, что царь Фердинанд начал боевые действия летом 1913 г. вопреки мнению своих министров [1514]. Его коллега по Государственной Думе Н.В. Савич, хотя и считал, что личность Фердинанда в разрушении Балканского союза сыграла второстепенную роль, в отличие от австрийской политики, вины с него полностью не снимал. Думский депутат выражал сочувствие болгарскому народу, которому придется расплачиваться за действия своего царя. При этом Н.В. Савич крайне негативно характеризовал Фердинанда – назвал его «австрийцем на славянском престоле», всегда ненавидевшем Россию и русского императора [1515]. А. Дорошкевич в статье уже в мае 1914 г. в «Военном сборнике» указывал, что именно правительство Болгарии, «явно склонившись на сторону Тройственного союза, искало столкновения с сербами» [1516].

Полковник В.Н. фон Дрейер распространял информацию, которую ему якобы сообщил И. Фичев. Царь не желал и слышать об уступках Сербии, но, как всегда (как даже в случае с собственным объявлением царем) старался максимально снять с себя ответственность, поэтому потребовал, чтобы присутствующие на совете министров подписями подтвердить свое положительное мнение относительно войны [1517].

Бывший премьер-министр сербского короля Александра Обреновича Владан Джорджевич в интервью Е.И. Мартынову обвинял болгарского царя в мании величия и страсти к интригам. При этом он сообщил журналисту, что Фердинанд, создавая Балканский союз, вступил в тай-

---

[1513] *Троцкий Л.* Перед историческим рубежом... С. 246–247.
[1514] *Милюков П.Н.* Воспоминания. Т.2. М.,1990. С. 109.
[1515] *Савич Н.В*. Воспоминания. СПб., 1993. С. 113.
[1516] *Дорошкевич А.* Братоубийственная война // Военный сборник. 1914. № 5. С. 86.
[1517] *Штрандтман В.Н.* Указ. соч. С. 199.

ное соглашение с Австрией, по которому обязывался выставить в случае войны 200 тыс. солдат против России [1518]. И.П. Табурно публично обвинял руководство Болгарии в переговорах с австрийцами о разделе Сербии и Македонии, но, по его мнению, этому соглашению помешали завышенные требования дуалистической монархии [1519]. Как видим, персона царя стала объектом откровенных инсинуаций.

«Нива», подводя итоги двухлетних боевых действий на Балканах, обвинила царя Фердинанда в вероломстве (за это Болгария была наказана утратой Добруджи и почти всей Македонии), в готовности к дальнейшему предательству (расплатой за что стала потеря Адрианополя и Фракии) [1520]. В конце 1913 г. журнал, вспоминая минувшие события, даже назвал главного софийского лепидоптеролога [1521] «австрофильствующим правителем Болгарии» [1522]. Журнал «Сатирикон» свое мнение о результатах политики болгарского царя за последние два года передал карикатурой, помещенной на обложке выпуска: у разбитого корыта сидит царь Фердинанд в наряде старухи из известной пушкинской сказки и причитает: «Давно ли я думал о том, кому поднести ключи от Царьграда?..» [1523].

«Вестник Европы», прежде вполне лояльно писавший о болгарских верхах, после Межсоюзнической войны с усердием начал очернять их, пытаясь реабилитироваться в глазах читателя. В издании появился довольно интересный мотив: противопоставление правителей Болгарии

[1518] *Мартынов Е.И.* Указ. соч. С. 14.
[1519] *Табурно И.П.* Вопрос о распределении завоеванной у Турции территории между Болгарией и Сербией. СПб., 1913. С. 34.
[1520] Нива. 1913. 14 сент. С. 737.
[1521] Лепидоптеролог – ученый, занимающийся бабочками. Фердинанд Кобург на довольно профессиональном уровне увлекался этой наукой, написал книгу, его коллекция бабочек и до сих пор хранится и экспонируется в Национальном естественно-научном музее в Софии.
[1522] Нива. 1913. 16 нояб. С. 919.
[1523] Сатирикон. 1913. 26 июля.

и ее народа. Приведем несколько примеров: «ослепленная своими неожиданными успехами в борьбе против Турции, болгарская военная партия сочла возможным отделиться от союзников, чтобы обеспечить для себя первенство на Балканах, и ради этой честолюбивой цели поставила на карту все свои крупные реальные приобретения и самое существование государства» [1524], «болгарские правители пользовались репутацией расчетливых, дальновидных и трезвых политиков, между тем они обнаружили такую бездну легкомыслия и самомнения, что даже лучшие друзья Болгарии ставятся в тупик» [1525], «Болгария жестоко наказана за преступные ошибки и увлечения своих политических и военных деятелей» [1526]. В январе 1914 г. журнал констатировал, что в судьбе этой страны «начался крутой поворот судьбы, вызванный непонятным ослеплением и высокомерием болгарских правителей» [1527].

Взгляд «Русской мысли» был аналогичным – она писала об «авантюристах, которые толкнули Болгарию на катастрофу», и сожалела о том, что за ошибки правителей «расплатился многострадальный болгарский народ» [1528]. «Нива» еще более явно противопоставляла болгарских правителей и народ, указывая, что болгарам «необходимо решительно и бесповоротно освободиться от тех тлетворных элементов, которые сделали болгарский народ слепым орудием антиславянской политики на Балканах» [1529].

Сожаление к судьбе Болгарии все же проявлялось. Поражение от Сербии воспринималось как наказание, но возвращение завоеванного туркам казалось несправедливым. Как вспоминал С.Д. Сазонов, «несча-

---

[1524] Вестник Европы. 1913. № 8. С. 388.
[1525] Там же. С. 389.
[1526] Там же. С. 390.
[1527] Вестник Европы. 1914. №. 1. С. 423.
[1528] Русская мысль. 1913. № 9. С. 2.
[1529] Нива. 1913. 14 сент. С. 738.

стья Болгарии, явившиеся последствием ее политического греха и повергшие ее в очень тяжелое положение, вернули ей, в известной мере, сочувствие России», старавшейся помочь в адрианопольском вопросе [1530]. На даче В.Н. Коковцова на Аптекарском острове проходили заседания Совета министров. По воспоминаниям заместителя министра народного просвещения М.А. Таубе, все закончилось тем, что С.Д. Сазонов признал: у России нет реальных возможностей давления на Константинополь. Тогда премьер вынес решение: «Так нечего нам зря ломать голову над этими вопросами. Турки, очевидно, отберут Адрианополь» [1531]. Противником чрезмерного «наказания» Софии со стороны Сербии и Греции являлась газета «Русское слово», утверждавшая, что хотя и русское общество было на стороне победителей, но если же они не согласятся на скорейшее примирение, то представители крупнейшего славянского народа будут разочарованы и изменят свое отношение. Дальше шла газета «Голос Москвы». В передовице издания утверждалось, что России необходимо поддержать Болгарию, чтобы та не пошла на сближение с Центральными державами, а тесные отношения с Сербией могут лишь привести к серьезным осложнениями в Европе из-за австро-сербских противоречий. «Да и сможет ли разгромленная и истощенная страна оказать нам в будущем серьезную поддержку?», – спрашивал автор статьи [1532]. Такую позицию еще до начала Второй балканской войны занимал П.Н. Милюков. Он считал, что России выгодней ориентироваться на Болгарию, а поощрение сербских притязаний бы означало, по его мнению, «войну в настоящем и бесконечный ряд волнений в Маке-

---

[1530] *Сазонов С.Д.* Воспоминания. Мн., 2002. URL: militera.lib.ru/memo/russian/sazonov_sd/04.html (Дата обращения: 22.09.2015).

[1531] *Таубе М.А.* «Зарницы»: воспоминания о трагической судьбе предреволюционной России (1900–1971). М., 2007. С. 167.

[1532] *Кострикова Е.Г.* Российское общество и внешняя политика накануне Первой мировой войны. 1908–1914. М., 2007. С. 246–247.

донии – в будущем». Но данная точка зрения вновь не нашла поддержки внутри руководства партии [1533]. В.В. Шелохаев объясняет болгарофильскую позицию П.Н. Милюкова в этом вопросе тем, что лидер кадетов рассчитывал таким образом оказать поддержку сторонникам ориентации на Россию в руководстве Болгарии и не допустить ее перехода на строну Тройственного союза. После того, как в Софии одержали верх силы, настроенные на сближение с Австро-Венгрией и Германией, П.Н. Милюков прекратил высказываться в пользу удовлетворения болгарских претензий [1534]. Но подобная сложная, по-шахматному продуманная, публичная риторика являлась скорее исключением в русском обществе того времени.

Крайне отрицательное отношение к царю Фердинанду будет долго сохраняться в России. В первом номере болгарского журнала «Аз знам всичко» за 1914 г. была помещена почтовая открытка, где портрет царя Фердинанда, изображенный на марке, «русские чиновники замазали кровавыми чернилами» [1535].

С началом Первой мировой войны «антифердинандовский» дискурс приобрел еще больший размах. Писалось, что болгарский царь Фердинанд начал Вторую балканскую войну, «подчиняясь австрийским внушениям... вопреки желанию болгарского народа и наперекор совету покровителя славян, нашего государя». Далее автор этой же брошюры называл объявленный Болгарией нейтралитет позорным и выражал надежду-призыв, «что благодарный к своей освободительнице болгарский

[1533] *Воронкова И.Е.* Партия конституционных демократов о целях и текущих задачах балканской политики Российской империи начала XX века // Славяноведение. 2009. № 5. С. 27.
[1534] *Шелохаев В.В.* Либеральная модель переустройства России. М., 1996. С. 210–211.
[1535] Аз знам всичко. 1914. 5 януар.

народ и доблестная болгарская армия сумеют сбросить с себя иго немецкого принца» и присоединятся к России в войне [1536].

Существовала уверенность, что сам болгарский народ не виновен в своих бедах: «Болгарский народ, который всегда был враждебно настроен против своего правительства, заискивающего у европейских держав, рвется в бой на помощь к своим братьям-славянам и требует немедленной войны»; он помнит, какую роль в его истории сыграла Россия, и желает оказать ей помощь [1537]. Подобные мнения были настолько сильны, что уже 29 июля 1914 г. газеты писали, что «болгарское общество переживает тяжелый кризис. Большинство требует поддержать Россию. Болгарское правительство теряет авторитет. Возможны внутренние осложнения в Болгарии» [1538]. И вера в такие сообщения была столь велика, что болгарская миссия в России столкнулась с необходимостью официально опровергать «сведения о беспорядках, революции и о военном положении» [1539].

В ноябре 1914 г. появилась статья Л.Н. Андреева «Торгующим во храме», где он откровенно призывал: «Не жалуйтесь, что ваш народ – стадо баранов, которое немецкий пастух держит в загороже. Я этому не верю. Если же вы действительно несчастны и безвинны, если ваша родная нам душа стонет под игом немецких мозгов – восстаньте, как вос-

---

[1536] *Иванов И.Е.* Возрождение сербского государства и интриги Австрии. М, 1914. С. 31–32.
[1537] *Карпов С.* Указ. соч. С. 5.
[1538] Мариупольская жизнь. 1914. 29 июля. URL: http://starosti.ru/article.php?id=43043 (Дата обращения: 22.09.2015).
[1539] Новое время. 1914. 7 августа. URL: http://starosti.ru/article.php?id=43189 (Дата обращения: 22.09.2015).

стают народы!» [1540]. Болгарские общественные деятели попытались ответить через русскую печать [1541].

Согласно болгарскому посланнику в Лондоне М. Маджарову, С.Д. Сазонов думал схоже: «был раздражен поступком царя Фердинанда и некоторых ему угождавших, но о болгарском народе имел высокое мнение», надеялся, что он, заняв верную позицию, все же получит то, чего он заслужил своими жертвами во время Первой балканской войны [1542].

Окончательным аккордом мотива противопоставления болгар и их руководства явилось «Русское правительственное сообщение в связи с разрывом дипломатических отношений с Болгарией»: «В тот роковой час, когда злосчастная Болгария поднимает свой меч против возродившей ее России и становится под немецкие и турецкие знамена, русский народ отдает на суд истории имя того, кто является истинным виновником этой беспримерной измены». В «Сообщении» подчеркивалось, что с момента своего восхождения на болгарский престол Фердинанд Кобург устанавливал в стране германское влияние. В заключительных строках документа говорилось о неизменных симпатиях русских к болгарам, а также констатировалось, что «и ныне, когда Болгария приносится в жертву германскому коварству, Россия все еще не утратила надежды, что рука верных своим историческим заветам болгар не поднимется на сыновей русских воинов, легших костьми за Болгарию» [1543].

Однако не все винили только Болгарию. Многие понимали, что изменения в планах союзников были обусловлены созданием Албании, и

[1540] *Андреев Л.Н.* Торгующим во храме // *Он же.* В сей грозный час. Пг., 1915. С. 30–31; *Андреев Л.Н.* Торгующим во храме // *Мишев Д., Чилингиров Ст.* Леониду Андрееву два ответа на его статью «Торгующим во храме». София, 1914. С. 6.
[1541] ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Ед. хр. 1716–1718, 1730–1731.
[1542] *Маджаров М.И.* Указ. соч. С. 227.
[1543] *Сенявская Е.С.* Указ. соч. С. 172–173.

уступчивостью России в этом вопросе. Такую позицию занимал, к примеру, Вас.И. Немирович-Данченко: «Смертельный удар соединенному славянству нанесла Россия, угодливо забежавшая навстречу жадной, но слабой Вене» [1544]. «Современное слово» и «Речь» считали, что Межсоюзническая война была вызвана поражением российской дипломатии перед лицом австрийской [1545]. Мягче говорили об этом «Русские ведомости». Подводя итог 1913 г., издание констатировало, что не без вины Петербурга «расстроена естественная дружба с Болгарией, правительство которой сердцем передалось Вене» [1546].

Причины ярой антиболгарской риторики стоит искать в озлоблении, вызванном разочарованием. Казалось, идеалы объединения славянства и его расцвета так близки, что удалось осуществить неосуществимое, но тут такой удар по мечте нанесла Болгария. Даже в сатирических журналах, как заметила Т.А. Филиппова, весь комплекс публикаций, касавшихся последствий Балканских войн, «был проникнут, прежде всего, чувством горечи от *несбывшегося*» [1547].

Тем не менее, в русском обществе все же сохранялись надежды на будущее примирение. Об этом говорит стихотворение «К печальной годовщине», опубликованное в июне 1914 г. в «Военном сборнике» под псевдонимом «Ч.»: «Там поле грезит… О близком времени святого примирения, Союзном шествии обеих братских стран… И общем празднике сплотившихся славян» [1548]. П.А. Лавров надеялся, что в 1916 г. на праздновании в Охриде тысячелетия с кончины Климента Охридского «собе-

---

[1544] *Немирович-Данченко Вас.И.* Собрание сочинений. Т. XIV... С. VI.
[1545] *Искендеров П.А.* Балканские войны 1912–1913 гг. // В «пороховом погребе Европы». 1878–1914. М., 2003. С. 500.
[1546] Русские Ведомости. 1914. 1 янв.
[1547] *Филиппова Т.А.* Указ. соч. С. 365.
[1548] *Ч.* К печальной годовщине // Военный сборник. 1914. № 6. С. 86.

рутся из разных краев славянские гости» [1549]. Однако и он видел в будущем опасность новой Балканской войны. Все прекрасно понимали, что перемирие на Балканах установилось зыбкое, а Бухарестский договор – лишь пролог к дальнейшему кровопролитию.

* * *

Русское общество довольно предвзято смотрело на Болгарию и Сербию во время Балканских войн. Прекраснейшая тому иллюстрация – отношение к царю Фердинанду и его окружению. Это свидетельствует об определенном уровне политизации и ангажированности журналистов, который не позволял объективно оценивать фигуру болгарского монарха. С началом войны за освобождение Македонии Фердинанду было прощено многое, когда же вспыхнули столкновения за ее раздел, отношение к нему стало крайне негативным. Попытка болгарского военного командования решить вопрос manu militari окончилась полным разгромом не только на поле битвы, но и в информационном противостоянии. Центральными фигурами в военной сфере русским очевидцам и обозревателям представлялись М. Савов и Р. Димитриев, которые при этом противопоставлялись друг другу, поскольку первый был русофобом, а второй – русофилом. И если первому симпатии доставались лишь при победах, то таланты второго не подчинялись логике изменения политической конъюнктуры. Чего нельзя сказать о болгарах как народе – ему выражалось сожаление и надежда, что он сбросит с себя своих правителей. Осенью 1916 г. Николаем II были произнесены подтверждающие это слова, когда он говорил об объявлении войны Болгарии: «Но чтобы оправдать в глазах русского народа эту операцию, я должен подождать,

[1549] *Лавров П.А.* Балканский союз и переживаемый им кризис... С. 48.

пока болгарская армия начнет неприязненные действия против сербов» [1550]. Очевидным для корреспондентов было моральное разложение высших чинов болгарской армии, но при победах Балканского союза общество словно забыло об этом. Блеск болгарских викторий застилал глаза русским журналистам.

Весьма положительные отзывы начала Первой балканской войны можно объяснить, учитывая необходимость сформировать образ врага, редуцировать с этой целью отдельные черты противоборствующих сторон. Турции предстояло олицетворять собой зло, а ее противники, воспринимавшиеся русским обществом как «свои», являться воплощением всех положительных качеств. Когда же союзники не сумели прийти к мирному разрешению проблемы, Болгария стала восприниматься врагом и предателем «дела славянства» (чему немало способствовал проигрыш Софии в информационном противостоянии с Белградом), и, соответственно, в печати ее начали изображать негативно. Однако известно, что моментальных изменений стереотипов не бывает, для складывания отрицательного образа необходимы какие-то реальные или длительно навязываемые основания. И они существовали – австрийское происхождение Фердинанда Кобурга, «русофобство» М. Савова, долгий разрыв в отношениях России и Болгарии и т.д.

По внешним признакам победителем из войны вышла Сербия – произошло значительное увеличение территории, рост ее военного и политического авторитета, заложены реальные основания для позиционирования себя как «славянского Пьемонта». Но в то же время страна получила иноязычное и враждебное население в Македонии, а Старая Сербия, о которой столько говорили в конце века станет мукой. Как точно отметил итальянский историк хорватского происхождения Е. Иветич,

---

[1550] *Палеолог М.* Царская Россия во время мировой войны. М., 1991. С. 220.

«за восемьдесят лет венец побед 1912 г. внезапно превратился в кошмар» [1551].

«Фатальный 13-й год стал поворотной точкой в новой истории болгарского народа», – пишет историк Г. Марков [1552], и это действительно так. Несмотря на все людские и финансовые потери, страна оказалась лишь с второстепенными портами на Эгейском море, небольшой долей Македонии и потеряла часть своей территории. Неудивительно, что уже в приказе о демобилизации армии царь Фердинанд сказал, что «истощенные и уставшие, но не и побежденные, мы должны свернуть свои славные знамена до лучших времен», а призвал своих подданных: «Рассказывайте вашим детям и внукам о доблести болгарского солдата и готовьте их к завершению в один день славного дела, которое вы начали» [1553]. Приехавший после войны в эту страну журналист В.В. Водовозов заметил, что, действительно, «вся Болгария дышит мыслью о реванше» [1554]. Этот реваншизм в итоге сыграл роковую роль в сломе нормального внутреннего развития государства, обусловил выбор стороны в мировых войнах, хотя, как справедливо заметила отечественный исследователь Р.П. Гришина, 1913 г. уже стал точкой невозврата в деле реализации национального идеала [1555].

Больше всех, однако, пострадала идея славянской взаимности. Ю.М. Лотман писал, что «каждое “великое” событие не только открывает новые дороги, но и отсекает целые пучки вероятностей будуще-

---

[1551] *Иветич Е.* Балканските войни. София, 2012. С. 170.
[1552] *Марков Г.* Българското крушение 1913. София, 1991. С. 5.
[1553] Цит. по: *Янчев В.* Армия, обществен ред и вътрешна сигурност между войните и след тях. 1913–1915. 1918–1923. София, 2004. С. 29.
[1554] *Водовозов В.В.* Указ. соч. С. 313.
[1555] *Гришина Р.П.* Власть и общество. Болгария, 1912–1913 гг. // Человек на Балканах: Власть и общество: опыт взаимодействия (конец XIX – начало XX в.). СПб., 2009. С. 161.

го» [1556]. После 1913 г. не могла произойти реализация теории неославизма. Это понимали в России, хотя и не хотели признавать, надеясь, что в ожидаемом столкновении с Центральными державами удастся восстановить Балканский союз. В Петербургском отделе Всероссийского национального союза 19 декабря 1913 г. оратор призывал «во что бы то ни стало примирить Болгарию с Сербией», возобновить союз и войти в него, поскольку «немец у ворот» [1557]. Но большая часть общества понимала тщетность подобных попыток, было разочаровано от конца истории, начавшейся как прекрасная сказка. И обиду за обманутые ожидания оно выместило на болгарском руководстве, за спиной которой видело коварную руку Австро-Венгрии.

Одной из причин разочарования явилось и то, что балканские страны стали решать свои вопросы самостоятельно, «по-взрослому» не спрашивая советов старшей родственницы. Ощущение того, что Болгария и Сербия для этого созрели, состоялись как современные государства, создавали российские корреспонденты. Они описывали достижения стран в образовании, политике, военном деле. Прогресс в последнем бесспорен – успешно применялась артиллерия и даже авиация. Молодые государства сознательно вкладывали средства в свои армии, готовясь к будущему территориальному расширению, по некоторым подсчетам (включая обслуживание внешних займов), – до половины всех государственных расходов [1558]. Поэтому войска на деле оказались современными, солдаты – обученными и готовыми к поистине героическому выполнению долга. С остальными составляющими государства ситуация

[1556] *Лотман Ю.М.* Культура и взрыв // Семиосфера: Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи. Исслед. Заметки (1968–1992). СПб., 2000. С. 60.

[1557] *Баженов И.Р.* Наша внешняя политика на Ближнем Востоке с национальной точки зрения. Доклад, сделанный 29 декабря 1913 г. в С.-Петербургском Отделе Всероссийского Национального Союза. СПб., 1914. С. 33.

[1558] *Субаев Р.Р.* Балканская модернизация 1878–1914 годов: цели и результаты // Славяноведение. 2015. № 5. С. 15.

сложнее. Корреспонденты сознательно или несознательно не замечали их имитационность или же, по выражению Р.П. Гришиной и А.Л. Шемякина, фанерность. При этом наблюдалась разница между Болгарией и Сербией в подходе к гражданским аспектам модернизации, объясняемая целеполаганием. В первой менее романтичный и более практичный народ стремился к развитию родины, звучали даже слова о его особой культурной миссии на Балканах. Во второй же население грезило национальным объединением, жило «на чемоданах», постоянно ожидая вожделенного момента, что парализовывало политико-экономическое развитие.

Заключение

1. Первая балканская война вызвала в русском обществе значительный интерес, принявший разнообразные формы проявления: печать постоянно информировала читателей о ходе событий на Балканах, по стране читались публичные лекции, давались благотворительные концерты, проводился сбор пожертвований. В связи с вопросом о существовании и границах независимой Албании проявлением отношения к Балканским войнам как и к их участникам стала и антиавстрийская риторика. Власти не желали вызывать неудовольствие у Вены и провоцировать конфликт, в связи с чем стали негативно воспринимать активную поддержку славян. Ярким доказательством этому служит разгон манифестаций в Петербурге, посвященных падению Адрианополя.

2. Отношение к происходящему на Балканах было неоднородным среди российского населения. Активнее всех проявляли интерес представители интеллигенции, их понимание необходимой поддержки балканских народов простиралось вплоть до допущения возможности непосредственного участия России в войне. Буржуазия подходила более рационально, понимая, что во главу угла надо ставить интересы страны, уже страдающей в экономическом плане. Отношение крестьян к Балканским войнам проследить довольно проблематично, но, по всей видимости, особого интереса не проявлялось, хотя симпатии, безусловно, были на стороне православных народов. В отличие от событий 1877–1878 гг. центром проявления «славянских чувств» являлся Петербург. В Москве не наблюдалось такой активной поддержки славян, в провинции интерес к ним был еще меньшим.

3. Для создания «нужной» атмосферы прикладывали усилия и сами балканские элиты, понимая, что одни лишь военные победы не могут

гарантировать территориальных приобретений. С целью вынудить русское правительство отказаться от поддержки status quo и выступить на защиту интересов балканских славян, союзники старались представить свои действия в наиболее выигрышном ракурсе. Для этого обосновывался тезис о безвыходности ситуации по принципу «лучше ужасный конец, чем ужас без конца», когда их население якобы потребовало выступить на защиту соплеменников, притесняемых турками и албанцами. При этом всячески создавался образ жестокого варвара-«чужого» и благородного-«своего».

4. После принятия великими державами решения о создании независимой Албании Сербия и Черногория попытались оказать давление на русское правительство, чтобы оно добилось для первой выхода к Адриатическому морю, для второй – города Скутари. Для этого использовались сербские журналисты, живущие в Петербурге, в частности активно участвовала в этом газета «Новое время». Когда стало очевидно, что искомого на Адриатике сербы не получат, они предложили болгарам пересмотреть условия раздела Македонии, причем ни одна из сторон не желала уступать. Оговоренным в союзном соглашении арбитром являлся российский император, в связи с чем началась борьба сторонников Софии и Белграда за благосклонность русского общества, которое в дальнейшем должно было оказать давление на руководство страны. Для этого писались статьи и брошюры, приезжали профессора и политики, выступавшие на различных собраниях, встречавшиеся с должностными лицами. Действия сербов оказались более спланированными и активными.

5. Ключевой фигурой в болгарской группе давления видится посланник С. Бобчев, имевший широкие связи в Петербурге. Для влияния на общественность приезжали в столицу прославленный генерал

Р. Димитриев и глава парламента С. Данев. Позже с намерением участвовать в публичных диспутах прибыл профессор И. Шишманов, помощь которому оказывал отечественный славист Н.С. Державин. Представляется, что П.Н. Милюков также являлся заинтересованной фигурой, оказывавшей помощь сторонникам Софии. Среди сербов сложно назвать основное действующее лицо. С 1912 г. в Петербурге находился профессор Р. Кошутич. Проявляли большую активность два российских подданных сербского происхождения: Д.И. Семиз и И.П. Табурно. Для усиления давления весной 1913 г. в российскую столицу приехали профессор А. Белич и бывший сербский министр Дж. Генчич. Газета «Новое время» оказывала сербам ощутимую поддержку и в этом вопросе.

6. Корреспонденты, описывая руководство Болгарии, сосредотачивали внимание на фигуре царя Фердинанда, в случае же с Сербией – премьер-министра Н. Пашича, что указывало на различия в политической системе. В то же время довольно много внимания уделялось болгарским военачальникам, сербские же практически не упоминались. Обе страны виделись журналистам демократическими, чему подтверждение они находили не только в формальных юридических нормах, но и простоте и доступности властей, равных взаимоотношениях солдат и офицеров. Поражались очевидцы и достигнутыми успехами в создании собственных систем образования, уровне грамотности населения, видя в этом залог будущего успешного развития славянских балканских государств. Всяческих похвал удостаивались боевые возможности солдат как в том, что касалось их выучки, так и моральных качеств. В то же время повсюду отмечалось пренебрежение к обустройству быта войск и к раненым – ни болгары, ни сербы не организовали достойной санитарной службы.

7. Характеры народов казались корреспондентам довольно разными. Сербы представали более активными, воинственно настроенными и готовыми на подвиги скорее, нежели болгары, которые виделись миролюбивыми, трудолюбивыми и хозяйственными. Тем не менее, на войне и те, и другие сражались с полной отдачей. На нее, по описаниям журналистов, отправлялись как на свадьбу, все желали поучаствовать в борьбе с турками. Объяснением этим метаморфозам служит идейный характер Первой балканской войны. Общим мотивом для болгар и сербов являлась месть. Они квитались за многовековое иго, за продолжающуюся жестокость турок и албанцев к православным. Однако более значительную роль играла идея, ради которой были начаты войны. В Сербии в ее основе лежал Косовский миф и образ Душанова царства. В Болгарии такая четкая идея отсутствовала. Сан-Стефанские границы еще не успели укорениться в качестве сакрального символа, поэтому основная масса понимала свою задачу как освобождение соплеменников, очищение Македонии от турок, но не имела представления о границах, после достижения которых можно было бы говорить о реализации идеала.

8. Болгария и Сербия представлялись в русском обществе стереотипно. Это объясняется романтическим восприятием этих государств, казавшихся детищем русских усилий на Балканах. Поэтому корреспонденты обманываться были рады, не замечая имитационного характера описываемых ими достижений прогресса: системы образования, наличия демократических институтов и т.д. Несмотря на значительные отличия этих балканских феноменов от европейских образцов, журналисты громко заявляли о вхождении Болгарии и Сербии в семью современных государств западного мира. При этом даже оценки их руководства нельзя назвать беспристрастными. Так, непопулярный в России царь Фердинанд с началом Первой балканской войны стал в ней любим, его мудро-

сти и прозорливости, а заодно и всему руководству страны, пелись дифирамбы. Когда разгорелся кровавый конфликт между союзниками, то на болгарского монарха обрушился шквал критики, он вместе со своим окружением стал объектом обвинений в предательстве, ему вспомнили и зигзаги его политики за последние 35 лет, и немецкое происхождение.

9. В то же время отношение к болгарскому народу осталось непоколебленным. Ему выражалось сочувствие, он фактически противопоставлялся руководству страны. Таким образом, надежды на единение славянских народов в русском обществе оказались прочнее, и их реализации ждали уже в скором времени. Но начавшая буквально через год Первая мировая война окончательно разрушила эти иллюзии, столкнув в 1916 г. на полях Добруджи русских и болгарских солдат.

РАБОТЫ СОИСКАТЕЛЯ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Работы, опубликованные в рецензируемых научных журналах и изданиях, рекомендованных ВАК:

1. Гусев Н. Русский «фронт» борьбы за Македонию // Родина. 2014. № 6. С. 82–85.

2. Гусев Н.С. Русские и болгары после Балканских войн: взаимное разочарование // Славянский альманах 2014. [Вып. 1-2]. М., 2014. С. 123–133.

3. Гусев Н.С. Первая Балканская война и русское общество // Славяноведение. 2015. № 5. С. 43–50.

В других изданиях:

4. Гусев Н.С. Помощь русского Красного креста в Болгарии в восприятии болгарского общества // Историки-слависты МГУ: Кн. 9: В.А. Тесемников: Исследования и материалы, посвященные 75-летию со дня рождения В.А. Тесемникова. М., 2013. С. 77–94.

5. Гусев Н.С. Нрав болгар и его изменение во время Балканских войн глазами русских // Исторический журнал: научные исследования. 2014. № 4. С. 449–455.

6. Гусев Н.С. Болгарское военное руководство в оценках русских журналистов в период Балканских войн // Российско-болгарские научные дискуссии. Российская и болгарская государственность: проблемы взаимодействия. XIX-XXI вв. М., 2014. С. 126–141.

7. Гусев Н.С. Болгарские солдаты во время Балканских войн глазами русских очевидцев // Дриновски сборник / Дриновський збірник. Т. VII. Харьков-София, 2014. С. 270–275.

Источники и литература

1. Источники

Архивы:

1. Государственный архив Российской Федерации.

Ф. 63. Отделение по охранению общественной безопасности и порядка в Москве (охранное отделение) при московском градоначальнике.

Ф. 111. Отделение по охранению общественной безопасности и порядка в Петрограде (охранное отделение) при петроградском градоначальнике

Ф. 555. Гучков Александр Иванович.

Ф. 579. Милюков Павел Николаевич.

Ф. 5881. Коллекция отдельных документов и мемуаров эмигрантов.

2. Государственный архив Волгоградской области.

Ф. 6. Помощник начальника Саратовского жандармского управления в Царицынском уезде.

3. Российский государственный архив литературы и искусств.

Ф. 355. Немирович-Данченко Василий Иванович.

Ф. 1019. Земфирий Константинович Арборе-Ралли.

Ф. 1065. Драгоманов Михаил Петрович.

Ф. 1694. Руманов Аркадий Вениаминович.

4. Архив Србије (Сербия)

Заоставштина Николе Пашића. (Несређена грађа).

Фонд Ристе Одавића.

5. Централен държавен архив (Болгария)

Ф. 284К. Министерски съвет.

Периодические издания:

1. Вестник Европы (С.-Петербург).
2. Военный сборник (С.-Петербург).
3. Искры (Москва).
4. Исторический вестник (С.-Петербург).
5. Нива (С.-Петербург).
6. Нижегородский церковно-общественный вестник (Н. Новгород).
7. Новое время (С.-Петербург).
8. Петербургский листок (С.-Петербург).
9. Родина (С.-Петербург).
10. Русская мысль (Москва).
11. Русские ведомости (Москва).
12. Самарский городской вестник (Самара).
13. Сатирикон (С.-Петербург).
14. Современник (С.-Петербург).
15. Терские ведомости (Владикавказ).
16. Утро России (Москва).
17. Аз знам всичко (София).
18. Вечерна поща (София).
19. Мир (София).

Опубликованные источники:

1. Гальперина Б.Д., Перегудова З.И., Старцев В.И. Донесения Л. К. Куманина из Министерского павильона Государственной думы, декабрь 1911 – февраль 1917 года // Вопросы истории. 1999. № 1–7.

2. Малые войны первой половины XX века. Балканы. М., СПб., 2003.

3. Мартынов Е.И. «Сербы удивлялись русской политике...» // Военно-исторический журнал. 1996. № 1.

4. Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и временного правительств. 1878–1917. Сер. вторая. 1900–1913. Т. 20. Ч. II. 14 августа – 17 октября 1912 г. Л., 1940.

5. Москва – Сербия, Белград – Россия. Сборник документов и материалов. Т. 3. Общественно-политические и культурные связи. 1878–1917. М.–Београд, 2012.

6. Отчет Центрального Комитета Союза 17 Октября о его деятельности с 1 сентября 1912 года по октябрь 1913 года. М., 1913.

7. Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного Правительства. Т. 6. М.–Л., 1926.

8. Первая балканская война // Красный архив. Т. 3. (16). М.–Л., 1926.

9. Попов А. Первая балканская война // Красный архив. Т. 2. (15).М.–Л., 1926.

10. Русские о Сербии и сербах. Т. 1: Письма, статьи, мемуары. СПб., 2006.

11. Русские о Сербии и сербах. Т. II (архивные свидетельства). М., 2014.

12. Сборник дипломатических документов, касающихся событий на Балканском Полуострове (Август 1912 г. – Июль 1913 г.). СПб., 1914.

13. Семенников В. Эпизод из истории балканской войны // Красный архив. Т. 6 (25). М.–Л., 1927.

14. Соколовская О.В. О начале Первой балканской войны 1912 г. (Несколько писем королевы эллинов Ольги) // Славянский альманах 2009. М., 2010.

15. Стенографические отчеты / Гос. дума, четвертый созыв, сессия первая. Приложения к стенографическим отчетам Государственной думы. вып. 2: (№№ 151–270). СПб., 1913.

16. Стенографические отчеты / Гос. дума, четвертый созыв, сессия первая. Заседания 1–30: (с 15 ноября 1912 г. по 20 марта 1913 г.). СПб., 1913.

17. Стенографические отчеты / Гос. дума, четвертый созыв, сессия первая. Заседания 31–54: (с 22 марта по 24 мая 1913 г.). СПб., 1913.

18. Балканските войни по страниците на Българския печат 1912–1913. Съст. Кишкилова П. София, 1999.

19. Българо руски научни връзки XIX–XX век. Документи. София, 1968.

20. Войната такава, каквато беше. България в Първата балканска война 1912–1913 г. София, 2012.

21. Сръбските интриги и коварства срещу България (1804–1914). София, 2009.

Публицистические труды:

1. Balkanicus. Сербы и болгары в Балканской войне. СПб., 1913.

2. Veritas, Семенова Е.П. Предательство Болгарии. Документальная история Болгаро-Сербской войны 1913 г и вступление Болгарии в лоно германизма (1914-1915). Пг., 1916.

3. Амфитеатров А. Славянское горе. М., 1912.

4. Андреев Л.Н. В сей грозный час. Пг., 1915.

5. Баженов И.Р. Наша внешняя политика на Ближнем Востоке с национальной точки зрения. Доклад, сделанный 29 декабря 1913 г. в С.-Петербургском Отделе Всероссийского Национального Союза. СПб., 1914.

6. Балашев И.П. Заветная мечта каждого русского. СПб, 1913.

7. Бахметев П. Балканские герои. СПб., 1913.

8. Белич А. Сербы и болгары в Балканском союзе. СПб., 1913.

9. Везенков В. Македония и причины Балканской войны. Б.м., б.д.

10. Война на Балканах. СПб., 1912.

11. Вукичевич М.М., Семиз Д.И. Сербы и болгары в борьбе за свободу и культуру. Исторические параллели с XIV века до 1878 г. СПб., 1913.

12. Державин Н.С. Болгаро-сербские взаимоотношения и македонский вопрос. СПб., 1914.

13. Дорошкевич А. Война на Балканском полуострове (От открытия военных действий до перемирия). СПб., 1913.

14. Дрейер В. Разгром Болгарии. Вторая Балканская война 1913 г. СПб., 1914.

15. Иванов И.Е. Возрождение сербского государства и интриги Австрии. М, 1914.

16. Интересы на Балканах и правительственное сообщение. СПб., 1913.

17. Карпов С. Болгария и последние Балканские войны. Ярославль, 1914.

18. Лавров П.А. Балканский союз и переживаемый им кризис. Петрозаводск, 1914.

19. Лавров П.А. Балканский союз и Сербия. СПб., 1913.

20. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5. Т. 22. М., 1968.

21. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5. Т. 23. М., 1973.

22. Мамонтов Н.П. С болгарскими войсками от Балкан до Чаталджи. М., 1913.

23. Мартынов Е.И. Сербы в войне с царем Фердинандом. Заметки очевидца. М., 1913.

24. Махров П. Балканская война 1912–13 года. (общий очерк от начала войны до перерыва мирных переговоров с 10-ю схемами). Севастополь, 1913.

25. Милоевич М.Г. Равновесие на Балканах. СПб., 1913.

26. Мишев Д., Чилингиров Ст. Леониду Андрееву два ответа на его статью «Торгующим во храме». София, 1914.

27. Немирович-Данченко Вас.И. Собрание сочинений. Т. XIV. СПб., 1913.

28. Немирович-Данченко Вас.И. Собрание сочинений. Т. XV. СПб., 1913.

29. Овсяный Н.Р. Ближний Восток и славянство (сборник статей). СПб., 1913.

30. Пиленко А.А. Около Болгарской войны. Дневник и сорок девять любительских фотографий. СПб., 1913.

31. Порицкий Е.И. Максим Горький и его произведения. С прибавлением отзывов о Горьком Михайловского, Меньшикова, Скабичевского, Минского и др. и избранных из его произведений афоризмов. Составил и перевел с немецкого Н.И. Гасфельд. Варшава, 1903.

32. Рябинин А.А. Балканская война. СПб., 1913.

33. Семенов А. Блокада и штурм Адрианополя. СПб., 1914.

34. Сербо-болгарский спор за обладание Македонией. Оценка событий, предшествовавших сербо-болгарской войне 1913 года, в изложении заинтересованных сторон и членов общества. Пг., 1915.

35. Славянский вопрос в его современном значении. СПб., 1913.

36. Табурно И.П. Вопрос о распределении завоеванной у Турции территории между Болгарией и Сербией. СПб., 1913.

37. Табурно И.П. О сербских битвах (впечатления очевидца войны сербов с турками 1912 г.). СПб., 1913.

38. Троцкий Л. Перед историческим рубежом. Балканы и Балканская война. СПб., 2011.

39. Троцкий Л.Д. Сочинения. Т.6. М.–Л., 1926.

40. Чириков Е.Н. Поездка на Балканы. Заметки военного корреспондента. М., 1913.

41. Шевалье Н. Правда о войне на Балканах. СПб., 1913.

42. Силянов Х. Сръбско-българският спор и Русия. София, 1915.

Мемуары, дневники, письма:

1. Александр Михайлович. Мемуары Великого князя. М., 2001.

2. Андрей Белый и Александр Блок. Переписка 1903–1919. М., 2001.

3. Балканската война в спомените на съвременници и участници. София, 1973.

4. Блок А. Дневник. М., 1989.

5. Брусилов А.А. Воспоминания. М., 1963.

6. Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 2. Л., 1924.

7. Воспоминания Сухомлинова. М.–Л., 1926.

8. Джунковский В.Ф. Воспоминания. Т. 2. М., 1997.

9. Дневник Великого князя Андрея Владимировича.1915 г. Л.–М., 1925.

10. Дневник Тотемского крестьянина А.А. Замараева. 1906–1922 год. М., 1995.

11. Дневники императора Николая II. М., 1991.

12. Дрейер В.Н. На закате империи. Мадрид, 1965.

13. Игнатьев А.А. Пятьдесят лет в строю. М., 1986.

14. Ковалевский М.М. Моя жизнь: воспоминания. М., 2005.

15. Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1911–1919. М., 1991.

16. Литературное наследство. Т. 95: Горький и русская журналистика начала XX века Неизданная переписка. М., 1998.

17. Лопухин В.Б. Записки бывшего директора департамента Министерства иностранных дел. СПб., 2008.

18. Милюков П.Н. Воспоминания (1859–1917). Нью-Йорк, 1955.

19. Милюков П.Н. Воспоминания. Т. 2. М.,1990.

20. Мисирков К.П. Дневник. София–Скопје, 2008.

21. Мишагин-Скрыдлов А.Н. Россия белая, Россия красная. 1903–1927. М., 2007

22. Ольденбург С.С. Царствование Императора Николая II. Т. 2. Мюнхен, 1949.

23. Оппель В.А.Мое жизнеописание. СПб., 2002.

24. Палеолог М. Царская Россия во время мировой войны. М., 1991.

25. Письма П.Б. Аксельрода и Ю.О. Мартова. Берлин, 1924.

26. Полетика Н.П. Виденное и пережитое. (Из воспоминаний). Тель-Авив, 1982.

27. Поливанов А.А. Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника. 1907–1916. М., 1924.
28. Пришвин М.М. Ранний дневник. 1905–1913 гг. СПб., 2007.
29. Пуришев Б.И. Воспоминания старого москвича. М., 1998.
30. Пушкарев С.Г. Воспоминания историка. 1905–1945. М., 1999.
31. Родзянко М.В. Крушение империи. Л., 1929.
32. Романов К.К. Дневники. Воспоминания. Стихи. Письма. М., 1998.
33. Савич Н.В. Воспоминания. СПб., 1993.
34. Сазонов С.Д. Воспоминания. Мн., 2002.
35. Самойлов Ф.Н. По следам минувшего. М., 1954.
36. Соловьев Ю.А. Воспоминания дипломата. 1893–1922. М., 1959.
37. Танеева (Вырубова) А.А. Страницы из моей жизни. М., 2000.
38. Таубе М.А. «Зарницы»: воспоминания о трагической судьбе предреволюционной России (1900–1971). М., 2007.
39. Тимошенко С. Воспоминания. Киев, 1993.
40. Толстой И.И. Дневник. 1906–1916. СПб., 1997.
41. Фидлер Ф.Ф. Из мира литераторов: характеры и суждения. М., 2008.
42. Хин-Гольдовская Р.М. Из дневников. 1913–1917 // Минувшее. Вып. 21. М., 1997.
43. Штрандтман В.Н. Балканские воспоминания. М., 2014.
44. Энгельгардт А.Н. Из деревни. 12 писем. 1872–1887. М., 1999.
45. Ю.О. Мартов и А.Н. Потресов. Письма. 1898–1913. М., 2007.
46. Юсупов Ф. Перед изгнанием: 1887–1919. М., 1993.
47. Абрашев П. Дневник. София, 1995.
48. Балканската война през погледа на един французин. София, 1977.
49. Бобчев С. Страници из моята дипломатическа мисия в Петроград 1912–1913. София, 1940.

50. Ганчев Д. Спомени. В. Търново, 2005.

51. Георгиева С. Войнишки дневник на Петър Жечев Курдоманов за Балканската война. Силистра, 2001.

52. Додов Н. Дневник по Балканската война. София, 2006.

53. Дочев И. Записките ми по войната 1912 година. София, 2012.

54. Иванов Н. Спомени. Кн. 2. София, 1997.

55. Карчев П. През прозореца на едно полустолетие (1900–1950). София, 2004.

56. Любомир Милетич до Ватрослав Ягич. Писма 1896–1913. София, 1996.

57. Маджаров М.И. Дипломатическа подготовка на нашите войни. София, 1932.

58. Милев Н. Дневници, спомени, пътеписи, писма. София, 2008.

59. Пастухов И. Из преживяното. Спомени, статии, речи. София, 2008.

60. Пешев П. Историческите събития и деятели от навечерието на освобождението ни до днес. София, 1993.

61. Поповић Д. Балкански ратови: 1912–1913. Београд, 1993.

62. Робер дьо Бурбулон. Български дневници. София, 2007.

63. Станчев К. 1912–1913. (из записките ми като македонско-одрински опълченец) // Камбана. 1927. 24 януар.

64. Фичев И. Балканската война 1912–1913. Преживелици, бележки и документи. София, 1940.

2. Литература

Монографии и коллективные труды, публикации в периодических изданиях:

1. Александров Н. «Мы сначала возьмем Краков, а потом уже Берлин». Костромская деревня в начале войны // Родина. 2014. № 6.
2. Альтерматт У. Этнонационализм в Европе. М., 2000.
3. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001.
4. Балканские исследования. Вып. 15: Россия и славяне: Политика и дипломатия. М., 1992.
5. В «пороховом погребе Европы». 1878–1914. М., 2003.
6. Вальденфельс Б. Своя культура и чужая культура. Парадокс науки о «Чужом» // Логос. 1995. Кн. 6.
7. Вейт С.М. Сущность и структура общественного мнения // Вестник Томского Государственного университета. 2009. Вып. 7 (75).
8. Вишняков Я.В. Военный фактор и государственное развитие Сербии начала XX века. М., 2012.
9. Внешнеполитические интересы России: история и современность. Самара, 2014.
10. Во времена «Спортинг-Паласа» и борделя «Монте-Карло» // Квартальный надзиратель. № 60. Приложение к журналу спб. собака ру. 2007. № 12.
11. Военная промышленность России в начале XX века 1900–1917. М., 2004.
12. Воронкова И.Е. Доктрина внешней политики партии конституционных демократов. М., 2010.

13. Воронкова И.Е. Партия конституционных демократов о целях и текущих задачах балканской политики Российской империи начала XX века // Славяноведение. 2009. № 5.

14. Восток–Запад: пространство русской литературы и фольклор: Материалы Второй Международной научной конференции (заочной), посвященной 80-летию профессора кафедры литературы Давида Наумовича Медриша. Волгоград, 2006.

15. Ганин А.В. Болгары – выпускники Николаевской военной академии в Гражданской войне в России // Славянский альманах 2012. М., 2013.

16. Геллнер Э. Нации и национализм. М., 1991.

17. Горяинов А.Н. В.И. Пичета как поборник единства славян и сторонник идей социализма // Славянский альманах. 2001. М., 2002.

18. Горяинов А.Н. Протоирей Иоанн Пичета и его потомки (из родственных связей Душана Семиза) // Учемский сборник. Вып. 4–5. Мышкин, 2003.

19. Гришина Р. П., Шемякин А. Л. Судьба «балканских союзников» 1912–1913 годов. Взгляд из XXI столетия // Новая и новейшая история. 2013. № 4.

20. Гришина Р.П. Болгария и македонские болгары. 1878–1913 гг. // Дриновски сборник / Дриновський збірник. Т. VII. Харьков–София, 2014.

21. Гришина Р.П. Война или модернизация: Балканские войны 1912–1913 гг. в истории Болгарии // Дриновски сборник / Дриновський збірник. Т. IV. Харьков–София, 2011.

22. Гришина Р.П. Лики модернизации в Болгарии в конце XIX – начале XX века (бег трусцой по пересеченной местности). М., 2008

23. Гришина Р.П. Модернизация по-балкански: диктует матрица (конец Х1Х – середина ХХ века) // Славяноведение. 2004. № 3.

24. Гусев Н.С. Образ России и русских в сознании болгар в период Балканских войн 1912–1913 гг. // Дриновски сборник / Дриновський збірник. Т. VI. Харьков–София, 2013.

25. Двести лет сербской государственности. СПб., 2005.

26. До и после Версаля. Политические лидеры и идея национального государства в Центральной и Юго-Восточной Европе. М., 2009.

27. Досталь М.Ю. Сектор славяноведения Института истории АН СССР // Славянский альманах 2002. М., 2003.

28. Дьяков В.А. Славянская идея в России в период империализма // Вопросы истории. 1987. № 3.

29. Елдаров С. Болгарские правительства и Внутренняя Македоно-Одринская Революционная организация (1893–1912) // Imagines mundi : альманах исследований всеобщей истории XVI – XX вв. № 6. Сер. Балканика. Вып. 1. Екатеринбург, 2008.

30. Есин Б.И. История русской журналистики XIX века. М., 2008.

31. Есин Б.И. История русской журналистики. М., 2000.

32. Жебокрицкий В.А. Болгария в период Балканских войн 1912–1913 гг. Киев., 1961.

33. Жебокрицкий В.А. Болгария накануне Балканских войн 1912–1913 гг. Киев, 1960.

34. Жевахов А. Кемаль Ататюрк. М., 2008.

35. Зенкин С. Небожественное сакральное. Теория и художественная практика. М., 2012.

36. Из истории Сербии и русско-сербских связей. 1812–1912–2012. М., 2014.

37. Императорский дом Романовых и Балканы. М., 2014.

38. Империя и нация в зеркале исторической памяти. М., 2011.

39. Историки-слависты МГУ: Кн. 8: Славянский мир: в поисках идентичности. М., 2011.

40. Историки-слависты МГУ: Кн. 9: В. А. Тесемников: Исследования и материалы, посвященные 75-летию со дня рождения В. А. Тесемникова. М., 2013.

41. История Болгарии. М., 1954.

42. История внешней политики России. Конец XIX – начало XX века (От русско-французского союза до Октябрьской революции). М., 1997.

43. История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях. Т. 4. Ч. 1. М., 1983.

44. Кабанов В.В. Между правдой и ложью. Отечественные мемуары XX века. М., 2004.

45. Кедури Э. Национализм. СПб., 2010.

46. Козлов Д.Ю. Российские планы войны на Черном море и «проблема проливов». 1907–1914 гг. // Вопросы истории. 2007. № 8.

47. Козловцева Е.Н. Русские сестры милосердия в Сербии и Болгарии (вторая половина XIX – начало XX в.) // Славянский альманах 2009. М., 2010.

48. Косик В.И. Балканы: «Порвалась цепь великая…» (середина XIX — начало XXI вв.) М., 2014.

49. Кострикова Е.Г. Российское общество и внешняя политика накануне Первой мировой войны 1908–1914 гг. М., 2007.

50. Кострикова Е.Г. Русская пресса и дипломатия накануне Первой мировой войны 1907–1914. М., 1997.

51. Кочуков С.А. «За братьев-славян»: Русско-турецкая война 1877–1878 гг. в восприятии общества, власти и армии Российской империи. Саратов, 2012.

52. Крючков И.В. Образ Австро-Венгрии на страницах периодической печати Дона и Северного Кавказа в начале XX в (1900–1917). Ставрополь – Пятигорск, 2003.

53. Лекманов О. Русская поэзия в 1913 году. Часть вторая // Новое литературное обозрение. 2013. № 6.

54. Липпман У. Общественное мнение. М., 2004.

55. Лотман Ю.М. Семиосфера: Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи. Исслед. Заметки (1968–1992). СПб., 2000.

56. Лунева Ю.В. Балканские войны 1912–1913 годов и европейские державы // Новая и новейшая история. 2013. № 1.

57. Мартынова-Савченко М.С. Наше наследие // Военно-исторический журнал. 1989. № 8.

58. Махонина С.Я. Русская дореволюционная печать (1905–1914). М., 1991.

59. Модернизация vs. война. Человек на Балканах накануне и во время Балканских войн (1912–1913). М., 2012.

60. Мороз Ю.М. Русское общество и Антанта в период Балканских войн 1912–1913 гг. // Белорусский журнал международного права и международных отношений. 2004. № 4.

61. Московичи С. Век толп. М., 1998.

62. Накануне Великой войны: Россия и мир. М., 2014.

63. Наука и культура России : междунар. науч.-практ. конф. Т. 1. Самара, 2013.

64. Новикова Н.В. Первоэлементы эстетической программы журнала «Заветы» // Известия Саратовского университета. 2009. Т. 9. Сер. Социология. Политология. Вып. 1.

65. Ноэль-Нойман Э. Общественное мнение. Открытие спирали молчания. М., 1996.

66. Нюркаева А.З. Балканы во взглядах Троцкого. Пермь, 1994.

67. Образ врага. М., 2005.

68. Опрышко О.Л. Кавказская конная дивизия. 1914–1917: Возвращение из забвения. Нальчик, 2007.

69. Писарев Ю.А. Великие державы и Балканы накануне Первой Мировой войны. М., 1985.

70. Полетика Н.П. Сараевское убийство. Исследование по истории австро-сербских отношений и балканской политики России в период 1903–1914 гг. Л., 1930

71. Поселягин Н. Антропологический поворот в российских гуманитарных науках // Новое литературное обозрение. № 113. (01.2012).

72. Рогов Д.К. Из истории одной российской семьи // Опочининские чтения. Вып. 6. Мышкин, 1998.

73. Рождественская М.В. Душан Иванович Семиз: «Сербская Голгофа» // Опочининские чтения. Вып. 6. Мышкин, 1998.

74. Розенберг В. Из истории русской печати. Организация общественного мнения в России и независимая беспартийная газета «Русские ведомости». Прага, 1924

75. Ромашов Ю.В. Впечатления русских путешественников от Сербии и ее городской жизни // Альманах современной науки и образования. 2013. № 10 (77).

76. Ромашов Ю.В. Сербы в восприятии русских в последней четверти XIX в. // Приволжский научный вестник. 2013. № 8 (24).

77. Россия – Болгария: векторы взаимопонимания. XVIII–XXI вв. М., 2010

78. Россия и Запад. Формирование внешнеполитических стереотипов в сознании российского общества первой половины XX века. М., 1998.

79. Русская литература и журналистика в движении времени. Ежегодник кафедры истории русской литературы и журналистики факультета журналистики МГУ. М., 2013.

80. Русский язык в славянской межкультурной коммуникации: история и современность. сборник научных трудов. М., 2015.

81. Селезенев Р.С. «Нет, ты Сербин, ты этого сам не знаешь…» – сербская национальная идентичность накануне и после освобождения (вторая половина XIX века) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2012. Т. 11. Вып. 8.

82. Сенявская Е. С. Противники России в войнах XX века: Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М., 2006.

83. Сенявский А.С., Сенявская Е.С. Историческая имагология и проблема формирования «образа врага» (на материалах российской истории XX в.) // Вестник РУДН. Сер. История России. 2006. № 2 (6).

84. Славяне и Россия: славянские и балканские народы в периодической печати. К 90-летию со дня рождения А.А. Улуняна. М., 2014.

85. Славянский архив. М., 1963.

86. Славянство, растворенное в крови… В честь 80-летия члена-корреспондента Российской академии наук Владимира Константиновича Волкова. М., 2011;

87. Социальная философия. Курс лекций. Под ред. И.А. Гобозова. М., 2003.

88. Станчев М., Чернявский Г. Л.Д. Троцкий, Болгария и болгары. София, 2008.

89. Субаев Р.Р. Балканская модернизация 1878–1914 годов: цели и результаты // Славяноведение. 2015. № 5.

90. Толстых П.А. Теория групп и теория лоббизма: соотношение научных концепций // Исторические, философские, политические и юри-

дические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2013. № 2. Ч. 1.

91. Уледов А.К. Общественное мнение как предмет социологического исследования // Вопросы философии. 1959. № 3.

92. Учаева Н.А. Мифы и реалии Балканских войн 1912–1913 гг. на страницах русской периодической печати // Славянский сборник. Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 7. Саратов, 2009.

93. Филиппова Т.А. «Враг с востока». Образы и риторики вражды в русской сатирической журналистике начала XX века. М., 2012.

94. Хейвуд Э. Политология. М., 2005.

95. Хлебникова В. Б. Роль династических связей России и Черногории в выстраивании политического сотрудничества на рубеже XIX–XX веков // Славяноведение. 2015. № 1.

96. Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1870 г. СПб., 1998.

97. Цаллер Дж. Происхождение и природа общественного мнения. М., 2004.

98. Человек на Балканах глазами русских. СПб., 2011.

99. Человек на Балканах и процессы модернизации. Синдром отягощенной наследственности (последняя треть XIX – первая половина XX в.). СПб., 2004.

100. Человек на Балканах. Государство и его институты. СПб., 2006.

101. Человек на Балканах. Социокультурные измерения процесса модернизации на Балканах (середина XIX – середина XX в.). СПб., 2007.

102. Человек на Балканах: Власть и общество: опыт взаимодействия (конец XIX – начало XX в.). СПб., 2009.

103. Чернявский Г., Дубова Л. Милюков. М., 2015.

104. Чернявский Г.И. Лев Троцкий. М., 2010.

105. Шевцова Г.И. Русский гуманный поход на Балканы (1912–1913). М., 2012.

106. Шелохаев В.В. Либеральная модель переустройства России. М., 1996.

107. Шемякин А.Л. Никола Пашич // Вопросы истории. 2002. № 2.

108. Шемякин А.Л. Особенности политического процесса в Сербии глазами русских (последняя треть XIX – начало XX века) // Славяноведение. 2010. № 5.

109. Шемякин А.Л. Сербское общество последней трети XIX – начала XX века глазами русских наблюдателей // Славяноведение. 2004. № 3.

110. Шешкен А.Г. Александр Белич и «Русский Белград» // Славянский вестник. Вып. 2. М., 2004.

111. Шкундин Г.Д. Разделяй и властвуй! Вопрос о сепаратном мире с Болгарией в политике держав Антанты (октябрь 1915 – март 1916 г.). София, 2007.

112. Экштут С.А. Закат империи. От порядка к хаосу. М., 2012.

113. Элита и этнос средневековья. М., 1995.

114. Югославия в XX веке: Очерки политической истории. М., 2011.

115. 110 години от Илинденско-Преображенското въстание и българската национална идея от Сан Стефано до Букурещ (1878–1913). София, 2014.

116. Алаш мҰраты және тәуелсіз Қазақстан. Астана, 2011.

117. Алексић-Пейковић Л. Односи Србије са Француском и Енглеском, 1903—1914. Београд, 1965.

118. Балкански ратови 1912/1913: Нова виђења и тумачења. Београд, 2013.

119. България и Русия през XX век. Българо-руски научни дискусии. София, 2000.

120. Българската армия 1877–1944. Библиография. Т. 1 (1877–1918). София, 1989.

121. Велике силе и Србија пред први светски рат. Зборник радова приказаних на међународном научном скупу српске академије наука и уметности, одржаном од 13–15. септембра 1974. године у Београду. Београд, 1975.

122. Ганин А.В. Българинът защитил Русия. Съдбата на Йордан Пехливанов. София, 2014.

123. Гинчев Г. Чужденците в Българската армия през Балканската война (1912–1913 г.) // Военноисторически сборник (далее – ВИС). 1982. № 4.

124. Григоров Х., Топузов В. Балканската война и Българският Червен Кръст (1912–1913 г.). София, 2005.

125. Димитров Б. Истинската история на Балканската война. София, 2007.

126. Елдъров С. Православието на война. Българската православна църква и войните на България 1877–1945. София, 2005.

127. Елдъров С. Руско-турската освободителна война в славянофилската доктрина на българската православна църква (1877–1944) // Дриновски сборник / Дриновський збірник. Т. III. Харьков–София, 2009.

128. Жебокрицки В., Кулинич И. Из историята на руско-българските отношения по време на Първата балканска война // Исторически преглед. 1962. Кн. 3.

129. Иветич Е. Балканските войни. София, 2012.

130. Илчев И. България и Антантата през Първата световна война. София, 1990.

131. Илчев И. Външнополитическа пропаганда на българската национална кауза през Балканските войни (1912–1913 г.) // ВИС. 1982. № 4.

132. Илчев И. Карнегиевата анкета през 1913 г. // Исторически преглед. 1989. № 10.

133. Илчев И. Родината ми – права или не! Външнополитическа пропаганада на балкаканските страни 1821–1923. София, 1995.

134. Йовков И. Кобургът. София, 1990.

135. Констант С. Фердинанд лисицата. Цар на България. София, 1992.

136. Королева Е., Черкезова-Савова М. На помощ братята българи // ВИС. 1983. № 6.

137. Кутинчев С. Санитарна служба, Червеният кръст и Балканската война. Бележки и впечатления. София, 1914.

138. Куюмджиев Б.П. Дипломатическа и материална подкрепа от Русия на България по време на Балканската война 1912–1913 г. Руски доброволци и проявена храброст от тях. София, 1968.

139. Македонија: Прашања од историјата и културата. Скопје, 1999.

140. Марков Г. България в Балканския съюз срещу Османската империя 1911–1913. София, 2012.

141. Марков Г. Българското крушение 1913. София, 1991.

142. Милосављевић Б. Балкански ратови // Летопис Матице српске. Књ. 491. Свеска 3. Март 2013.

143. Митев Т. Разрешаването на офицерско-емигрантския въпрос през 90-те години на XIX век // ВИС. 1981. № 1.

144. Нойков С. Оценки на германския и австро-унгарския генерален щаб за българската армия в Балканската война 1912–1913 г. // ВИС. 1983. Кн. 2.

145. Пейковска П. Спомени на унгарския дипломат Шандор Киш-Немешкейри за България и българите // Известия на държавни архиви. 1993. Кн. 66.

146. Петкова М. Отзвукът на Балканската война сред европейска общественост // ВИС. 1963. № 1.

147. Петкова М., Геновска М. Чужденци доброволци, участници в Балканската война // Исторически преглед. 1962. № 5.

148. Први балкански рат 1912/1913. године: Друштвени и цивилизацијски смисао (поводом стогодишњице ослобођења Старе Србије и Македоније 1912). Књ. I. Ниш, 2013.

149. Стојанов П. Македонија во времето на Балканските и Првата световна војна (1912–1918). Скопје, 1969.

150. Топенчаров В. Българската журналистика 1903–1917. София, 1981.

151. Шипчанов И. Вестители на бойна слава (военните кореспонденти през Балканската война от 1912–1913 г.). София, 1983.

152.

153. Янчев В. Армия, обществен ред и вътрешна сигурност между войните и след тях. 1913–1915. 1918–1923. София, 2014.

154. Crampton R.J. Bulgaria 1878–1918. A history. New York, 1983.

155. Despot I. Croatian public opinion toward Bulgaria during the Balkan wars // Études balkaniques. XLVI, 2010. No 4.

156. Hall R.C. The Balkan Wars 1912–1913: Prelude to the First World War. London, 2000.

157. Hrvati i bugari kroz stoljeća. Povijest, kultura, umjetnost i jezik. Zagreb, 2013.

158. Hutchinson J.F. The Octobrists and the Future of Imperial Russia as a Great Power // The Slavonic and East European Review. Vol. 50, № 119 (Apr., 1972).

159. Todorova M. War and Memory: Trotsky's War Correspondence from the Balkan Wars // Perceptions: Journal of International Affairs. Vol. XVIII. № 2 (Summer 2013).

Диссертации и авторефераты диссертаций:

1. Белянкина В.Ю. Внешнеполитические взгляды русских правых в начале XX века (1905–1914 гг.): Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Кострома, 2005.
2. Гличев И.А. Борьба общественного мнения в России по Балканскому вопросу (1908–1913 гг.): Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Львов, 1979.
3. Котов Б.С. Образы Германии и Австро-Венгрии в российской прессе накануне Первой мировой войны. 1912–1914 гг. (по материалам либеральной и консервативной печати): Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 2014.
4. Новиков В.В. Борьба группировок в придворном окружении Николая II: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 2005.
5. Поповкин А.А. Славянские благотворительные общества в Москве и Санкт-Петербурге (1858–1921 гг.): Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Воронеж, 2013.
6. Ромашов Ю.В. Образ южных славян и идея славянского единства в панславистских концепциях России второй половины XIX – начала XX вв.: Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Саратов, 2013.